МЖМП

Московский журнал международного права

Выпуск 1 • 2026

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ
(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук *(Москва, Российская Федерация)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы *(Москва, Российская Федерация)*

Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» *(Казань, Российская Федерация)*

Уильям БАТЛЕР
доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания *(Юниверсити-Парк, США)*

Сергей Владимирович БАХИН
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права Юридического факультета, ГАУГН *(Москва, Российская Федерация)*

Пол БЕРКМАН
доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) *(Тромсё, Норвегия)*

Александр ГЕРРЕЙРО
доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета *(Лиссабон, Португалия)*

Душко ДИМИТРИЕВИЧ
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики *(Белград, Сербия)*

Лотар ДЕТЕРМАН
доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли *(Беркли, США)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ
Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Михаил Михайлович БИРЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Алексей Николаевич БОРИСОВ
кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА
кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА
магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» *(Москва, Российская Федерация)*

Александр Игоревич МУРАНОВ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Людмила Васильевна ПАВЛОВА
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет *(Минск, Белоруссия)*

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ
доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан *(Астана, Казахстан)*

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Андрей Адамович ТРЕБКОВ
заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Васильевич УСТИНОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе *(Ростов-на-Дону, Российская Федерация)*

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ
доктор юридических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного частного
и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный
институт международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Анатолий Яковлевич КАПУСТИН
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой международного права, Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ
доктор права, профессор международного права
Пекинского технологического института, главный редактор
Оксфордской онлайн-библиографии международного права
(Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук,
Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры
международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Цзэнцзюн КУАН
профессор международного права, Китайский институт приграничных и
морских исследований, Уханьский университет *(Ухань, КНР)*

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
международного права, Казанский (Приволжский)
федеральный университет *(Казань, Российская Федерация)*

Дмитрий Константинович ЛАБИН
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Лев Александрович ЛАЗУТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, профессор,
профессор кафедры международного права, Уральский государственный
юридический университет имени В.Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и международного права, Российская таможенная
академия *(Москва, Российская Федерация)*

Алексей Александрович МОИСЕЕВ
доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация
международного права *(Москва, Российская Федерация)*

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ
доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма
«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»
(Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН
доктор юридических наук, профессор, президент Академии права,
Таллинский университет *(Таллин, Эстония)*

Борис Иванович НЕФЁДОВ
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя *(Москва, Российская Федерация)*

Тим ПОТЬЕ
доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и
дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса *(Массачусетс, США)*

Низами Абдулла оглу САФАРОВ
доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента)
Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным
вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи
государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы
по межпарламентским связям Азербайджан-Россия *(Баку, Азербайджан)*

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ
доктор юридических наук, профессор кафедры международного права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой международного права,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития России
(Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
интеграционного права и прав человека,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА
Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» *(Москва, Российская Федерация)*

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: http://mjil.ru

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 107

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 26.03.2026 г.

Тираж: 1000 экземпляров, 1-й завод __ экз.

Заказ № ____

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтевская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2026

MJIL
Moscow Journal of International Law

Issue 1 · 2026

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin
Doctor of Laws, Professor, Honorable Researcher of the Russian Federation, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir A. Kartashkin
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences *(Moscow, Russian Federation)*

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze
Doctor of Laws, Professor, Honorable Researcher of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the he International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba *(Moscow, Russian Federation)*

Adel I. Abdullin
Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Kazan (Volga region) Federal University *(Kazan, Russian Federation)*

William Butler
Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University *(University-Park, USA)*

Sergei V. Bakhin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Law of the Faculty of Law, GAUGN *(Moscow, Russian Federation)*

Paul Berkman
Doctor of Laws, Professor, UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with the Arctic University of Norway *(Tromsø, Norway)*

Duško Dimitrijević
Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics *(Belgrade, Serbia)*

Lothar Determann
Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law, The University of California, Berkeley *(Berkeley, USA)*

Sergey A. Egorov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Mark L. Entin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov
Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences *(Moscow, Russian Federation)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Damir K. Bekyashev
Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Mikhail M. Biryukov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Alexey N. Borisov
Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Svetlana Yu. Kolosova
Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces *(Moscow, Russian Federation)*

Alexander I. Muranov
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Ludmila V. Pavlova
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University *(Minsk, Belarus)*

Marat A. Sarsembaev
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan *(Astana, Kazakhstan)*

Gennady P. Tolstopyatenko
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Andrey A. Trebkov
Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers *(Moscow, Russian Federation)*

Larisa V. Vereina
Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir V. Ustinov
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District *(Rostov-on-Don, Russian Federation)*

Alexandre Guerreiro
Doctor of Laws, associated member of the Institute of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon *(Lisbon, Portugal)*

Anna I. Ivanchak
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

John Anthony Carty
PhD, Professor of International Law at Beijing Instituteof Technology, Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law *(Oxford, Great Britain)*

Anatoly Ya. Kapustin
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation *(Moscow, Russian Federation)*

Rustam A. Kasyanov
Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Alexey A. Kostin
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws, Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Zengjun Kuang
Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University *(Peoples Republic of China)*

Gennady I. Kurdyukov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the International Law Department, Kazan Federal University *(Kazan, Russian Federation)*

Dmitry K. Labin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Lev A. Lazutin
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor, Professor of the International Law Department, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev *(Yekaterinburg, Russian Federation)*

Eugene G. Lyakhov
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy *(Moscow, Russian Federation)*

Alexey A. Moiseev
Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association *(Moscow, Russian Federation)*

Yuri Ed. Monastyrsky
Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm *(Moscow, Russian Federation)*

Rein Müllerson
Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University *(Tallinn, Estonia)*

Boris I. Nefyodov
Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation *(Moscow, Russian Federation)*

Nizami A. oglu Safarov
Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary Relations Azerbaijan-Russia *(Baku, Azerbaijan)*

Tim Potier
Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University *(Massachusetts, USA)*

Vladislav L. Tolstykh
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the International Law Department, Kutafin Moscow State Law University *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir M. Shumilov
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

ASSISTANT EDITOR

Anna I. Yefimova
Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics *(Moscow, Russian Federation)*

Author fees

Publication in **«Moscow Journal of International Law»** is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Arcticle processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

I**SSN (print):** 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: http://mjil.ru

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Proofreader – Xenia E. Poltevskaya

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2026

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Агамагомедова С.А.
Международные стандарты трансграничной защиты интеллектуальных прав: современная оценка воздействия на отечественные механизмы — 6

Бекяшев Д.К., Умрихина Е.Г.
Правовое регулирование двусторонних отношений Российской Федерации с иностранными государствами в области социального обеспечения — 20

Максимов С.В., Филимоненко А.А.
О преодолении кризиса доступа граждан к правосудию в контексте трансграничных антимонопольных споров в Евразийском экономическом союзе — 40

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Лучкин Ф.В.
Экстерриториальное применение как проблема концепции прав человека — 52

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Шепенко Р.А.
Международно-правовое регулирование экспортных пошлин: опыт Китайской Народной Республики — 66

Чувахин П.И.
Пределы односторонних экономических санкций в международном праве — 80

Воронцова Н.А., Ганиева А.Т.
Исчерпание исключительных прав и проблема параллельного импорта в условиях ограничительных мер — 95

Глазатов М.В.
О новых подходах к применению субсидий для достижения технологического суверенитета — 110

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Каминская Е.И., Тариканов Д.В., Штодина И.Ю.
Вопросы интеллектуальной собственности на музыкальные произведения в международном частном праве — 124

Матвеева Е.Ю.
О перспективах кодификации гражданского права в странах – бывших республиках Социалистической Федеративной Республики Югославия — 139

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Васильев С.А., Васильева И.О.
Парижское соглашение 2015 г. и российское публично-правовое регулирование в борьбе с выбросами парниковых газов — 151

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ЕС

Шипикова А.Г.
Наследование отдельных цифровых объектов в национальном законодательстве России и праве Европейского союза: теоретические и практические вопросы — 165

CONTENTS

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

Agamagomedova S.A.
International Standards for Cross-Border Intellectual Property Protection: A Current Assessment of the Impact on Domestic Mechanisms — 6

Bekyashev D.K., Umrikhina E.G.
Legal Regulation of Bilateral Relations Between the Russian Federation and Foreign States in the Field of Social Security — 20

Maksimov S.V., Filimonenko A.A.
The Right of Access to Justice of Individuals in Transnational Antimonopoly Disputes in the Eurasian Economic Union: the Ways of Overcoming the Crisis — 40

HUMAN RIGHTS

Luchkin Ph.V.
Extraterritorial Application as a Problem of the Human Rights Concept — 52

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Shepenko R.A.
International Regulation of Export Duties: The Experience of the People Republic of China — 66

Chuvakhin P.I.
Limits of Unilateral Economic Sanctions in International Law — 80

Vorontsova N.A., Ganieva A.T.
Exhaustion of Exclusive Rights and the Problem of Parallel Imports under Restrictive Measures — 95

Glazatov M.V.
On New Approaches to Using Subsidies to Achieve Technological Sovereignty — 110

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Kaminskaya E.I., Tarikanov D.V., Shtodita I.Yu.
Issues of Intellectual Property in Musical Works under Private International Law — 124

Matveeva E.Yu.
On the Prospects of Civil Law Codification in the Former Yugoslav Republics — 139

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Vasilev S.A., Vasilyeva I.O.
The 2015 Paris Agreement and Russian Public Law Regulation in the Fight Against Greenhouse Gas Emissions — 151

RUSSIAN LEGISLATION AND EU LAW

Shipikova A.G.
Inheritance of Individual Digital Objects in Russian National Legislation and European Union Law: Theoretical and Practical Issues — 165

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-6-19

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 02.12.2025
Принята к публикации: 02.03.2026

Саният Абдулганиевна АГАМАГОМЕДОВА
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт государства и права Российской академии наук
Знаменка ул., 10, Москва, 119019, Российская Федерация
saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ: СОВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

ВВЕДЕНИЕ. *Предметом исследования в статье является воздействие Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС, Соглашение) на отечественное законодательство в области трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Это соглашение является универсальным международным стандартом в области защиты интеллектуальных прав в международной торговле. В условиях цифровизации, экономического кризиса и геополитической напряженности вопросы учета положений ТРИПС требуют новых подходов к оценке.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В исследовании использовались методы системного анализа, сравнительно-правового анализа, метод классификации, исторический, проблемный и формально-юридический методы.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Автором выделено два основных аспекта в процессах воздействия положений ТРИПС на национальное законодательство РФ, в том числе в условиях евразийской экономической интеграции. Первый аспект заключается в унификации пограничных мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и выражается в сближении административных процедур такой защиты. Второй аспект находит отражение в регулировании принципа исчерпания исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. На основе анализа научной литературы, нормативно-правового материала дается оценка процессам инкорпорации положений ТРИПС в отечественное законодательство и право Евразийского экономического союза.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *По результатам проведенного анализа сделаны выводы о позитивном характере воздействия положений ТРИПС на формирование и развитие пограничных мер защиты интеллектуальных прав при трансграничном перемещении товаров, содержащих интеллектуальную составляющую. Что касается принципа исчерпания прав, то рекомендательный характер его закрепления в ТРИПС не позволил его унифицировать в государствах – участниках соглашения. Сделан вывод о неактуальности идеи унификации принципа исчерпания прав в современных межгосударственных экономических отношениях, отмечена необходимость построения и развития национальных*

моделей принципа исчерпания исключительных прав, приоритета регуляции этих вопросов на уровне двусторонних международных договоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *интеллектуальная собственность, Соглашение ТРИПС, исчерпание прав, параллельный импорт, правообладатели, исключительные права, евразийская интеграция, международные стандарты*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агамагомедова С.А. 2026. Международные стандарты трансграничной защиты интеллектуальных прав: современная оценка воздействия на отечественные механизмы. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 6–19. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-*6-19*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-6-19

Research article
UDC: 341
Received 2 December 2025
Approved 2 March 2026

Saniyat A. AGAMAGOMEDOVA
Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka St., Moscow, Russian Federation, 119019
saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

INTERNATIONAL STANDARDS FOR CROSS-BORDER INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION: A CURRENT ASSESSMENT OF THE IMPACT ON DOMESTIC MECHANISMS

INTRODUCTION. *This article examines the impact of the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) on domestic legislation regarding the cross-border protection of intellectual property rights. This agreement is the universal international standard for the protection of intellectual property rights in international trade. In the context of digitalization, economic crisis, and geopolitical tensions, issues related to the implementation of TRIPS provisions require new assessment approaches.*

MATERIALS AND METHODS. *The study utilized methods including systems analysis, comparative legal analysis, classification, historical analysis, problem-based analysis, and formal legal analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The authors identified two key aspects of the impact of TRIPS provisions on Russian national legislation, including in the context of Eurasian economic integration. The first aspect is the unification of border measures for the protection of intellectual property rights and is expressed in the convergence of administrative procedures for such protection. The second aspect is reflected in the regulation of the principle of exhaustion of exclusive rights to intellectual property. Based on an analysis of scientific literature and regulatory materials, this article*

assesses the incorporation of TRIPS provisions into domestic legislation and the law of the Eurasian Economic Union.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The analysis reveals the positive impact of TRIPS provisions on the formation and development of border measures to protect intellectual property rights during the cross-border movement of goods containing intellectual property. Regarding the principle of exhaustion of rights, the recommendatory nature of its enshrinement in TRIPS has prevented its unification in the states parties to the agreement. This article concludes that the idea of unifying the principle of exhaustion of rights is irrelevant in modern interstate economic relations. It also notes the need to develop national models of the principle of exhaustion of exclusive rights and prioritize the regulation of these issues through bilateral international treaties.*

KEYWORDS: *intellectual property, TRIPS Agreement, exhaustion of rights, parallel imports, copyright holders, exclusive rights, Eurasian integration, international standards*

FOR CITATION: Agamagomedova S.A. International Standards for Cross-Border Intellectual Property Protection: A Current Assessment of the Impact on Domestic Mechanisms. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 6–19. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-6-19

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В современных условиях интеллектуальная собственность по праву признается значимым конкурентным преимуществом, важнейшим фактором обеспечения устойчивого экономического развития и технологического суверенитета, источником инноваций и условием инвестиционной привлекательности определенного предприятия, отрасли, государства, межгосударственного объединения. В контексте процессов цифровизации, международного разделения труда, глобализации и одновременно регионализации (посредством международной экономической интеграции) вопросы создания, оборота и полноценной системы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности приобретают особое значение.

Правовое регулирование данной сферы общественных отношений исторически формировалось в русле нескольких регуляционных механизмов. Во-первых, это механизмы защиты основных прав и свобод человека и гражданина, одним из которых выступает право на занятие научным и иным творчеством, свобода создания результатов интеллектуальной деятельности. С этой точки зрения, регулирование общественных отношений в области создания, передачи и защиты интеллектуальных прав – это часть системы правового обеспечения базовых прав и свобод личности.

Во-вторых, регулирование рассматриваемой группы отношений с момента своего возникновения было призвано обеспечить экономические интересы как авторов и иных правообладателей (частные интересы), так и интересы неограниченной группы лиц в лице потребителей товаров и услуг с интеллектуальной составляющей, а также самого регулятора – государства. В этом смысле выделенный блок регулирования обслуживает экономические и смежные с ними общественные отношения, выступая составным элементом механизма публичного управления в экономической сфере.

В-третьих, выделенная совокупность общественных отношений включает в себя и взаимодействие различных правообладателей друг с другом, когда они в процессе создания (предложения), использования, оборота товаров и услуг, содержащих результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, становятся соперниками, участниками конкурентных связей (конкурентами). Поэтому регулирование этой группы общественных отношений призвано воздействовать на взаимодействие между такими правообладателями, обеспечивая и определенным образом «сопрягая» их частные интересы.

Таким образом, в правовом регулировании отношений интеллектуальной собственности исторически сложилось и постоянно существует определенное сочетание частноправового и публично-правового регулирования. Отражением последнего выступает достаточно

самостоятельный блок регулирования, связанный с трансграничным оборотом товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Несмотря на то что эти вопросы возникают практически с момента образования государств с их обязательными атрибутами, среди которых присутствует и государственная граница, пределы государственного суверенитета, регуляция их в сравнении с иными аспектами правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности несколько запаздывает. Тем не менее правовое регулирование трансграничной защиты интеллектуальных прав на определенном этапе экономического взаимодействия формирует международные стандарты такого регулирования, отражением которых можно считать Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) заключенное в г. Марракеше в 1994 г.[1]

Международные стандарты трансграничной защиты интеллектуальных прав содержатся не только в ТРИПС, однако предметом анализа данной статьи станут положения этого Соглашения.

Представляется, что в современных условиях принципиального изменения геополитической ситуации, возникновения новых угроз и вызовов экономической и иной природы оценка подобного международного стандарта обоснованно трансформируется. В данной статье предпринята попытка выделить и обосновать направления подобной трансформации.

2. Основная часть

Приступая к анализу, следует определить границы предмета исследования предлагаемой статьи. ТРИПС оказало и продолжает оказывать существенное воздействие на различные аспекты правовой охраны и защиты интеллектуальных прав, к примеру, на международный трансфер технологий [Шугуров 2015], на решение проблемы доступа к продовольствию [Upreti, Guida 2025] или на механизмы ценообразования товаров, содержащих интеллектуальную собственность [Yang 2025б]. В данной статье будет рассмотрен аспект трансграничного перемещения товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, применительно к отечественным механизмам защиты интеллектуальных прав с точки зрения стандартов такой защиты, установленных в Соглашении. В последнем им посвящен раздел 4 части III Соглашения «Осуществление прав интеллектуальной собственности», который содержит особые требования в отношении пограничных мер, отраженные в десяти статьях. ТРИПС служит международным стандартом для так называемых пограничных мер, применяемых в национальных правовых системах, с точки зрения того, что, во-первых, оно призвано гармонизировать (максимальным образом сблизить, сделать сходными, тождественными) административные процедуры при принятии таких мер; во-вторых, оно содержит определенный минимум такой защиты для национальных правопорядков государств-участников Соглашения. Сократить подобный минимум нельзя, расширить объемы защиты интеллектуальных прав, ужесточить защитные механизмы можно. Именно в последнем случае речь идет о так называемой модели ТРИПС плюс, которая предусматривает ужесточение требований ТРИПС (в частности, на фармацевтическом рынке) и применение таких мер как: эксклюзивность данных регистрационного досье, уголовная ответственность за нарушение патентного права, жесткие обеспечительные меры, а также патентная увязка[2].

Вторым аспектом трансграничной защиты, неразрывно и тесно связанным с пограничными мерами, но имеющим ярко выраженную отраслевую специфику, является принцип исчерпания исключительных прав, на унификацию которого должно было быть нацелено содержание Соглашения. Если первая группа мер носит исключительно административно-процедурный характер, то принцип исчерпания прав отражает частноправовой характер института интеллектуальной собственности, однако также может выражаться в определенном соотношении

[1] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. (с изм. от 06.12.2005). – Соглашение на русском языке опубликовано в издании: *СЗ РФ*. 10 сент. 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818-2849.

[2] См.: *Патентная увязка и доступ к лекарствам в странах ЕАЭС*. Аналитическая записка. 2024. URL: https://eeca-cat.info/wp-content/uploads/2024/01/Analiticheskaya_zapiska_patentnaya_uvyazka_i_dostup_k_lekarstvam_v_stranah.pdf (дата обращения: 27.02.2026).

гражданско-правовой и административно-правовой защиты исключительных прав[3].

Соглашение ТРИПС регулирует многие вопросы защиты интеллектуальных прав (судебные запреты, возмещение ущерба, уголовная ответственность и т.д.), но в данной статье будут рассмотрены только два выделенных выше аспекта защиты интеллектуальных прав (пределы одной научной статьи не позволяют подробно исследовать все разделы Соглашения).

Характеризуя цели разработки и принятия ТРИПС, следует обратить внимание на многочисленные международные акты, направленные на гармонизацию и унификацию правовой охраны и защиты интеллектуальных прав (Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г.[4], Конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.[5], Соглашение о международной регистрации знаков 1891 г.[6], Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков 1957 г.[7] и многие др.).

При этом в уже более поздний период определенный уровень социально-экономического и технологического развития, а также стремительный рост межгосударственных торговых связей, возрастание в международной торговле доли товаров, содержащих в себе объекты интеллектуальной собственности, определили потребность регуляции именно этих вопросов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Закономерным ответом на такую потребность становится ТРИПС, призванный стать минимальным стандартом защиты интеллектуальных прав (причем как в национальном законодательстве, так и в правоприменении) [Ворожевич 2018:40].

Определяя цели ТРИПС, исследователи обращают внимание на несколько групп таких целей. Во-первых, ТРИПС призвано было обеспечить интересы технологических лидеров. Во-вторых, оно должно было ограничивать недобросовестную лицензионную практику, ведущую к дисбалансу интересов участников технологического обмена. В-третьих, оно было направлено на регуляцию аспектов защиты интеллектуальных прав, которые по тем или иным причинам не попали в зону регуляции уже действующих международных соглашений. Наконец, выступая в качестве одного из пакета требований Всемирной торговой организации (ВТО), Соглашение изначально было нацелено на «покрытие» вопросов использования прав на объекты интеллектуальной собственности в международной торговле.

Ученые в связи с этим утверждают, что оно по этим причинам должно было включать в себя и регулирование параллельного импорта, который самым прямым образом относится к межгосударственному экономическому взаимодействию. Однако, несмотря на признание отражения параллельным импортом свободы трансграничного перемещения товаров, провозглашенного ГАТТ и выступающего одним из базовых принципов ВТО, ожидания в отношении регулирующего потенциала ТРИПС не оправдались: Соглашению не удалось установить единообразия в регулировании параллельного импорта [Пирогова 2012:121-122].

При оценке влияния ТРИПС на национальное регулирование в России, в том числе в контексте евразийской интеграционной повестки, следует обратить внимание на несколько факторов.

1. В первую очередь рассматриваемое регулирование трансграничной защиты интеллектуальных прав предполагает установление административных процедур защиты таких прав. Иначе говоря, мы имеем дело с административно-процедурными механизмами защиты прав как правообладателей, так и потребителей при трансграничном перемещении товаров, содержащих интеллектуальную составляющую. При характеристике процессов гармонизации и унификации

---

[3] Вопросы соотношения административной и гражданско-правовой ответственности за незаконное использование товарного знака получили особую актуальность в период 2008–2009 гг. в судебной практике по делам, инициированным таможенными органами РФ. См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 3 февраля 2009 г. № 10458/08 по делу № А40-9281/08-145-128. – *Вестник ВАС РФ.* 2009. № 5.

[4] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979). – *Бюллетень международных договоров.* 2003. № 9.

[5] Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20 марта 1883 г.) (ред. от 02.10.1979). – *Закон*. 1999. № 7 (извлечение).

[6] Соглашение о международной регистрации знаков. Заключено в Мадриде 14 апреля 1891 г. (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению...» от 1 апреля 1992 г.). – *Публикация ВОИС*. 1992. № 260 (R).

[7] Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. Заключено в Ницце 15 июня 1957 г. (ред. от 28.09.1979). – *Публикация ВОИС*. 1992. № 292 (R).

правовой охраны и защиты интеллектуальных прав в рамках европейской интеграции ученые признают, что кроме так называемых материальных норм права интеллектуальной собственности интеграционные процессы охватывают и процессуальные аспекты правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, способы обеспечения и защиты прав на интеллектуальную собственность [Абдуллин 2007:67].

2. При оценке воздействия принципов и положений ТРИПС на национальное законодательство необходимо учитывать различия в уровне социально-экономического и технологического развития стран. В связи с этим научные и экспертные позиции в оценке значения и роли Соглашения существенным образом разнятся. Так, имеет место позиционирование ТРИПС в качестве результата подлинного компромисса развитых и развивающихся государств с одновременным признанием его роли в создании отсутствовавшей до его принятия международной основы для обеспечения инвестирования в инновации. В то же время в науке присутствует и критическое мнение в оценке ТРИПС, в рамках которого признается формальный характер закрепленного в нем принципа баланса интересов развитых и развивающихся государств [Ворожевич 2018:42]

3. Следует иметь в виду, что основные положения рассматриваемого раздела ТРИПС были инкорпорированы в отечественное таможенное законодательство задолго до вступления России в ВТО, несмотря на то что Соглашение вступило в силу для России 22 августа 2012 г. Положения ТРИПС о пограничных мерах стали основой для самостоятельного раздела Таможенного кодекса РФ 2003 года, посвященного мерам по защите прав интеллектуальной собственности (глава 38. «Меры, принимаемые таможенными органами в отношении отдельных товаров»), впервые регулируемым в отечественной практике[8].

Позже эти меры совершенствуются и детально в процедурном отношении регламентируются уже на интеграционном уровне – в Таможенном кодексе Таможенного союза (глава 46)[9], а в настоящее время – в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) (глава 52)[10], а на национальном уровне – в Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (глава 57)[11]. Кроме того, данные меры детализируются уже на подзаконном уровне, в частности, в ведомственных административных регламентах[12]. Заметим, что аналогичные регламенты в целях процедурного обеспечения реестрового механизма на интеграционном уровне приняты и на уровне ЕАЭС[13], однако реально они не действуют, а единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств-участников евразийской интеграции не ведется.

4. Важно понимать, что ТРИПС прямо и косвенно оказало влияние не только на формирование таможенного законодательства в части обеспечения защиты интеллектуальных прав, но и законодательства об интеллектуальной

---

[8] Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ. – *Российская газета*. 3 июня 2003 г. № 106. (Утратил силу.)

[9] Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 08.05.2015; приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17). – *СЗ РФ*. 13 декабря 2010 г. № 50. Ст. 6615. (Утратил силу.)

[10] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019; приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.04.2017).

[11] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – *СЗ РФ*. 6 августа 2018 г. № 32 (часть I). Ст. 5082.

[12] Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности : Приказ ФТС России от 28 янв. 2019 г. № 131. – *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.06.2019).

[13] О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств – членов Евразийского экономического союза (вместе с Регламентом ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств - членов Евразийского экономического союза) : Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 марта 2018 г. № 35. – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 07.03.2018).

собственности в целом. Ведущие ученые в связи с этим отмечают, что в числе задач, которые решались в ходе кодификационной работы (разработка четвертой части ГК РФ), была задача по обеспечению более полного соответствия национального законодательства РФ об интеллектуальной собственности международным обязательствам страны, создание необходимых условий для вступления в ВТО и присоединения к Соглашению ТРИПС [Абдуллин 2007:64]. При этом ученые применительно к отдельным объектам интеллектуальной собственности отмечают тот факт, что некоторые положения ТРИПС не были учтены в отечественном законодательстве об интеллектуальной собственности (речь идет о географических указаниях, необходимость защиты которых прямо предусмотрена ТРИПС) [Гаврилов 2020:28]. Произошло это значительно позже.

С учетом выделенных нами выше двух основных, на наш взгляд, аспектов трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, содержащих потенциал для трансформации национального (а в условиях международной экономической интеграции и интеграционного) регулирования, следует обозначить их значение конкретно к каждому аспекту.

Представляется, что современная административно-процедурная модель защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (не всей системы таких объектов, но наиболее распространенных в практике международной торговли) при трансграничном перемещении товаров, формируется при непосредственном воздействии на нее положений ТРИПС. Причем происходит это практически за десятилетие до официального вступления России в ВТО и присоединения к Соглашению. Единство процедурных, темпоральных, обеспечительных и иных аспектов такой модели в государствах – членах ВТО вполне закономерно и отвечает целям установления международных стандартов правовой защиты интеллектуальной собственности. Пограничные меры, определенные в положениях ТРИПС, – это важная составляющая всей системы правовой защиты интеллектуальных прав, это ее определенный уровень, приобретающий в современных условиях развития цифровизации и инноваций особое значение. Наличие единых алгоритмов трансграничной защиты, тождественных регламентов взаимодействия административных органов с правообладателями и иными участниками таких отношений, даже типовых сроков административных процедур защиты (например, срок приостановления срока выпуска товаров 10 дней) – все это позволяет в определенной степени гарантировать гармонизацию подобных мер в государствах – участниках Соглашения и обеспечить примерно одинаковый (сходный) правовой статус для правообладателей из разных стран при трансграничном перемещении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности.

Следует отдельно обратить внимание на процесс инкорпорации в право ЕАЭС и российское таможенное законодательство положений о действиях по должности (*ex officio*), закрепленных в качестве рекомендательных в ст. 58 «Действия по должности» Соглашения. Речь идет о возможности закрепления за административными органами полномочий по собственной инициативе приостанавливать выпуск в свободное обращение товаров, в отношении которых они располагают доказательствами нарушения прав интеллектуальной собственности. Такие полномочия установлены и в ТК ЕАЭС в качестве рекомендательных (п. 7 ст. 384 ТК ЕАЭС). Россия при этом закрепила подобные дополнительные полномочия в национальном законодательстве с 2018 года (ч. 2 ст. 327 Федерального закона 289-ФЗ). В то же время среди пяти государств – членов ЕАЭС только Россия и Казахстан закрепили полномочия в рамках принципа *ex officio* на национальном уровне[14], что свидетельствует о несколько различающемся механизме трансграничной защиты интеллектуальной собственности на единой экономической территории ЕАЭС. Представляется, что подобные механизмы в государствах-членах интеграции должны быть едиными (или как минимум сопоставимыми), в противном случае это ставит правообладателей и внешнеторговый бизнес в различных государствах ЕАЭС в разные условия.

Анализ реализации рассматриваемого аспекта трансграничной защиты интеллектуальных прав позволяет сделать вывод о позитивном характере воздействия ТРИПС на правовое

[14] Евразийский юридический портал. URL: https://www.eurasialegal.info/index.php/legal-articles/1-eurasianintegration/7097-2019-01-22-07-41-32 (дата обращения: 27.02.2026).

регулирование защиты прав на объекты интеллектуальной собственности при трансграничной торговле товарами. Право ЕАЭС и таможенное законодательство России вобрали в себя основные положения ТРИПС, посвященные пограничным мерам, включая даже меры рекомендуемые, т.е. необязательные для использования в правоприменительной практике.

До включения положений ТРИПС в таможенное законодательство процедуры трансграничной защиты не использовались, были не урегулированы, полномочия соответствующих органов (таможенных, прежде всего) были организационно не определены и нормативно не установлены. За два десятилетия данные процедуры существенным образом развились и усовершенствовались. Об этом свидетельствует правоприменительная практика ФТС России. Так, в 2024 г. в таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности ФТС России было зарегистрировано 589 новых объектов (в 2023 г. – 437 объектов), что является наибольшим значением за всю историю его ведения. Таможенными органами за этот период было выявлено 5,8 млн единиц контрафактной продукции, возбуждено 334 дела об административных правонарушениях в сфере защиты прав интеллектуальной собственности[15]. Модели института приостановления срока выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и реестрового механизма были взяты из положений ТРИПС и инкорпорированы в отечественное таможенное законодательство. Несмотря на отсутствие полной унификации таких механизмов в ЕАЭС, проблему неработоспособности единого реестра объектов интеллектуальной собственности государств-членов ЕАЭС, провозглашенного еще в 2010 г., но по ряду причин так и не заработавшего на уровне интеграции, стандарты ТРИПС, на наш взгляд, позитивно отразились на процедурном обеспечении трансграничной защиты интеллектуальных прав сначала в России, позже – на уровне международно-правовой базы ЕАЭС.

Оценка влияния положений ТРИПС на правовое регулирование отношений, связанных с исчерпанием исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, выглядит не столь однозначной.

Специалисты справедливо признают, что до подписания Соглашения ситуация, складывающаяся вокруг применения исчерпания прав и регулирования параллельного импорта, была противоречивой. При этом принято считать, что практически во всех правопорядках преобладало применение правила, согласно которому исключительные права считались исчерпанными при пересечении национальных границ страны, где охраняемый объект был введен в торговый оборот. Такой принцип исчерпания вполне согласуется со свойством территориальности исключительных прав [Пирогова 2012:120].

Э.П. Гаврилов справедливо отмечает, что споры, возникающие по поводу принципа исчерпания исключительного права, а также разные подходы к определению сферы действия этого принципа, вызваны (по крайней мере, частично) тем обстоятельством, что его правовая природа остается неясной [Гаврилов 2018:40].

Становление и развитие механизмов трансграничной (или) таможенной защиты интеллектуальных прав осуществляется в непосредственной связи с интеграционными процессами на территории постсоветского пространства. В данном случае можно говорить об определенном противоречии между традиционно территориальной природой прав на интеллектуальную собственность и базовыми целями и принципами экономической интеграции (свобода движения товаров в таможенном союзе, позже – свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы – в экономическом союзе), которое призвано было решить формируемое регулирование. Применительно к европейской интеграции ведущие ученые в этой области также обращают внимание на этот факт, отмечая проблему, состоявшую в том, чтобы применить к нематериальному качеству интеллектуальной собственности принципы свободной рыночной экономики, отношений экономической свободы, опосредующей включенность объектов интеллектуальной собственности в рыночную среду [Абдуллин 2006:61]. Отметим, что в современных условиях цифровизации, затронувшей и сферу интеллектуальной собственности, ученые обозначают несколько иной аспект этой проблемы: противоречие между территориальным характером прав

[15] Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России за 2024 г. С. 53. – *Официальный сайт ФТС России*. URL: https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti (дата обращения: 27.02.2026).

интеллектуальной собственности и трансграничной, глобальной природой Интернета [Воробьев 2022:143].

Согласно правилам статьи 6 Соглашения ТРИПС выбор модели исчерпания оставляется на самостоятельное усмотрение каждого государства. Норма носит отсылочный характер, санкций за несоблюдение требований статьи к государству принято быть не может [Пирогова 2012:121-122]. В настоящее время законодательство ряда государств не соответствует ТРИПС и иным международным стандартам защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (примером может служить Шри-Ланка [Perera 2024]).

Научная доктрина и практика призваны обеспечивать так называемый баланс интересов всех основных участников рассматриваемых отношений: авторов-разработчиков, инвесторов, производителей новой продукции и в целом государственных интересов в области промышленной политики. С этой целью разрабатываются ограничения исключительных прав, одним из которых и является их исчерпание [Пирогова 2012:119]. По мнению ученых, плохо урегулированный в российском законодательстве принцип исчерпания прав имеет ограничения по предмету и территории [Гаврилов 2018:39-40].

Отдельно следует остановиться на роли суда и судебной практики в процессах гармонизации и унификации механизмов трансграничной защиты интеллектуальных прав. Если в развитии процессов сближения правового регулирования охраны интеллектуальных прав в ЕС значимую роль сыграл суд интеграционного образования [Абдуллин 2006:61], то применительно к евразийской интеграции такого не наблюдалось. О значении судебных прецедентов применительно к российской практике можно говорить в отдельные периоды развития такой правоприменительной практики: в 2007–2008 гг., в 2010–2012 гг. (начало интеграционных процессов на территории постсоветского пространства [Агамагомедова 2012; Агамагомедова 2013]); в период введения санкций с 2014 г., в 2022–2023 гг. – в связи с изменениями в регулировании принципа исчерпания исключительных прав в России.

Особого внимания в связи с этим заслуживает антисанкционный подход Конституционного Суда РФ, направленный на защиту отечественных хозяйствующих субъектов, попавших в непростые экономические условия[16]. Правовые позиции высших судебных органов по рассматриваемому вопросу подтверждает тезис ученых о том, что, несмотря на значительное количество заключенных международных договоров, а также региональную унификацию национального законодательства государств – участников интеграционных образований, реальная возможность защитить свои права во многом зависит от правил и требований, предусмотренных местным законодательством и судебной практикой [Воробьев 2022:144].

Позиции Конституционного Суда РФ в части признания возможности признания злоупотреблением права действия правообладателя по защите своих исключительных прав, по сути, отражают базовые принципы ТРИПС, согласно которым странами – участниками Соглашения должны быть предотвращены все злоупотребления правами интеллектуальной собственности, если они неоправданным образом ограничивают торговлю и оказывают неблагоприятное влияние на международный технологический обмен (п. 2 ст. 8 ТРИПС) [Пирогова 2012:122].

Достаточно обширна практика Суда по интеллектуальным правам в области административно-правовой защиты интеллектуальных прав при трансграничном перемещении товаров. Несмотря на отсутствие в его правовых позициях прямой отсылки к реализации принципа исчерпания исключительных прав, данная практика свидетельствует о целом ряде проблемных вопросов при выявлении таможенными органами фактов незаконного использования товарного знака (право на это средство индивидуализации товаров нарушается чаще всего). Среди таких вопросов: проблемы экспертизы, доказанности контрафактности перемещаемого товара, направления изъятой контрафактной продукции на уничтожение, доказанности факта размещение обозначений на ввозимом товаре и другие[17].

[16] По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» : Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февр. 2018 г. № 8-П. – Российская газета. 22 февр. 2018 г. № 39.

[17] Постановления Суда по интеллектуальным правам от 22 ноября 2024 г. № С01-2253/2024 по делу № А33-20694/2023; от 3 октября 2023 г. № С01-1445/2023 по делу № А51-16859/2022; от 8 мая 2024 г. № С01-433/2024 по делу № А40-164139/2023; от 1 октября 2024 г. № С01-1466/2024 по делу № А40-225931/2023. – *СПС «КонсультантПлюс».*

Отсутствие актуальной «развернутой целостной правовой регламентации» [Гаврилов 2018:43-44] вопросов исчерпания исключительных прав компенсируется правоприменительной практикой. Э.П. Гаврилов в связи с этим предлагал незамедлительно провести экономические изыскания, в результате которых следует установить при необходимости дифференцированный принцип исчерпания прав для разных объектов интеллектуальной собственности и законодательно установить то, «что наиболее выгодно для нашей страны» [Гаврилов 2018:43-44]. Представляется, что «наиболее выгодная» для нашего государства правовая модель исчерпания исключительных прав была установлена несколько позднее, в 2022 г., посредством введения в отношении отдельных категорий товаров (конкретных правообладателей) международного принципа исчерпания прав[18]. В науке имеют место позиции, в рамках которых обосновывается целесообразность применения международного принципа исчерпания с определенными изъятиями [Пирогова 2012:121].

В данном случае мы можем говорить о формировании определенной модели принципа исчерпания прав на основе рекомендованных ТРИПС механизмов исчерпания в целях защиты национальных интересов, обеспечения национальной и международной безопасности. Специалисты в этом смысле подчеркивали значение использования позитивного потенциала Соглашения в обеспечении доступа развивающихся стран к технологиям, что в итоге призвано способствовать достижению целей перехода к устойчивому экономическому развитию [Шугуров 2015:406].

В целом можно констатировать тенденцию усиления национальных моделей и приоритетов в регулировании защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (своего рода отражение процессов деглобализации). Примером здесь могут служить рекомендации по внедрению системы «зеленой» интеллектуальной собственности (green IP system), включающей защиту экологически устойчивым изобретениям и технологиям, которые призваны остановить или предотвратить ухудшение состояния окружающей среды и способствовать экологической устойчивости (технологии, связанные с утилизацией отходов, и др.) на Мальте. При этом речь идет именно о местной системе, призванной принести государству как экологическую, так и экономическую выгоду [Mifsud, Muscat 2024]. Другим примером может служить Китай, в котором установлена более строгая защита прав и интересов в сфере товарных знаков [Cheng, Zhao 2025]. Существенные различия имеют место и в институциональной структуре современных государств, включая патентные ведомства и ведомства по товарным знакам, суды, прокуратуру и другие заинтересованные стороны, участвующие в защите и обеспечении соблюдения прав интеллектуальной собственности [Böttger 2025].

Несмотря на межотраслевой характер, право интеллектуальной собственности в современных исследованиях признается в большей степени экономическим механизмом [Yang 2025a]. Особенно явно это проявляется в торговых аспектах защиты интеллектуальных прав. В связи с этим уместно упомянуть проблемы соотношения теории прав человека и права интеллектуальной собственности, которые развивались независимо друг от друга. Если первые связывались с человеческим достоинством, то под вторыми понимались права, целью которых было стимулирование инноваций и защита интересов отдельных сообществ для дальнейшего экономического и технологического роста. Ученые признают, что в международном регулировании интеллектуальной собственности первостепенное внимание уделяется экономическим и личным интересам человека, а в международных критериях защиты прав интеллектуальной собственности в рамках глобальной торговли приоритет отдается экономическому росту, а не правам человека [Pandey, Mishra 2025]. Дискуссия о соотношении базовых прав человека и прав интеллектуальной собственности получает новый виток в части пересечения сфер защиты интеллектуальной собственности и прав человека в контексте права на здоровье и, в частности, доступа к жизненно важным лекарствам [Pandey, Mishra 2025].

Примечательно, что ученые констатируют наличие дискуссии по вопросам параллельного

[18] О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы : Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023). – *СЗ РФ.* 4 апр. 2022 г. № 14. Ст. 2286.

импорта в 90-е годы прошлого века в рамках европейской интеграции, когда восточноевропейские технологические компании ратовали за национальное исчерпание прав, отражающее их нежелание допускать на внутренний рынок зарубежных конкурентов [Пирогова 2012:121].

Отметим, что отсутствие в ТРИПС обязательной к применению модели исчерпания прав привело к необходимости разрешения этих вопросов вне Соглашения, в частности, в рамках двусторонних торговых соглашений [Пирогова 2012:122]. Так, соответствие положениям ТРИПС выступает одним из условий при обосновании экспроприации в двустороннем договоре РФ и КНР о поощрении и взаимной защите инвестиций[19].

В целом механизм исчерпания прав в современных условиях может рассматриваться в качестве средства обеспечения национальной безопасности, способа укрепления технологического суверенитета, меры защиты отечественной экономики в условиях внутренних и внешних угроз.

Что касается вопроса гармонизации исчерпания прав, то трудно оценить вклад Соглашения в его решение как успешный. Отсутствие в нем конкретных требований к решению вопроса исчерпания прав может быть компенсировано, пожалуй, только соответствующими подходами в правоприменении [Пирогова 2012:122], что мы и наблюдаем в отечественной практике.

Отдельно следует сказать о защите прав на объекты интеллектуальной собственности в рамках электронной трансграничной торговли. Изменения в ТК ЕАЭС, связанные с регламентацией такой торговли и проходящие сейчас процедуры ратификации в государствах-членах ЕАЭС[20], пока не затронули блок административно-процедурной защиты интеллектуальных прав. Думается, что правоприменительная практика в данной области еще сформирует запрос на оптимизацию существующего механизма трансграничной защиты таких прав.

Современные авторы признают, что трансграничная электронная коммерция как сложная инженерная система должна объединять различные сервисы и знания, включая механизмы защиты интеллектуальных прав [Zhang 2025]. Цифровая трансформация оказывает всё большее влияние на практику и развитие законодательства в сфере интеллектуальной собственности и подчёркивает главное противоречие в данной сфере – необходимость стимулирования инноваций в условиях недостаточной правовой защиты [Alawsi, Al-Ayash, Ibrahim, Mohammed 2025]. Проблемы эти усугубляются в контексте все большего использования искусственного интеллекта, в том числе в процессах создания и применения результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

3. Заключение

Нематериальный характер и неисчерпаемость как свойства интеллектуальной собственности определяют право интеллектуальной собственности в качестве приоритетной системы в современном регулировании общественных отношений [Воробьев 2022:138]. Важное место в таком регулировании было и остается за международными стандартами правовой охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Применительно к межгосударственным торговым связям базовым договором, регулирующим защиту интеллектуальных прав, выступает Соглашение ТРИПС, ст. 7 которого содержит положения о том, что защита и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должны способствовать продвижению технологических инноваций, передаче и распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технологических знаний и таким образом, чтобы это способствовало социальному и экономическому благосостоянию, а также балансу прав и обязанностей[21].

---

[19] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций. Заключено в г. Москве 8 мая 2025 г. Документ ратифицирован Федеральным законом от 27 октября 2025 г. № 381-ФЗ. – *СПС «Консультант Плюс»*. (Документ не вступил в силу. Опубликован не был.)

[20] Протокол о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. Подписан в г. Санкт-Петербурге 25 декабря 2023 г. – *Официальный сайт Евразийского экономического союза*. URL: http://www.eaeunion.org/, 28.12.2023. (Документ не вступил в силу.)

[21] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. (с изм. от 06.12.2005). – Соглашение на русском языке опубликовано в издании: *СЗ РФ*. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818-2849.

Проведенный анализ влияния данного соглашения на национальное отечественное регулирование (в том числе в контексте евразийской экономической интеграции) позволяет говорить о том, что процедурное обеспечение пограничных мер защиты интеллектуальной собственности формировалось и унифицировалось посредством положений ТРИПС достаточно оперативно и эффективно. Что касается принципа исчерпания исключительных прав, то рекомендательный характер предложений Соглашения сделал аналогичное сближение невозможным.

Отказ от единых правил исчерпания прав привел к отказу от равных возможностей для разных групп стран (технологических лидеров и развивающихся) в использовании преимуществ технологического обмена и сделал положения ст. 7 ТРИПС о балансе интересов правообладателей и пользователей инноваций благородной, но формальной декларацией [Пирогова 2012:122]. В связи с этим следует поддержать мнение о том, что Соглашение ТРИПС было нацелено в первую очередь на обеспечение интересов правообладателей (и стоящих за ними развитых стран) [Ворожевич 2018:62].

Представляется, что в современных условиях выводы о востребованности гармонизации норм об исчерпании прав и процесса регулирования параллельного импорта в международной лицензионной торговле [Пирогова 2012:122] несколько теряют свою актуальность. Сегодня более приоритетным видится подход, основанный на создании национальных моделей решения принципа исчерпания прав и тенденции перехода от универсальных актов как отражения глобализации к двусторонним и интеграционным соглашениям как отражения регионализации (в смысле антонима глобализации, в понимании процессов отхода от нее)[22]. Все это позволит обеспечить полноценную систему защиты интеллектуальных прав и формировать «цивилизованный рынок интеллектуальной собственности» [Абдуллин 2007:64], способный удовлетворить интересы правообладателей, потребителей товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, и иных участников процесса создания, оборота и использования такой собственности.

Список литературы

1. Абдуллин А.И. 2006. Генезис права интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: причины и предпосылки гармонизационного процесса. – *Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева.* № 3. С. 61-65.
2. Абдуллин А.И. 2007. Новое Российское законодательство и Европейский опыт в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности. – *Вестник экономики, права и социологии.* № 1. С. 64-69.
3. Агамагомедова С.А. 2013. Проблемы «параллельного импорта» в правоприменительной практике таможенных органов Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. – *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* № 3 (27). С. 25-35.
4. Агамагомедова С.А. 2012. Проблема исчерпания прав в условиях формирования единого экономического пространства. – *Хозяйство и право.* № 11 (430). С. 113-120.
5. Воробьев Н.С. 2022. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования. – *Журнал российского права.* № 7. С. 137-146. DOI: 10.12737/jrl.2022.078.
6. Ворожевич А. 2018. Минимальный стандарт защиты патентных прав по Соглашению ТРИПС. – *Хозяйство и право.* № 10 (501). С. 39-63.
7. Гаврилов Э.П. 2018. Принцип исчерпания исключительного права и его толкования в Постановлении конституционного Суда РФ. – *Хозяйство и право.* № 5 (496). С. 36-46.
8. Гаврилов Э.П. 2020. Нужна принципиально новая правовая система для географических указаний и наименований места происхождения товара. – *Хозяйство и право.* № 5 (520). С. 27-32.
9. Пирогова В.В. 2012. Соглашение ТРИПС (ВТО): исчерпание прав и параллельный импорт. – *Государство и право.* № 6. С. 119-122.
10. Шугуров М.В. 2015. Соглашение ТРИПС, международный трансфер технологий и последствия усиления защиты прав интеллектуальной собственности. – *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations.* № 4. С. 405-436. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=67245 (дата обращения: 01.03.2026).
11. Alawsi H., Al-Ayash A.A., Ibrahim F.M., Mohammed M.N. 2025. Balancing Innovation and Protection: Intellectual Property Law in the Era of Digital Transformation. – *Tech Fusion in Business and Society. Studies in Systems, Decision and Control.* Eds. by R.K. Hamdan. Vol. 234. P. 413-422. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-84636-6_35 (accessed date: 01.03.2026).
12. Böttger F. 2025. Legal and Institutional Framework of IP Protection in Central America. – *CAFTA-DR, European Free Trade Agreements and the Industrial Property System in Central America.* P. 61-162. Munich Studies on

[22] См., напр.: Таможенные органы России и Ирана подписали Соглашение о взаимном признании институтов уполномоченного экономического оператора. – *Официальный сайт ФТС России.* URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/396824 (дата обращения: 01.03.2026).

Innovation and Competition. Vol 21. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-93440-7_2.
13. Cheng D., Zhao L. 2025. Main Amendments of Chinese Intellectual Property Law. – *New Progress of Regulations and Judicial Practice of Intellectual Property.* Eds. by D. Cheng, X. Yu, K. Bacher. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-97-6095-4_1.
14. Mifsud P., Muscat S. 2024. Sustainability and Intellectual Property in Malta. – *Sustainability Objectives in Competition and Intellectual Property Law. LIDC Contributions on Antitrust Law, Intellectual Property and Unfair Competition.* Eds. by P. Këllezi, P. Kobel, B. Kilpatrick. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-44869-0_18.
15. Pandey A., Mishra A. 2025. Conflict and Coexistence of Human Rights: An Exploratory Study with Reference to Intellectual Property Rights. J. Hum. – *Rights Soc.* Work 10. P. 43-54. DOI: 10.1007/s41134-024-00361-9.
16. Perera A. 2024. *Dilemmas of Intellectual Property Discourse in Sri Lanka*. Springer Singapore. 234 p. DOI: 10.1007/978-981-97-6117-3.
17. Upreti P.N., Guida A. 2025. *Towards (Global) Food Equity – The Role of Intellectual Property and Trade.* IIC 56. P. 6-34. DOI: 10.1007/s40319-024-01560-7.
18. Yang M. 2025a. Intellectual Property Creation and Cumulative Innovation: A Behavioural Study of Property Rights. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction*. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_2.
19. Yang M. 2025б. Price Theory in Intellectual Property Transactions. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction*. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_5.
20. Zhang X. 2025. Cross-Border E-Commerce Risk Management. – *Introduction to Cross-Border E-Commerce Ecosystem.* Springer, Singapore. P. 247-269. DOI: 10.1007/978-981-96-1165-2_10.

References

1. Abdullin A.I. Genezis prava intellektual'noj sobstvennosti v Evropejskom Soyuze: prichiny i predposylki garmonizacionnogo processa [Genesis of Intellectual Property Law in the European Union: Causes and Prerequisites for the Harmonization Process]. – *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva [Bulletin of the Kazan State Technical University named after A. N. Tupolev].* 2006. № 3. S. 61-65. (In Russ.)
2. Abdullin A.I. Novoe Rossijskoe zakonodatel'stvo i Evropejskij opyt v sfere pravovoj ohrany intellektual'noj sobstvennosti [New Russian Legislation and European Experience in the Sphere of Legal Protection of Intellectual Property]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology].* 2007. № 1. S. 64-69. (In Russ.)
3. Agamagomedova S.A. Problema ischerpaniya prav v usloviyah formirovaniya edinogo ekonomicheskogo prostranstva [The Problem of Exhaustion of Rights in the Context of the Formation of a Single Economic Space]. – *Hozyajstvo i parvo [Business and Law].* 2012. № 11 (430). S. 113-120. (In Russ.)
4. Agamagomedova S.A. Problemy «parallel'nogo importa» v pravoprimenitel'noj praktike tamozhennyh organov Tamozhennogo soyuza Rossii, Belorussii i Kazahstana [Problems of "Parallel Import" in Law Enforcement Practice of Customs Authorities of the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan]. – *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki [News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences].* 2013. № 3 (27). S. 25-35. (In Russ.)
5. Alawsi H., Al-Ayash A.A., Ibrahim F.M., Mohammed M.N. Balancing Innovation and Protection: Intellectual Property Law in the Era of Digital Transformation. – *Tech Fusion in Business and Society. Studies in Systems, Decision and Control.* Eds. by R.K. Hamdan. 2025. Vol. 234. P. 413-422. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-84636-6_35 (accessed date: 01.03.2026).
6. Böttger F. Legal and Institutional Framework of IP Protection in Central America. – *CAFTA-DR, European Free Trade Agreements and the Industrial Property System in Central America*. Munich Studies on Innovation and Competition. 2025. Vol 21. P. 61-162. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-93440-7_2.
7. Cheng D., Zhao L. Main Amendments of Chinese Intellectual Property Law. – *New Progress of Regulations and Judicial Practice of Intellectual Property.* Eds. by D. Cheng, X. Yu, K. Bacher. Springer, Singapore. 2025. DOI: 10.1007/978-981-97-6095-4_1.
8. Gavrilov E.P. Nuzhna principial'no novaya pravovaya sistema dlya geograficheskih ukazanij i naimenovanij mesta proiskhozhdeniya tovara [A Fundamentally New Legal System for Geographical Indications and Appellations of Origin is Needed]. – *Hozyajstvo i pravo [Business and Law].* 2020. № 5 (520). S. 27-32. (In Russ.)
9. Gavrilov E.P. Princip ischerpaniya isklyuchitel'nogo prava i ego tol'kovaniya v Postanovlenii konstitucionnogo Suda RF [The Principle of Exhaustion of the Exclusive Right and Its Limitation in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation]. – *Hozyajstvo i parvo [Business and Law].* 2018. № 5 (496). S. 36-46. (In Russ.)
10. Mifsud P., Muscat S. Sustainability and Intellectual Property in Malta. – *Sustainability Objectives in Competition and Intellectual Property Law. LIDC Contributions on Antitrust Law, Intellectual Property and Unfair Competition.* Eds. by P. Këllezi, P. Kobel, B. Kilpatrick. Springer, Cham. 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-44869-0_18.
11. Pandey A., Mishra A. Conflict and Coexistence of Human Rights: An Exploratory Study with Reference to Intellectual Property Rights. J. Hum. – *Rights Soc. Work* 10. 2025. P. 43-54. DOI: 10.1007/s41134-024-00361-9.
12. Perera A. *Dilemmas of Intellectual Property Discourse in Sri Lanka*. Springer Singapore. 2024. 234 p. DOI: 10.1007/978-981-97-6117-3.
13. Pirogova V.V. Soglashenie TRIPS (VTO): ischerpanie prav i parallel'nyj import [The TRIPS Agreement (WTO): Exhaustion of Rights and Parallel Imports]. – *Gosudarstvo i parvo [State and Law].* 2012. № 6. S. 119-122. (In Russ.)
14. SHugurov M.V. Soglashenie TRIPS, mezhdunarodnyj transfer tekhnologij i posledstviya usileniya zashchity prav intellektual'noj sobstvennosti [The TRIPS Agreement, International Technology Transfer and the Consequences of Strengthening the Protection of Intellectual Property Rights] – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii [International Law and International Organizations].* 2015. № 4. S. 405-436. URL: https://nb-publish.com/library_read_article.php?id=67245 (data obrashcheniya: 01.03.2026). (In Russ.)
15. Upreti P.N., Guida A. *Towards (Global) Food Equity – The Role of Intellectual Property and Trade.* IIC 56. 2025.

P. 6-34. DOI: 10.1007/s40319-024-01560-7.
16. Vorob'ev N.S. Intellektual'naya sobstvennost' v cifrovuyu epohu: problemy mezhdunarodno-pravovogo i nacional'nogo regulirovaniya [Intellectual Property in the Digital Age: Problems of International Legal and National Regulation]. – *ZHurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law].* 2022. № 7. S. 137-146. DOI: 10.12737/jrl.2022.078. (In Russ.)
17. Vorozhevich A. Minimal'nyj standart zashchity patentnyh prav po Soglasheniyu TRIPS [Minimum Standard of Patent Protection under the TRIPS Agreement]. – *Hozyajstvo i parvo [Business and Law].* 2018. № 10 (501). S. 39-63. (In Russ.)
18. Yang M. Intellectual Property Creation and Cumulative Innovation: A Behavioural Study of Property Rights. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction.* Springer, Singapore. 2025a. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_2.
19. Yang M. Price Theory in Intellectual Property Transactions. – *Basic Theories of Intellectual Property Transaction.* Springer, Singapore. 2025б. DOI: 10.1007/978-981-96-7039-0_5.
20. Zhang X. Cross-Border E-Commerce Risk Management. – *Introduction to Cross-Border E-Commerce Ecosystem.* Springer, Singapore. 2025. P. 247-269. DOI: 10.1007/978-981-96-1165-2_10.

Информация об авторе

Саният Абдулганиевна АГАМАГОМЕДОВА
Доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук

Знаменка ул., 10, Москва, 119019, Российская Федерация

saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

About the Author

Saniyat A. AGAMAGOMEDOVA
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher, Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenka St., Moscow, Russian Federation, 119019

saniyat_aga@mail.ru
ORCID 0000-0002-8265-2971

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-20-39

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 01.12.2025
Принята к публикации: 06.02.2026

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

Елизавета Григорьевна УМРИХИНА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Министерство иностранных дел Российской Федерации
Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация
egumrikhina@mid.ru
ORCID 0000-0003-0200-7727

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ. *Статья представляет собой развернутое исследование действующих двусторонних международных договоров Российской Федерации с иностранными государствами по вопросам социального (пенсионного) обеспечения. В рамках исследования осуществлена классификация указанных международных договоров, описаны их ключевые характеристики, сформулированы присущие им достоинства и выявлены недостатки. Актуальность исследования обусловлена высокой потребностью разработки и принятия новых международных договоров Российской Федерации в области социального (пенсионного) обеспечения и, прежде всего, с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) ввиду денонсации Российской Федерацией Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г. С опорой на полученные в ходе обзора данные, было высказано предложение по дальнейшему расширению договорно-правовой базы на двустороннем уровне в рассматриваемой сфере.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Ведущий акцент в статье сделан на предметном изучении наиболее репрезентативной выборки действующих двусторонних международных договоров Российской Федерации, тем или иным образом посвященных пенсионному (социальному) обеспечению различных категорий населения. Методологическую базу исследования составляют*

общетеоретические методы, а конкретнее, формально-логический метод, дедукция и индукция, анализ и синтез. Помимо всех вышеперечисленных, при работе над статьей также задействовались такие частнонаучные методы, как исторический и сравнительно-правовой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *По итогам исследования сформулирован вывод о том, что из всех разновидностей двусторонних соглашений, регламентирующих отношения в сфере социального (пенсионного) обеспечения, самыми эффективными с точки зрения защиты прав и интересов трудящихся и наиболее объективными в вопросе распределения финансового бремени по выплате пенсии, являются договоры, основанные на пропорциональной пенсионной модели. Вместе с тем было подчеркнуто, что по причине существования общего советского наследия, заключенные с ранее входившими в состав СССР государствами акты вполне могут основываться на гибридной модели. Согласно последней за стаж, приобретенный до 1 января 1991 г. включительно, пенсионные выплаты вносятся государством постоянного проживания лица.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Констатировано, что на фоне введения подавляющим большинством государств – членов Европейского союза в адрес Российской Федерации односторонних ограничительных мер экономического характера, практическая реализация двусторонних договоров с названными государствами крайне затруднена. Причиной тому является невозможность перевода на их территорию назначенных российским гражданам сумм пенсий, что приводит к возникновению проблемы ущемления прав российских граждан. Эта проблема требует долговременного решения, которое не представляется возможным без скоординированной работы всех вовлеченных ведомств с применением, среди прочего, дипломатических средств.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *социальное обеспечение, пенсионное обеспечение, двусторонние договоры, право на пенсию, обязательство по выплате пенсии, территориальный подход, пропорциональный подход, трудовой стаж, назначение и выплата пенсии*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бекяшев Д.К., Умрихина Е.Г. 2026. Правовое регулирование двусторонних отношений Российской Федерации с иностранными государствами в области социального обеспечения. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 20–39. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-20-39

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-20-39

Research article
UDC: 341
Received 1 December 2025
Approved 6 February 2026

Damir K. BEKYASHEV
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

Elizaveta G. UMRIKHINA
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskiy Bul'var, Moscow, Russian Federation, 119002
egumrikhina@mid.ru
ORCID 0000-0003-0200-7727

LEGAL REGULATION OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN STATES IN THE FIELD OF SOCIAL SECURITY

INTRODUCTION. *This article embodies a thorough study of the current national treaty massif in the area of bilateral cooperation between the Russian Federation and foreign countries on social security (pension) matters. The present article categorizes these international treaties, describes their key characteristics, outlines inherent advantages meanwhile also identifying their common shortcomings. The relevance of the study is due to the high need to develop and adopt new international treaties of the Russian Federation in the field of social (pension) security. This is primarily relevant when it comes to the treaties with the member states of the Commonwealth of Independent States (hereinafter referred to as the CIS) in light of the recent denunciation of the Agreement on Guarantees of the Rights of Citizens of the CIS Member States in the Field of Pension Provision dated March 13, 1992 by the Russian Federation. Based on the data obtained during the review, a proposal was made for further expansion of the bilateral legal framework in this area.*

MATERIALS AND METHODS. *The main emphasis in the work is made on the subject study of the most representative sample of current bilateral international treaties of the Russian Federation, dedicated to pension provision for various categories of the population. The methodology of this research is based on some certain general theoretical methods, specifically the formal-logical method, deduction and induction, analysis and synthesis. In addition to all of the mentioned above, specific scientific methods such as historical and comparative legal ones were employed while preparing the article.*

RESEARCH RESULTS. *Upon the completion of the study, it was concluded that, of all the types of bilateral agreements regulating relations in the sphere of pension provision, those based on a proportional pension model are the most effective in protecting workers' rights and interests and the most just in terms of distributing the financial burden of pension payments. However, it was emphasized that, regarding agreements concluded with countries formerly part of the USSR, a hybrid model is quite feasible. Under the latter pension payments for work experience acquired up to and including January 1, 1991, are made by the individual's state of permanent residence.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *It was noted that, given the imposition of unilateral economic restrictions by most European Union member states on the Russian Federation, the practical implementation of bilateral agreements with these countries is extremely hampered. The reason for that is the impossibility of transferring to their territories pensions allocated to Russian citizens which gives rise to the problem of infringement of the rights of Russian citizens. Such issue requires a long-term solution, which is not possible without the coordinated efforts from all the involved agencies, using, inter alia, diplomatic means.*

KEYWORDS: *social security, pension provision, bilateral agreements, right to a pension, obligation to pay a pension, territorial approach, proportional approach, seniority, assignment and payment of pension*

FOR CITATION: Bekyashev D.K., Umrikhina E.G. Legal Regulation of Bilateral Relations Between the Russian Federation and Foreign States in the Field of Social Security. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 20–39. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-20-39

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Как известно, активная и консолидированная деятельность трудящихся первой половины двадцатого века, направленная на отстаивание прав, неразрывно связанных с осуществляемой ими трудовой функцией, привела к тому, что властями государств стало уделяться все большее внимание вопросам социального обеспечения населения[1]. По словам Ж.-М. Сервэ, представители пролетариата к тому моменту оказались в условиях полного отсутствия материальной обеспеченности даже на ближайшие дни [Servais 2022:15]. Отражением этого явилось, в частности, закрепление в основополагающих универсальных международных договорах по правам человека права каждого на социальное обеспечение[2]. Данная категория прав относится к социальным правам человека, наличие которых и возможность их реализовывать обеспечивают человеческое существование, выраженное в достойном уровне жизни [Бекяшев, Микрина 2023:11]. Иными словами, по мнению Д.В. Зарубина, социально-экономические права в области труда входят в число наиболее важных прав человека, без предоставления которых немыслимо надлежащее обеспечение прав иных категорий, например, гражданских и политических [Зарубин 2023:73].

Право на социальное обеспечение при этом обладает характерной отличительной чертой: оно носит позитивный характер, а значит, может быть должным образом реализовано только в случае принятия государством конкретных мер в области формирования социальной политики (в частности, при условии разработки необходимой законодательной базы). Юридическое закрепление названная концепция находит в п. 1 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт)[3], согласно которому государства обязаны «принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер»[4]. Применительно к социальному обеспечению это выражается в том, что государствам нужно расширить охват социальной поддержки и гарантировать ее всесторонность и соразмерность, обеспечив для этого необходимые бюджетные возможности [Razavi 2022:271].

Несмотря на то что в большинстве современных государств в той или иной мере функционируют соответствующие механизмы социального обеспечения, значительное число лиц по всему миру до сих пор не пользуется достаточной степенью социальной защиты. Так, по данным Международного бюро труда Международной организации труда (далее – МОТ), пятьдесят процентов народонаселения нашей планеты не защищено с точки зрения социального обеспечения, при этом «во всем мире лишь один человек из пяти пользуется достаточной социальной защитой»[5].

Как представляется, этому феномену сопутствует ряд причин, среди которых выделяются в том числе определенные пробелы правового регулирования социальной защиты такой категории, как трудящиеся-мигранты, которые осуществляют свою трудовую деятельность в иностранном государстве. Суть заключается в том, что к ним, как правило, неприменим стандартный алгоритм предоставления пенсионного обеспечения, поскольку трудовой стаж в течение жизни приобретается ими сразу в нескольких государствах. Указанный факт приводит к возникновению целого ряда нюансов, подлежащих учету: так, необходимо установить, какое именно государство (или же государства), из числа тех, в которых трудящийся приобретал свой стаж, будет назначать и выплачивать лицу пенсию. В указанных условиях важно также выяснить, в какой пропорции будет выплачена пенсия, будет ли учитываться наличие у лица пенсионного права по законодательству одного государства

[1] См.: [Лушникова, Лушников 2010:6].

[2] См. Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. (ст. 5), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 9), Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (ст. 26) и т.д.

[3] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 г. : принят 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 01.02.2026).

[4] Там же. Пункт 1 ст. 2.

[5] Социальное обеспечение для всех. Брошюра Международного бюро труда МОТ. URL: https://www.ilo.org/ru/media/314571/download (дата обращения: 19.11.2025).

при назначении и выплате пенсии в соответствии с законодательством другого государства и т.д. В русле вышесказанного, С.Б. Алиев выявляет в качестве затруднительных «вопросы, возникающие с переводом и сохранением пенсионных прав при осуществлении трудовой деятельности и переезде граждан государств-членов из одной страны в другую» [Алиев 2015:24].

Для разрешения поставленных вопросов можно обратиться к соответствующим положениям национального пенсионного законодательства, однако подобный метод нельзя назвать наиболее оправданным по следующей причине. На наш взгляд, наиболее защищенной категорией населения в государстве являются его граждане как лица, находящиеся с государством в тесной политико-правовой связи и, как следствие, наделенные последним совокупностью присущих им прав и обязанностей. Таким образом, логично предположить, что государственным интересам определенно соответствует обеспечение прав и свобод этой группы лиц, которое будет первоочередным по отношению к охране того же рода прав иных жителей государства. Перечисленное обусловливает и то, что нормы национального законодательства, посвященные вопросу пенсионных прав трудящихся-мигрантов, в отдельных случаях сформулированы весьма расплывчато и далеко не всегда благоприятствуют наиболее полной реализации их прав и законных интересов.

Между тем, как оправданно подмечает Н.В. Колотова, первоочередность сохранения права на пенсию трудящихся мигрантов (без привязки к их гражданству и месту жительства) проистекает непосредственно из запрета дискриминации, закрепленного в п. 2 ст. 2 Пакта[6]. Указанное выше тем более справедливо, поскольку пенсионные права являются комплексными и могут формироваться не только за счет средств государства, но и на базе финансового вклада самого трудящегося в программы социального страхования [Колотова 2022:114].

Сходная мысль была сформулирована Е.Е. Мачульской, по мнению которой регламентирование социального обеспечения на международно-правовом уровне, помимо разработки международно-правовых стандартов в области социального обеспечения, должно состоять в «гармонизации и координации национальных законодательств по вопросам сохранения приобретаемых прав на социальные выплаты при переезде гражданина из одного государства в другое в процессе трудовой деятельности или сохранения приобретенных прав на конкретный вид пенсии или пособия при изменении страны постоянного места жительства» [Мачульская 2000:258].

Таким образом, нормы международного и внутригосударственного регулирования в этой области рассматриваются как составляющие единого механизма, способные взаимно влиять друг на друга. Одной из иллюстраций названного эффекта можно счесть сближение национальных законодательств под влиянием имеющихся международных стандартов социального обеспечения. Исходя из этого просматривается предпочтительность обращения к монистической теории международного права в процессе выработки наилучшего правового регулирования социального обеспечения населения[7].

Помимо прочего, важно учесть, что для многих покинувших страну своего постоянного проживания трудящихся-мигрантов крайне существенны такие аспекты, как наличие доступа членов их семьи к соответствующей системе социального обеспечения, а также возможность трансграничного перемещения приобретенных ими прав или льгот (в денежном выражении) в случае переезда в другую страну к моменту выхода на пенсию [Holzmann 2016:110].

Принимая во внимание вышеизложенное, наиболее эффективным способом урегулирования вопроса предоставления пенсионного обеспечения таким трудящимся становится отдельный международный договор, в котором детально излагается порядок межгосударственного взаимодействия по данной проблематике. Более того, учитывая чувствительный характер темы, а также необходимость в более тесной и оперативной коммуникации между компетентными ведомствами стран, наилучшей опцией является двусторонний договор, заключенный между непосредственно обменивающимися трудовыми ресурсами государствами. Сходной точки зрения придерживается Г.С. Лаптев [Лаптев 2014:144].

---

[6] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 01.02.2026).

[7] См.: [Буянова, Батусова, Казаков, Павловская 2023:19].

Кроме того, следует отметить, что вышеозначенная специфика регулируемых общественных отношений постепенно привела к необходимости создания сопутствующего основному договору акта в формате административного соглашения[8]. Данное соглашение имеет целью регламентировать последовательность действий уполномоченных органов по предоставлению выплат работникам и членам их семей, о чем будет более подробно сказано далее.

Два или более государств могут заключать международные соглашения для координации правил социального обеспечения. Эти соглашения являются ключевыми для гарантирования согласованности систем социального обеспечения между странами [Kazi-Aoul, Van Panhuys, Brener, Ruggia-Frick 2023:113]. Соглашения о социальном обеспечении, как ключевой правовой инструмент, обладают огромным потенциалом для повышения переносимости социальных прав. Они обеспечивают учет периода труда в странах-участницах для квалификации, тем самым облегчая доступ к льготам путем суммирования квалификационных периодов или другими способами. Большинство действующих международных договоров о социальном обеспечении являются двусторонними.

Довольно часто возникает вопрос о том, зачем заключаются двусторонние договоры при существующем многостороннем регулировании с участием обоих государств. Например, О.В. Шумилов ставит вопрос о как таковой цели заключения двусторонних соглашений при проведении анализа международных договоров государств СНГ по вопросам труда и миграциию. Им высказывается предположение о функционировании последних в качестве «подстраховочного» механизма: иными словами, в случае прекращения действия для того или иного государства многостороннего соглашения продолжат оставаться в силе аналогичные нормы билатерального договора, что справедливо и при обратной ситуации [Шумилов 2007:64].

По нашему мнению, заключение двусторонних международных договоров целесообразно для более детального регулирования отношений между двумя государствами по конкретным вопросам. Суть в том, что заключенные между государствами двусторонние договоры представляют собой самый подходящий для договаривающихся стран гибкий инструмент правового регулирования [Бекяшев 2015:172]. Что касается многосторонних международных договоров, то им по большей части присуще, скорее, наличие положений программного, общего характера и бланкетных[9] норм. В международно-правовых актах в области трудовой миграции вышеизложенный тезис проиллюстрирован наиболее наглядно. Заключение двусторонних соглашений весьма эффективно для гарантирования лучшего положения трудовых мигрантов в сфере социального обеспечения, что тем более справедливо для более уязвимых категорий таких работников.

Вместе с тем, было бы ошибочным характеризовать данные двусторонние документы как всеобъемлющее решение всех имеющихся в изучаемом направлении затруднений [Бекяшев, Иванов 2013:134]. Так, небезосновательно суждение о том, что международные договоры в области социального обеспечения не призваны быть основным средством регламентации складывающихся в этой области общественных отношений – они должны лишь «установить общие начала регулирования систем социального обеспечения в странах с различными социально-экономическими, политическими и культурными контекстами» [Манджиева 2021:313].

Отметим, что первыми государствами, заключившими двусторонний договор по социальному обеспечению, были Италия и Франция, которые в 1919 г. подписали соглашение, предусматривающее полное суммирование кредитов страхового стажа для определения права на социальное обеспечение [Butcher, Erdos 1988:6]. В дальнейшем в 1940-х гг. произошло значительное увеличение числа международных договоров о социальном обеспечении. В соответствии с данными Международной ассоциации социального обеспечения, в настоящее время действуют 627 двусторонних и 19 многосторонних соглашений по указанным вопросам[10].

[8] Административные соглашения имеются, например, к договорам с Латвией, Израилем, Таджикистаном и др.

[9] Отсылающих к положениям иных нормативных правовых актов.

[10] Международная ассоциация социального обеспечения (International social security association) : [сайт]. URL: https://www.issa.int/analysis/international-social-security-agreements-europe(дата обращения: 01.12.2025).

2. Двусторонние международные договоры Российской Федерации в области пенсионного обеспечения: классификация и компаративный анализ

Как подчеркивает Ю.В. Васильева, Российская Федерация участвует в международно-правовом регулировании отношений по социальному обеспечению, помимо прочего, путем подписания двусторонних договоров и соглашений о социальном обеспечении [Васильева 2006:113].

Современная российская договорно-правовая база в области социального обеспечения к настоящему моменту включает в себя порядка семидесяти действующих двусторонних международных соглашений, регулирующих соответствующие правоотношения. В целях проведения их систематизированного анализа в рамках данной статьи видится целесообразным подразделить эти документы на несколько видов по следующим основным признакам.

Во-первых, в зависимости от категории лиц, к которым применяются данные соглашения, их можно условно разделить на общие и специальные – первые применяются к большинству трудящихся, а вторые, в свою очередь, регулируют вопросы предоставления социального обеспечения особым группам лиц (как правило, речь идет о военных и государственных служащих).

Примерами актов из второй группы являются, например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики от 30 апреля 1994 г. (далее – Соглашение 1994 г.)[11], а также Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о порядке предоставления социальных гарантий военным пенсионерам Российской Федерации, постоянно проживающим в Литовской Республике от 18 ноября 1993 г. (далее – Соглашение 1993 г.)[12]. Как представляется, стоит провести краткий сравнительный анализ указанных договоров.

Аспектам пенсионного обеспечения посвящены ст. 1, 2 и 3 Соглашения 1993 г. и Раздел III Соглашения 1994 г. Статья 1 Соглашения 1993 г. гласит о том, что пенсионное обеспечение военных пенсионеров Российской Федерации (в эту категорию входят в том числе постоянно проживающие в Литовской Республике находящиеся в отставке военнослужащие сверхсрочной службы Вооруженных Сил бывшего СССР), вне зависимости от того, гражданами какого государства они являются, производится Российской Федерацией «на условиях и по нормам ее законодательства»[13]. В ст. 7 Соглашения 1994 г. детализируется, что в соответствии с положениями последнего пенсионные выплаты, причитающиеся военным пенсионерам, не подлежат налогообложению и выплачиваются Российской Федерацией за счет ее собственных средств[14].

Вместе с тем в Соглашении 1994 г. в отличие от Соглашения 1993 г. содержится альтернативный вариант: так, его ст. 9 предусматривает для бывших военнослужащих, приобретших право на пенсионное обеспечение на основании латвийских законов, возможность назначения и выплаты им пенсии за счет средств Латвийской Республики компетентными органами последней[15]. При таком сценарии, однако, приостанавливается выплата ранее назначенных российской стороной пенсий на тот период, когда надлежащие пенсионные выплаты производятся латвийскими органами[16].

---

[11] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики : принято 30 апреля 1994 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900390 (дата обращения: 19.11.2025).

[12] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о порядке предоставления социальных гарантий военным пенсионерам Российской Федерации, постоянно проживающим в Литовской Республике : принято 18 ноября 1993 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48467/ (дата обращения: 19.11.2025).

[13] Там же. Статья 1.

[14] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики : принято 30 апреля 1994 г. Статья 7. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900390 (дата обращения: 24.11.2025).

[15] Там же. Статья 9.

[16] Там же.

Оба Соглашения также содержат нормы, направленные на регламентацию вопросов медицинского обеспечения. Согласно ст. 4 Соглашения 1993 г. военным пенсионерам Российской Федерации и их членам семей оказывается «медицинская и протезная помощь, медицинское обслуживание в лечебных учреждениях» согласно законодательству Литвы[17]. Сопоставимая норма Соглашения 1994 г. закрепляет более благоприятное положение проживающих в Латвии военных пенсионеров в части медицинского обслуживания, так как на основании ст. 10 они наделяются правом на любую медицинскую и протезную помощь в лечебных учреждениях Латвийской Республики в порядке и на условиях, идентичных тем, которыми обладают латвийские пенсионеры[18].

Отдельно необходимо подчеркнуть, что данные международные договоры в целом являются нестандартными по своей природе, поскольку помимо положений, затрагивающих социальное обеспечение военных пенсионеров и членов их семей, содержат ряд не относящихся напрямую к такому виду обеспечения норм. Таковые могут быть посвящены, к примеру, правам названных лиц на движимое и недвижимое имущество, а также вопросам образования и культуры. Так, по Соглашению 1994 г. военные пенсионеры Российской Федерации наделяются правом на получение в Латвии образования «в высших, средних общеобразовательных и средних специальных учебных заведениях»[19], а также могут работать в латвийских общественных и культурных организациях[20].

Таким образом, справедливо заключить, что рассмотренные международные договоры, посвященные вопросам регулирования социального обеспечения военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Литовской и Латвийской Республик, достаточно сходны. У обоих актов широкий предмет регулирования, не ограничивающийся исключительно социальной проблематикой. Кроме того, идентично содержащееся в них общее правило о том, что пенсии ранее названным военным пенсионерам выплачиваются за счет Российской Федерации. Вместе с тем Соглашение 1994 г. вносит некоторые коррективы в правовой статус военных пенсионеров, проживающих в Латвийской Республике, в сторону его улучшения. Об этом свидетельствуют, в частности, норма о предоставлении бывшим военным возможности произвести выбор в пользу пенсий, покрываемых Латвией, а также положение об идентичном с латвийскими пенсионерами характере права на медицинскую и протезную помощь в латвийских медицинских учреждениях.

К рассмотренному выше подвиду договоров относится и недавно заключенное Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о порядке пенсионного обеспечения сотрудников органов принудительного исполнения и органов уголовно-исполнительной системы и членов их семей от 17 сентября 2024 г. (далее – Соглашение 2024 г.)[21]. Базовые принципы названного Соглашения характеризуются следующим образом.

Во-первых, устанавливается, что таким трудящимся пенсии назначаются компетентными органами и на основании законодательства той страны, где лицо было уволено со службы, обладая необходимым пенсионным правом[22]. Во-вторых, рассчитывают и выплачивают эти пенсии сотрудникам компетентные органы того

---

[17] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о порядке предоставления социальных гарантий военным пенсионерам Российской Федерации, постоянно проживающим в Литовской Республике : принято 18 ноября 1993 г. Статья 4. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48467/ (дата обращения: 24.11.2025).

[18] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики : принято 30 апреля 1994 г. Статья 10. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900390 (дата обращения: 24.11.2025).

[19] Там же. Пункт 1 ст. 12.

[20] Там же. Пункт 2 ст. 12.

[21] Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о порядке пенсионного обеспечения сотрудников органов принудительного исполнения и органов уголовно-исполнительной системы и членов их семей : принято 17 сентября 2024 г. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506260026?index=1 (дата обращения: 24.11.2025).

[22] Там же. Пункт 1 ст. 2.

государства, в котором они на постоянной основе проживают, сообразно положениям национального законодательства этого государства[23]. Последний из перечисленных принципов характеризует одну из двух основополагающих пенсионных систем, которые будут более детально описаны позднее.

Наряду с этим, рассматриваемые двусторонние договоры подлежат дифференциации в зависимости от того, регулируют ли они непосредственно сотрудничество стран по вопросам пенсионного (социального) обеспечения или же в них очерчиваются лишь общие правовые рамки такового в прямой связи с осуществляемой трудящимися-мигрантами трудовой деятельностью. Ко вторым, в частности, относятся такие международные договоры, как Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации[24], а также аналогичное российско-узбекистанское Соглашение[25]. Упомянутые договоры хотя и не содержат норм, напрямую регулирующих проблематику социального обеспечения, тем не менее создают необходимую основу регламентации данных правоотношений. Так, российско-таджикистанское соглашение закрепляет право работника на социальную защиту на основании законодательства принимающего государства[26], а также осуществление медицинского обслуживания трудящихся ресурсами работодателя (заказчика работ или услуг) сообразно нормам законодательства принимающего государства на уровне не ниже уровня медицинского обслуживания граждан последнего[27]. Кроме того, данный документ содержит отсылку к отдельному акту Сторон в области социального страхования, которым будут регулироваться надлежащие правоотношения[28]. Соглашение с Узбекистаном устанавливает, что по общему правилу законодательство принимающего государства регулирует порядок возмещения работнику вреда вследствие увечья, профессионального заболевания либо иного повреждения здоровья, связанных с исполнением им трудовых обязанностей, кроме случаев, когда иное предусматривается отдельным специальным международным договором[29].

Наконец, разграничение двусторонних российских договоров в социальной сфере также можно провести по признаку устанавливаемой ими модели пенсионного обеспечения, а именно: территориальной или пропорциональной. Основное отличие двух моделей друг от друга вкратце состоит в следующем. При территориальной модели не имеет значения, в какой стране трудящимся был приобретен трудовой стаж, поскольку пенсия в конечном счете выплачивается исключительно тем государством, в котором работник постоянно проживает на момент приобретения им необходимого права. Если речь о пропорциональной модели, то в ее рамках обязательства по погашению пенсионных выплат справедливо распределяются между всеми странами, в которых работником осуществлялась трудовая деятельность.

---

[23] Там же. Пункт 2 ст. 2.

[24] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации : принято 16 октября 2004 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46051/ (дата обращения: 30.12.2025).

[25] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации : принято 4 июля 2007 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45726/ (дата обращения: 30.12.2025).

[26] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о трудовой деятельности и защите прав граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации : принято 16 октября 2004 г. Статья 6. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46051/ (дата обращения: 30.12.2025).

[27] Там же. Пункт 6 ст. 8.

[28] Там же. Пункт 7 ст. 8.

[29] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации : принято 4 июля 2007 г. Пункт 4 ст. 14. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45726/ (дата обращения: 30.12.2025).

Применительно к двусторонним договорам Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения хронологически первична именно территориальная пенсионная модель, составлявшая основу более ранних соглашений. Среди таких актов можно выделить действующее Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 декабря 1960 г. (далее – Соглашение 1960 г.)[30].

Данный документ заключает в себе ряд заслуживающих внимания положений: в частности, прописывается, что сфера действия Соглашения максимально широка и охватывает не только все установленные на момент его принятия разновидности социального обеспечения граждан обеих стран, но и те, что впоследствии будут установлены национальным законодательством государств[31]. Кроме того, для целей данного договора социальное обеспечение подразумевает различные виды обеспечения, причем как в деньгах, так и в натуре[32]. Как представляется, отдельное указание на распространение действия Соглашения 1960 г. на социальное обеспечение при помощи натурального обмена довольно оригинально для российской договорной практики в изучаемой области.

Территориальная пенсионная модель Соглашения 1960 г. прослеживается в нормах его ст. 5, согласно п. 1 которой гражданину, обладающему правом на пенсию, таковая назначается и выплачивается надлежащими органами государства, в котором лицо проживает в момент подачи запроса с целью назначения пенсии, во исполнение законодательства упомянутого государства[33]. Если упомянутый пенсионер переселится на территорию другой Договаривающейся Стороны, последняя начнет осуществлять выплату пенсии, опираясь на положения своего национального законодательства, «начиная с первого числа месяца, следующего за месяцем, в котором имело место переселение»[34]. Вместе с тем в данных обстоятельствах само пенсионное право не подлежит пересмотру в тех случаях, когда законодательство страны переезда предусматривает пенсии аналогичного вида[35]. При условии возвращения в страну изначального проживания переселившегося в другое государство пенсионера профильный орган указанного государства вновь станет выплачивать лицу пенсию «с первого числа месяца, следующего после возвращения пенсионера»[36].

Отдельный абзац п. 1 ст. 10 Соглашения 1960 г. посвящен вопросу регламентации социального обеспечения сотрудников дипломатических и консульских представительств одной из стран, находящихся в другой стране – стороне Соглашения. Так, излагается, что именно компетентные органы направляющего государства, основываясь на законодательстве последнего, производят их социальное обеспечение при условии, что ранее упомянутые сотрудники обладают гражданством направляющей страны[37]. Идентичный порядок справедлив и в отношении являющихся гражданами направившего их государства «занятых у работников упомянутых учреждений рабочих и служащих»[38]. Наличие в исследуемом Соглашении обособленных норм, регулирующих предоставление социального обеспечения ранее перечисленным категориям лиц, насколько можно судить, объясняется тем, что специализированные Венские конвенции о дипломатических[39] и консульских сношениях[40] были приняты в 1961 и 1963 гг. соответственно, т.е. уже после подписания рассматриваемого Соглашения.

---

[30] Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения : принято 24 декабря 1960 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/8315394?ysclid=mi3dqq4hbe762091059 (дата обращения: 19.11.2025).

[31] Там же. Пункт 1 ст. 1.

[32] Там же. Пункт 2 ст. 1.

[33] Там же. Пункт 1 ст. 5.

[34] Там же. Пункт 2 ст. 5.

[35] Там же.

[36] Там же. Пункт 3 ст. 5.

[37] Там же. Пункт 1 ст. 10.

[38] Там же.

[39] Венская конвенция о дипломатических сношениях : принята 18 апреля 1961 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml?ysclid=mi5yhnewsl230843623 (дата обращения: 19.11.2025).

[40] Венская конвенция о консульских сношениях : принята 24 апреля 1963 г. URL: https://www.kdmid.ru/cons-dep/Vienna-%D0%A1onvention.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

Следует отметить, что к Соглашению 1960 г. не был принят отдельный документ, которым бы регламентировалось сотрудничество компетентных органов по применению этого международного договора. При этом само Соглашение содержит раздел, именуемый «Сотрудничество между органами социального обеспечения», в котором, помимо прочего, закреплено, что компетентные учреждения и органы Сторон будут обмениваться специальной литературой и периодическими изданиями, публикациями по вопросам трудового законодательства и публикациями о развитии и результатах социального обеспечения другой Договаривающейся Стороны[41]. Кроме того, такой опыт предполагает осуществление специалистами в социально обеспечительной сфере на взаимной основе визитов и передачу информации о результатах научно-исследовательских работ[42], а также данных касательно действующего национального законодательства, регламентирующего область социального обеспечения, и его изменениях[43].

Обращает на себя внимание и то, что 24 декабря 1960 г. к Соглашению был подписан Протокол[44], конкретизирующий *ratione personae* акта: так, в Протоколе особо подчеркивается, что действие договора охватывает борцов с фашизмом и служивших в вооруженных силах СССР или Румынской Народной Республики лиц[45].

Среди договоров, фиксирующих территориальную модель назначения и выплаты пенсии, также можно отметить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о гарантиях прав граждан в области пенсионного обеспечения от 10 февраля 1995 г. (далее – Соглашение 1995 г.)[46], что подтверждается содержанием его статьи 2[47]. Данный документ стремится упрочить равноправное положение граждан государства одной Стороны на территории государства другой Стороны в отношении того, что касается пенсионных вопросов – это отражено в его ст. 4, которая провозглашает предоставление на территории договаривающихся государств постоянно проживающим в них гражданам обоих стран, к которым относятся и переехавшие (приехавшие) из одного договаривающегося государства в другое лица, идентичные со своими гражданами права в пенсионной сфере[48].

В данном случае видится существенным сделать небольшое отступление и подчеркнуть, что концепцию так называемых равных прав граждан в области социального обеспечения с трудом можно квалифицировать как безусловную по ряду причин. Например, потому, что национальным законодательством государства могут быть предусмотрены некоторые ограничения для неграждан в сфере труда: в Российской Федерации иностранному гражданину, помимо прочего, воспрещается становиться членом экипажа военного корабля Российской Федерации или другого эксплуатируемого в некоммерческих целях судна, а также летательного аппарата государственной авиации[49].

Справедливо заключить, что Соглашением 1995 г. по праву покрываются все виды государственного пенсионного обеспечения граждан государств Сторон, поскольку, как и в случае с Соглашением 1960 г., имеются в виду не только установленные к моменту его подписания виды

---

[41] Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения : принято 24 декабря 1960 г. Пункт 1 ст. 12. URL: https://docs.cntd.ru/document/8315394?ysclid=mi3dqq4hbe762091059 (дата обращения: 19.11.2025).

[42] Там же.

[43] Там же. Пункт 2, ст. 12.

[44] Протокол к Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 декабря 1960 г. URL: URL:https://docs.cntd.ru/document/8315394?ysclid=mi3dqq4hbe762091059 (дата обращения: 19.11.2025).

[45] Там же.

[46] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о гарантиях прав граждан в области пенсионного обеспечения : принято 10 февраля 1995 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/901789061?ysclid=mi69dxsacd993016593 (дата обращения: 19.11.2025).

[47] Там же. Статья 2.

[48] Там же. Статья 4.

[49] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ : принят Гос. Думой Рос. Федерации 21 июня 2002 г. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501913&ysclid=midbp7lsj479179024 (дата обращения: 24.11.2025).

государственного пенсионного обеспечения, но и все те разновидности, которые будут введены государством в будущем[50].

Проблематика назначения и выплаты пенсии работнику, являющемуся гражданином одного из государств Сторон, который переселился в государство другой Стороны, разрешается Соглашением 1995 г. следующим образом. Так, согласно п. 3 ст. 6 договора величина пенсии применительно к гражданам одного государства, переехавшим в другое государство и осуществляющим трудовую деятельность после переезда, рассчитывается на основе получаемого ими после переезда дохода[51].

Кроме того, если упомянутые граждане после подобного переезда не располагают минимальным необходимым периодом работы для того, чтобы с опорой на положения законодательства страны переселения исчислить заработную плату в момент назначения пенсии[52] или вовсе не осуществляли трудовую деятельность, базой для расчета величины их пенсии выступает «среднемесячный заработок работника соответствующей профессии и квалификации, занятого аналогичной деятельностью» ко времени назначения пенсии тем государством, в которое переселились данные лица[53]. Если подобным способом не удается определить заработок, величина пенсии определяется на основании сформировавшегося на момент назначения пенсии в государстве переселения гражданина помесячного дохода[54].

С целью уяснить истинное содержание вышеизложенных положений логично провести аналогию. Допустим, гражданка Молдовы в течение определенного количества лет проработала бухгалтером на территории Молдовы и впоследствии приобрела право на пенсию определенного размера по национальному законодательству. После приобретения этого права она приняла решение переехать в Российскую Федерацию для постоянного в ней проживания. Как обнаружилось по приезде, трудового стажа, приобретенного в Молдове, недостаточно для расчета ее зарплаты в целях назначении пенсии по российскому законодательству. При таком условии величина причитающейся ей пенсии рассчитывается из среднемесячного заработка работника бухгалтерии, обладающего аналогичными профессией и квалификацией и осуществляющего те же должностные обязанности, который сложился к моменту назначения пенсии по законодательству Российской Федерации.

Плюс ко всему, в Соглашении 1995 г. фиксируется, что в случае описанного ранее переезда лицу перестает выплачиваться пенсия по законодательству государства Стороны, где он проживал ранее, при наличии в законодательном массиве государства, являющегося новым местом жительства, норм, предусматривающих такие же основания для назначения пенсии[55]. Вместе с тем в ситуации, когда взаконами той страны, в которую пенсионер переехал, не предусмотрены пенсионные выплаты по соответствующему основанию, пенсию продолжает выплачивать государство, из которого уехал пенсионер, вплоть до момента появления права у последнего на пенсионное обеспечение согласно законодательству страны переселения[56]. С целью гарантировать получение лицом пенсии, п. 2 ст. 7 акта регламентирует обеспечение Сторонами беспрепятственного обмена денежных переводов, порядок которого закрепляется отдельным соглашением[57].

Разберем указанную ситуацию на наглядном примере. Предположим, гражданин Российской Федерации 1964 г. рождения приобрел право на накопительную пенсию по российскому законодательству (на том основании, что в период с 2002 по 2004 гг. включительно за него уплачивались необходимые страховые взносы)[58] и некоторое время получал ее, проживая в России. Затем

[50] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о гарантиях прав граждан в области пенсионного обеспечения : принято 10 февраля 1995 г. Статья 3. URL: https://docs.cntd.ru/document/901789061?ysclid=mi69dxsacd993016593 (дата обращения: 20.11.2025).

[51] Там же. Пункт 3 ст. 6.

[52] Там же.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же. Пункт 1 ст. 7.

[56] Там же.

[57] Там же. Пункт 2 ст. 7.

[58] Гражданам: накопительная пенсия. – *Социальный фонд России* : [официальный сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/workers/pensions/nakop_pens (дата обращения: 24.11.2025).

он решил переехать жить в Молдову, однако при переезде выяснилось, что аналогичную пенсию в Молдове гражданин получать не сможет, поскольку такого вида пенсия не предусмотрена молдавским законодательством[59]. Соответственно, до момента приобретения этим лицом права на иной вид пенсии по местному законодательству, вышеназванная пенсия будет продолжать ему выплачиваться Российской Федерацией и пересылаться в Молдову посредством денежного перевода.

Обобщая информацию касательно изученных двусторонних договоров Российской Федерации, регламентирующих двустороннее сотрудничество в социально обеспечительной области и устанавливающих территориальную пенсионную модель, можно прийти к следующим выводам.

Очевидно, что все подобные договоры отличает абстрактный характер – это проявляется в лаконичности сформулированных в них норм, во многом отсылающих к государственному пенсионному законодательству. Вдобавок в них отсутствует изложение механизмов исчисления и назначения соответствующих выплат трудящимся гражданам государств сторон применительно к конкретным видам пенсий и пособий. В то же время прослеживается тенденция к внесению в текст документов нормы, направленной на уравнивание в правах граждан государств сторон соглашения на территории обеих стран в том, что касается их пенсионного обеспечения. Наконец, к большинству договоров из рассматриваемой группы не был разработан дополнительный акт, посвященный сотрудничеству компетентных органов в сфере пенсионного обеспечения, а потому таковое основывается на одноименном разделе межгосударственного соглашения.

На фоне других выделяется российско-латвийский Договор по вопросам сотрудничества в социальной сфере (далее – Договор 2007 г.)[60], содержащий развернутый понятийный аппарат, полный список пенсий и пособий, составляющих сферу регулирования данного соглашения применительно к обоим государствам, а также отдельные разделы, отведенные под применение национального законодательства, а также механизм сотрудничества сторон.

Вызывает интерес содержательное наполнение ст. 3 упомянутого международно-правового акта, очерчивающей круг охватываемых действием документа субъектов. Так, Договор 2007 г. распространяется на ряд категорий проживающих в государствах-контрагентах лиц: на тех, кто является гражданами последних, лиц без гражданства, включая постоянных жителей Латвийской Республики со статусом неграждан, а также членов семей поименованных лиц, «подпадавших или подпадающих под действие законодательства Договаривающихся Сторон»[61]. В статье фиксируется, что в названный ранее круг субъектов включаются также беженцы в границах статуса, определенного соответствующей основополагающей Конвенцией[62], а также члены их семей, применительно к которым действовало или действует законодательство стран, выступающих сторонами Договора, о социальном обеспечении и обязательном (государственном) социальном страховании[63].

По общему правилу, изложенному в Договоре 2007 г., пенсия выплачивается согласно положениям законодательства той страны, на территории которой трудилось застрахованное лицо (этот термин охватывает всех поименованных в ст. 3 Договора лиц). Опираясь на изложенное, может сложиться впечатление, что Договор 2007 г. строится лишь на пропорциональной пенсионной модели, однако это не совсем так. Дело в том, что указанное выше справедливо только в отношении пенсии за стаж, приобретенный после 1 января 1991 г.[64], а когда речь о стаже, наработанном до названной даты, в силу

[59] Все, что нужно знать о пенсиях в Молдове. URL: https://www.delucru.md/ru/articles/vsyo-chto-nuzhno-znat-o-pensiyakh-v-moldove (дата обращения: 24.11.2025).

[60] Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения : подписан 18 декабря 2007 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/902287147?ysclid=mi8wn2z3j3931870995 (дата обращения: 21.11.2025).

[61] Там же. Пункт 1 ст. 3.

[62] Речь идет о Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.

[63] Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения : подписан 18 декабря 2007 г. Пункт 2 ст. 3. URL: https://docs.cntd.ru/document/902287147?ysclid=mi8wn2z3j3931870995 (дата обращения: 21.11.2025).

[64] Социальный фонд России. Пенсионное обеспечение граждан при переезде в Россию из стран бывшего СССР. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/pr/liflet/2025/14_Pensionnoe_obespechenie_pri_pereezde_v_Rossiyu_iz_stran_byivshego_SSSR_1-2_2025.pdf?ysclid=mien1xzupu805342793 (дата обращения: 25.11.2025).

вступает территориальный принцип и назначение и выплата пенсии осуществляются той страной, в которой гражданин проживает с учетом национального законодательства[65]. Таким образом, данный Договор заключает в себе одновременно две пенсионные модели и имеет смешанную, территориально-пропорциональную природу.

Думается, в случае с соглашениями с ранее входившими в состав СССР государствами следует согласиться с подобным подходом, поскольку тем самым отдается должное советскому наследию, когда все советские республики совместно работали на благо общей цели. Дополнительно надлежит уточнить, что применение описанного принципа обосновывается действием на территории всего СССР единых положений пенсионного законодательства, а также консолидированной системой уплаты пенсионных взносов [Мишальченко, Платонова, Торопыгин 2020:68].

Из правила о выплате пенсии за стаж, накопленный после 1 января 1991 г., есть ряд исключений: в частности, если имеются в виду члены экипажа судов, то к ним применяется законодательство государства флага судна, совершающего плавание[66], а в случае работников, занимающихся погрузкой, разгрузкой и ремонтом судов, или сотрудников службы охраны порта - законодательство государства расположения порта[67].

В соответствии с подп. 2 п. 2 ст. 6 Договора 2007 г. применимое к лицам в длительных командировках законодательство устанавливается следующим образом. Так, в отношении лиц, являющихся застрахованными в соответствии с законодательством какой-либо из Договаривающихся Сторон, которые были направлены на определенный срок для работы в другую Договаривающуюся Сторону, справедливы нормы законодательства первой из Договаривающихся Сторон при условии, что срок командировки не превышает два года. В каждом конкретном случае уполномоченные организации государств могут согласовать между собой, что вышеизложенный подпункт может оставаться в силе и дольше, но не более чем на один год[68].

В Соглашении между уполномоченными организациями о применении Договора[69] уточняется, что в подобных условиях компетентная организация одной из сторон Договора предоставляет работодателю при наличии запроса свидетельство для подтверждения того, что к застрахованному остается применимым национальное законодательство первой Договаривающейся Стороны, а потому законодательство другой Договаривающейся Стороны на него не распространяется и, соответственно, это подразумевает под собой то, что не взимаются взносы на обязательное (государственное) социальное страхование[70]. Вдобавок конкретизируется, что в ситуации превышения двухлетнего срока командировки «в результате непредвиденных обстоятельств» срок действия упомянутого свидетельства может быть продлен на однолетний срок по взаимному согласию компетентных организаций[71].

Для упрощения восприятия вышеизложенной схемы разберем ее на наглядном примере. Предположим, что гражданин Российской Федерации работает в компании, офисы которой располагаются как в России, так и в Латвии. В определенный момент данного сотрудника, работающего в российском офисе компании, направляют в ее латвийский офис ровно на два года: планируется, что по истечении указанного срока ему или ей на замену выйдет иной сотрудник. В течение всего двухлетнего периода при этом вопросы социального обеспечения командированного работника разрешаются в соответствии с российским законодательством - это подтверждается свидетельством, направляемым российской компетентной организацией латвийскому

[65] Социальный фонд России. Пенсионное обеспечение граждан при переезде в Россию из стран бывшего СССР.

[66] Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения : подписан 18 декабря 2007 г. Пункт 2 ст. 6. URL: https://docs.cntd.ru/document/902287147?ysclid=mi8wn2z3j3931870995 (дата обращения: 21.11.2025).

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Соглашение между Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерством благосостояния Латвийской Республики о применении Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о сотрудничестве в области социального обеспечения от 18 декабря 2007 г. : подписано 20 декабря 2010 г. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/pensii/pens_zarubej/adminstrativ_soglsh/latviaya.doc (дата обращения: 23.11.2025).

[70] Там же. Пункт 1 ст. 3.

[71] Там же. Пункт 2 ст. 3.

работодателю по запросу последнего. Однако по прошествии двух лет выясняется, что тот трудящийся, который должен был заменить сотрудника в командировке, не сможет этого сделать по неожиданно возникшим семейным обстоятельствам. Это вызывает необходимость продления длительности командирования первого работника еще на один год, а по согласованию российской и латвийской компетентных организаций действие вышеупомянутого свидетельства продлевается на аналогичный период.

Стоит констатировать, что начиная с 2022 г. исполнение в полном объеме соглашений о пенсионном обеспечении, заключенных с государствами ‑ членами Европейского союза (в особенности, в части выплаты пенсий и пособий), выступает крайне затруднительным по причине введения последними в адрес Российской Федерации односторонних ограничительных мер экономического характера. Данный факт значительно препятствует полной реализации прав и свобод российских граждан в сфере социального обеспечения, что во многих случаях приводит к их нарушениям и противоречит универсальным и региональным актам в сфере международного права защиты и поощрения прав человека[72]. Преодоление подобного негативного сценария немыслимо без скоординированной совместной работы заинтересованных российских ведомств для поиска оптимального и высокоэффективного решения – зачастую при этом задействуются и различные дипломатические средства, в частности, переговоры и дипломатическая переписка. Стоит также упомянуть, что проблемные вопросы, связанные с реализацией двусторонних международных договоров, предметно обсуждаются в ходе заседаний таких структур, как межправительственные комиссии затронутых государств по различным видам сотрудничества.

Российским государством с недавнего времени был поэтапно взят курс на модернизацию укоренившейся территориальной схемы ввиду того, что в определенный момент нагрузка на отечественную бюджетную систему стала неподъемной (это обстоятельство объясняется тем, что подавляющее большинство лиц из стран евразийского региона, трудившихся в советский и ранний постсоветский периоды на территории государств, входивших в состав СССР, после приобретения ими права на пенсию переехали на постоянное место жительства именно в Российскую Федерацию). Отметим попутно, что на этой же почве было принято решение о денонсации Россией блока «пенсионных» соглашений в пределах СНГ[73].

В результате повсеместно стала применяться новая пропорциональная пенсионная схема в качестве исходной концепции при разработке новых двусторонних договоров Российской Федерации в данной области. Среди таковых можно выделить ряд международно-правовых актов, например, Договор между Российской Федерацией и Государством Израиль о сотрудничестве в области социального обеспечения от 6 июня 2016 г.[74] и Договор между Российской Федерацией и Чешской Республикой о социальном обеспечении от 8 декабря 2011 г.[75] В российско-чешском договоре, что примечательно, наличествует ст. 5, в соответствии с которой запрещается изменение размеров пенсий и пособий, прекращение их выплаты, а также отказ лицу в как таковом праве на эти суммы, если вышеизложенное производится по причине проживания трудящегося на территории другой Договаривающейся Стороны[76].

Нельзя в данном контексте обойти вниманием и Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 15 сентября

[72] См.: Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт об экономических социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. и т.д.

[73] См.: Соглашение о гарантиях прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г., Соглашение о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств – участников СНГ от 15 мая 1992 г. и т.д.

[74] Договор между Российской Федерацией и Государством Израиль о сотрудничестве в области социального обеспечения : принят 6 июня 2016 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/420362973 (дата обращения: 24.11.2025).

[75] Договор между Российской Федерацией и Чешской Республикой о социальном обеспечении : принят 8 декабря 2011 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/902335204?ysclid=mid7e2q7f9460732538 (дата обращения: 24.11.2025).

[76] Там же. Статья 5.

2021 г. (далее – Договор 2021 г.)[77]. Данный международно-правовой акт во многом походит на ранее изученные договоры, однако его отдельные положения являются новаторскими в сравнении с более ранними документами.

Так, в Договоре 2021 г. присутствует положение, существенно благоприятствующее трудящемуся в деле приобретения им права на пенсию. Пунктом 4 ст. 9 соглашения закреплено, что в ситуации, когда у лица не хватает страхового стажа, выработанного в государстве ‑ стороне Договора, по законодательству которого ему назначается пенсия, для права на нее, то этой страной учитывается приобретенный страховой стаж не только в другом государстве стороне Договора, но и в третьем государстве, с которым у назначающей пенсию страны есть соответствующий международный договор о сотрудничестве[78]. Единственная особенность в том, что затронутое третье государство должно такой стаж подтвердить[79].

Приведем наглядный пример. Гражданин Таджикистана некоторое время трудился на территории Российской Федерации, но приобретенного им страхового стажа не хватило для возникновения права на российскую пенсию. С учетом этих обстоятельств компетентные российские органы учли имеющийся страховой стаж, наработанный лицом в Таджикистане, однако даже его оказалось недостаточно. Впрочем, стало известно о том, что работник располагает необходимым стажем, полученным в Республике Молдова, с которой у Российской Федерации как раз имеется действующий договор в пенсионной сфере. Как итог, соединение воедино общего стажа лица, выработанного им в трех разных странах, позволило ему наконец получить желанное право.

Договор 2021 г. при этом внедряет также так называемый механизм экспорта пенсий (новелла, первоначально введенная и опробованная посредством многостороннего Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств ‑ членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) от 20 декабря 2019 г.)[80] Строго говоря, данная концепция предоставляет застрахованному лицу возможность выбрать, на территории какого государства ему будет выплачиваться назначенная пенсия. Вместе с тем гарантируется, что факт проживания лица на территории другой Договаривающейся Стороны сам по себе не влечет снижение размера пенсии, а также остановку или прекращение ее выплаты[81]. Это нововведение в свое время было продиктовано насущной потребностью в обеспечении исчерпывающей реализации гражданами государств ‑ членов ЕАЭС приобретенных ими в границах Союза пенсионных прав, безотносительно к месту их постоянного проживания [Anbrekht 2022:6]. Эта норма, в свою очередь, сходна с одним из ранее изложенных положений российско-чешского договора[82].

Более того, если пенсионер переезжает жить в третье государство «выплата назначенных пенсий по его выбору продолжает осуществляться Договаривающейся Стороной, их назначившей, либо на территории этой Договаривающейся Стороны, либо переводится на территорию другой Договаривающейся Стороны»[83]. Иными словами, если российский гражданин, которому пенсия была назначена Республикой Таджикистан, переезжает на постоянное место жительства, скажем, в Республику Беларусь, то пенсия будет и далее выплачиваться ему таджикистанской стороной либо в Таджикистане, либо будет переводиться в Российскую Федерацию.

---

[77] Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения : принят 15 сентября 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60458/ (дата обращения: 25.11.2025).

[78] Там же. Пункт 4 ст. 9.

[79] Там же.

[80] Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза : принято 20 декабря 2019 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/564161102 (дата обращения: 25.11.2025).

[81] Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения : принят 15 сентября 2021 г. Пункт 2 ст. 5. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60458/ (дата обращения: 25.11.2025).

[82] Договор между Российской Федерацией и Чешской Республикой о социальном обеспечении : принят 8 декабря 2011 г. Статья 5. URL: https://docs.cntd.ru/document/902335204?ysclid=mid7e2q7f9460732538 (дата обращения: 24.11.2025).

[83] Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения : принят 15 сентября 2021 г. Пункт 4 ст. 5.

Особенности этого процесса детально урегулированы межведомственным документом по применению Договора (далее – Административное соглашение 2023 г.)[84].

Примечательно, что 18 декабря 2024 г. было подписано Соглашение между Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации и Агентством социального страхования и пенсий при Правительстве Республики Таджикистан о порядке обмена электронными документами при реализации Административного соглашения 2023 г., нацеленное на упрощение взаимодействия российских и таджикистанских компетентных органов посредством официального закрепления его электронного формата.

Сходные подходы, в том числе и опция так называемого пенсионного экспорта, проиллюстрированы в Договоре между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 26 апреля 2022 г.[85]

Резюмируя вышесказанное, резонно отметить следующее. Не подвергается сомнению, что составленные по упомянутому принципу акты стали существенным шагом вперед по сравнению с договорами, организованными по «территориальной модели». Так, первые, к примеру, гораздо более исчерпывающе регламентируют систему назначения и предоставления лицам выплат применительно к их разновидностям, обладают развернутым понятийным аппаратом, а также вводят новшества, весомо содействующие реализации работниками их пенсионных прав. Показателен в этом смысле Договор с Таджикистаном 2021 г., закрепляющий возможность суммирования в пользу лица всего наработанного сразу в нескольких государствах страхового стажа или экспорта назначенной пенсии.

Имеет смысл в связи с этим согласиться с Г.С. Лаптевым, высказавшим мысль о том, что принятие международных договоров, предусматривающих сотрудничество между государствами в пенсионной сфере, «является наиболее приемлемым способом международно-правового регулирования пенсионного обеспечения, поскольку происходит распределение финансового бремени на социальное обеспечение в зависимости от объема прав, приобретенных застрахованными лицами на территории каждого из договаривающихся государств» [Лаптев 2014:144].

В дополнение к сказанному, на наш взгляд, существует очевидная целесообразность в разработке и подписании новых международных договоров о взаимодействии в социальной сфере с зарубежными партнерами, в особенности с государствами ‑ членами СНГ (в свете прекращения действия в отношении Российской Федерации соответствующих соглашений), что также позволит обезопасить многих российских граждан от попрания их прав на пенсию. Проведенное исследование наглядно продемонстрировало, что при разработке текстов таких договоров лучше всего основываться на пропорциональной пенсионной модели как наиболее эффективной и, безусловно, справедливой в финансовом отношении.

3. Заключение

Подытоживая исследование действующей российской договорной практики в сфере двустороннего международного сотрудничества по пенсионному обеспечению, можно прийти к следующим выводам.

К настоящему моменту сложилась обширная база двусторонних договоров в указанной сфере, которые могут быть поделены на несколько категорий по следующим основаниям: в зависимости от круга лиц, на которых распространяется их действие (общие и специальные), с учетом наличия в их тексте (помимо сугубо бланкетных) норм, предметно регулирующих изучаемые правоотношения, а также исходя из устанавливаемой ими пенсионной модели (территориальной, пропорциональной или гибридной).

[84] Административное соглашение между Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и Агентством социального страхования и пенсий при Правительстве Республики Таджикистан по применению Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 15 сентября 2021 г. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/zakonodatelstvo/pens_zagran/2023/sogl_rus_tadj.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

[85] Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения : принят 26 апреля 2022 г. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/zakonodatelstvo/pens_zagran/2023/Dogovor_RUS_Aze.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

Упомянутая ранее отечественная договорно-правовая база складывалась таким образом, что более ранние двусторонние соглашения обладали территориальной или гибридной природой, а по прошествии времени на государственном уровне произошел переход к пропорциональной пенсионной схеме. Обусловлено это было тем, что пропорциональная модель предусматривает равное распределение бремени по выплате пенсии между государствами в зависимости от размера приобретенного пенсионером в государстве стажа. Данная характеристика выгодно отличала ее от модели территориальной, в которой обязанность по внесению выплат априори лежит на государстве постоянного проживания лица.

Отметим, что с течением времени существенно изменилось в лучшую сторону субстантивное наполнение искомых документов. Если более ранние соглашения выделялись лапидарным текстом и преимущественно отсылали к национальному законодательству, то современные договоры досконально проработаны с точки зрения терминологического аппарата, норм о конкретных видах пенсий и пособий. Более того, к ним были заключены отдельные административные соглашения для подробного урегулирования порядка сотрудничества компетентных государственных органов, а в ряде случаев и акты, закрепляющие обмен электронными документами, что оптимизирует межведомственное взаимодействие. Помимо прочего, новейшими договорами гораздо надежнее обеспечиваются права подпадающих под их действие лиц, о чем свидетельствуют наличие в них, например, алгоритма межгосударственного экспорта пенсий и норм об учете приобретенного работником за рубежом стажа.

В конечном счете все вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости выработки на базе пропорциональной пенсионной модели новых двусторонних договоров с соответствующими государствами-членами СНГ (в свете денонсации Российской Федерацией соглашений в рамках Содружества в отношении различных категорий лиц), что стало бы весомым подспорьем в деле защиты прав наших граждан на пенсионное обеспечение.

Список литературы

1. Алиев С.Б. 2015. Актуальные вопросы пенсионного обеспечения трудящихся в государствах-членах Евразийского экономического союза. – *Правовая информатика*. № 3. С. 24-33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pensionnogo-obespecheniya-trudyaschihsya-v-gosudarstvah-chlenah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza?ysclid=mjiny7qc1i666511381 (дата обращения: 23.12.2025).
2. Бекяшев Д.К. 2015. *Международное трудовое право (публично-правовые аспекты)*. Москва: Проспект. 280 с.
3. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. 2013. *Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции*. Монография. Москва: Проспект. 392 с.
4. Бекяшев Д.К., Микрина В.Г. 2023. *Универсальные международные стандарты трудовых прав человека*. Монография. Москва: Проспект. 144 с.
5. Буянова М.О., Батусова Е.С., Казаков С.О., Павловская О.Ю. 2023. *Международное и зарубежное право социального обеспечения*. Москва: Кнорус. 190 с.
6. Васильева Ю.В. 2006. Некоторые проблемы международно-правового регулирования социального обеспечения. – *Проблемы международного и сравнительного трудового права и права социального обеспечения: материалы Международной научно-практической конференции*. Омск: ОмГУ. С. 110-116.
7. Зарубин Д.В. 2023. Международные трудовые стандарты: в поисках лучшего понимания. – *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. № 4 (153). С. 70-76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-trudovye-standarty-v-poiskah-luchshego-ponimaniya?ysclid=mjio1wg0bh844157099 (дата обращения: 23.12.2025).
8. Колотова Н.В. 2022. Сохранение пенсионных прав при переезде за рубеж: международный и национальный уровни регулирования (на примере стран СНГ). – *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 9. С. 113-121. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1847?locale=ru_RU (дата обращения: 26.12.2025).
9. Лаптев Г.С. 2014. Страховые принципы в межгосударственных соглашениях в области пенсионного обеспечения: проблемы правоприменения. – *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. № 3 (40). С. 142-146. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strahovye-printsipy-v-mezhgosudarstvennyh-soglasheniyah-v-oblasti-pensionnogo-obespecheniya-problemy-pravoprimeneniya?ysclid=mjio2zgyj1784113225 (дата обращения: 23.12.2025).
10. Лушникова М.В., Лушников А.М. 2010. *Международное трудовое право и международное право социального обеспечения: введение в курс*. Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ. 248 с.
11. Манджиева С.В. 2021. О некоторых принципах, определяющих сущность международных норм в области социального обеспечения. – *Пробелы в российском законодательстве*. Т. 14. № 3. С. 313-319. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46161215_78470590.pdf (дата обращения: 23.12.2025).
12. Мачульская Е.Е. 2000. *Право социального обеспечения: Перспективы развития*. Москва: Городец. 141 с.
13. Мишальченко Ю.В., Платонова Л.А., Торопыгин А.В. 2020. Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Респу-

блики Беларусь. – *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* № 3 (33). С. 67-77. URL: https://www.eijournal.ru/jour/article/viewFile/823/295 (дата обращения: 23.12.2025).
14. Шумилов О.В. 2007. *Международное трудовое и миграционное право СНГ.* Монография. Москва: Книжный мир. 96 с.
15. Anbrekht T.A. 2022. Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union. – *European and Asian Law Review.* № 5 (2). P. 5-13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/development-of-pension-rights-for-migrant-workers-on-the-territory-of-the-eurasian-economic-union?ysclid=mjio96orwy177246930 (accessed date: 23.12.2025).
16. Butcher P., Erdos J. 1988. International social security agreements: The U.S. experience. – *Social Security Bulletin*. Vol. 51. No. 9. P. 4-12. URL: https://www.ssa.gov/policy/docs/ssb/v51n9/v51n9p4.pdf (accessed date: 23.12.2025).
17. Holzmann R. 2016. Bilateral social security agreements and pensions portability: A study of four migrant corridors between EU and non-EU countries. – *International Social Security Review*. Vol. 69. Issue 3. P. 109-130. URL: https://www.researchgate.net/publication/312060933_Bilateral_social_security_agreements_and_pensions_portability_A_study_of_four_migrant_corridors_between_EU_and_non-EU_countries (accessed date: 26.12.2025).
18. Kazi-Aoul S., Van Panhuys C., Brener M., Ruggia-Frick R. 2023. Extending coverage to migrant workers to advance universal social protection. – *International Social Security Review.* Vol. 76. Issue 4. P. 111-136. URL: https://doi.org/10.1111/issr.12343 (accessed date: 23.12.2025).
19. Razavi S. 2022. Making the Right to Social Security a Reality for All Workers. – *Indian J Labour Econ.* Vol. 65. Issue 2. P. 269-294. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9306419/ (accessed date: 23.12.2025).
20. Servais J.M. 2022. *International social security law.* Alphen aan den Rjin: Wolters Kluwer. 176 p.

References

1. Aliev S.B. Aktual'nye voprosy pensionnogo obespechenija trudjashhihsja v gosudarstvah-chlenah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza [Current issues of pension provision for workers in the member states of the Eurasian Economic Union]. – *Pravovaja informatika [Legal informatics].* 2015. № 3. P. 24-33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pensionnogo-obespecheniya-trudyaschihsya-v-gosudarstvah-chlenah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza?ysclid=mjiny7qc1i666511381 (accessed date: 23.12.2025). (In Russ.)
2. Bekyashev D.K. *Mezhdunarodnoe trudovoe pravo (publichno-pravovye aspekty): uchebnik [International labor law (public legal aspects)].* Moscow: Prospect. Publ. 2015. 280 p. (In Russ.)
3. Bekyashev D.K., Ivanov D.V. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoj i trudovoj migracii. Monografija [International legal regulation of forced and labour migration. Monography].* Moscow: Prospect. Publ. 2013. 392 p. (In Russ.)
4. Bekyashev D.K., Mikrina V.G. *Universal'nye mezhdunarodnye standarty trudovyh prav cheloveka: monografija [Universal international standards of labour-related human rights: monography].* Moscow: Prospect. Publ. 2023. 144 p. (In Russ.)
5. Bujanova M.O., Batusova E.S., Kazakov S.O., Pavlovskaja O.Ju. *Mezhdunarodnoe i zarubezhnoe pravo social'nogo obespechenija: uchebnik [International and foreign law of social security: textbook].* Moscow: Knorus. Publ. 2023. 190 p. (In Russ.)
6. Vasil'eva Yu.V. Nekotorye problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija social'nogo obespechenija [Certain problems of the international legal regulation of social security]. – *Problemy mezhdunarodnogo i sravnitel'nogo trudovogo prava i prava social'nogo obespechenija: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Problems of the international and comparative labour law and law of social security: materials of the International scientific and practical conference].* Omsk: OmGU. Publ. 2006. P. 110-116. (In Russ.)
7. Zarubin D.V. Mezhdunarodnye trudovye standarty: v poiskah luchshego ponimanija. [International labour standards: in search of a better understanding]. – *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy].* 2023. № 4 (153). P. 70-76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-trudovye-standarty-v-poiskah-luchshego-ponimaniya?ysclid=mjio1wg0bh844157099 (accessed date: 23.12.2025). (In Russ.)
8. Kolotova N.V. Sohranenie pensionnyh prav pri pereezde za rubezh: mezhdunarodnyj i nacional'nyj urovni regulirovanija (na primere stran SNG) [Maintenance of Pension Rights when Moving abroad: International and National Levels of Regulation (the CIS Member States as an Example)]. – *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGJuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)].* 2022. № 9. P. 113-121. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1847?locale=ru_RU (accessed date: 26.12.2025).
9. Laptev G.S. Strahovye principy v mezhgosudarstvennyh soglashenijah v oblasti pensionnogo obespechenija: problemy pravoprimenenija [Insurance principles in interstate agreements in the field of pension provision: problems of enforcement]. – *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Pravo» [Bulletin of Omsk University. Law Series].* 2014. № 3 (40). P. 142-146. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strahovye-printsipy-v-mezhgosudarstvennyh-soglasheniyah-v-oblasti-pensionnogo-obespecheniya-problemy-pravoprimeneniya?ysclid=mjio2zgyj1784113225 (accessed date: 23.12.2025). (In Russ.)
10. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. *Mezhdunarodnoe trudovoe pravo i pravo social'nogo obespechenija: vvedenie v kurs [International labour law and International social security law: an introduction to the course].* Jaroslavl': JarGU. Publ. 2010. 248 p. (In Russ.)
11. Mandzhieva S.V. O nekotoryh principah, opredeljajushhih sushhnost' mezhdunarodnyh norm v oblasti social'nogo obespechenija [On certain principles which define the essence of the international norms in the sphere of social security]. – *Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in the Russian legislation].* 2021. Vol. 14. № 3. P. 313-319. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46161215_78470590.pdf (accessed date: 23.12.2025) (In Russ.)
12. Machul'skaja E.E. *Pravo social'nogo obespechenija: Perspektivy razvitija [Law of social security: prospects of development].* Moscow: Gorodec. Publ. 2000. 141 p. (In Russ.)

13. Mishal'chenko Ju.V., Platonova L.A., Toropygin A.V. Pensionnoe obespechenie grazhdan v EAJeS i Sojuznom gosudarstve Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus' [Pension provision for citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. – *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*. 2020. № 3 (33). P. 67-77. URL: https://www.ei-journal.ru/jour/article/viewFile/823/295 (accessed date: 23.12.2025). (In Russ.)
14. Shumilov O.V. *Mezhdunarodnoe trudovoe i migracionnoe pravo SNG. Monografija [International labour and migration law of CIS. Monography]*. Moscow: Knizhnyj mir. Publ. 2007. 96 p. (In Russ.)
15. Anbrekht T.A. Development of Pension Rights for Migrant Workers on the Territory of the Eurasian Economic Union. – *European and Asian Law Review*. 2022. № 5 (2). P. 5-13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/development-of-pension-rights-for-migrant-workers-on-the-territory-of-the-eurasian-economic-union?ysclid=mjio96orwy177246930 (accessed date: 23.12.2025).
16. Butcher P., Erdos J. International social security agreements: The U.S. experience. – *Social Security Bulletin*. 1988. Vol. 51. No. 9. P. 4-12. URL: https://www.ssa.gov/policy/docs/ssb/v51n9/v51n9p4.pdf (accessed date: 23.12.2025).
17. Holzmann R. Bilateral social security agreements and pensions portability: A study of four migrant corridors between EU and non-EU countries. – *International Social Security Review*. 2016. Vol. 69. Issue 3. P. 109-130. URL: https://www.researchgate.net/publication/312060933_Bilateral_social_security_agreements_and_pensions_portability_A_study_of_four_migrant_corridors_between_EU_and_non-EU_countries (accessed date: 26.12.2025).
18. Kazi-Aoul S., Van Panhuys C., Brener M., Ruggia-Frick R. Extending coverage to migrant workers to advance universal social protection. – *International Social Security Review*. 2023. Vol.76, Issue 4. P. 111-136. URL: https://doi.org/10.1111/issr.12343 (accessed date: 23.12.2025).
19. Razavi S. Making the Right to Social Security a Reality for All Workers. – *Indian J Labour Econ*. 2022. Vol. 65. Issue 2. P. 269-294. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9306419/ (accessed date: 23.12.2025).
20. Servais J.M. *International social security law*. Alphen aan den Rjin: Wolters Kluwer. 2022. 176 p.

Информация об авторах

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

Елизавета Григорьевна УМРИХИНА
Соискатель кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Атташе Правового департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация

egumrikhina@mid.ru
ORCID 0000-0003-0200-7727

About the Authors

Damir K. BEKYASHEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

Elizaveta G. UMRIKHINA
Postgraduate Student of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Attaché, Legal Department, Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskiy Bul'var, Moscow, Russian Federation, 119002

egumrikhina@mid.ru
ORCID 0000-0003-0200-7727

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-40-51

Исследовательская статья
УДК: 346.91; 341.64
Поступила в редакцию: 18.01.2025
Принята к публикации: 12.03.2026

Сергей Васильевич МАКСИМОВ
Евразийская экономическая комиссия
Смоленский б-р, 3/5, стр. 1, Москва, 119121, Российская Федерация
Институт экономики Российской академии наук
Нахимовский пр-т, 32, Москва, 117218, Российская Федерация
sergeymax2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2416-9543

Анна Андреевна ФИЛИМОНЕНКО
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Вернадского пр-кт, 82, стр. 1, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
119571, Российская Федерация
annafilimonenko@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3520-3073

О ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ДОСТУПА ГРАЖДАН К ПРАВОСУДИЮ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ СПОРОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

ВВЕДЕНИЕ. *С развитием евразийских интеграционных процессов все большее значение приобретает эффективность реализации locus standi (право обращения в суд). Авторы исследуют взаимосвязь закрепленного в Договоре о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС; ЕАЭС, Союз) правового механизма защиты прав физических лиц при оспаривании ими актов Евразийской экономической комиссии (далее также – ЕЭК, Комиссия) по делам о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках ЕАЭС и права указанных лиц на доступ к правосудию.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В исследовании использовались общенаучные, формально-логические методы (включая методы анализа, синтеза, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования), а также специальные методы (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой).*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Авторами представлен детальный анализ положений Договора о ЕАЭС, Статута Суда ЕАЭС, а также распоряжения Коллегии ЕЭК от 2 сентября 2025 г., предлагающего внести изменения, гарантирующие право на обращение в суд гражданина (в том числе должностного лица). Кроме того, в статье рассматривается практика Суда ЕАЭС и национальных судов Российской Федерации, а также представлен обзор имеющихся взглядов в науке, посвященных евразийской интеграции, locus standi и компетенции суда ЕАЭС*

по спорам с участием хозяйствующих субъектов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Авторами сделан вывод о том, что компетенция по разрешению споров, заявителями по которым являются физические лица, передана коллективным нормотворцем ЕАЭС в юрисдикцию Суда ЕАЭС лишь в части. В соответствии со Статутом Суда ЕАЭС у судебного органа ЕАЭС отсутствует компетенция по рассмотрению дел об обжаловании решений ЕЭК, вынесенных по итогам рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции в случае, если такие решения вынесены в отношении физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. По итогам рассмотрения требований физического лица об оспаривании указанных актов ЕЭК российскими судами сделан вывод о том, что рассмотрение подобных заявлений отнесено к исключительной компетенции Суда ЕАЭС и прекратили производство по таким делам. Продемонстрированный российскими судами подход следует из позиции Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной на основе обращения ЕЭК по аналогичному вопросу. Таким образом, физические лица (за исключением индивидуальных предпринимателей), которые были подвергнуты ЕЭК наказанию за нарушение общих правил конкуренции, оказались лишены права на доступ к правосудию. Выявленный в процессе правоприменения пробел в праве ЕАЭС, как показывает анализ, способен породить кризис системы правосудия в ЕАЭС. По мнению авторов, расширение практики обращения физических лиц с последующими, в том числе тождественными исками способно породить не просто дублирование или коллизию судебных процессов, а кризис системы правосудия в ЕАЭС, который сложно преодолеть оперативно.*

По мнению авторов, для предупреждения данного кризиса необходимо внести соответствующие изменения в Договор о ЕАЭС и принятые на его основе процессуальные акты в сфере антимонопольного контроля на трансграничных рынках до того момента, как заявление гражданина государства – члена ЕАЭС о нарушении его конституционных прав на судебную защиту станет предметом рассмотрения одного из конституционных судов государств – членов ЕАЭС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *доступ к правосудию, locus standi, Евразийская интеграция, коллизия судебных процессов, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), нарушение общих правил конкуренции*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Максимов С.В., Филимоненко А.А. 2026. О преодолении кризиса доступа граждан к правосудию в контексте трансграничных антимонопольных споров в Евразийском экономическом союзе. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 40–51. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-40-51

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-40-51

Research article
UDC: 346.91; 341.64
Received 18 January 2026
Approved 12 March 2026

Sergey V. MAKSIMOV
Eurasian Economic Commission (EEC)
3/5, bld. 1, Smolensky Blv., Moscow, Russian Federation, 119121
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 117218
sergeymax2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2416-9543

Anna A. FILIMONENKO
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, bldg. 1, Vernadskogo Ave., Troparevo-Nikulino Intracity Municipal District, Moscow, Russian Federation, 119571
annafilimonenko@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3520-3073

THE RIGHT OF ACCESS TO JUSTICE OF INDIVIDUALS IN TRANSNATIONAL ANTIMONOPOLY DISPUTES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: THE WAYS OF OVERCOMING THE CRISIS

INTRODUCTION. *The article essentially deals with the legal mechanism of challenging the Eurasian Economic Commission's (EEC) acts in the sphere of antimonopoly regulation by individuals in relation to their right of access to justice.*
MATERIALS AND METHODS. *The methodology in the paper contains the following tools: general scientific and formal-logical methods (including methods of analysis, synthesis, comparison, analogy, systematization, and modeling), as well as special methods (formal-legal, historical, and comparative analysis).*
RESEARCH RESULTS. *It is concluded that the competence to resolve these disputes is partially conveyed by collective lawmakers of the Eurasian Economic Union (EAEU) to the Court of the EAEU. At the same time the judicial body of the EAEU is not authorized to hear cases initiated by individuals (who are not entrepreneurs) in which the EEC's acts on liability of antimonopoly violations are challenged. Using the decisions of Russian courts the authors demonstrate that national courts cease the proceedings initiated by individuals who are not entrepreneurs. Moreover, considering the position of the Supreme Court of Russian Federation formulated on the ground of the EEC's complaint, Russian courts concluded that the Court of the EAEU has exclusive competence to consider claims of individuals to challenge acts of EEC in the sphere of antimonopoly regulation. Thus, natural persons (except for entrepreneurs) who were punished by the EEC for violation of general competition rules, seem to be deprived of their right of access to justice. Consequently, the legal gap revealed upon the implementation of the EAEU law may obviously lead to the crisis of the EAEU justice system.*
DISCUSSION AND CONCLUSION. *Therefore, to prevent the above-mentioned crisis, the authors recommend amending both the Treaty on the EAEU and the procedural acts in the sphere of the transnational antimonopoly regulation adopted based on the Treaty on the EAEU. These amendments should establish the right of individuals (who are not entrepreneurs) to challenge acts, actions (inaction) of the EEC in the sphere of antimonopoly regulation in the Court of the EAEU. Furthermore, in the authors view, this should be done before the complaint of an individual regarding the constitutional right to judicial protection may be raised before one of the EAEC member states' constitutional courts.*

KEYWORDS: *access to justice, locus standi, Eurasian integration, collision of proceedings, Eurasian Economic Union (EAEU), violation of the general rules of competition*

FOR CITATION: Maksimov S.V., Filimonenko A.A. The Right of Access to Justice of Individuals in Transnational Antimonopoly Disputes in the Eurasian Economic Union: the Ways of Overcoming the Crisis. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 40–51. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-40-51

The authors declare the absence of conflict of interest.

Введение

Формирование интегрированного экономического и политического пространства в Евразии длительное время и в долгосрочной перспективе является одним из приоритетов развития Российской Федерации[1].

М.Л. Энтин и Е.Г. Энтина, на наш взгляд, обоснованно отмечают, что в условиях нарастающего деструктивного вмешательства Соединенных Штатов Америки (далее – США) и Европейского союза (далее – ЕС) в жизнь стран на постсоветском пространстве, которое зачастую направлено на дестабилизацию их внутриполитической обстановки, все большую актуальность приобретает такое обустройство суперрегиона, при котором он сможет противостоять угрозам и вызовам [Энтин, Энтина 2022а:506].

Идея Евразийского мира, скрепленного единой властью, осуществляемой, в том числе в правовых формах, звучала еще в трудах классиков евразийства XX в. Как отмечает Б.В. Назмутдинов, принцип безусловного верховенства закона, ограничивающего произвол государственной власти, отстаивался в одном из евразийских манифестов 1927 г. [Назмутдинов 2016:7].

В связи с этим, вряд ли можно представить, что формирование интегрированного экономического и политического пространства, обустройство суперрегиона в XXI веке возможны без постоянной и вдумчивой работы над обеспечением верховенства права на этом пространстве.

Согласимся также и с А.П. Фоковым, полагающим, что современный этап развития ЕАЭС требует активного развития справедливого правосудия и механизмов разрешения споров [Фоков 2019:3-7].

По нашему мнению, эффективное и справедливое правосудие неразрывно связано с верховенством права. В связи с этим весьма полезными представляются вопросы для оценки состояния верховенства права, которые были предложены Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) в Контрольном списке вопросов для оценки состояния верховенства права в отдельных государствах[2]. В этом документе заложены направления прикладного, практико-ориентированного исследования, целью которого является получение системной и всеобъемлющей картины соблюдения верховенства права в том или ином государстве, а также перечислены вопросы, посвященные, в частности, доступу к правосудию [Венецианская комиссия … 2018:27, 82-98]. Постараемся ответить на один из вопросов Контрольного списка, но поднимемся на уровень выше национального регулирования и возьмем право ЕАЭС в качестве объекта для анализа. Вопрос посвящен *locus standi* (право обращения в суд) и заключается в следующем: имеет ли физическое лицо легкодоступную и эффективную возможность оспорить действия ЕЭК или должностных лиц, затрагивающие его интересы? Другими словами, имеют ли физические лица эффективный доступ к Суду ЕАЭС?

Основная часть

Прежде чем ответить на данный вопрос, приведем краткий обзор научных взглядов на проблему доступа к правосудию.

Право на доступ к правосудию уже несколько веков является предметом научных исследований. Как отмечает А.С. Корпен, нормы, конструирующие основы правосудия, формировались в VI–V вв. до н.э. При этом право на доступ к правосудию изначально было предоставлено лишь гражданам государства[3].

Право на доступ к правосудию, однако, получает всеобщее признание лишь после 50-х гг. XX в., по мере развития правового и социального государства, а также закрепления обычных международно-правовых норм, посвященных защите прав граждан за рубежом[4].

Б. Гарт и М. Каппеллетти характеризуют этот период как «три волны» эволюции доступа

[1] Подпункт 5 п. 49 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

[2] Изначально данный документ был приложением к Докладу Венецианской комиссии о верховенстве права 2011 г., а затем стал самостоятельным документом в 2016 г.

[3] Корпен А.С. *Право на доступ к правосудию и механизмам его защиты в современном международном праве*. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 18.

[4] Там же. С. 20, 26.

к правосудию. Во-первых, появляется право на бесплатную правовую помощь. Во-вторых, в национальном законодательстве формируется право на предъявление коллективных исков, а также исков в защиту публичного интереса. В-третьих, гарантируется доступ не только к судебным механизмам разрешения споров, но и к альтернативным[5].

Последующее развитие международного права обусловливает дополнение концепции М. Каппеллетти и Б. Гарта еще одним компонентом: правом на доступ к международным системам защиты прав человека. Причиной тому явилось издание Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Резолюции от 16 декабря 2005 г. № 60/147[6].

Таким образом, принцип гарантированности доступа граждан (физических лиц), права или законные интересы которых нарушены (в том числе решениями, действиями или бездействием органов публичной власти), к правосудию (в том числе, к международному правосудию) многие эксперты сегодня относят к числу базовых принципов международного права [Мещерякова, Леви 2012:157-160].

В связи с этим нельзя не поддержать А.И. Ковлера и Я.И. Лебедеву в том, что рыночные свободы не могут быть реализованы там, где граждане и предприниматели не чувствуют себя защищенными. Как верно отмечают авторы, в практике Суда Европейского союза уже в 1963 г. в деле Van Gend сделан однозначный и четкий вывод: субъектами «нового правопорядка международного права... являются не только государства-члены, но и их граждане» [Ковлер, Лебедева 2022:36-50].

Право ЕАЭС, несмотря на относительно скромный в сравнении с ЕС, но уже более чем десятилетний опыт непрерывного совершенствования[7], сохраняет немало, в том числе существенных, противоречий и пробелов, которые в полной мере стали проявляться лишь недавно.

В связи с этим внимания со стороны исследователей и самого коллективного нормотворца ЕАЭС (высшие органы законодательной власти государств – членов ЕАЭС), на наш взгляд, заслуживает проблема отсутствия права физических лиц (кроме индивидуальных предпринимателей) на судебную защиту в рамках обжалования ими актов ЕЭК *по делам о нарушении общих правил конкуренции,* затрагивающих права и законные интересы таких физических лиц (в частности, в связи с назначением им наказания в виде штрафа за отдельные виды нарушений общих правил конкуренции)[8].

В соответствии со ст. 3 Договора о ЕАЭС соблюдение принципов добросовестной конкуренции отнесено к отнесено к основным принципам функционирования ЕАЭС, что добавляет остроты рассматриваемой проблеме.

Одним из общих принципов конкуренции согласно п.1 ст. 75 Договора о ЕАЭС является «Применение государствами-членами норм своего конкурентного (антимонопольного) законодательства к хозяйствующим субъектам (субъектам рынка) государств-членов … *одинаковым образом и в равной мере* независимо от организационно-правовой формы и места регистрации … *на равных условиях*» (выделено нами. – *С.М., А.Ф.*), что, на наш взгляд, подразумевает, что тем же принципом руководствуются и органы ЕАЭС (ЕЭК и Суд ЕАЭС), применяющие нормы конкурентного права ЕАЭС, закрепленные Договором о ЕАЭС.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время у физических лиц (за исключением индивидуальных предпринимателей) отсутствует право на судебную защиту в ситуациях, когда такие физические лица намерены оспорить акты ЕЭК в сфере антимонопольного регулирования, затрагивающие их права и законные интересы. Другими словами, следует дать отрицательный ответ на поставленные нами выше вопросы о том, имеет ли физическое лицо реальную возможность оспорить действия властей или должностных лиц, затрагивающие его интересы, и, как следствие, эффективный доступ к Суду ЕАЭС.

---

[5] Корпен А.С. Право на доступ к правосудию и механизмам его защиты в современном международном праве. С. 27.

[6] Там же. С. 33.

[7] См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). – *Официальный интернет-портал правовой информации.* URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 1.03.2026).

[8] Данный вывод следует из подп. 2 п. 39 Статута Суда ЕАЭС у граждан (за исключением физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства) такое право отсутствует. См.: Статут Суда ЕАЭС (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС. – *Официальный интернет-портал правовой информации.* URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 1.03.2026).

Именно к такому выводу пришла Большая коллегия Суда ЕАЭС в своем консультативном заключении от 12 февраля 2025 г.[9] Так, из консультативного заключения следует, что компетенция о рассмотрении дел об оспаривании решений ЕЭК, возлагающих на физических лиц ответственность за антимонопольные нарушения на трансграничных рынках, присутствует у Суда ЕАЭС лишь по заявлениям индивидуальных предпринимателей. Компетенцией по рассмотрению споров по заявлениям иных категорий физических лиц Суд ЕАЭС не наделен.

По мнению Суда ЕАЭС, это говорит о неравенстве прав и обязанностей различных категорий физических лиц, а также о необеспечении такого элемента справедливого судебного разбирательства, как установление нормами права компетенции.

При этом Суд ЕАЭС делает вывод, что изменение компетенции Суда ЕАЭС может быть осуществлено государствами – членами Союза посредством внесения изменений в Статут Суда[10].

Безусловно, консультативные заключения Суда имеют рекомендательный, а не обязательный характер, как следует из пункта 98 Статута Суда ЕАЭС. Однако следует согласиться с Т.Н. Нешатаевой в том, что подобная правовая позиция содержит первоначальную идею будущей «кристаллизации» правовой нормы [Нешатаева 2018:65]. Высокую степень актуальности подобных поправок в Статут Суда ЕАЭС подтверждает и сложившаяся судебная практика в национальных судах государств – членов ЕАЭС.

В частности, национальным судом Российской Федерации было прекращено производство по гражданскому делу № 2-522/2025 по иску физического лица об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии, а также по административному делу № 2а-10/2025 по административному исковому заявлению физического лица к ЕЭК об оспаривании решения. Основанием для принятия определений о прекращении производства послужило то, что рассмотрение требований об оспаривании решений ЕЭК неподведомственно национальным судам Российской Федерации и отнесено к исключительной компетенции Суда Союза[11]. Примечательно, что заявитель не оставляет попыток защитить свои права, и точка в рассматриваемой правовой ситуации еще не поставлена. Как следует из информации, представленной на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы, 14.04.2025 заявитель подал частную жалобу на определение суда о прекращении производства по делу № 2а-10/2025, в результате чего было возбуждено новое дело №33а-0867/2026. По состоянию на 19.02.2026 определение суда апелляционной инстанции по делу № 33а-0867/2026 не опубликовано[12].

При этом до обращения в суд Российской Федерации заявитель предпринимал попытки получить защиту своих прав в Суде ЕАЭС, но сделать ему это не удалось из-за отсутствия у Суда ЕАЭС компетенции рассматривать заявления физических лиц. Однако этот отказ Суда ЕАЭС в принятии к рассмотрению заявления физического лица об оспаривании решения ЕЭК не был оформлен надлежащим образом, что, на наш взгляд, предопределило необходимость повторного обращения в Суд ЕАЭС по тому же предмету.

Лишь после получения официального отказа Суда ЕАЭС в рассмотрении заявления гражданина об оспаривании решения Коллегии ЕЭК со ссылкой на отсутствие у Суда ЕАЭС компетенции рассматривать такое заявление (за исключением случая обращения с аналогичным заявлением в Суд ЕАЭС индивидуального предпринимателя) при наличии вступившего в силу кассационного определения судьи Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2025 г. № 5-КАД24-70-К2, согласно которому «рассмотрение требований о соответствии решений Комиссии о наложении штрафов в сфере конкуренции на трансграничных рынках

[9] Консультативное заключение Суда ЕАЭС по заявлению ЕЭК о разъяснении положений Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-6.24/ (дата обращения: 19.02.2026).

[10] Согласно ст. 115 Договора о ЕАЭС.

[11] См.: определения Хамовнического районного суда по гражданскому делу № 2-522/2025 от 3 марта 2025 г.; по административному делу № 2а-10/2025 от 25 марта 2025 г.

[12] Информация по делу №33а-0867/2026. – *Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы*. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-admin/details/9d251ab0-ea3b-11f0-b7e3-e787f08e327e?caseNumber=33a-0867/2026&participant=Беленький (дата обращения: 19.02.2025).

Договору о ЕАЭС отнесено к исключительной компетенции Суда Союза», даже если с такими требованиями обращается гражданин[13], у гражданина может появиться основание для обращения в национальный конституционный суд с жалобой о нарушении его права законом, которым был ратифицирован Договор о ЕАЭС, в той мере, в которой он ограничивает его право на обжалование решений Коллегии ЕЭК в Суд ЕАЭС.

Рассматриваемая ситуация вполне может иметь дальнейшее развитие в случае обращения заинтересованной стороны в Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), который, по-видимому, будет вынужден признать соответствующие положения указанного выше ратификационного закона не соответствующими Конституции Российской Федерации. На наш взгляд, это может породить крайне негативный для «духа» и «буквы» Договора о ЕАЭС прецедент появления решений национальных судов, противоречащих по своей сути решению Суда ЕАЭС и решениям национальных судов государств – членов ЕАЭС по одному и тому же делу.

Данный феномен может возникнуть и в том случае, если решение КС РФ будет принято ранее, чем в Статут Суда ЕАЭС будут внесены изменения, гарантирующие право гражданина, не обладающего статусом индивидуального предпринимателя, на обжалование решений Коллегии ЕЭК по делам о нарушении общих правил конкуренции и по делам о нарушениях, связанных с непредоставлением или предоставлением недостоверной информации по запросам ЕЭК с связи с осуществлением контроля за соблюдением общих правил конкуренции.

Кроме того, нельзя исключать углубления конфликта юрисдикций в том случае, если другие заявители начнут обращаться с аналогичными жалобами в национальные суды других государств – членов ЕАЭС.

Распространение практики обращения физических лиц с последующими, в том числе тождественными исками[14] в национальные суды государств – членов Союза (как это произошло в приведенном выше примере в делах № 2-522/2025 и 2а-10/2025, рассмотренных судами Российской Федерации) способно породить не просто дублирование процессов (duplication of proceedings) [Heinze, Steinrötter 2017:24] или коллизию судебных процессов, а кризис системы правосудия в ЕАЭС, который невозможно будет быстро преодолеть из-за отсутствия правового механизма.

Дублирование процессов почти всегда приводит к увеличению нагрузки на судебную систему и повышение риска вынесения взаимоисключающих решений. Такое явление крайне нежелательно для единого экономического пространства, поскольку оно негативно сказывается на доверии государств друг к другу. Минимизировать вероятность параллельного рассмотрения судебных дел, по мнению К.Л. Брановицкого, позволит, в частности, предсказуемость определения юрисдикции[15].

Отметим, что в науке и профессиональном сообществе вопрос о необходимости наделения физических лиц (не имеющих статуса индивидуального предпринимателя), правом на обращение в Суд ЕАЭС с целью гарантирования их права на доступ к правосудию поднимался ранее, однако акцент на проблеме возникновения коллизии судебных процессов или их дублирования, упомянутой нами выше, в научных исследованиях не усматривается.

В 2024 г. председатель Суда ЕАЭС А.А. Дронов прямо обозначил необходимость наделения физических лиц правом на обжалование решений ЕЭК, вынесенных по итогам рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции. А.А. Дронов отметил, что это право в Договоре о ЕАЭС не закреплено, в связи с чем необходимо внести соответствующие поправки в Договор о ЕАЭС[16].

Также о рассматриваемой проблеме неоднократно писал К.Л. Чайка, в том числе и в контексте наделения физических лиц правом

---

[13] См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2025 г. № 5-КАД24-70-К2. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21022025-n-5-kad24-70-k2/ (дата обращения: 19.02.2025).

[14] В российской судебной практике под тождественностью исковых требований понимается совпадение сторон, предмета и основания иска. См., напр., постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 ноября 2018 г. № Ф01-5164/2018 по делу № А79-1316/2018.

[15] Брановицкий К.Л. *Сближение гражданского процессуального права в европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект)*. Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 311.

[16] Какова роль суда ЕАЭС в евразийской интеграции? – *Российская газета.* 2024. URL: https://rg.ru/2024/11/27/sila-v-prave.html (дата обращения: 19.02.2026).

инициировать исполнение решений Суда ЕАЭС, если оно их затрагивает [Чайка 2020:25-31, 27; Он же 2024:66].

Интересный и актуальный взгляд на проблему необходимости обеспечения права физических лиц на судебную защиту представляет К.В. Энтин. По мнению автора, отсутствие констатации в вышеупомянутом консультативном заключении Суда ЕАЭС от 12 февраля 2025 г. исключительной юрисдикции Суда ЕАЭС важно рассматривать в контексте выстраивания диалога Суда ЕАЭС с национальными судами. Мы солидарны с выводом К.В. Этина о том, что утверждение Суда ЕАЭС о необходимости обеспечения права физических лиц на судебную защиту означает необходимость внесения изменений в Договор о ЕАЭС, а не допустимость обращения физических лиц к национальным средствам защиты [Энтин 2025:3-17].

Свой взгляд на дизайн права физических лиц на подачу жалоб в Суд ЕАЭС представил также К.Ю. Молодыко. Автор ставит ряд важных вопросов, которые необходимо проработать в рамках расширения прав физических лиц на обращение в Суд ЕАЭС, в частности: при соблюдении каких условий можно обжаловать нормативные и индивидуальные акты органов Союза; будет ли являться право физических лиц на обращение в Суд Союза одинаковым или нет в зависимости от наличия (отсутствия) у них гражданства одного из государств – членов ЕАЭС; каков объем права на обжалование у адвокатов, нотариусов, арбитражных управляющих и др. [Молодыко 2025:250-263].

На проблему отсутствия у физических лиц, не являющихся участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд ЕАЭС, обращает внимание С.И. Князькин, приводя в пример такую категорию дел, как оспаривание нормативных правовых актов Союза. Автор полагает, что подобная конструкция правового регулирования имеет своим следствием невозможность рассмотрения целых категорий дел ни Судом ЕАЭС, ни национальными судами. Предоставление физическим лицам права на обращение в Суд ЕАЭС автором рассматривается как способ решения рассматриваемой проблемы [Князькин 2024: 150-151; Князькин 2025:50-51].

Е.В. Бабкина, рассуждая о данной проблеме, отмечает, что права и законные интересы физических лиц, которые не обладают статусом индивидуального предпринимателя, вполне могут быть нарушены решением ЕЭК в таких сферах, как инвестиции, регулирование рынка услуг и др. [Бабкина 2017:12-18]. Полагаем, что прогноз Е.В. Бабкиной оправдался в контексте трансграничных антимонопольных споров.

Сходные предположения относительно возможного нарушения решением ЕЭК прав физических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, сделали также П.И. Болточко и Д.А. Ширинская. В качестве решения авторы предлагают наделить физических лиц правом обращаться в Суд ЕАЭС непосредственно, а не через уполномоченные органы государств-членов [Болточко, Ширинская 2019:21-28].

На сегодня в научном и профессиональном юридическом сообществах в целом утвердилось мнение о необходимости внесения изменений в Договор о ЕАЭС, закрепляющих право физических лиц на обращение в Суд ЕАЭС. Как верно отмечает В.М. Жуйков, устройство судебной системы первоначально должно обеспечить жизнь процессу, а затем (и это главное!) – материальному праву [Жуйков 2010:5]. Еще в XIX в. немецкий философ Г. Гегель отмечал, что «член гражданского общества имеет право искать суда, так же, как и обязан предстать перед судом и получить свое спорное право лишь от суда» [Гегель 1934:241]. Полагаем, что эта юридическая аксиома должна найти воплощение в праве ЕАЭС в виде эффективного механизма реализации locus standi применительно к физическим лицам.

Заключение

Трансформация права ЕАЭС в самостоятельную правовую систему, интегрированную во внутреннее право государств-членов, обладающую свойствами верховенства, прямого действия и юрисдикционной защищенности, как обоснованно, на наш взгляд, отмечают М.Л. Энтин и Е.Г. Энтина, должна стать одним из элементов стратегии развития Евразийского экономического союза [Энтин, Энтина 2022б:415-416].

Цели эволюции права (в том числе конкурентного права) ЕАЭС, по нашему мнению, не могут быть достигнуты без закрепления в Договоре о ЕАЭС права всех категорий физических лиц на обращение в Суд ЕАЭС с заявлениями об обжаловании актов, действий (бездействия) в сфере антимонопольного регулирования на трансграничных рынках (включая решения Коллегии ЕЭК по делам о нарушении общих правил конкуренции и по делам о нарушениях, связанных с непредставлением или представлением

недостоверной информации по запросам ЕЭК), а также наделение Суда ЕАЭС компетенцией по рассмотрению таких споров.

Чрезвычайно важно, чтобы эта проблема была разрешена коллективным нормотворцем ЕАЭС прежде, чем она станет предметом рассмотрения конституционных судов государств – членов ЕАЭС.

Евразийская экономическая комиссия еще несколько лет назад заявила о необходимости подобных изменений в праве ЕАЭС. Так, председатель Коллегии ЕЭК М.В. Мясникович в 2022 г. сообщил, что ЕЭК совместно с государствами-членами проводит работу по подготовке изменений в Договор о ЕАЭС в части возможности обращения в Суд ЕАЭС определенной категории физических лиц. В частности, обсуждалась возможность принимать к рассмотрению в суде Союза обращения физических лиц в случаях привлечения их к ответственности за нарушение законодательства ЕАЭС по обеспечению справедливой конкуренции. По мнению М.В. Мясниковича, данное нововведение должно обеспечить таким физическим лицам доступ к правосудию[17].

Успех интеграционных объединений, по верному замечанию Е.Б. Дьяченко и К.В. Энтина, зависит, в том числе и от способности государств-членов, равно как и наднациональных органов, создать эффективную систему правовых норм [Дьяченко, Энтин 2018:124].

Безусловно, определенным шагом вперед в процессе эволюции права ЕАЭС по расширению субъектного состава *locus standi* стало принятие протокола[18], согласно которому в Статут Суда ЕАЭС и в Протокол об общих принципах и правилах конкуренции[19] предлагается внести изменения, предоставляющие гражданину (в том числе должностному лицу) право оспаривать в Суде ЕАЭС:

1) решения Коллегии ЕЭК, затрагивающие права и законные интересы физического лица полностью или в части;

2) действия (бездействие) Комиссии, повлекшие нарушение прав и законных интересов физического лица, предоставленных ему Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС.

Несмотря на то что на момент завершения работы над этой статьей проект указанного выше Протокола не поступил на рассмотрение высших органов законодательной власти государств – членов ЕАЭС (равно как и не было обжаловано в КС РФ указанное выше несоответствие положений Договора о ЕАЭС гарантированному ст. 46 Конституции Российской Федерации праву каждого гражданина на судебную защиту его прав и свобод) авторы уверены в том, что выявленное в процессе правоприменения существенное ограничение доступа граждан к правосудию по делам об антимонопольных спорах, связанных с нарушением общих правил конкуренции на трансграничных рынках ЕАЭС, будет устранено.

Список литературы

1. Бабкина Е.В. 2017. Компетенция суда ЕАЭС по спорам с участием хозяйствующих субъектов. – *Новые возможности переформатирования системы международных отношений.* Материалы междунар. круглого стола. Минск: Изд. центр БГУ. С. 12-18. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/182418 (дата обращения: 19.02.2026).
2. Болточко П.И., Ширинская Д.А. 2019. Компетенция суда ЕАЭС по спорам с участием хозяйствующих субъектов. – *Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела в условиях международной экономической интеграции.* Материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 20 марта 2019 г. Минск: БГУ. С. 21-28. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/237553/1/21-28.pdf?ysclid=mlngzk87mm451962603 (дата обращения: 19.02.2026).
3. *Венецианская комиссия о проблемах правосудия в современном мире.* Под ред. Т.Я. Хабриевой. 2018. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 456 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Москва – Ленингард: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. 380 с.

[17] В антимонопольных делах к суду ЕАЭС может быть предоставлен доступ физических лиц. – *Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ).* URL: https://rapsinews.ru/international_news/20221117/308482915.html (дата обращения: 19.02.2026).

[18] Распоряжение Коллегии ЕЭК от 2 сентября 2025 г. №120 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части обжалования в Суде Евразийского экономического союза решений Евразийской экономической комиссии, принимаемых в рамках контроля общих правил конкуренции на трансграничных рынках, а также действий (бездействия) Комиссии в рамках такого контроля».

[19] Приложение №19 к Договору о ЕАЭС.

5. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2018. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС. – *Журнал российского права.* № 1. С. 123-133.
6. Жуйков В.М. 2010. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве. – Журнал российского права. № 7. С. 5-17.
7. Князькин С.И. 2024. Право на судебную защиту в ЕАЭС: международный и национальный аспекты. – *Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС: междунар, конф. (Минск, 16-17 ноября 2023 года).* Минск: Колорград. С. 150-151.
8. Князькин С.И. 2025. Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты. – *Актуальные проблемы российского права.* Т. 20. № 2. С. 44–57.
9. Ковлер А.И., Лебедева Я.И. 2022. Защита прав человека stricto sensu судами интеграционных объединений: опыт сравнительного анализа. – *Международное правосудие.* № 4. С. 36-50.
10. Мещерякова О.М., Леви А.А. 2012. Европейский суд по правам человека и механизмы обеспечения права на индивидуальную жалобу в России. – *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки».* № 5. С. 157-160.
11. Молодыко К.Ю. 2025. Дизайн права физических лиц на подачу жалоб в Суд ЕАЭС. – *Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС.* Междунар. конф. (Минск, 21–22 ноября 2024 г.). Минск: Колорград. С. 250-263.
12. Назмутдинов Б.В. 2016. *Законы из-за границы: Политико-правовые аспекты классического евразийства.* Монография. Москва: Норма. 272 с.
13. Нешатаева Т.Н. 2018. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах. – *Международное правосудие.* № 1 (25). С. 53-66.
14. Фоков А.П. 2019. Правосудие по экономическим спорам в России, Казахстане и Белоруссии: проблемы и перспективы развития. – *Мировой судья.* № 8. С. 3-7.
15. Чайка К.Л. 2020. Защита прав частных лиц при применении норм права Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений. – *Вестник Российской таможенной академии.* № 4. С. 25-31.
16. Чайка К.Л. 2024. Реформирование процессуальных аспектов деятельности Суда Евразийского экономического союза. – *Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС.* Междунар. конф. (Минск, 16–17 ноября 2023 г.). Минск: Колорград. С. 65-75.
17. Энтин К.В. 2025. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу № Р-6/24 о доступе физических лиц к правосудию: развернутый комментарий. – *Международное правосудие.* № 2. С. 3-17.
18. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. *В поисках партнерских отношений – XI: Россия и Европейский Союз в 2021 – первой половине 2022 годов.* Научная монография. 2022а. Москва: Галактика, Издательский Дом «Зебра Е». 470 с.
19. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2022б. Видимость или реальность ускорения процессов формирования Большой Евразии. – *Большая Евразия: Развитие, Безопасность, Сотрудничество. Ежегодник. Выпуск 6. Часть 1.* Москва: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. С. 505-509.
20. Heinze Ch., Steinrötter B. The Revised Lis Pendens Rules in the Brussels Ibis Regulation. – *Brussels Ibis Regulation. Changes and Challenges of the Renewed Procedural Scheme.* ASSER PRESS and the authors. 2017. 152 p.

References

1. Babkina E.V. Kompetencija suda EAJeS po sporam s uchastiem hozjajstvujushhih sub'ektov. – *Novye vozmozhnosti pereformatirovanija sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij [Competence of the EAEU Court in Disputes Involving Economic Entities. – New Possibilities of Reformatting the System of International Relations].* Materialy mezhdunar. kruglogo stola. Minsk: Izd. centr BGU, 2017. P. 12-18. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/182418 (accessed date: 19.02.2026). (In Russ.)
2. Boltochko P.I., Shirinskaja D.A. Kompetencija suda EAJeS po sporam s uchastiem hozjajstvujushhih sub'ektov [Competence of the EAEU Court in Disputes Involving Economic Entities]. – *Aktual'nye problemy teorii i praktiki tamozhennogo dela v uslovijah mezhdunarodnoj jekonomicheskoj integracii [Actual Problems of Theory and Practice of Customs Affairs in the Context of International Economic Integration].* Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Resp. Belarus', Minsk, 20 marta 2019. Minsk: BGU. 2019. P. 21-28. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/237553/1/21-28.pdf?ysclid=mlngzk87mm451962603 (accessed date: 19.02.2026). (In Russ.)
3. Chayka K.L. Reformirovanie processual'nyh aspektov dejatel'nosti Suda Evraziïskogo jekonomicheskogo sojuza [Reforming the Procedural Aspects of the Activities of the Court of the Eurasian Economic Union]. – *Vlijanie praktiki Suda Sojuza na formirovanie pravoporjadka EAJeS [The Impact of the Practice of the Court of the Union on the Formation of the Legal Order of the EAEU].* Mezhdunar, konf. (Minsk, 16–17 nojabrja 2023 goda). Minsk: Kolorgrad. 2024. P. 65-75. (In Russ.)
4. Chayka K.L. Zashhita prav chastnyh lic pri primenenii norm prava Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v sfere tamozhennyh pravootnoshenij [Protection of individuals' rights in the application of the law of the Eurasian economic union in the field of customs legal relations]. – *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii [VESTNIK of Russian Customs Academy].* № 4. 2020. P. 25-31. (In Russ.)
5. Dyachenko E.B., Entin K.V. Svojstva prava Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza skvoz' prizmu praktiki Suda EAJeS [Properties of the EAEC law through the prism of the practice of the Court of the Eurasian Economic Union]. – *Zhurnal rossijskogo prava [The Journal of Russian Law.].* 2018. № 10. P.123-133. (In Russ.)
6. Entin K.V. Konsul'tativnoe zakljuchenie Suda EAJeS po delu № R-6/24 o dostupe fizicheskih lic k pravosudiju: razvernutyj kommentarij [The Eurasian Economic Union Court's advisory opinion in case No. P-6/24 on physical persons' access to justice: an extended commentary]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice].* 2025. № 2. P. 3-17. (In Russ.)
7. Entin M.L., Entina E.G. *V poiskah partnerskih otnoshenij – XI: Rossija i Evropejskij Sojuz v 2021 – pervoj polovine 2022 godov [In Search of Partnerships – XI: Russia and the European Union in 2021 – the First Half of 2022].* Nauchnaja

monografija. Moscow: Galaktika, Izdatel'skij Dom «Zebra E». 2022a. 470 p. (In Russ.)
8. Entin M.L., Entina E.G. Vidimost' ili real'nost' uskorenija processov formirovanija Bol'shoj Evrazii [Appearance or Reality of Acceleration of the Formation Processes of Greater Eurasia]. – *Bol'shaja Evrazija: Razvitie, Bezopasnost', Sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Vypusk 6. Chast' 1* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 6. Part 1] Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam (INION) RAN. 2022b. P. 505-509. (In Russ.)
9. Fokov A.P. Pravosudie po jekonomicheskim sporam v Rossii, Kazahstane i Belorussii: problemy i perspektivy razvitija [Justice in economic disputes in Russia, Kazakhstan and Belarus: issues and development prospects]. – *Mirovoj sud'ja [Magistrate]*. № 8. 2019. P. 3-7. (In Russ.)
10. Gegel' G.V.F. Sochinenija [Works]. Moscow. 1934. Moscow - Leningrad: Socjekgiz. T. VII. 380 p. (In Russ.)
11. Heinze Ch., Steinrötter, B. Changes and Challenges of the Renewed Procedural Scheme. – Eds. by Lazic – V., Stuij S. *Brussels Ibis Regulation Changes and Challenges of the Renewed Procedural Scheme*. Asser Press. 2017. 155 p.
12. Knyazkin S.I. Pravo na sudebnuju zashhitu v EAJeS: mezhdunarodnyj i nacional'nyj aspekty [The Right to Judicial Protection in the EAEU: International and National Aspects]. – *Vlijanie praktiki Suda Sojuza na formirovanie pravoporjadka EAJeS [The Impact of the Practice of the Court of the Union on the Formation of the Legal Order of the EAEU]*. Mezhdunar. konf. (Minsk, 16–17 nojabrja 2023 goda): sb. st. / Sud Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza. Minsk. Kolorgrad. 2024. P. 143-153. (In Russ.)
13. Knyazkin S.I. Pravo na sudebnuju zashhitu v Evrazijskom jekonomicheskom sojuze: processual'nyj i material'no-pravovoj aspekty [The Right to Judicial Protection in the Eurasian Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects] – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Current Issues of Russian Law]*. 2025. 20(2). P. 44-57. (In Russ.)
14. Kovler A.I., Lebedeva Ja.I. Zashhita prav cheloveka stricto sensu sudami integracionnyh ob'edinenij: opyt sravnitel'nogo analiza [Protection of human rights stricto sensu by the courts of integration associations: experience of comparative analysis]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice]*. 2022. № 4. P. 36 - 50. (In Russ.)
15. Mescheryakova O.M., Levi A.A. Evropejskij sud po pravam cheloveka i mehanizmy obespechenija prava na individual'nuju zhalobu v Rossii [The European Court under Human Rights and mechanisms maintenance of the right to the individual complaint in Russia]. – *Vestnik RUDN. Serija «Juridicheskie nauki» [The Herald of the RUDN University, law science series]*. 2012. № 5. P. 157-160. (In Russ.)
16. Molodyko K.Ju. Dizajn prava fizicheskih lic na podachu zhalob v Sud EAJeS [Design of the Right of Individuals to File Complaints with the EAEU Court]. – *Desjat' let Dogovoru o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze: obespechenie edinoobraznogo primenenija prava EAJeS* [Ten Years of the Treaty on the Eurasian Economic Union: Ensuring Uniform Application of EAEU Law]. Mezhdunar. konf. (Minsk, 21–22 nojabrja 2024 goda). 2025. Minsk: Kolorgrad. P.250-263 (In Russ.)
17. Nazmutdinov B.V. *Zakony iz-za granicy: Politiko-pravovye aspekty klassicheskogo evrazijstva: monografija [Laws from Abroad: Political and Legal Aspects of Classical Eurasianism. Monograph]*. Moscow: Norma. 2016. 272 p. (In Russ.)
18. Neshataeva T.N. Slyshat' zhizn': dejstvie aktov mezhdunarodnogo suda v nacional'nyh pravovyh sistemah [Hearing life: the effect of acts of an international court in national legal systems]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [Intenational Justice]*. 2018. № 1 (25). P. 53-66. (In Russ.)
19. *Venecianskaja komissija o problemah pravosudija v sovremennom mire [Venice Commission on the problems of justice in the modern world]*. Pod red. T.Ja. Habrievoj Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. 2018. 456 p. (In Russ.).
20. Zhujkov V.M. Obshhaja koncepcija razvitija processual'nogo zakonodatel'stva i zakonodatel'stva o sudoustrojstve [General Concept of Improvement of Procedural Legislation and Legislation of Judicial System]. – *Zhurnal rossijskogo prava [The Journal of Russian Law]*. 2010. № 7. P. 5-16. (In Russ.)

Информация об авторах

Сергей Васильевич МАКСИМОВ
Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Департамента антимонопольного регулирования, Евразийская экономическая комиссия

Смоленский б-р, 3/5, стр. 1, Москва, 119121, Российская Федерация

Главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

Нахимовский пр-т, 32, Москва, 117218, Российская Федерация

sergeymax2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2416-9543

About the Authors

Sergey V. MAKSIMOV
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Antitrust Regulation Department, Eurasian Economic Commission (EEC)

3/5, bld. 1, Smolensky Blv., Moscow, Russian Federation, 119121

Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, Russian Federation, 117218

sergeymax2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2416-9543

Анна Андреевна ФИЛИМОНЕНКО
Преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Вернадского пр-кт, 82, стр. 1, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, 119571, Российская Федерация

annafilimonenko@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3520-3073

Anna A. FILIMONENKO
Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82, bldg. 1, Vernadskogo Ave., Troparevo-Nikulino Intracity Municipal District, Moscow, Russian Federation, 119571

annafilimonenko@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3520-3073

CC BY

HUMAN RIGHTS

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-52-65

Research article
UDC: 341
Received 30 April 2025
Approved 14 December 2025

Philipp V. LUCHKIN
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000
fvluchkin@gmail.com
ORCID 0009-0000-6053-9540

EXTRATERRITORIAL APPLICATION AS A PROBLEM OF THE HUMAN RIGHTS CONCEPT

INTRODUCTION. *If the legal recognition of human rights depends on belonging to "all members of the human family", then the existence of the scope of application of human rights ratione loci is logically contradictory. Either there should be no territorial restrictions on the application of human rights, or the provisions of the Universal Declaration of Human Rights are false. This contradiction affects the basic feature of human rights, and therefore, being a contradiction, in the future it may serve as a driver for transforming the concept in a dialectic vein. This article suggests imagining how this could happen and what it could entail.*

MATERIALS AND METHODS. *In this paper, an attempt is made to consider the further development of human rights in a dialectical way. Based on the existing studies of the European Court's of Human Rights (hereafter – ECtHR) practice on the extraterritorial application of the European Convention on Human Rights (hereafter – ECHR), two main approaches (territorial and personal) are described. Analysing the approaches, two statements are formulated that create an internal contradiction to a concept of the scope of application of human rights ratione loci. The contrast created by the peculiarities of the ECHR's human rights protection mechanisms, as well as the accents that were stressed by the developing functional approach, allowed us to determine which change could resolve the formulated contradiction. The analogy with Roman law, in turn, allowed for projecting possible problems of implementing such changes.*

RESEARCH RESULTS. *The dilemma of the universality of human rights and the limitations of their extraterritorial application can be resolved through the concept of natural obligations if one breaks the logically necessary link between rights and remedies, putting them under different grounds of existence. The analogy with Roman law allowed us to conclude that such a solution to the dilemma is dangerous for both obliged and entitled persons, which makes such a development unlikely. However, if the formulation of the contradiction is correct, then this path may be the only possible one.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *By placing human rights and remedies on different grounds, the problem of extraterritorial application is resolved at the cost of triggering (or exacerbating) others. The concept of human rights would go far beyond the legally relevant issues, trespassing into the domain of ethics; if one strictly follows the analogy of Roman law, a significant part of modern human rights law risks being outside the borders of jurisprudence. However, the difference between Roman law and modern international law, which consists in the absence of one common "state", may become an important incentive for adapting the idea of natural obligations. Nevertheless, this idea may make it possible to create a clear focus of international human rights law on the remedies on the international plane, diverting attention from proclaiming them; perhaps this will reduce the number of formal legal arguments in favour of human rights violations in the framework of political communication on the international arena.*

KEYWORDS: *human rights, jurisdiction, natural obligations, universalism, remedy, consequentialism, deontology*

FOR CITATION: Luchkin Ph.V. Extraterritorial Application as a Problem of the Human Rights Concept. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 52–65. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-52-65

The author declares the absence of conflict of interest.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-52-65

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 30.04.2025
Принята к публикации: 14.12.2025

Филипп Вадимович ЛУЧКИН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация
fvluchkin@gmail.com
ORCID 0009-0000-6053-9540

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ВВЕДЕНИЕ. *Если юридическая значимость прав человека зависит от принадлежности к «членам человеческой семьи», то объем применения прав человека ratione loci составляет логическое противоречие. Либо не должно существовать территориальных ограничений применения прав человека, либо положения Всеобщей декларации прав человека несостоятельны. Это противоречие затрагивает основание прав человека, а потому, являясь противоречием, в будущем может послужить драйвером переосмысления идеи прав человека в диалектическом ключе. Настоящая статья предлагает поразмыслить, как это могло бы произойти и к чему это могло бы привести.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В настоящей работе проводится попытка диалектическим способом предположить дальнейшее развитие прав человека. Основываясь на исследованиях практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по экстерриториальному применению Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводится описание двух основных подходов (территориального и персонального); на основе анализа подходов, предлагается формулировка двух утверждений, создающих внутреннее противоречие концепции объема применения прав человека ratione loci. Контраст, создаваемый особенностями механизмов защиты прав человека ЕСПЧ, а также акценты, возникающие при анализе разрабатываемого функционального подхода, позволили определить, какое изменение может разрешить сформулированное противоречие. Аналогия с римским правом, в свою очередь, позволила спроецировать возможные проблемы реализации таких изменений.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Дилемма универсальности прав человека и ограниченности их экстерриториального применения может быть разрешена посредством концепции натуральных обязательств, если разорвать логически необходимую связь права и его способа защиты, поставив их под разные условия существования. Аналогия с римским правом позволяет прийти к выводу, что подобное*

разрешение дилеммы опасно как для обязанных, так и для управомоченных лиц, что делает такое развитие маловероятным. Однако если сформулированное противоречие является верным, то этот путь может оказаться единственно возможным.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Поставив права человека и способ защиты под разные условия, проблема экстерриториального применения разрешается ценой создания (или усугубления) других проблем. Концепция прав человека выйдет далеко за пределы юридически значимого; если строго следовать аналогии римского права, значительная часть современного права прав человека рискует оказаться за пределами юриспруденции; однако отличие римского права от современного международного права, заключающегося в отсутствии одного общего «государства», может стать важным мотивом к адаптации идеи натуральных обязательств. Тем не менее эта идея может создать четкий акцент международного права прав человека на защите прав, отведя внимание от задачи их провозглашения; возможно, это позволит уменьшить количество формально-юридических аргументов в пользу нарушения прав человека в рамках политического общения на международной арене.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *права человека, юрисдикция, натуральные обязанности, универсализм, способы защиты, консеквенционализм, деонтология*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лучкин Ф.В. 2026. Экстерриториальное применение как проблема концепции прав человека. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 52–65. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-52-65

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

A lawyer could describe human rights for a child in two veins: as something to be protected or as something that protects. It is irresponsible to nourish believe in human rights as spells against injustice. Only ensured human rights are practically useful for a person. Probably, a childish question will follow: why it should be protected by me? Human rights are not tools to create a better life for a child but a burden with little more than promise of help. The response can be a sublime duty to treat everyone equally and with respect; the desire to be treated as a human rights holder serves as a reason for this duty's existence. However, this rhetoric requires universality of human rights: one has them solely due to the universal status of a human. The problem is a long living challenge to this idea. Apart from a theoretical challenge of *cultural relativism* [See Donnelly 1984] there are practical questions proliferated out of human rights codification in treaties. The form imposes limits on the content; those borders creates a double standard [Moreno-Lax 2024:22] and a discussion in attempt to protect human rights law from marginality [Wilde 2016:127-76, 133]. The scope of human rights treaties' application is a practical problem which is tied to the core of human rights idea: it is a formal framework for a substantive discourse about the nature of human rights.

The discussion is far from settled: one side pursues universal protection, another defenses against imperialism. Perhaps the most persuasive attempt to resolve the contradiction is the idea of *relative universality;* it stands on the difference between *conceptual* and *substantive* universality. The latter is a body of particular norms and rights which is recognized as universal by a particular authority, while the former is an abstract assertion that there are some rights that are possessed by every human being [Donnelly 2007:282-283]. In other words, *conceptual* universality is an agreement that human rights do exist as universal rights, however exact *substance* of those entitlements are relative and depends on a particular culture. Enforcement of a list of concrete entitlements for a society with a different view on a human well-being is "the arrogant "universalism" of the powerful" [Donnelly 2007:305]. However, on the domestic level *substantive* universality also can be perceived as arrogance. The understanding of the human rights substance can differ not only between cultures, but also between individuals. It is important to identify someone capable to provide a list of rights for particular society with *substantive* universality;

a sovereign as a representative of people is able to assert human rights. The *relative universality* creates a room for the discussion about the human rights' substance on the international plain between different cultures at the cost of international law's ability to provide it. Only states has this ability; the role of *international* human rights law turns merely formal. Anything can be human rights if a sovereign so asserts; international law could do no more than an obligation to act in accordance with the made assertions: if a state names something as a human right, it must provide it for everyone.

The *relative universality* is a coherent explanation how universal rights might have territorial scope of application: once you leave a territory, you are not protected by a human rights provision (*substantive* universality) despite the ongoing status of a human (*conceptual* universality). However, extraterritorial application is an evolving issue and "should not be understood as some kind of natural fulfilment of the telos of human rights as a cosmopolitan constitutional law" [Bhuta 2016:19]. It is hard to consider the relativity of human rights as a factor because there is no difference between *relativity* and the *absence of universality:* it "denies that universal human rights exist" [Binderup 2022:511]; thus, *relativity* and *universality* have no contradiction. Relativity means a defeat of universal considerations; something else reasons the defeat. Therefore, a study of extraterritorial application of human rights is able to suggest another opponent for human rights universality.

The practical issue of extraterritoriality could indicate the reason behind assertions of relativity. The article submits that human rights' effectiveness is the reason, and the dilemma between universality and effectiveness could be dialectically solved with an analogy from Roman law. The solution is a far-reaching change in the concept of human rights. In the first part of the article a concept of the extraterritorial application will be described with the focus on the ECHR. The focus is due to well-developed case law [Besson 2012:860] and the ability of the ECtHR to effectively secure compliance [Milanovic 2011:4]. The second part concerns the dilemma; it proposes a description in order to consider how human rights law might develop in a dialectic way. The last part proposed an application of natural rights as a concept that could resolve the contradiction in the far future.

2. Territorial scope of application

Human rights treaties' scope of application *ratione loci* should be governed by the Art. 29 of the Vienna Convention on the Law of Treaties (hereafter – VCLT), or the same customary rule [von der Decken 2018:521-522], which does not deal with "all the delicate problems of extra-territorial competence"[1]. Despite an attempt to interpret the Art. 29 as a presumption against extraterritoriality, it is a rule for another problem of federal states and states with dependencies; it creates a presumption of a treaty's applicability to the whole territory of a state. Therefore, there is no general rule of extraterritorial application [Milanovic 2011:10-11].

Human rights treaties often contain a provision regarding their application ratione loci, which replaces the criterion of *territory* with *jurisdiction*[2]. This criterion could be applied even when a human rights treaty has no such provision [Wilde 2013:639]. In general, international law jurisdiction is a permission for a state to act[3]; it differs in human rights law. When the ECtHR interpreted the term (in Art. 1 ECHR) in the *Bancović* case accordingly to this general meaning[4], it has attracted considerable criticism [Moreno-Lax 2020:398, Vandenhole 2019:414; Milanovic 2011:27, 29-30; Raible 2016:166; Shany 2013:54-56; Rusinova 2010:36-43]. As a criterion *ratione loci* 'jurisdiction' refers not to a right to act but to a fact of action[5]; it helps to withdraw an is-

[1] ILC. Draft Articles on the Law of Treaties with Commentaries. Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. II. P. 214. URL: https://doi.org/10.18356/91cc8d73-en (accessed date: 11.01.2025).

[2] For instance: "within its territory and subject to its jurisdiction" (Art. 2(2) International Covenant on Civil and Political Rights), "within their jurisdiction" (Art. 2(1) Convention on the Rights of the Child) or "within their territory or subject to their jurisdiction" (Art. 7 International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers).

[3] See for instance: Brownlie I. Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford University Press. 1998. P. 301-302.

[4] ECtHR. Banković. Decision of 12.12.2001. Para. 59 URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22099 (accessed date: 11.01.2025).

[5] For instance: UN Human Rights Committee, General comment no. 31 [80]. The nature of the general legal obligation imposed on States Parties to the Covenant. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. 26 May 2004. Para 10. URL: https://www.refworld.org/legal/general/hrc/2004/en/52451 (accessed date: 11.01.2025); ECtHR. Loizidou v. Turkey (preliminary objections). Decision of 23.03.1995. Para. 62. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=002-9628 (accessed date: 11.01.2025). ECtHR. Al-Skeini. Decision of 07.07.2011. Para. 138. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-105606 (accessed date: 11.01.2025).

sue of a territorial sovereignty's infringement from the rationale of human rights. Otherwise, one infringement justifies another: if a state by one action infringes sovereign's rights and human rights of individuals situated within the said territory, then a state has no jurisdiction and has no obligation towards the individuals [Milanovic 2011:26-30; Rusinova 2010:44]. Moreover, a criterion for obligations' existence must be factual[6]. In human rights law jurisdiction is a fact of control over space (territorial modus) or individuals (personal modus)[7] [Janig 2022:183, Wilde 2013:640-646; Milanovic 2011:118-120; see also Vandenhole 2019:417, 419-422; Raible 2016:161-168, De Leo 2025:109].

2.1. Territorial modus

The territorial modus is the most consistent with the treaties' texts, however, "[i]f applied too strictly, it is apologetic of state power, and allows many human rights abuses to slip through the cracks" [Milanovic 2011:119]. Question is in the term: what constitutes a territory?

This ambiguity was used to justify the «enhanced interrogation techniques» during the War on Terror within so-called "black sites"[8]. The United States argued inapplicability of Art. 16 of the United Nations Convention Against Torture for the interrogations in the black sites: "[b]y its terms, Article 16 is limited to conduct within "territory under [United States] jurisdiction". We conclude that territory under United States jurisdiction includes, at most, areas over which the United States exercises at least de facto authority as the government. Based on CIA assurances, we understand that the interrogations do not take place in any such areas. We therefore conclude that Article 16 is inapplicable to the CIA's interrogation practices and that those practices thus cannot violate Article 16"[9]. The main point is a split between *place* and *area*: interrogations occurred in places outside of areas (territory). The term territory refers to a space however big or small, but a room or building (place) is not covered. Even though this interpretation is not accepted[10], without a clear definition, the spatial modus could lead to "the collapse of the control over a place criterion into something resembling control over a mere speck or an atom of land" [Milanovic 2011:151]. A functional approach to the term could help to avoid this collapse: territory is something controlled by a state; therefore, the meaning of territory is limited to what is possible to control [Milanovic 2011:134].

2.2. Personal modus

The problem of control captures all significance when a territory is defined in the functional vein. It shifts attention from control over a territory to control over persons situated within a territory. A recourse to the notion of a territory becomes excessive[11]; it becomes less important than individuals. A territory might be used as a trigger for a presumption that a person could be affected by a state if one is within it[12]; hence, it is a procedural matter.

In the *Al-Skeini* case, the ECtHR concluded that the absence of defined borders is not an insurmountable obstacle to establishing a state's jurisdiction; "the exercise of physical power and control over the person in question" is decisive[13]. If the territorial modus starts from the point that states are bound by their obligations within their territories and only then elaborates on the exclusions of extraterritori-

---

[6] However see [Besson 2012:872-874].

[7] See ECtHR. *Carter v. Russia.* Decision of 21.09.2021. Para 125.

[8] See *inter alia:* ECtHR. Husayn (Abu Zubaydah). Decision of 24.07.2014. Para 42-69. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-146047 (accessed date: 11.01.2025); Rosenberg, C. What the C.I.A.'s torture program looked like to the tortured. – *The New York Times.* 2019, December 4. URL: https://www.nytimes.com/2019/12/04/us/politics/cia-torture-drawings.tml (accessed date: 11.01.2025); "enhanced interrogation" explained. Human Rights First website. 10.02.2016. URL: https://humanrightsfirst.org/library/enhanced-interrogation-explained/ (accessed date: 11.01.2025).

[9] Memorandum for John A. Rizo, re: Application of United States Obligations Under Article 16 of the Convention Against Torture to Certain Techniques that May Be Used in the Interrogation of High Value al Qaeda Detainees. US Department of Justice. Office of Legal Counsel. 30.05.2005. URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/olc/legacy/2013/10/21/memo-bradbury2005.pdf (accessed date: 11.01.2025).

[10] UN. Committee against Torture. Conclusions and recommendations of the Committee against Torture: United States of America. 2006. CAT/C/USA/CO/2. Para. 15. URL: https://digitallibrary.un.org/record/580893?ln=en&v=pdf (accessed date: 11.01.2025); UN. Committee against Torture. Concluding observations on the combined 3rd to 5th periodic reports of the United States of America. 2014. CAT/C/USA/CO/3-5. Para 10. URL: https://digitallibrary.un.org/record/790513?ln=en&v=pdf (accessed date: 11.01.2025).

[11] See how a territory became irrelevant in the ECtHR' reasoning in *Carter v. Russia.* Para 125-126.

[12] ECtHR. Al-Skeini. Para. 131.

[13] Ibid. Para. 136.

ality, the personal modus stimulates to start from the opposite statement. Firstly, it acknowledges that states could be bound by human rights obligations wherever an act occurs, and only then it sets limits for the obligations relying on the notion of control[14]. Moreover, this modus stimulates to include "contactless" control (a situation where a state creates conditions for violation) or other instances of infringement without physical interaction with a victim [Moreno-Lax 2024:29-34; Janig 2022:184-186]. The personal modus avoids flaws of spatial approach and creates others.

The first problem is lack of hard-law references; the second problem is impossibility to use it with the full scope *ratione materiae*[15]. Otherwise, when a sovereign executes its powers extraterritorially, it must provide all and every benefit of human rights obligations to individuals it affects. It is utopian; even if we find this possible, it remains excessive. In the *Banković* case, the ECtHR adopted an all-or-nothing view[16], however it was overturned in the subsequent *Al-Skeini* case[17]. The third problem remains the same with the territorial modus: the concept of control is still unclear.

2.3. Control

Both approaches stand on the notion of control[18], the difference is in its object: "All have recognized that a state's extraterritorial exercise of effective control over either a person or a territory places that conduct within a state's "jurisdiction" [Cleveland 2010:248]. It could be argued that control is not a fact *sensu stricto*[19] because it is outside of the 'true-false' dichotomy; fact is an absolute term (it does not admit degrees) and *control* is a relative notion[20]. In theory it is possible to imagine a unit of control's measurement and formulate a rule that, from a certain amount, human rights obligations arise; however, it is practically impossible.

To deal with it, ECtHR elaborated *effective overall control* test[21] but a comparison between territorial and personal approaches leads to the conclusion that control is the most important factor. Before addressing the comparison, it is crucial to mention a terminological ambiguity of "control test" which could mean (1) an indication of jurisdiction, (2) a ground for attribution and (3) a test for a complaint's admissibility *ratione personae*. The three refer to one set of facts but with different functions[22]: (1) to establish obligations, (2) to attribute certain actions to a state, and (3) to meliorate a procedure with a preliminary stage. That is why the effective control test from the *Nicaragua* case[23] could be deemed irrelevant for the question of obligations' existence: this test is for attribution (part of secondary rules), and the effective overall control test serves to establish an obligation (as a part of primary rules) [Milanovic 2011:46-51; 136-137]. The last meaning is procedural and only indicates when an issue may be raised in a preliminary stage; in substance it could be an attribution or/and an establishment of obligations[24]. Metaphorically, the issue of admissibility acts as a terminological 'shaker' for primary and secondary rules; it mixes an issue of attribution, which tends to have a high standard, with an issue of jurisdiction, which tends to have a lower standard [Rusinova 2016:68]. One

[14] These limits should be sufficient to consider extraterritorial jurisdiction to be exceptional: ECtHR. *Medvedyev and others v. France.* Decision of 29.03.2010. Para. 64. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97979 (accessed date: 19.11.2025); ECtHR. Al-Skeini. Para. 131; ICJ. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion of 09.07.2004. Para. 109; etc.

[15] ECtHR. Banković. Para. 75.

[16] Ibidem.

[17] ECtHR. Al-Skeini. Para 137; ECtHR. *Carter v. Russia.* Para. 126.

[18] See a critique of this statement in [Besson 2013:872-874].

[19] "Something that is known to have happened or to exist, especially something for which proof exists, or about which there is information" – *Fact. Cambridge.org website.* URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fact (accessed date: 11.01.2025).

[20] Its "level" depends on other "factual determinations" [Janig 2022:183]. See about relative and absolute terms *inter alia* in [Unger 1971:202-207].

[21] In the Loizidou case at the preliminary objections stage the Court formulated a criteria as 'effective control', at the merits stage, it modified it to 'effective overall control' (ECtHR. *Loizidou v. Turkey* (preliminary objections); ECtHR. *Loizidou v. Turkey* (merits). Decision of 18.12.1996. Para. 56. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58007 (accessed date: 11.01.2025)).

[22] The term still serves one aim of establishing responsibility. See [De Leo 2025:107-112].

[23] ICJ. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. United States of America*). Merits Judgment of 27.06.1986. Para. 109, 115.

[24] See an example of their interrelation in ECtHR. Drozd and Janousek. Decision of 26.06.1992. Para. 91. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57774%22]} (accessed date: 11.01.2025).

must specify what exactly is being discussed (primary or secondary rules), without being distracted by the procedural reasoning. Hereinafter "the control test" as a part of primary rules is in question.

In territorial modus *effective overall control* test has three parts with an aim to broaden applicability. First is *control*, which, in accordance with the ordinary meaning, refers to the ability to execute states' will[25]. No state has total control; it constitutes a denial of humans' autonomy and free will, while human rights aim to preserve them. Consequently, any interpretation of human rights treaty as something that requires to show total control is contrary to the object and purpose of a treaty. However, it seems that control is the criterion that distinguishes states' territory *proper* from jurisdictional clause. The former can be used as the basis for the presumption of the latter [Besson 2012:876-878][26]; hence, control is the means that stretches and limits the scope *ratione loci,* while a territory serves a procedural role. The second part is *overall*, which means that applicants do not need to provide details of the respondent's exercise of control in a particular situation[27]; it is a procedural way to expand applicability. The last part is *effective*[28]. In general, effectiveness is an outcome of a comparison between real and intended results; to establish human rights obligations, "the state needs to have enough power over the territory and its inhabitants to broadly do as it pleases" [Milanovic 2011:137]. Due to the fact that the comparison is a logical operation and depends on the compared issues as inputs, it is impossible to formulate an abstract substantial definition of effective control. The only way to inquire the effectiveness of control is a case-by-case study[29]. This vein may justify an accusation in voluntarism. Only a threshold of total control can avoid this eclectic path; as mentioned earlier, it is contrary to the object and purpose of human rights treaties.

The notion of *control* in territorial modus is the only part that could be a handle to expand and to limit *ratione loci.* The other two requirements of the test only expand the scope, while the main aim of the jurisdictional clause in personal modus is the opposite; therefore, only *control* is practically relevant in personal approach.

The broadest way to define *control* over a person is to put an equal sign between control and impact: it is constituted whenever a state has an ability to substantively violate an individual's rights; this is too broad. The most promising technique to bridle personal modus is to put interaction at the forefront and set a limit based on its nature, for instance «by requiring the exercise of some sort of purported legal power over the victim of the alleged human rights violation» [Milanovic 2011:199]. However, those criteria are arbitrary.

In conclusion, the main question of human rights' scope *ratione loci* is whether a state has exercised *control*. Other qualifiers serve as an attempt to measure this concept, having the inability to use the term's absolute sense. Without a unit of measurement, the relativity of *control* creates a margin of flexibility for a court to expand or reduce human rights based on the court's evaluation of *control's* scale. It could find a state having control without detailed explanation but with general observations; there is no way to challenge such findings in a coherent objective way, because no argument can contradict to an opinion. If (1) jurisdiction in Art. 1 ECHR means effective overall control, (2) control is a relative term, and (3) it is practically impossible to define and apply control's unit of measurement, then there is no objective territorial limit of human rights obligations; ratione loci is resolved by Art. 32 ECHR, which answers the question of whose subjective assessment is decisive.

3. Further development of the jurisdictional clauses

Due to control's relativity, one cannot rely solely on objective facts, there is always a choice of an empowered adjudicator; the objectivity could influence the will but not determine it. Therefore, one should

[25] "To order, limit, or rule something, or someone's actions or behaviour" – *Control. Cambridge.org website.* URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/control (accessed date: 11.01.2025).

[26] ECtHR. Assanidze. Decision of 08.04.2004. Para 138-139. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-61875%22]} (accessed date: 11.01.2025).

[27] ECtHR. *Loizidou v. Turkey* (merits). Para. 56. However see [Moreno-Lax 2020:399-400].

[28] "Successful or achieving the results that you want" – *Effective. Cambridge.org website.* URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/effective (accessed date: 11.01.2025).

[29] This path is taken by the Guide on Article 1 of the European Convention on Human Rights. Updated on 31.08.2024. P. 21-45. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide-on-article-1-obligation-to-respect-human-rights (accessed date: 11.01.2025). See also [Janig 2022:185].

put options as a contradiction in order to inquire how the choice is made.

Let's assume there are two ways of research: one is to collect, count, and classify all cases in order to outline tendencies (it is based on quantity and induction); another is to outline the core of the options' reasoning and how they interact in a particular case (it is based on quality and deduction). The first is flawed due to required excessive effort and inductive inferences[30] (it is impossible to say when a number of cases is enough to make a justified conclusion). The second is also defective due to dependence on general starting statement of a deductive reasoning; the starting point must be obvious, unquestionable or accepted. Therefore, the second vein is more efficient on the condition that a reader could accept the following creative description of two options' reasoning. Indeed, this dilemma can be described in multiple ways, we might also agree that "[h]uman rights duties are institutional and hence necessarily bounded and, when drawing those boundaries, one can never hope for one state's institutions to respect the human rights of all" [Besson 2012:884]. However, it seems, the more abstract description is possible.

3.1. Universality as thesis of the contradiction

Since the World War II, it has been generally accepted that human rights are shackles for a sovereign. Whatever a state wants to achieve shall be accorded to human rights considerations. However, there is no clear understanding of human rights' "precise nature and role in international law" [Shaw 2021:242]. This uncertainty, at least for practical application, is overcome by treaties when human rights bodies were granted authority to declare when a sovereign's act is in breach.

However, the legitimacy of human rights is not solely derived from theoretical or philosophical reasoning but also from fear of history's repetition where "disregard and contempt for human rights have resulted in barbarous acts which have outraged the conscience of mankind"[31]. Human rights do logically contradict to Leviathan's freedom to do whatever it pleases [Gabrelyan 2014:46-57]. This conflict was surpassed by the tragedy of the barbarous acts, which empowered human rights law to emerge in its contemporary plight. The core reason to expand human rights is a believe that no sovereign is free from human rights as "recognition of the inherent dignity and of the equal and inalienable rights of all members of the human family"[32].

3.2. Decisions' effectiveness as antithesis of the contradiction

When H. Kissinger described Westphalian World order, he noted that "[n]o single claim to truth or universal rule had prevailed in Europe's contests. Instead, each state was assigned the attribute of sovereign power over its territory" [Kissinger 2014:3]. It illustrates how state-centered international law conflicts with human rights [See Pribytkova 2020:408], indeed, "[l]aw cannot be sovereign without a political sovereign, and no global political sovereign is yet in the making" [Bhuta 2016:19]. This indicates the core reason for human rights limitations: sovereign's *de facto* ability to preserve its freedom. Human rights institutions could recognize a state as bound by an obligation, but a state is free to disregard the finding. Sovereigns are free to consent to human rights treaties and free to take the consent back.

One could recall the distinction between *law* and *politics* or between *due* and *given* in order to argue that for law a state is always bound: there is no ability to ignore this freedom from human rights in one dimension but there is no such thing in the other. However, human rights law would hold no value if it were non-existent in the real world and if it had no role in the political process. Fortunately, at least there is a political role of "naming-and-blaming" for human rights institutions. Although the politics of these bodies is beyond the scope of the present article, it is assumed that they consider the political effectiveness of their actions[33].

3.3. Interaction of the two statements

Above-described thesis and antithesis demand a constant search for balance between "…considerations of the universality of human rights and the limits of what states are able and – more importantly – willing to undertake…" [Janig 2022:189]. A line that delimits the scope ratione loci should be redrawn whenever political conditions allow to move further

[30] See [Henderson 2024].

[31] Preamble of the Universal Declaration of Human Rights (hereafter UDHR).

[32] Ibidem.

[33] Marko Milanovic, using the word 'effectiveness', outlined four vital considerations: flexibility, impact, regime integrity, clarity and predictability [Milanovic 2011:106-117].

to universality or demand to limit the obligations. It is clear that human rights bodies, in persuasion for legitimacy, want to make right choices. To evaluate what is right and wrong, one of two types of ethical systems could be used[34]: deontology[35] or consequentialism[36]. Deontic theories evaluate an act itself for deeming it right or wrong, they consider actions from the perspective of what we ought to do. The discourse of human rights law falls considerably under deontic narrative; it evaluates facts from the standpoint of duties; it is hard to find a place in the reasoning for consequences. On the other hand, consequentialist theories are not concerned with an act itself; for them, the rightfulness of an action depends on its consequences.

When a human rights body makes a decision regarding the treaty's scope *ratione loci,* it uses one of the two ethical systems in order to choose between *yes* and *no* as an answer for the question "is there a fact under control of the respondent-state?" The universality tends to say *yes*; probable political consequences could demand to say *no*. The consideration about a decision's effectiveness is consequentialist argument against jurisdiction; the inherent universalism of human rights is an argument for jurisdiction.

The core reason for expanding the boundaries of human rights is deontic in nature. If put in extremities, it disregards a decision's consequences; the effectiveness of human rights bodies' work is irrelevant. In contrast, the core reason to limit the boundaries is consequentialist. It stimulates to make a decision in the most politically effective way and to consider its consequences for all actors including victims. If a decision will not be implemented and will impair future decisions' power, then it must be avoided.

If we agree that "the paradox of human rights boundaries" is the contradiction between deontic and consequentialist approaches, then it might be unresolvable. It is akin to solve the Trolley Problem[37] [See Foot 1967:5-15; Thomson 1985:1395-6]; an issue of extraterritorial jurisdiction is a variant of this Problem for a human rights body. However, there is an assumption that, if considered false, could demolish this dilemma for human rights law. This assumption is better seen in the proposed path of the jurisdictional clause's development.

3.4. Functional approach

The concept of control in personal modus at some point may attract our attention to a person who controls[38]. In the functional approach[39] the main criterion is an ability of controller to perform public power [Bhuta 2016:11-12; Oberleitner 2015:167; Vandenhole 2019:421]: "Did it depend on the agents of the state whether the alleged violation would be committed or would not be committed? <…> If the answer is yes, self-evidently the facts fall squarely within the jurisdiction of the state"[40]. The object of control here is "activities that affect the enjoyment of human rights" [Janig 2022:186]. By default, it sets an equal sign between *can* and *ought* [Raible 2021:18]: if a state is able to do something, it has the jurisdiction to do so, thus human rights obligations apply. This is, indeed, too broad: if one state could end a famine in another, it is obliged to help[41]; a limit is needed[42].

The distinction between positive and negative human rights obligations was proposed as a limit [Milanovic 2011:209-219]. It holds as a premise two undeniable statements: (1) the obligation to respect requires a state to have no more than control over its

[34] For the purpose of this paper, aretaic theories and the nihilist approach are not considered, as aretaic theory focuses on the virtues of a decision-maker rather than the reasoning behind the decision, and the nihilist approach leads to the denial of the existence of human rights.

[35] See [Alexander, Moore 2024].

[36] See [Sinnott-Armstrong 2023].

[37] A thought experiment, proposed by Philippa Foot, where an observer is given a choice to save 5 people in danger of being hit by a trolley, by turning the trolley to kill just 1 person.

[38] See ECtHR. Wieder and Guarnieri. Decision of 12.09.2023. Para 87-94.

[39] See African Commission on Human and Peoples' Rights, General Comment No. 3 on the African Charter on Human and Peoples' Rights: The Right to Life (Article 4). 18 November 2015. Para. 14. URL: https://www.refworld.org/legal/general/achpr/2015/en/70896 (accessed date: 11.01.2025); UN Human Rights Committee, General comment no. 36: Article 6, Right to life. 2019. Para 63. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3884724?ln=en&v=pdf (accessed date: 11.01.2025).

[40] ECtHR. Al-Skeini. Concurring Opinion of Judge Bonello para. 16; see also ECtHR, Jaloud. Decision of 20.11.2014. Para. 152 URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-148367 (accessed date: 11.01.2025); ECtHR. Chiragov. Decision of 16.06.2015. Para. 169-186. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-155353 (accessed date: 11.01.2025); ECtHR. *Loizidou v. Turkey* (preliminary objections); ECtHR. Andreou. Decision of 27.10.2009. Para. 25. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95295 (accessed date: 11.01.2025).

[41] However see [Moreno-Lax 2020:397-8].

[42] See ECtHR. Al-Skeini. Concurring Opinion of Judge Bonello para. 32.

agents and (2) it is reasonable to demand this from states. However, the drawback is apparent: if the limit of the scope of extraterritorial obligations is the line between positive and negative ones, then there is no extraterritorial positive obligation. Universality may stimulate to make exceptions for "prophylactic and procedural positive obligations" [Milanovic 2011:215-9; Shany 2013:61-7]. However, in certain political conditions exemptions could proliferate and water down the criterion to the point when the rule is useless.

Another proposed criteria is the existance of a political relationship between a state and a right-holder [Besson 2012:864-5; Moreno-Lax 2024:41-2; see also Ollino 2021:84-9]. However, human rights obligation itself regulates those political relations. Human rights may regulate *or* be triggered by them. Jurisdiction test must precede assessments on human rights obligation [Ollino 2021:99]. Hence, there are two possible conclusions: there are some public power relations that are not regulated by human rights or there is no territorial scope of application. Whatever is considered, however, as a prior public power relation, it must be coherent with human rights obligation as well, therefore "there is no longer a need for unjustified distinctions between territorial and exterritorial" [Moreno-Lax 2020:413]. It seems that advocates for this approach are conscious of risks, including states' withdrawal from human rights treaties [Moreno-Lax 2020:415-416].

Nevertheless, this approach highlights particular inconsistency in legal reasoning: what does a human rights treaty create? The Statute of the International Court of Justice answers this question with *rules*[43], while the VCLT refers to *rights and obligations* [Schmalenbach 2018:41-43]. The meaning of the scope *ratione loci* depends on the notion of what is limited. If a treaty creates "an accepted principle or instruction that states the way things are or should be done, and tells you what you are allowed or are not allowed to do"[44], a rule exists separately from its addressees as a criterion for actions or omissions; therefore, if an action takes place outside of the defined territory, a rule cannot be used for the evaluation. This logic does not work for rights and obligations because those concepts are not criteria for actions or omissions; they describe attributes of actions or omissions, whether real or imaginary. To say that an act is unlawful, in certain cases it should exist in reality without the property of obligation, and there should be a corresponding imaginary inaction with the property of obligation. Thus, an obligation is not a criterion for (un)lawfulness but an attribute of an imaginary action or omission that is compared to reality.

It is hard to perceive the territorial scope of an obligation. If we assume that an obligation of an international treaty has the same roots as an obligation raised by a private contract, the contradiction becomes more prominent[45]. The most laconic definition of an obligation is *'juris vinculum'*[46]: a contract binds a debtor and a creditor. If a legal bond has a territorial scope for validity, it creates a discrepancy: you could vow to do something, but you can always pass through the territorial border to escape the ties. An obligation bounds a person to a person, but not a person to a territory. The ability of a debtor to "play hide and seek" with his creditor cannot be genuinely perceived as lawful.

The VCLT uses the term *consent to be bound* as a core element of any international treaties to be valid [Schmalenbach 2018:42]. In human rights law, the "bifurcation of the rights-holder and the rights-enforcer" [Engle 2015:72] was described with a concept of third-party beneficiary [Henkin 1981:257-280]: treaties create legal relations between states where individuals are passive right-holders. The functional approach stresses this perception: a treaty makes legal relations between controlling and controlled persons when actions of the former are attributed to an obliged state.

[43] Art. 38 (1a).

[44] Rule. Cambridge.org website, URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rule (accessed date: 11.01.2025).

[45] Hereinafter, Roman law will be used for purposes of analogy, without implying its intellectual background as a normative argument, even though it could be used in discussions about rights and obligations in international human rights law. This analogy only has the analytical aim of describing issues of human rights law that are similar to those dealt with by Roman law.

[46] Inst. 3.13: "Obligatio est juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus solvendae rei secundum nostrae civita-tis jura" – "An obligation is a bond of law by which we are reduced to the necessity of paying something in compliance with the laws of our state" (the translation is from: S. P. Scott, The Civil Law, II, Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/just3_Scott.gr.htm#XIII (accessed date: 11.01.2025)).

The assumption is that obligations are created from scratch and an effective remedy logically required. If we assume this statement as false, then it is possible to split the question of extraterritorial application between universality and effectiveness. Instead of resolving the philosophical dilemma human rights law could elaborate a theory, where two questions are answered separately.

4. Human rights obligations

Obligation (*obligatio*) is a legal relation of inequality between two persons: one is entitled, another is indebted [Savigny 2004:51-52]. If an interaction can be qualified as *obligatio*, then a state's consent to be bound grants an entitlement to everyone with a status of a human; however, a remedy does not derive from this status. Every state has its own human rights implementation mechanisms and policies. A split between an entitlement and a remedy is the division between natural (*naturalis obligatio*) and civil (*civilis obligatio*) obligations. In contrast to *civilis obligatio, naturalis obligatio* is an obligation without a possibility of enforcement via the action in court [Savigny 2004:66-73; Vindsheid 1875:97; Khvostov 1898:1-62, Pokrovskij 1917:232]. F. C. von Savigny considered them as derived from different sources: a civil obligation is from *ius civile* as a result of the law prescription, while a natural obligation derives from *ius gentium* as from *ratio* [Savigny 2004:60-63]. In roman law an obligation derived from *ius gentium* often was granted protection by *ius civile* [Savigny 2004:66-73; Vindsheid 1875:84], and natural obligations might preserve legal character [Golevinskij 1872:156, 164; Vindsheid 1875:83-85]. This logic can be applied to human rights by splitting the question of their existence and their enforcement. One could be answered in a universal and deontic vein; another could be answered with consequences and effectiveness as the main criteria.

The idea of natural obligation recognizes inability to fulfil all human rights towards everyone without deeming them non-existent by complicating human rights into *obligatio* and *actio*. It resolves without derogations the question of human right's universal existence in affirmative, instead it applies the limit *ratione loci* to the enforcement. In other words, the scope ratione loci determines when the obligations are ensured by a particular enforcement mechanism.

However, it necessitates to reconsider the role of domestic courts as *gatekeepers* or *compliance partners* [Kunz 2019:1139-1149] for decisions of human rights bodies. The concept of obligation requires clear indication of a debtor and a creditor. Treaties answer clearly: a state is a debtor; a human is a creditor. A domestic court as a body of a state cannot adjudicate a dispute about international human rights obligation because *nemo judex in causa sue:* a court is a body of a debtor; if it finds an obligation in contradiction with domestic law, it changes nothing more than the reason for a violation. If a content of domestic law depends on state's will[47] as well as a consent to be bound by a treaty, then there is a conflict between two wills of one state. Indeed, a domestic court could well-ground a breach of obligation, but it should be perceived as a debtor's assertion that a breach is excused. However, it gives too much a role to human rights bodies with few methods of coercion; their decision might be declared non-enforceable or unconstitutional [Kunz 2019:1155]. When a domestic court refuses to comply with a decision of a human rights institution only community of states or general public can decide what it was: a breach of the international obligation or wrong decision of an adjudicator. The authority of a human rights body comes from a status of adjudicator, therefore a decision perceived as wrong will damage the institution's legitimacy.

This framework passes political responsibility from human rights bodies to member states; the *raison d'être* of a human rights treaty is to establish a regime where an infringement of human rights is treated as a legal wrong. A human rights body strives to cover all natural obligations by authority of a treaty, while a sovereign tends to avoid compulsory obligations. If a jurisdiction clause is a line between natural and civil obligations, the category of *control* is a tool in the hands of a human rights institution not to extend rights extraterritorially but to cover them with protection. If control is sufficient to require a state to comply with a natural human right obligation, then *actio* could be granted. The role of jurisdiction changes from a criterion of a norm's application *ratione loci* to a political justification: it attempts to predict whether the member states and general public would find a defendant state with enough power to consider it responsible[48].

[47] PCIJ. Certain German Interests in Polish Upper Silesia (Merits). Judgment of 25.05.1926. pP. 19. URL: https://www.icj-cij.org/pcij-series-a (accessed date: 19.11.2025)

[48] See for example: Human Rights Committee. *Yassin et al. v. Canada.* Communication No. 2285/2013. UnDoc: CCPR/C/120/D/2285/2013 (adopted 26 July 2017). Para. 6.7.

If the provided description of the contradiction is right, then there are only two ways of development: to solve the Trolley Problem or to complicate the issue in order to separate two oppositions. However, the most probable variant is the absence of any development: it is unlikely that the philosophical dilemma will be solved, and the breakup between right and remedy creates danger for all parties.

For states (debtors), it challenges their legitimacy. If there are natural human rights obligations derived from *ratio*, then their existence and content are independent from sovereigns' will; it might be used as a ground of critique for states actions. Realpolitik might stand before the court of public opinion without legal cover. In the nineteenth century, enlightened absolutism mitigated this danger by granting human rights before they were demanded. It increased sovereign's legitimacy and altered discussion about human rights from a contention to a plea[49]: if a state grants us human rights, then, it is implicit, we should be grateful. However, if a human's entitlement against a sovereign derives via *ratio* from the status of a creditor and not from the consent of a debtor, then the equality, proclaimed in the UDHR, is enough to establish natural human rights obligations. The treaties become guidelines or clarifications for the preexisting obligations and only able to grant *actio*.

For creditors, it creates an additional task. Any denial of remedy would not automatically tantamount to denial of human rights; the logical link between *right* and *remedy* (as a whole and a part) could have helped to establish a cause of action[50]. The split of human rights into *obligatio* and *actio* loosens the moral constraint, because it logically affords to say "we refuse to grant a remedy but we consider it a violation of human rights". However, it is doubtful that human rights instruments provide an *actio* in a material sense [Khvostov 1898:508] at all. If a state grants a remedy, it is not an *actio* but a fulfillment of an international obligation. In that sense international obligations lack *actio* by default because there is no adjudicator with compulsory universal jurisdiction; therefore, natural human rights obligations would have more in common with the majority of international obligations. It would be too ambitious to apply this classification somewhere beyond human rights law; however, this helps to emphasis that human rights law's distinguished feature is not the proclamation of rights and equality (*naturalis obligatio*), but an idea that a human being could demand something as a remedy from a sovereign (*civilis obligatio*). Acknowledgement of human rights' existence as natural obligations of states is a start for a political discussion about ways to provide relief on an international plane. Natural obligation does not provide any protection but reminds that a person could claim, demand, and even fight for their own good; a human rights body, from this standpoint, is an institution that helps to stop on "claim" and prevents from going to "fight". That is the reason to look mainly at the ECtHR – it certainly does provide *actio* due to its power to create a new obligation[51], while the Human Rights Committee, for instance, could be considered as a human rights body without such power[52].

However, this framework ultimately blurs distinction between law and ethics to the point when one could legitimately refuse to consider at least some human rights as legal[53]. In the end natural human rights obligations might be found legally relevant only when they are fulfilled; it is so in private law [Khvostov 1898:469-472; Vindsheid 1875:86-89]. However, the concept could also provide a framework to develop. It is not obligatory to follow Roman law; moreover, ignored human rights (as natural obligations or not) sometimes could lead to unwanted political turmoil, therefore it is possible to find a way to argue legal relevance of natural human rights obligations as the necessity.

5. Conclusion

Sometimes it is apparent that concept of human rights is put in the narrative of *damsel in distress:* it is often considered as something to be saved, defended, guarded and provided. Harsh reality leads this plot to

[49] See about humans' status as a defining criteria between police law (police state) of nineteenth century and administrative law (a state with the rule of law) in [Elistratov 1914:1-17; 1922:5-36]

[50] See Supreme Court of Canada. *Nevsun v. Araya.* Judgrmrnt of 28.02.2020. Para 118. URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/18169/index.do (accessed date: 11.01.2025).

[51] Art 41 ECHR.

[52] UN Human Rights Committee. General comment no. 33, Obligations of States parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. 2009. Para. 3, 4, 6-8, 11. URL: https://digitallibrary.un.org/record/659368?ln=en&v=pdf (accessed date: 11.01.2025).

[53] With respect to natural obligations see the proposed divide between *debita naturalia* and *obligatio naturalis* with subjective right as a criterion [Khvostov 1898:486-490].

despair. Stories of human rights usually are tragedies, but there might be a change in the future: human rights could be considered as something like "law-in-waiting". Human rights could be an inspiration for right-holders instead of a moral demand against right-enforcers.

This change of mindset could be achieved with more sophisticated understanding of human rights. Not as a set of rules created by sovereigns, aimed to halt their acts and limited by their domains, but as multiple natural obligations. When we derive them from *ius gentium,* then a breach of such obligations may create a demand of a right-holder to recognizit by *ius civile.* This understanding could come from the problem of human rights' extraterritorial scope of application. Incompatibility between the universality of the treaties' content and the territorial limit can be solved in a dialectical vein. The question of an obligation's existence could be detached from the limits of its enforcement by accepting that human rights treaties do not create them from the scratch but only add certain effects to the pre-existent natural obligations. Those enhancements constitute the feature and value of human rights law, and only that feature has territorial scope of application. However, it is about the little possibility in the distant future, and it would trigger other contradictions and problems, including the line between law and ethics in human rights.

References

1. Alexander L., Moore, M. Deontological Ethics. – *The Stanford Encyclopedia of Philosophy.* 2024. URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/ethics-deontological/ (accessed date: 11.01.2025).
2. Besson S. The Extraterritoriality of the European Convention on Human Rights: Why Human Rights Depend on Jurisdiction and What Jurisdiction Amounts to. – *Leiden Journal of International Law.* 2012. № 4 (25), P.857–884. URL: https://hal.science/hal-02516268v1 (accessed date: 11.01.2025).
3. Bhuta N. The Frontiers of Extraterritoriality – Human Rights Law as Global Law. – *The frontiers of human rights: extraterritoriality and its challenges.* Oxford: Oxford University Press. 2016.P. 1-20.
4. Binderup L. G. Universalism and (Cultural) Relativism. – *Elgar Encyclopedia of Human Rights.* Edward Elgar Publishing. 2022. P. 507–515. URL: https://doi.org/10.4337/9781789903621.universalism.cultural.relativism (accessed date: 30.11.2025).
5. Cleveland S.H. Embedded international law and the constitution abroad. – *Columbia Law Review.* 2010. № 2 (110). P. 225-287. URL: https://www.jstor.org/stable/27806619 (accessed date: 11.01.2025).
6. Donnelly J. Cultural Relativism and Universal *Human Rights. – Human Rights Quarterly.* 1984. № 4 (6). P. 400-419.
7. Donnelly J. The Relative Universality of Human Rights. – *Human Rights Quarterly.* 2007. № 2 (29). P. 281-306.
8. Elistratov A.I. *Osnovnye nachala administrativnogo prava [Basic Principles of Administrative Law].* Moscow: Publ. G.A. Lemana and и S.I. Sakharova. 1914. 294 p. URL: http://hdl.handle.net/11701/18163 (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
9. Elistratov A.I. *Ocherk administrativnogo prava [An outline of administrative law].* Moscow: State Publ. 1922. 236 p. URL: http://hdl.handle.net/11701/41340 (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
10. Engle E.A. Tort Law and Human Rights. – *Comparative tort law: Global Perspectives.* Edward Elgar Publishing. 2015. P. 70-92.
11. Foot Ph. The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect. – *Oxford Review.* 1967. № 5.
12. Gabrelyan E.V. Suverenitet gosudarstva i prava cheloveka: problemy sovmestimosti [State sovereignty and human rights: compatibility issues]. – *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva: ucheb. posobie [Current Problems of State Theory: A Textbook].* Moscow: Prospekt. 2014. P. 46-57. (In Russ.).
13. Golevinskij V.I. *O proiskhozhdenii i delenii obyazatel'stv [On the origin and division of obligations].* Warsaw: Printing house of Osip Berger. 1872. 302 p. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003584837?page=1&rotate=0&theme=black (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
14. Henderson L. The Problem of Induction. – *The Stanford Encyclopedia of Philosophy.* 2024. URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/induction-problem/ (accessed date: 11.01.2025).
15. Henkin L. International human rights as "rights". – *Nomos*. 1981. Vol. 23. P. 257-280. URL: https://www.jstor.org/stable/24219097 (accessed date: 11.01.2025).
16. Janig Ph. Extraterritorial Application of Human Rights. – *Elgar Encyclopedia of Human Rights.* Edward Elgar Publishing. 2022. P. 180-191. URL: https://doi.org/10.4337/9781789903621.extraterritorial.application.human.rights (accessed date: 30.11.2025).
17. Khvostov V.M. Natural'nye obyazatel'stva po rimskomu pravu [Natural obligations under Roman law]. Moscow: University Publ. 1898. 516 p. URL: https://search.rsl.ru/ru/view/01003686198?redirect=http://dlib.rsl.ru/rsl01003000000/rsl01003686000/rsl01003686198/rsl01003686198.pdf (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
18. Kunz R. Judging International Judgments Anew? The Human Rights Courts before Domestic Courts. – *The European Journal of International Law.* 2019. № 4 (30). P. 1129-1163.
19. Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press. 420 p.
20. Milanovic M. *Extraterritorial Application of Human Rights Treaties: Law, Principles, and Policy.* London, England: Oxford University Press. 2011. 276 p.;
21. Moreno-Lax V. Meta-Borders and the Rule of Law: From Externalisation to 'Responsibilisation' in Systems of Contactless Control. – *Netherlands International Law Review.* 2024. № 1 (71). P. 21-57.
22. Moreno-Lax V. 2020. The Architecture of Functional Jurisdiction: Unpacking Contactless Control – On Public

Powers, S.S. and Others v. Italy, and the 'Operational Model.' – *German Law Journal*. № 3 (21). P. 385–416.
23. Oberleitner G. The extra-territorial application of human rights: functional universality. – *Human Rights in Armed Conflict: Law, Practice, Policy*. Cambridge University Press. 2015. P. 144-168.
24. Ollino A. The 'capacity-impact' model of jurisdiction and its implications for States' positive human rights obligations. – *Questions of International Law*. Zoom-in 82. 2021. P. 81-100.
25. Pokrovskij I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of private law]*. Petrograd: Publishing of the Legal Book Warehouse "Law". 1917. 328 p. URL: http://hdl.handle.net/11701/18164 (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
26. Pribytkova E. What global human rights obligations do we have? – *Chicago Journal of International Law*. 2020. № 2 (20) P. 384-449. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol20/iss2/15/ (accessed date: 11.01.2025).
27. Raible L. Extraterritoriality between a Rock and a Hard Place. – *Questions of International Law*. Zoom-in 82. 2021. P. 7-29.
28. Raible L. The Extraterritoriality of the ECHR: Why Jaloud and Pisari Should be Read as Game Changers. – *European Human Rights Law Review*. 2016. Issue 2. P. 161-168.
29. Rusinova V. Pravovye aspekty primeneniya Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod: do i posle "Bankovicha" [Legal Aspects of Application of the Convention on Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: before and after "Bancović"]. – *Moscow Journal of International Law*. 2010. № 1. P. 31-46. URL: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-1-31-46 (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
30. Rusinova V. "Yurisdiktsiya" i "vmenenie" v resheniyakh ESPCH, svyazannykh s primeneniem Konventsii na territorii nepriznannykh gosudarstv: vzboltat', no ne smeshivat'? ["Jurisdiction" and "imputation" in the ECtHR Decisions on the application of the Convention on the territory of unrecognized States: shake, but do not stir?]. – *Mezhdunarodnoye pravosudie*. 2016. № 1. P. 59–69. (In Russ.)
31. Savigny F.C. Law of obligation. – Russ. ed.: Savigny F.C. *Obyazatel'stvennoe pravo*. Saint Petersburg: Publ. "Yuridicheskij centr Press". 2004. 576 p.
32. Schmalenbach K. Article 2. – *Vienna Convention on the Law of Treaties*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. 2018. P. 29-54.
33. Shany Y. Taking Universality Seriously: A Functional Approach to Extraterritoriality in International Human Rights Law. – *The Law & Ethics of Human Rights*. 2013. № 1 (7). P. 47-71.
34. Shaw M.N. International Law. 9th ed. Cambridge University Press. 2021. 1213 p.
35. Sinnott-Armstrong W. Consequentialism. – *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2023. URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/consequentialism/ (accessed date: 11.01.2025).
36. Thomson J.J. The Trolley Problem. – *Yale Journal*. 1985. Vol. 94. P. 1395-1415.
37. Unger P. A defense of skepticism. – *The Philosophical Review*. 1971. № 2 (80). P. 198-219. URL: https://www.jstor.org/stable/2184030 (accessed date: 11.01.2025).
38. Vandenhole W. 2019. The 'J' Word: Driver or Spoiler of Change in Human Rights Law? – *The Oxford Handbook of Jurisdiction in International Law*. Oxford: Oxford University Press. P. 413-430.
39. Vindsheid B. *Ob obyazatel'stvah po rimskomu pravu [On obligations under Roman law]*. Saint Petersburg: Printing house of A. Dumashevsky. 1875. 593 p URL: http://hdl.handle.net/11701/16012 (accessed date: 11.01.2025). (In Russ.)
40. von der Decken K. Article 29. – *Vienna Convention on the Law of Treaties*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. 2018. P. 521-537.
41. Wilde R. Dilemmas in Promoting Global Economic Justice through Human Rights Law. – *The frontiers of human rights: extraterritoriality and its challenges*. Oxford: Oxford University Press. 2016. P.127-177.
42. Wilde R. The extraterritorial application of international human rights law on civil and political rights. – *Routledge Handbook of International Human Rights Law*. London, England: Routledge. 2013. P. 635-661.

Информация об авторе

Филипп Вадимович ЛУЧКИН
Аспирант департамента международного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

fvluchkin@gmail.com
ORCID 0009-0000-6053-9540

About the Author

Philipp V. LUCHKIN
Postgraduate Student at the School of International Law, National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000

fvluchkin@gmail.com
ORCID 0009-0000-6053-9540

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-66-79

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 23.12.2025
Принята к публикации: 10.03.2026

Роман Алексеевич ШЕПЕНКО
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID 0009-0003-2303-9637

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКСПОРТНЫХ ПОШЛИН: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ВВЕДЕНИЕ. *Внутренние налоги на экспорт устанавливаются государствами при осуществлении своих суверенных прав. При присоединении к международному договору налоговый суверенитет может быть ограничен. На протяжении истории Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай) такое произошло дважды. Если первый раз это был результат опиумных войн, то второй раз – присоединения к Всемирной торговой организации (далее – ВТО), и ограничение остается в силе и сегодня. В настоящей статье рассмотрены вопросы международного-правового регулирования экспортных пошлин в Китае, включая практику в рамках системы урегулирования споров ВТО.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Исходными материалами при подготовке настоящей статьи выбраны публикации по истории установления таможенных тарифов Китая, положения международных договоров, национального законодательства и доклады третейских групп и Апелляционного органа ВТО. При проведении исследования использовались сравнительно-правовой и формально-логический методы.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *На протяжении многовековой истории в Китае взимаются различные виды таможенных пошлин. Действие национального законодательства КНР о налогах на экспорт ограничено в пространстве. Оно не применяется в особых административных районах Сянган и Аомэнь, равно как и в Китайской Республике (Тайване). После образования КНР не заключались двусторонние международные договоры, ограничивающие использование налогов на экспорт. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (далее – ГАТТ) не запрещает обложение экспортными пошлинами, но при присоединении к ВТО государства могут принять обязательства ограничить их применение. Эти обязательства закрепляются в протоколе о присоединении, который является неотъемлемой частью Соглашения об учреждении ВТО.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *При рассмотрении двух групп дел о применении налога на экспорт, третейские группы ВТО пришли к выводу, что Китай не вправе ссылаться на защиту жизни или здоровья людей, а также на сохранение исчерпаемых природных ресурсов, основываясь на нормах ст. XX ГАТТ. На тот момент еще не вступил в силу Закон КНР «О международных отношениях», положения которого запрещают исполнение международных договоров, наносящих ущерб национальному суверенитету,*

безопасности и общественным интересам. Теоретически, в будущем КНР может использовать соответствующую норму национального законодательства для неисполнения в том числе так называемых обязательств ВТО-плюс. Однако это будет расценено как нарушение обязательств по Соглашению об учреждении ВТО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *протокол о присоединении, обязательства ВТО-плюс, ГАТТ, КНР, таможенный тариф, экспортная пошлина, сырьевые материалы, редкоземельные элементы, система урегулирования споров ВТО, налоговый суверенитет*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шепенко Р.А. 2026. Международно-правовое регулирование экспортных пошлин: опыт Китайской Народной Республики. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 66–79. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-66-79

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-66-79

Research article
UDC: 341
Received 23 December 2025
Approved 10 March 2026

Roman A. SHEPENKO
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID 0009-0003-2303-9637

INTERNATIONAL REGULATION OF EXPORT DUTIES: THE EXPERIENCE OF THE PEOPLE REPUBLIC OF CHINA

INTRODUCTION. *Internal taxes to exports are imposed by countries in the exercise of their sovereign rights. Upon accession to a treaty, tax sovereignty may be limited. This has happened twice in China's history. If the first time was the result of the Opium wars, then the second time was the WTO accession and the restriction remains in force today. In the given article the issues of international regulation of export duties in China, including practices within the WTO dispute settlement system, are discusses.*

MATERIALS AND METHODS. *This study is based on data from publications on the history of China's customs tariffs, provisions of treaties, national legislation, and reports of panels and the WTO Appellate Body. Comparative legal and formal logical methods were used in the research.*

RESEARCH RESULTS. *Throughout China's history, various types of customs duties have been imposed. The customs legislation of the People's Republic of China is limited in area. It does not apply in the Hong Kong and Macao Special Administrative Regions, as well as in the Republic of China (Taiwan). After the proclamation of the PRC, there have been no bilateral international agreements limiting the use of internal taxes to exports. GATT does not prohibit the application of export duties, but upon accession to the WTO,*

countries may commit to limit their use. These obligations are provided in the accession protocol, which is an integral part of the WTO Agreement.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In several cases, the WTO panels found that China may not seek to justify the application of export duties by reference to the protection of human life or health, as well as the conservation of exhaustible natural resources, pursuant to art. XX GATT. At that time, the PRC's Law on International Relations had not yet entered into force, the provisions of which prohibit the execution of treaties that cause damage national sovereignty, security and public interests. Theoretically, in the future, the PRC may use the relevant provision of national legislation not to fulfill, among other things, the so-called WTO-plus obligations. However, this will amount to a violation of obligations under the WTO Agreement.*

KEYWORDS: *protocol of accession, WTO-plus obligations, GATT, PRC, customs tariff, export duty, raw materials, rare earths, dispute settlement system of the WTO, tax sovereignty*

FOR CITATION: Shepenko R.A. International Regulation of Export Duties: The Experience of the People Republic of China. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 66–79. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-66-79

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Состав фискальных и регулирующих платежей различных государств и территорий как правило совпадает, но он не статичен и многие ранее широко распространенные налоги и сборы сегодня уже не применяются. Примером может служить транзитная пошлина.

К числу таких налогов относятся и экспортные пошлины. Их взимание со временем по всей видимости будет прекращено.

Они имеют продолжительную историю. В исследованиях можно встретить указания о том, что они взимались в Афинах в VII–VI веках до н.э. [Лебедев 2000:271]. Вместе с принятием первого Вестминстерского статута 1275 года были установлены пошлины, уплачиваемые каждым торговцем, как местным, так и иностранным, на экспорт шерсти, войлока и кожи, которые стали известны как *custuma antiqua sive magna* (лат. – древний или великий обычай)[1]; описание практики взимания экспортных пошлин в Великобритании в последующие периоды можно найти у классиков политической экономии [Смит 1935:204-206]. К началу XX в. сфера применения экспортных пошлин значительно сузилась из-за влияния торговой системы, в которой экспорт рассматривался как выгодный вид деятельности и, естественно, сформировалось отрицательное отношение ко всему, что было направлено на его ограничение [Bastable 1903:533]. В 1970-е годы констатировалось, что экспортные пошлины используют развивающиеся страны, обладающие монополией в области производства и сбыта какого-либо товара. Наряду с этим их используют и в качестве источника дохода государственного бюджета [Потапов 1973:89].

В документах ВТО экспортная пошлина классифицируется как внутренние налоги на экспорт (Internal Taxes to Exports). Они взимаются в Аргентине[2], Бангладеш[3], Вануату[4], Вьетнаме[5], Египте[6], Замбии[7], Индонезии[8], Камбодже[9], КНР, Коста-Рике[10], Либерии[11], Малайзии[12],

[1] См.: *A New Law Dictionary and Institute of the Whole Law.* By A. Brown. 2nd ed. London: Stevens & Haynes, 1880. P. 156-157.
[2] WT/TPR/S/412. 2021, 11 Aug.
[3] WT/TPR/S/385. 2019, 6 Feb.
[4] WT/ACC/VUT/12. 1999, 9 Nov.
[5] WT/TPR/S/410. 2021, 2 Mar.
[6] WT/TPR/S/367. 2018, 16 Jan.
[7] WT/TPR/S/474. 2025, 19 Aug.
[8] WT/TPR/S/401. 2020, 4 Nov.
[9] WT/TPR/S/469/Rev.1. 2025, 16 Sep.
[10] WT/TPR/S/392. 2019, 24 July.
[11] WT/L/357. 2000, 15 June.
[12] WT/TPR/S/436. 2022, 14 Dec.

Мозамбике[13], Монголии[14], Мьянме[15], Непале[16], Норвегии[17], Папуа Новой Гвинее[18], России[19], на Соломоновых островах[20], в Таджикистане[21], Таиланде[22], Фиджи[23], Филиппинах[24], Эфиопии[25], Южно-Африканской Республике[26] и др.

Считается, что экспортные налоги искажают торговлю (увеличивают стоимость товаров), поэтому многие региональные торговые соглашения предусматривают запрет на их применение [Mancheri 2015:32]. Однако в перечень государств, в которых взимаются внутренние налоги на экспорт, входят члены Экономического сообщества стран Центральной Африки[27], Восточноафриканского сообщества[28] и Организации Восточно-карибских государств[29].

Всего около 40 % членов ВТО налагают внутренние налоги на экспорт. Прекращение их взимания происходит под внешним влиянием. Известно, например, что в начале 1990-х годов западные консультанты активно рекомендовали государствам Совета экономической взаимопомощи отказаться от налогов на экспорт [Pomfret 1997:134].

Данные об использовании внутренних налогов на экспорт достаточно динамичны. По прошествии времени государства могут исключить их из системы налогов, как и в случае с Литвой[30], Марокко[31], Саудовской Аравией[32], Словенией[33]. Возможна и обратная ситуация. Например, по данным на середину 60-х годов XX в. экспорт товаров из Бразилии не подлежал налогообложению [Уткин 1965:47], но на начало 2022 года в этом государстве взимаются налоги на экспорт некоторых категорий товаров[34].

Экспортные пошлины могут использоваться и в специальных целях, в том числе региональными объединениями. Чтобы защитить внутренних потребителей от высоких мировых цен в 1995 году Европейский союз ввел экспортную пошлину на пшеницу [Aksoy, Beghin 2005:11]. В соответствии со ст. VII Соглашения между правительством США и правительством Канады о пиломатериалах хвойных пород (Оттава, 2006 г.) с целью прекращения взимания в Соединенных Штатах Америки антидемпинговых и компенсационных пошлин Канада приняла на себя обязательства взимать обременение на экспорт[35].

Международно-правовое регулирование внутренних налогов на экспорт имеет теоретическое и практическое значение. С этими налогами связаны, в частности, такие категории, как «конвенциональный тариф» и они позволяют выйти за рамки академического шаблона о нулевой ставке. Обращение к практике их использования позволяет раскрыть значение обязательств из международного договора для их регламентации. Тот факт, что непосредственно ГАТТ (Женева, 1947 г.; Марракеш, 1994 г.) не запрещает взимание налогов на экспорт, не является определяющим для характеристики правового режима их применения[36].

---

13 WT/TPR/S/456. 2024, 27 May.
14 WT/TPR/S/406. 2021, 20 Jan.
15 WT/TPR/S/405. 2020, 21 Dec.
16 WT/ACC/NPL/3. 1999, 8 June.
17 WT/TPR/S/473. 2015, 5 May.
18 WT/TPR/S/387. 2019, 3 Apr.
19 WT/TPR/S/416/Rev.1. 2022, 17 Feb.
20 WT/TPR/S/465/Rev.1. 2025, 11 Feb.
21 WT/ACC/TJK/15. 2008, 7 Aug.
22 WT/TPR/S/480. 2025, 6 Oct.
23 WT/TPR/S/444. 2023, 24 May.
24 WT/TPR/S/368. 2018, 5 Feb.
25 WT/L/229. 1997, 10 Oct.
26 WT/TPR/M/447/Add.1. 2024, 16 Jan.
27 WT/TPR/S/445/Rev.1. 2024, 30 Apr.
28 WT/TPR/S/384. 2019, 13 Feb.
29 WT/TPR/S/437/Rev.1. 2023, 17 Oct.
30 WT/ACC/LTU/52. 2001, 7 Nov.
31 WT/TPR/S/453/Rev.1. 2024, 30 May.
32 WT/ACC/SAU/61. 2005, 1 Nov.; WT/TPR/S/407. 2021, 27 Jan.
33 G/SG/N/5/SVN/Suppl.2. 1988, 1 Apr.
34 WT/TPR/S/432/Rev.1. 2022, 5 Apr.
35 Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/search?q=softwood+lumber+ agreement (accessed date: 22.12.2025).
36 United Nations. Treaty Series. 1950. Vol. 55.

В связи с этим интересным примером является опыт КНР. С учетом используемых для обозначения экспортных пошлин иероглифов (出口税), их следует назвать налогами, но в публикациях на английском языке распространено словосочетание export duties.

У Китая богатая история взимания налогов на экспорт и их применение в КНР имеет некоторые особенности. Во-первых, налоги на экспорт не входят в системы налогов особых административных районов Аомэнь и Сянган. Не налагаются они и в Китайской Республике. Во-вторых, при отсутствии запрета на их использование в ГАТТ, использование налогов на экспорт ограничено обязательствами КНР в рамках ВТО.

2. Правовые основы налога на экспорт

Относящиеся к ранним периодам истории Китая данные о взимании экспортных налогов ограничены. При династии Сун (960–1279) налоги на импорт и экспорт составляли 10-40% от стоимости товаров[37]. В XVI в., при династии Мин, 50-процентный налог на чай был фактически экспортной пошлиной, выполнявшей функцию защитного тарифа [Ray Huang 1974:259]. В начальный период династии Цин (1644–1911) в портах не было унифицированной тарифной системы; налог с грузов был известен как налог на товары (commercial tax) или налог на импорт и экспорт [Yuqin Sun, Xu Chang 2024:414].

Иностранные торговцы, предпринимавшие попытки осуществления деятельности в Китае, сталкивались в том числе с проблемой экспортных пошлин. Английские купцы торговали с китайцами только в Кантоне, но с 1755 по 1757 годы ограничения на торговлю в Кантоне и высокие импортные и экспортные налоги вынудили Ост-Индскую компанию направить корабли на север, в Нинбо, где условия торговли были намного лучше [Shi Zhihong 2017:10].

С поражением Китая в опиумных войнах начинается международное регулирование налога на экспорт.

Исторически, один из первых примеров представлен Договором о мире, дружбе и торговле между Ее Величеством Королевой Великобритании и Ирландии и Императором Китая (Нанкин, 1842 г.). По ст. 10 этого договора император Китая согласился установить для британских торговцев тариф на вывозные и ввозные пошлины. В 1843 году был заключен Дополнительный договор, известный как Хумэньский. В ст. 1 указано, что действует прилагаемый Тариф экспортных и импортных пошлин. В сборниках документов этот тариф приведен вслед за текстом Нанкинского договора. Он состоит из двух таблиц: экспорт и импорт. В таблице экспорта 61 наименование товаров и четыре колонки ставок[38].

В соответствии со ст. 26 Договора между Ее Величеством Королевой Великобритании и Ирландии и Императором Китая о мире, дружбе, торговле и навигации (Тяньцзинь, 1858 г.) этот тариф был пересмотрен. В том же году в Шанхае было заключено соглашение, к которому приложен Тариф пошлин на Британскую торговлю с Китаем. Он сопровождался правилами применения пошлин. Экспортному тарифу был посвящен разд. II, номенклатура товаров в нем увеличилась в два раза по сравнению с тарифом 1843 года[39].

Другие государства, включая Россию, также заключали международные договоры с Китаем. Они содержали положения об экспортных пошлинах[40]. Соответствующие тарифы получили название конвенциональных.

Согласно данным статистики, в период с 1858 по 1893 годы экспортная пошлина обычно превышала 5 % стоимости товара. И хотя после 1903 года она стала ниже, все равно превышала импортные пошлины. Положение стало меняться с 1926 года[41].

[37] См.: Lili Fang. *The History of Chinese Ceramics*. Transl. by Lin Ma. Singapore: Springer Nature, 2023. P. 357.

[38] См.: *Treaties, Conventions, Etc., Between China and Foreign States*. In 2 Vol. Vol. I. 2nd ed. Shanghai: The Statistical Department of Inspectorate General of Customs, 1917. P. 359-360.

[39] См.: *Treaties between the Empire of China and Foreign Powers: Together with Regulations for the Conduct of Foreign Trade, Conventions, Agreements, Regulations, etc., etc., etc.* By W.F. Mayers. Shanghai: North-China Herald Office, 1902. P. 24-27.

[40] См.: Сладковский М.И. *История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)*. Москва: Наука, 1974. С. 399, 418.

[41] См.: История экономического развития Китая. 1840–1948 гг. Сборник статистических материалов. Пер с кит. Н.А. Симония, Т.Я. Цветковой. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 75.

В 1928 году было принято Уложение «О таможенном налоге на импорт». В приложении к нему указаны ставки таможенного налога[42]. Он стал первым таможенным тарифом Китайской Республики и с последующими изменениями применяется на Тайване [Hans van de Ven 2014:223].

С июня 1931 года был введен в действие новый экспортный тариф[43]. Отмечалось, что фактически это был тариф 1858 года с добавлением 50-процентного дополнительного налога, установленного в феврале 1929 года[44]. Однако его номенклатура значительно шире (270 наименований), в структуре выделены шесть разделов с одной колонкой ставок, содержащей и записи на двух языках об освобождении "免稅Free". В Уложение Китайской Республики «Об экспортном налоге» несколько раз вносились изменения, в том числе в 1934 и 1945 годах[45].

В переводах на английском языке уложение названо "Customs Export Tariff of the Republic of China". На китайском языке в его названии использован иероглиф 則, который в современных словарях переводится как правила, порядок, но в старых словарях среди его значений назывались также закон, уложение, положение, способ и т.д.[46] В сочетании с иероглифом, имеющим значение налога, под ним понимают тариф.

После образования в октябре 1949 года КНР началась новая история таможенного тарифа с разными правовыми режимами на материке и на острове Тайвань. Отличались и подходы к применению налога на экспорт.

На Тайване налог на экспорт взимался в середине XVII в., когда остров находился под контролем голландцев [Hui-wen Koo 2015:45]. По тяньцзиньским договорам 1858 года Великобритания, Россия, США и Франция получили доступ на Тайвань и на его территорию был распространен конвенциональный тариф. Налог на экспорт взимался на Тайване и в период японского правления с 1895 по 1945 годы [Lin Yuju 2017:861-862].

Информация о последующей практике применения экспортного налога на территории острова Тайвань ограничена. По одним данным, экспортные пошлины были отменены в Китайской Республике в сентябре 1946 года [Rhoads 1949:54], по другим – в этом году их взимание было приостановлено[47]. Известно, что Уложение Китайской Республики «О таможенном налоге» было отменено в соответствии с Приказом Президента Китайской Республики 1968 года[48].

В ст. 2 Закона Китайской Республики 1967 года «О таможенном налоге» определено, что термин «таможенный налог» относится к налогу на импорт, взимаемому с ввозимых из-за рубежа товаров[49]. Налог на экспорт упоминался в ст. 14 этого закона, до редакции 1986 года. В ст. 8 Закона 1951 года «О распределении финансовых доходов и расходов» налог на экспорт вместе с налогом на импорт в составе категории «таможенный налог» был отнесен к национальным налогам. Начиная с редакции этого закона 1981 года, назван только таможенный налог[50]. В настоящее время при экспорте взимается сбор за оказание услуг в портах и сбор на стимулирование торговли[51].

На материке налог на экспорт не был отменен.

---

[42] 財政部 [Министерство финансов]. 网站: https://law-out.mof.gov.tw/EngLawContent.aspx?lan=C&id= 20736&KW=海關進口稅則 (最后点阅时间: 22.12.2025).

[43] Customs Export Tariffs of the Republic of China (1931). Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs, 1933. 39 p.

[44] См.: China. The Maritime Customs. Statistical Series No. 6. Decennial Reports 1922-31. Vol. I. Iss. 5. Northern and Yangtze Ports. Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs. 1933. P. 235.

[45] Customs Export Tariffs of the Republic of China (1934). Shanghai: Statistical Department of the Inspectorate General of Customs. 1945. 30 p.

[46] См.: Китайско-русский словарь. Под. ред. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. С. 282.

[47] 財政部關務署基隆關 [Таможня Цзилуна Главного таможенного управления Министерства финансов]. 网站: https://web.customs.gov.tw/keelung/singlehtml/586?cntId=cus3_41278_586#:~:text=%E6%88%91%E5%9C% 8B%E9%97%9C%E7%A8%85%E5%8E%9F%E6%9C%89%E9%80%B2%E5%8F%A3,%E5%83%B9%E6%88%96%E5%BE%9E%E9%87%8F%E5%BE%B5%E6%94%B6%E3%80%82 (最后点阅时间: 22.12.2025).

[48] 立法院法律統計 [Законодательная палата. Правовая статистика]. 网站: https://lis.ly.gov.tw/ lglawc/lglawkm?@@965246111 (最后点阅时间: 22.12.2025).

[49] 財政部 [Министерство финансов]. 網站: https://law-out.mof.gov.tw/EngLawContent.aspx?lan=C&id= 20557&KW=關稅法 (最後點閱時間: 22.12.2025).

[50] 財政部 [Министерство финансов]. 網站: https://law-out.mof.gov.tw/EngLawContent.aspx?lan=C&id= 20788&KW=關稅 (最後點閱時間: 22.12.2025).

[51] WT/TPR/S/165/Rev.1. 2006, 10 Oct.

Формально КНР не унаследовала налоговое законодательство республиканского периода: в ст. 17 Общей программы народного политического консультативного совета Китая 1949 года было провозглашено, что указы и судебная система гоминьдановского правительства ликвидируются и будут выработаны законы и изданы указы, защищающие интересы народа, а также установлена система народного правосудия[52]. Вместе с тем на основании ст. 3 Решения Государственного административного совета 1950 года «О тарифной политике и работе таможен» Главному таможенному управлению было разрешено применять импортный таможенный тариф 1948 года и экспортный таможенный тариф 1934 года в редакции 1945 года[53].

В апреле 1951 года был принят Временный таможенный закон КНР. В нем взиманию и освобождению от уплаты таможенного налога была посвящена гл. 9. В мае того же года Государственным административным советом принимаются Уложение КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» и Правила КНР «О временном применении Уложения „О таможенном налоге на ввоз и вывоз“».

Уложение КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» было издано в виде отдельного документа[54]. Данное уложение стало первым таможенным тарифом КНР. Он состоял из таблицы с пятью колонками; помимо нумерации и наименований товаров в ней было две колонки ставок налога при ввозе и одна – при вывозе. Ставки налога на экспорт считались низкими, что объяснялось необходимостью развития производства товаров[55]. Концептуально, это уложение представляло собой аналог тарифов колониального периода.

В п. 4 Основных положений проведения общегосударственной налоговой политики, принятых Государственным административным советом в начале 1950 года, таможенный налог отнесен к налогам общегосударственного и местного значения[56]. Уложение КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» и Правила КНР «О временном применении Уложения „О таможенном налоге на ввоз и вывоз“» на протяжении нескольких десятилетий составляли правовую основу таможенного налога.

Таким образом, с 1931 года правовое регулирования обложения экспорта осуществлялось в Китае исключительно нормами национального законодательства. Соответствующие тарифы (в том числе налога на экспорт) получили название автономных. После образования КНР были изданы закон и административные узаконения, действие которых ограничено материковой частью Китая. Не претерпела изменение система, согласно которой используются два вида документов: таможенный тариф и правила его применения.

Начиная с 80-х годов состав налогов КНР и их правовые основы регулярно корректировались, следуя проводимым реформам. Не остался без внимания и таможенный налог. Его правовые основы претерпели многочисленные изменения и дополнения. По некоторым данным, в 1980 году в КНР были отменены экспортные пошлины на продукцию, продаваемую Тайваню, а также импортные пошлины на тайваньские товары; торговля между Тайванем и материком, которая все еще оставалась незаконной на Тайване, рассматривалась в КНР как внутренняя торговля [Weiner 1992:35].

В марте 1985 года Государственный совет принял Правила «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» и Уложение «О таможенном налоге на ввоз и вывоз». В названии уложения, ставшего новой редакцией таможенного тарифа, как и прежде использован иероглиф 则, но в упрощенном написании.

В соответствии с Уведомлением Государственного совета 1985 года «О введении в действие Правил “О таможенном налоге на ввоз и вывоз” и Уложения „О таможенном налоге на ввоз и вывоз“» правила и уложения 1951 года признаны утратившими силу[57].

---

[52] См.: Законы и законодательные акты Китайской Народной Республик. Под ред. Е.Ф. Ковалева. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. С. 55.

[53] См.: Основные нормативные акты о местных органах и государственного управления Китайской Народной Республики (сборник документов). М.: Издательство юридической литературы, 1959. 316-321.

[54] 中華人民共和國海關進出口稅則: 一九五一年五月十六日起施行 [Уложение КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз». Вступило в силу 16 мая 1955 года – на кит. яз.]. 中央人民政府海關總署, 1951. 99 頁.

[55] См.: Основные сведения о внешней торговле Кита. Пер. с кит. З.В. Дашкевича, А.А. Жемчугова. М.: Внешторгиздат, 1961. С. 152.

[56] См.: Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Под ред. Л.М. Гудошникова. М.: Прогресс, 1984. С. 256-359.

[57] 中华人民共和国国务院公报 [Бюллетень Государственного совета КНР]. 1985 年. 总号: 460. 第 147 页.

В ст. 1 Правил КНР 1985 года «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» предусмотрено, что они разработаны с целью реализации политики открытости внешнему миру, более эффективного использования экономических рычагов воздействия таможенного налога и содействия развитию внешнеэкономической торговли и национальной экономики. В ст. 2 тех же правил определено, что таможенные органы взимают налоги на импорт или экспорт в соответствии с Уложением «О таможенном налоге на ввоз и вывоз».

В январе 1987 года был принят Таможенный закон КНР[58]. С вступлением его в силу, в соответствии со ст. 102 утратил силу Временный таможенный закон. Таможенному налогу в новом законе посвящена гл. 5 (ст. 53-65).

В 1987 и 1992 годах в Правила КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» были внесены изменения, а в 2003 году была принята их новая редакция[59]. В нее также несколько раз вносились изменения (в 2011, 2013, 2016 и 2017 годах). В соответствии с этими правилами применялись налоги на экспорт, которые были рассмотрены в рамках системы урегулирования споров ВТО.

В апреле 2024 года был принят Закон КНР «О таможенном налоге»[60]. С вступлением его в силу, в соответствии со ст. 72 утратили силу Правила КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз».

В ст. 4 этого закона указано, что статьи налога, ставки налога и подлежащие применению правила определены в Уложении КНР «О налоге на ввоз и вывоз», которое названо приложением к закону. На основании ст. 7 уложение о налоге или, иными словами, таможенный тариф составляется и опубликовывается Комитетом Государственного совета по тарифу. Данный комитет регулярно публикует такие уложения[61].

Экспортный таможенный тариф, вступивший в силу с 2025 года, включает в себя 102 позиции, со ставками в диапазоне 20-40 %.

Нормативные основы налога на экспорт не ограничены только названными выше законами и административными узаконениями.

В ст. 11 Положения Госсовета 1990 года «О поощрении инвестиций китайцев, проживающих за рубежом, и соотечественников из Гонконга и Макао» предусмотрено, что экспортные товары, произведенные предприятиями с инвестициями зарубежных китайцев и соотечественников из Гонконга и Макао, за исключением тех товаров, экспорт которых ограничен государством, освобождаются от уплаты таможенного налога на экспорт и единого торгово-промышленного налога[62].

В ст. 21 Методов (办法) Главного таможенного управления 1997 года «О таможенном контроле в районах сохранения налогов» установлено, что, если иное не предусмотрено законами и административными регламентами, экспортный налог не взимается, когда готовая продукция, переработанная на предприятиях района, и материалы, образующиеся в процессе переработки, отправляются за границу[63].

Академическое подразделение современных правовых основ налогообложения на национальные и международные не совсем уместно в случае с налогами на экспорт в КНР, но это не означает, что их применение не подчинено международным договорам.

---

[58] 国家法律法规数据库 [База данных национальных законов и узаконений]. 网站: https://flk.npc.gov.cn/ detail?id=ff8081817ab22b8a017abd719e0f05c0&fileId=&type=&title=%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E6%B5%B7%E5%85%B3%E6%B3%95 (最后点阅时间: 22.12.2025).

[59] 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 网站: https://www.gov.cn/ gongbao/content/2004/content_62807.htm (最后点阅时间: 22.12.2025).

[60] 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 网站: https://www.gov.cn/ yaowen/liebiao/202404/content_6947843.htm (最后点阅时间: 22.12.2025.

[61] 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 网站: https://sousuo.www. gov.cn/sousuo/search.shtml?code=17da70961a7&dataTypeId=107&searchWord=进出口税则 (最后点阅时间: 22.12.2025).

[62] 国家法律法规数据库 [База данных национальных законов и узаконений]. 网站: https://flk.npc.gov.cn/ detail?id=ff8080816f3cbb3c016f40919f6c048a&fileId=&type=&title=%E5%9B%BD%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%85%B3%E4%BA%8E%E9%BC%93%E5%8A%B1%E5%8D%8E%E4%BE%A8%E5%92%8C%E9%A6%99%E6%B8%AF%E6%BE%B3%E9%97%A8%E5%90%8C%E8%83%9E%E6%8A%95%E8%B5%84%E7%9A%84%E8%A7%84%E5%AE%9A (最后点阅时间: 22.12.2025).

[63] 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 网站: https://www.gov cn/gongbao/content/2011/ content_1860792.htm (最后点阅时间: 22.12.2025).

3. «Обязательства ВТО-плюс»

В заключенных в последнее время различными государствами и территориями двусторонних международных договорах обычно предусмотрен запрет на установление экспортных пошлин. Великобритания стала заключать содержащие такой запрет в различные соглашения после выхода из ЕС (об экономическом сотрудничестве с Ганой[64], Камеруном[65], Кот-д'Ивуаром[66], об ассоциации с Марокко[67], о свободной торговле с Новой Зеландией[68]).

Этому подходу следует Тайвань. В соглашения о свободной торговле с Панамой, Гватемалой и Сингапуром, заключенные в 2003, 2005 и 2013 годах, включено типовое положение о том, что ни одна из сторон не может устанавливать или сохранять в силе какие-либо налоги, пошлины или обременения на экспорт любого товара на территорию другой стороны. В соглашении с Панамой это положение дополняется оговоркой «за исключением случаев, когда они вводятся или сохраняются в отношении любого такого товара, предназначенного для местного потребления» (ст. 3.14)[69]. Эта оговорка обусловлена тем, что в Панаме может взиматься налог на экспорт обработанной древесины из природных лесов[70].

Несмотря на эти примеры, нельзя сказать, что запрет на применение экспортных пошлин в двусторонних международных договорах это широко распространенная практика.

В таких договорах с участием КНР налоги на экспорт обычно не упоминаются. Нет положений о них и в договоренностях с особыми административными районами Сянган и Аомэнь, а также с Тайванем. Экспортные пошлины упоминаются в ст. II Соглашения между США и КНР о торговых отношениях (Пекин, 1979 г.), которое было заключено после дипломатического признания КНР[71]. В этой статье провозглашен режим наибольшего благоприятствования, охватывавший и таможенные пошлины при экспорте.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле не запрещает применение налогов на экспорт. В соответствии с п. 1 ст. I таможенные пошлины и обременения любого рода, налагаемые на экспорт или в связи с ним, подчинены режиму наиболее благоприятствуемой нации. В силу п. 1 ст. XI на пошлины, налоги и другие обременения в отношении экспорта не распространяются требования об устранении количественных ограничений. В п. 1(a) ст. VIII определено, что не являющиеся экспортными пошлинами другие сборы и обременения любой природы, налагаемые на экспорт или в связи с ним, должны быть ограничены приблизительной стоимостью оказанных услуг и не должны представлять собой налогообложение экспорта в фискальных целях.

Как показывает практика, в связи с применением налогов на экспорт члены ВТО могут апеллировать к нормам, в которых экспортные пошлины прямо не названы [Ван Юньпэн 2023:37]. Примером является ст. XX «Общие исключения». Согласно этой статье, ничто в ГАТТ не должно толковаться как препятствующее принятию или обеспечению соблюдения мер любой договаривающейся стороной, в том числе необходимых для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений (п. "b") или касающихся сохранения исчерпаемых природных ресурсов, если такие меры применяются вместе с ограничениями на внутреннее производство или потребление (п. "g").

В целом, ограниченное внимание к экспортным пошлинам на международном уровне, не следует понимать, как сферу неограниченного налогового суверенитета.

При присоединении к ВТО, применение экспортных пошлин, широко обсуждается и от новых членов требуют изменить свой тарифный режим. Дискуссия по этому вопросу имела место и при присоединении России, что нашло отражение в п. 621-638 Доклада рабочей группы[72].

---

[64] WT/REG449/1. 2025, 21 Aug.
[65] WT/REG418/3. 2025, 23 July.
[66] WT/REG421/1. 2025, 21 Aug.
[67] WT/REG429/1. 2025, 7 Apr.
[68] WT/REG472/1/Rev.1. 2025, 28 Jan.
[69] International Trade Administration. FTAs. URLt: https://fta.trade.gov.tw/fta_panama.html?1 (accessed date: 22.12.2025).
[70] WT/TPR/S/421. 2021, 13 Dec.
[71] The American Presidency Project. Proclamation 4697. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/ documents/proclamation-4697-agreement-trade-relations-between-the-united-states-america-and-the (accessed date: 22.12. 2025).
[72] WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2. 2011, 17 Nov.

В п. 155 Доклада рабочей группы о присоединении Китая была отражена обеспокоенность членов по поводу налогов и обременений на экспорт, и выражено мнение, что их следует отменить, если они применяются не в соответствии со ст. VIII ГАТТ или не перечислены в Приложении 6 к проекту протокола. На это представитель Китая отметил, что большинство товаров не облагаются экспортными пошлинами, исключение составляют 84 наименования, включая вольфрамовую руду, ферросилиций и некоторые изделия из алюминия (п. 156 доклада)[73].

Китай является членом ВТО с 2001 года. В подп. 3 п. 11 Протокола о присоединении КНР провозглашено, что Китай отменит все налоги и обременения на экспорт, за исключением специально предусмотренных в Приложении 6 к протоколу или применяемых в соответствии с положениями ст. VIII ГАТТ[74].

Приложение 6 содержит таблицу с кодами гармонизированной системы, описанием продуктов и ставками экспортных пошлин, состоящую из 84 позиций. После таблицы следует примечание, согласно которому Китай подтвердил, что он не будет повышать установленные ставки, за кроме исключительных обстоятельств, а при возникновении последних, Китай проведет консультации с причастными членами до повышения тарифов с целью нахождения взаимоприемлемого решения.

Доклад рабочей группы о присоединении Китая содержит мало информации о дискуссии по налогам на экспорт, а результат выражен в Протоколе о присоединении. Обязательства Китая, в том числе по налогам на экспорт, классифицируются исследователями как «обязательства ВТО-плюс», т.е. как дополнительные [Henry Gao 2023:348].

После присоединения к ВТО в КНР были установлены экспортные налоги на некоторые товары (сырье), не перечисленные в Приложении 6, а также установлены дополнительные экспортные налоги. Это привело к возникновению споров.

Нарушения обязательств по Протоколу о присоединении были рассмотрены в двух группах дел:

- "China – measures related to the exportation of various raw materials" (DS394, DS395 и DS398);
- "China – measures related to the exportation of rare earths, tungsten, and molybdenum" (DS431, DS432 и DS433).

Считается, что эти дела иллюстрируют влияние на систему урегулирования споров ВТО международных политических альянсов [Ли Сюэпин 2019:9].

Первое дело связано в том числе с установлением в КНР в 2009 году экспортных пошлин на различные виды бокситов, кокса, плавикового шпата, магния, марганца, металлического кремния, желтого фосфора и цинка.

Правовые основы этих пошлин были образованы законом и административными узаконениями, а именно:

- Таможенным законом (в ред. 2000 г.), ст. 2, 3, 9, 23, 53, 55 и 60;
- Правилами КНР «О таможенном налоге на ввоз и вывоз» (в ред. 2004 г.), ст. 2, 4, 9 и 37;
- Уведомлением Комитета Государственного совета по тарифам 2008 года № 40 «О плане применения таможенных пошлин в 2009 году»;
- Уведомлением Комитета Государственного совета по тарифам 2009 года № 28 «О плане введения таможенных пошлин в 2010 году»;
- Уведомлением Комитета Государственного совета по тарифам 2009 года № 6 «О корректировке экспортных тарифов на некоторые товары».

Ряд членов ВТО посчитали, что, принимая эти меры, Китай нарушил подп. 3 п. 11 Протокола о присоединении. В начале требование о консультациях заявили в июне 2009 года США[75], а затем, в июне и в августе – ЕС и Мексика[76].

Согласно распространенному в 2011 году докладу третейской группы Китай также просил установить, что наложение экспортных пошлин обосновано в соответствии с п. "b" и "g" ст. XX ГАТТ (п. 5.5(a) доклада); примечательно, что это не первый случай рассмотрения вопросов соблюдения Китаем обязательств по Протоколу о присоединении и применения ст. XX ГАТТ[77].

Проанализировав текст ст. XX ГАТТ и положения некоторых других соглашений, содержащих перекрестные ссылки на эту статью или

[73] WT/ACC/CHN/49. 2001, 1 Oct.
[74] WT/L/432. 2001, 23 Nov.
[75] WT/DS394/1, G/L/888. 2009, 25 June.
[76] WT/DS395/1, G/L/889. 2009, 25 June; WT/DS398/1, G/L/892. 2009, 26 Aug.
[77] См.: "China – Measures Affecting Trading Rights and Distribution Services for Certain Publications and Audiovisual Entertainment Products". – WT/DS363/R. 2009, 12 Aug.; WT/DS363/AB/R. 2009; 21 Dec.

содержащих свои собственные исключения, третейская группа указала, что используемая в ст. XX фраза «в этом Соглашении» предполагает, что содержащиеся в ней исключения относятся только к ГАТТ, а не к другим соглашениям, если в них недвусмысленно не инкорпорировано право ссылаться на ст. XX (п. 7.153 доклада).

В подп. 2 п. 1 Протокола о присоединении Китая предусмотрено, что он является неотъемлемой частью Соглашения об учреждении ВТО (Марракеш, 1994 г.)[78]. В этом соглашении нет общего исключения, охватывающего все соглашения ВТО, а в Протоколе о присоединении – ссылки о применении ст. XX ГАТТ к подп. 3 п. 11.

В отношении требований, касающихся экспортных пошлин, третейская группа пришла к следующим выводам (п. 8.2, 8.9 и 8.16 доклада)[79]:

- применение экспортных пошлин на определенные виды бокситов, кокса, плавикового шпата, магния, марганца, металлического кремния и цинка на основании рассмотренных мер противоречит п. 11.3 Протокола о присоединении;
- Китай не может обосновать применение экспортных пошлин на плавиковый шпат в соответствии со ст. XX(g) ГАТТ;
- Китай не может обосновать применение экспортных пошлин на магний, марганец и цинк в соответствии со ст. XX(b) ГАТТ;
- Уведомлением «О корректировке экспортных тарифов на некоторые товары» была отменена специальная пошлина, не соответствующая требованиям ВТО, применявшаяся к желтому фосфору до учреждения третейской группы и поэтому третейская группа не делает никаких выводов по данному вопросу.

В августе и сентябре 2011 года стороны уведомили Орган урегулирования споров о своих решениях обжаловать некоторые правовые аспекты и юридические толкования доклада третейской группы[80].

Апелляционный орган пришел к выводу, что третейская группа не допустила ошибки в п. 7.159 своего доклада, установив, что в Протоколе о присоединении нет оснований, разрешающих применить ст. XX ГАТТ к обязательствам Китая, изложенным в п. 11.3 Протокола о присоединении (п. 362(c) доклада 2012 года)[81].

В январе 2013 года на заседании Органа урегулирования споров представитель КНР сообщил, что взимание экспортных пошлин с сырьевых материалов было прекращено (п. 152 протокола)[82]; в публикациях указывается на принятие новых правил, а не прекращение [Jia Hu 2024:146].

Оценивая результаты рассмотрения этого дела, исследователи обращают внимание на то, что третейской группой сформулирован общий, системный подход к применимости ст. XX ГАТТ и на то, что не был заявлен довод о возникновении исключительных обстоятельств в отношении экспортной пошлины на желтый фосфор [Espa 2012:1411-1422].

Второе дело связано в том числе с установлением в КНР в 2012 году налогов на экспорт на различные виды редкоземельных элементов, вольфрама и молибдена.

Впервые налоги на экспорт редкоземельных элементов были установлены в 2006 году и в последующем несколько раз изменялась номенклатура и ставки. Так как экспортная пошлина использовалась в тандеме с экспортными квотами, ее целью было не увеличение налоговых доходов, а ограничение экспорта [Howanietz 2018:136].

Вопросы, связанные с этим делом, почти идентичны тем, что возникли в первом деле, но значение результатов рассмотрения выше из-за стратегической важности редкоземельных элементов для высокотехнологичных отраслей промышленности [Julia Ya Qin 2012:283].

Правовые основы налога на экспорт были образованы, как и в первом деле, Таможенным законом и Правилами «О таможенном налоге на ввоз и вывоз», а также следующими административными узаконениями:

- Уведомлением Комитета Государственного совета по тарифам 2011 года № 27 «О плане применения таможенного налога в 2012 году»;

[78] The Results of the Uruguay round of Multilateral Trade Negotiations. Geneva, 1994. P. 5.
[79] WT/DS394/R, WT/DS395/R, WT/DS398/R. 2011, 5 July.
[80] WT/DS394/11, WT/DS395/11, WT/DS398/10. 2011, 2 Sep.; WT/DS394/12. 2011, 12 Sep.; WT/DS395/12. 2011, 12 Sept.; WT/DS398/11. 2011, 12 Sep.
[81] WT/DS394/AB/R, WT/DS395/AB/R, WT/DS398/AB/R. 2012, 30 Jan.
[82] WT/DSB/M/328. 2013, 22 Mar.

– Объявлением Главного таможенного управления 2011 года № 79 «О плане применения таможенного налога в 2012 году».

Ряд членов ВТО посчитали, что, принимая эти меры, Китай нарушил в том числе подп. 3 п. 11 Протокола о присоединении. Требование о консультациях было заявлено одновременно США, ЕС и Японией в марте 2012 года[83].

Урегулирование спора проходило по сценарию, схожему с первым делом.

В отношении требований, касающихся экспортных пошлин, с поправкой на уведомление и объявление, третейская группа пришла к таким же выводом, как и в первом деле, но без упоминания ст. XX(g) ГАТТ (п. 8.1, 8.6 и 8.11 доклада 2014 года)[84].

В апреле 2014 года США и КНР уведомили Орган урегулирования споров о своих решениях апеллировать отдельные правовые аспекты и юридические толкования доклада третейской группы[85].

Выводы третейской группы, с которыми не согласилась КНР, были частью промежуточных оценок, предшествовавших заключению о том, что ст. XX ГАТТ недоступна Китаю в качестве средства защиты для обоснования экспортных пошлин, не соответствующих п. 11.3 Протокола о присоединении, т.е. апелляция носила узкий характер и не предполагала какого-либо оспаривания окончательных выводов третейской группы о несоответствии экспортных пошлин обязательствам КНР в рамках ВТО.

Апелляционный орган отклонил предложенное представителем КНР толкование п. 1.2 Протокола о присоединении и ст. XII:1 Соглашения об учреждении ВТО, как преобразующее каждое специальное положение Протокола о присоединении в неотъемлемую часть одного из многосторонних торговых соглашений, с которыми такое положение неразрывно связано (п. 6.1 доклада 2013 года)[86].

В мае 2015 года на заседании Органа урегулирования споров представитель КНР сообщил, что применение экспортных пошлин к редкоземельным металлам, вольфраму и молибдену было прекращено (п. 7.1 протокола)[87].

В публикациях можно встретить разные размышления об обязательствах КНР в рамках ВТО, в том числе в связи с налогами на экспорт. Представляется, что фактическое положение можно охарактеризовать через квартет категорий «налоги», «суверенитет», «присоединение (в международном праве)» и «принятие», определенных в одном источнике[88]. Налоги – это облагаемая часть продукции предприятия и труда отдельных граждан, изымаемая государством при осуществлении своих суверенных прав. Суверенитет – это международная независимость государства в сочетании с правом и властью регулировать свои внутренние дела без диктата извне. Присоединение (в международном праве) – это абсолютное или условленное принятие одним или несколькими государствами международного договора, уже заключенного между другими государствами. Принятие – это изъятие и получение чего-либо в значительной степени и как бы молчаливое согласие на предшествующее действие, которое можно было бы отменить или избежать, если бы такое принятие не было сделано. Первые два определения можно считать общими, а два последних – специальными.

В периоды принятия докладов третейских групп и Апелляционного органа по рассмотренным делам еще не вступил в силу Закон КНР 2023 года «О международных отношениях»[89]. В ст. 31 этого закона предусмотрено, что исполнение и применение международных договоров и соглашений не должны наносить ущерб национальному суверенитету, безопасности и общественным интересам. Теоретически эта норма могла быть использована КНР, но такая вероятность относится к разряду предположений.

4. Заключение

С середины XIX и в начале XX века таможенный тариф Китая был определен западными державами на основе положений так называемых

[83] WT/DS431/1, G/L/982. 2012, 15 Mar.; WT/DS432/1, G/L/983. 2012, 15 Mar.; WT/DS433/1, G/L/984. 2012, 15 Mar.
[84] WT/DS431/R, WT/DS432/R, WT/DS433/R26. 2014, 26 Mar.
[85] WT/DS431/9. 2014, 11 Apr; WT/DS431/10. 2014, 24 Apr; WT/DS432/9, WT/DS433/9. 2014, 30 Apr.
[86] WT/DS431/AB/R, WT/DS432/AB/R, WT/DS433/AB/R. 2014, 7 Aug.
[87] WT/DSB/M/361. 2015, 13 July.
[88] См.: A Law Dictionary / by H.C. Black. 2nd ed. St. Paul: West Publishing Co, 1910. P. 12, 14, 1099, 1136.
[89] 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]. 网站: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (最后点阅时间: 22.12.2025).

неравноправных договоров. В XXI веке основным источником правового регулирования налога на экспорт в Китае является национальное законодательство, а заключенные с его участием двусторонние международные договоры не содержат положений, ограничивающих их применение. Взимание налогов с экспорта ограничено Протоколом о присоединении к ВТО, являющимся неотъемлемой частью Соглашения об учреждении ВТО. Тем самым выражается некоторая историческая идентичность правовых основ, заключающаяся в том, что непосредственно Нанкинским и Таньцзиньским договорами таможенный тариф не вводился.

Соглашения, включенные в приложения к Соглашению об учреждении ВТО, не содержат запрета на применение налогов на экспорт, но, как следует из содержания докладов рабочих групп о присоединении, практически всегда предпринимается попытка возложения на нового члена обязательств не устанавливать налоги на экспорт. Большинство государств избежали «обязательств ВТО-плюс», но не КНР. Несмотря на широкое распространение внутренних налогов на экспорт, концепция «опиумной войны» все еще сильна, и неоколониалисты добиваются определенных результатов.

Неисполнению КНР обязательств по налогам на экспорт, закрепленных в Протоколе о присоединении, дана правовая оценка в рамках системы урегулирования споров ВТО. В этой системе нет правила прецедента, но третейские группы и Апелляционный орган обращаются к ранее сформулированным выводам. Исходя из этого, вряд ли следует ожидать какого-либо изменения в толковании обязательств КНР по налогу на экспорт в рамках правового поля. При возникновении идентичных обстоятельств в будущем КНР может применить ст. 31 Закона «О международных отношениях», но это будет расценено как нарушение обязательств по Соглашению об учреждении ВТО. Иная возможность – переговоры.

Список литературы

1. Лебедев В.А. 2000. *Финансовое право. Золотые страницы финансового права России.* В 4-х т. Т. 2. Москва: Статут. 461 с.
2. Потапов И.С. 1973. *Внешняя торговля капиталистических стран.* Москва: Международные отношения. 278 с.
3. Смит А. 1935. *Исследования о природе и причинах богатства народов.* В 2-х т. Т. II. Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 475 с.
4. Уткин Э.А. 1965. *Финансы и кредит стран Азии, Африки и Латинской Америки.* Москва: Университет дружбы народов. 205 с.
5. Aksoy M.A., Beghin J.C. Introduction and Overview. – *Global Agricultural Trade and Developing Countries.* Eds. by M.A. Aksoy, J.C. Beghin Washington: The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2005. P. 17-35.
6. Bastable C.F. 1903. Public Finance. 3rd ed. London: Macmillan. 782 p.
7. Espa I. 2012. The Appellate Body Approach to the Applicability of Article XX GATT in the Light of China – Raw Materials: A Missed Opportunity? – *Journal of World Trade.* Vol. 46. No. 6. P. 1399-1423.
8. Hans van de Ven. 2014. *Breaking with the Past. The Maritime Customs Service and the Global Origins of Modernity in China.* New York: Columbia University Press. 396 p.
9. Henry Gao. 2023. Trade and Investment Liberalization: The Case of China. – *The Oxford Handbook of International Trade Law.* Eds. by D.L. Bethlehem, D.Mc.R. Neufeld, I. Damme. 2nd ed. Croydon: Oxford University Press. P. 341-373.
10. Howanietz R. 2018. *China's Virtual Monopoly of Rare Earth Elements: Economic, Technological and Strategic Implications.* New York: Routledge. 190 p.
11. Hui-wen Koo. 2015. Weather, Harvests, and Taxes: A Chinese Revolt in Colonial Taiwan. – *Journal of Interdisciplinary History.* Vol. XLVI:1. P. 39-59.
12. Jia Hu. 2024. *The Role of Law in China's Economic Development, 1978–2011: A Study in Law and Political Economy.* Singapore: Springer Nature. 216 p.
13. Julia Ya Qin. 2012. The Predicament of China's "WTO-Plus" Obligation to Eliminate Export Duties: A Commentary on the China-Raw Materials Case. – *Chinese Journal of International Law.* Vol. 11. Iss. 2. P. 237-246.
14. Lin Yuju. 2017. Continuity and Breakdown: Taiwan's Customs Service during the Japanese Occupation, 1895–1945. – *The International Journal of Maritime History.* Vol. 29(4). P. 855-874.
15. Mancheri N.A. 2015. An Overview of Chinese Rare Earth Export Restrictions and Implications. – *Rare Earths Industry: Technological, Economic, and Environmental Implications.* Eds. I.B. De Lima, W.L. Filho. Amsterdam: Elsevier. P. 21-36.
16. Pomfret R. 1997. *The Economics of Regional Trading Arrangements.* New York: Oxford University Press. 389 p.
17. Ray Huang. 1974. *Taxation and Governmental Finance in Sixteenth-Century Ming China.* New York: Cambridge University Press. 385 p.
18. Rhoads J.H. 1949. *Guide to Government Information on Retailing.* Washington: U.S. Government Printing Office. 38 p.
19. Shi Zhihong. 2017. China's Overseas Trade Policy and its Historical Results: 1522–1840. – *Intra-Asian Trade and the World Market.* Eds. by A.J.H. Latham, H. Kawakatsu. New York: Routledge. P. 4-23.
20. Weiner L.B. 1992. The Impact of Taiwan's Political Reform on Its Mainland China Policy: Pragmatic Economic Relations and Conflicting Political Ideology. – *Washington International Law Journal.* Issue 27. P. 27-54.
21. Yuqin Sun, Xu Chang. 2024. *General History of China's Foreign Trade.* Transl. by Rui Su, R. Gilbank. Singapore: World Scientific. 500 p.

22. 李雪平. 2019. WTO 程序机制改革的国际法思考 [Ли Сюэпин. Размышления о реформе процедурного механизма ВТО с точки зрения международного права – на кит. яз.]. – 国际展望. 第 6 期. 第 1-19 页.
23. 王云鹏. 2023. 世界贸易组织法下碳贸易壁垒合法性判定的相对性 [Ван Юньпэн. Относительность законности барьеров в торговле при выбросах углерода в соответствии с правом ВТО – на кит. яз.]. – 经贸法律评论. 第 5 期. 第 34-55 页.

References

1. Aksoy M.A., Beghin J.C. Introduction and Overview. – *Global Agricultural Trade and Developing Countries.* Eds. by M.A. Aksoy, J.C. Beghin. Washington: The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. 2005. P. 17-35.
2. Bastable C.F. *Public Finance.* 3rd ed. London: Macmillan. 1903. 782 p.
3. Espa I. The Appellate Body Approach to the Applicability of Article XX GATT in the Light of China – Raw Materials: A Missed Opportunity? – *Journal of World Trade.* 2012. Vol. 46. No. 6. P. 1399-1423.
4. Hans van de Ven. *Breaking with the Past. The Maritime Customs Service and the Global Origins of Modernity in China.* New York: Columbia University Press. 2014. 396 p.
5. Henry Gao. Trade and Investment Liberalization: The Case of China. – *The Oxford Handbook of International Trade Law.* Eds. by D.L. Bethlehem, D.Mc.R. Neufeld, I. Damme. 2nd ed. Croydon: Oxford University Press. 2023. P. 341-373.
6. Howanietz R. *China's Virtual Monopoly of Rare Earth Elements: Economic, Technological and Strategic Implications.* New York: Routledge. 2018. 190 p.
7. Hui-wen Koo. Weather, Harvests, and Taxes: A Chinese Revolt in Colonial Taiwan. – *Journal of Interdisciplinary History.* 2015. Vol. XLVI:1. P. 39-59.
8. Jia Hu. *The Role of Law in China's Economic Development, 1978–2011: A Study in Law and Political Economy.* Singapore: Springer Nature. 2024. 216 p.
9. Julia Ya Qin. The Predicament of China's "WTO-Plus" Obligation to Eliminate Export Duties: A Commentary on the China-Raw Materials Case. – *Chinese Journal of International Law.* 2012. Vol. 11. Issue 2. P. 237-246.
10. Lebedev V.A. *Finansovoe pravo. Zolotye stranicy finansovogo prava Rossii [Financial Law. Golden Pages of Russian Financial Law].* V 4 t. T. 2. Moscow: Statut. 2000. 461 c. (In Russ.)
11. Lǐ Xuěpíng. WTO chéngxù jīzhì gǎigé de guójìfǎ sīkǎo [Reflections on International Law on the Reform of the WTO Procedural Mechanism]. – *Guójì ZHǎnwàng.* 2019. dì 6 qī. dì 1-19 yè. (In Chinese)
12. Lin Yuju. Continuity and Breakdown: Taiwan's Customs Service during the Japanese Occupation, 1895–1945. – *The International Journal of Maritime History.* 2017. Vol. 29(4). P. 855-874.
13. Mancheri N.A. An Overview of Chinese Rare Earth Export Restrictions and Implications. – *Rare Earths Industry: Technological, Economic, and Environmental Implications.* Eds. I.B. De Lima, W.L. Filho. Amsterdam: Elsevier. 2015. P. 21-36.
14. Pomfret R. *The Economics of Regional Trading Arrangements.* New York: Oxford University Press. 1997. 389 p.
15. Potapov I.S. *Vneshnyaya torgovlya kapitalisticheskih stran [Foreign Trade of Capitalist Countries].* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973. 278 c. (In Russ.)
16. Ray Huang. *Taxation and Governmental Finance in Sixteenth-Century Ming China.* New York: Cambridge University Press. 1974. 385 p.
17. Rhoads J.H. Guide to Government Information on Retailing. Washington: U.S. Government Printing Office. 1949. 38 p.
18. Shi Zhihong. *China's Overseas Trade Policy and its Historical Results: 1522–1840. Intra-Asian Trade and the World Market.* Eds. A.J.H. Latham, H. Kawakatsu. New York: Routledge. 2017. P. 4-23.
19. Smit A. *Issledovaniya o prirode i prichinah bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations].* V 2 t. T. II. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 1935. 475 c. (In Russ.)
20. Utkin E.A. *Finansy i kredit stran Azii, Afriki i Latinskoj Ameriki [Finance and Credit in Asia, Africa and Latin America].* Moskva: Universitet druzhby narodov. 1965. 205 s. (In Russ.)
21. Wáng Yúnpéng. Shìjiè màoyì zǔzhī fǎ xià tàn màoyì bìlěi héfǎ xìng pàndìng de xiāngduì xìng [The Relativity of the Determination of the Legality of Carbon Trade Barriers under the World Trade Organization Law]. – *Jīngmào fǎlǜ pínglùn.* 2023. dì 5 qī. dì 34-55 yè. (In Chinese)
22. Weiner L.B. The Impact of Taiwan's Political Reform on Its Mainland China Policy: Pragmatic Economic Relations and Conflicting Political Ideology. – *Washington International Law Journal.* 1992. Issue 27. P. 27-54.
23. Yuqin Sun, Xu Chang. *General History of China's Foreign Trade. Transl. by Rui Su, R. Gilbank.* Singapore: World Scientific. 2024. 500 p.

Информация об авторе

Роман Алексеевич Шепенко
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID 0009-0003-2303-9637

About the Author

Roman A. SHEPENKO
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID 0009-0003-2303-9637

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-80-94

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 18.09.2025
Принята к публикации: 02.03.2026

Петр Игоревич ЧУВАХИН
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
chuvakhin.petr@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6026-1750

ПРЕДЕЛЫ ОДНОСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. *Односторонние экономические санкции представляют собой одну из наиболее спорных практик современного международного права. Исследование направлено на комплексный правовой анализ соответствия односторонних экономических ограничительных мер основополагающим принципам международного права и выявление механизмов их системного нарушения.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Исследование основано на анализе решений Международного суда Организации Объединенных Наций (далее – ООН), документов Комиссии международного права (далее – КМП), резолюций международных организаций, национального законодательства санкционирующих государств и современной доктрины международного права. Применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный подход и историко-правовой анализ государственной практики. Особое внимание уделено анализу санкционных режимов Соединенных Штатов Америки (далее – США), Европейского союза (далее – ЕС) против России, Ирана, Кубы и других государств.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Установлено, что современные односторонние санкции качественно отличаются от традиционных механизмов межгосударственного принуждения (реторсий и контрмер) и не могут быть оправданы через существующие институты правомерной самопомощи. Большинство односторонних санкций не соответствуют критериям правомерных контрмер: они применяются не потерпевшими государствами, вводятся без предварительного нарушения двусторонних обязательств, не соблюдают принцип пропорциональности и часто направлены на смену политических режимов. Выявлены три основных механизма нарушения международного права: создание де-факто иерархии государств вопреки принципу суверенного равенства; систематическое вмешательство во внутреннюю компетенцию государств через экономическое принуждение; превышение пределов правомерного суверенитета через нарушение договорных обязательств и общих принципов права.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Исследование показывает, что односторонние санкции трансформируют международное право из системы равных правил в инструмент поддержания политической иерархии. Экстерриториальные и вторичные санкции создают двойное нарушение суверенитета, принуждая как государства-объекты, так и третьи страны. Нарушение принципов добросовестности, пропорциональности и доктрины «чистых рук» демонстрирует превращение суверенитета в механизм одностороннего политического принуждения. Решения международных судов (дело о предполагаемых нарушениях Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 г., дело России во Всемирной торговой организации*

(далее – ВТО) подтверждают противоправность многих санкционных мер. Односторонние экономические санкции представляют собой системный вызов современному международному правопорядку, создавая «параллельную» систему права, где экономически мощные государства присваивают себе функции законодателя, судьи и исполнителя. Требуется разработка международно-правовых механизмов ограничения произвольного применения экономического принуждения и процедурных гарантий для государств-объектов принудительных мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *односторонние санкции, суверенитет государств, принцип невмешательства, экономическое принуждение; контрмеры, экстерриториальные санкции, принцип пропорциональности, добросовестность, международный правопорядок*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чувахин П.И. 2026. Пределы односторонних экономических санкций в международном праве. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 80–94. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-80-94

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-80-94

Research article
UDC: 341
Received 18 September 2025
Approved 2 March 2026

Peter I. CHUVAKHIN
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
chuvakhin.petr@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6026-1750

LIMITS OF UNILATERAL ECONOMIC SANCTIONS IN INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *This study examines the legal compatibility of unilateral economic sanctions with fundamental principles of international law. The research addresses growing concerns about the systematic violation of state sovereignty and non-intervention principles through economic coercion mechanisms employed by economically powerful states.*
MATERIALS AND METHODS. *The analysis encompasses decisions of the International Court of Justice, International Law Commission documents, UN resolutions, national legislation of sanctioning states, and contemporary international legal doctrine. The methodology includes formal legal analysis, comparative law approach, and systematic examination of state practice, with particular focus on US and EU sanctions against Russia, Iran, Cuba, and other states.*
RESEARCH RESULTS. *The research demonstrates that contemporary unilateral sanctions fundamentally differ from traditional inter-state coercion mechanisms (retorsions and countermeasures) and cannot be justified through existing lawful self-help institutions. Most unilateral sanctions fail to meet the criteria for lawful countermeasures: they are imposed by non-injured states, introduced without prior bilateral obligation violations, violate proportionality requirements, and often aim at regime change. Three primary mechanisms of international law violation are identified: creation of de facto state hierarchy contrary to sovereign equality principle, systematic interference in domestic jurisdiction through economic coercion, and exceeding limits of lawful sovereignty through treaty obligation breaches and violations of general law principles.*
DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The study reveals that unilateral sanctions transform international law from an equal rules system into a political hierarchy maintenance tool. Extraterritorial and*

secondary sanctions create dual sovereignty violations, coercing both target states and third countries. Violations of good faith, proportionality, and clean hands doctrine demonstrate sovereignty's transformation into a political dominance mechanism. International court decisions (Alleged Violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights case, Russia WTO case) confirm the unlawfulness of numerous sanctions measures. Unilateral economic sanctions represent a systematic challenge to contemporary international legal order, creating a "parallel" legal system where economically powerful states assume legislative, judicial, and enforcement functions. Development of international legal mechanisms for restricting arbitrary economic coercion and procedural guarantees for target states is urgently required.

KEYWORDS: *unilateral sanctions, state sovereignty, non-intervention principle, economic coercion, countermeasures, extraterritorial sanctions, proportionality principle, good faith, international legal order*

FOR CITATION: Chuvakhin P.I. Limits of Unilateral Economic Sanctions in International Law. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 80–94. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-80-94

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Применение односторонних экономических ограничительных мер в современных международных отношениях представляет собой одну из наиболее противоречивых и юридически проблематичных сфер международного права. Следует сразу отметить, что в контексте односторонних мер термин «санкции» не является строго правовым понятием. Как справедливо отмечает КМП, этот термин является юридически неточным[1]. Данная терминологическая неопределенность осложняет правовую квалификацию односторонних экономических мер, широко применяемых государствами, особенно крупными экономическими державами, и создает серьезные вызовы для основополагающих принципов международного права, включая суверенное равенство государств и принцип невмешательства.

Односторонние экономические санкции, понимаемые как принудительные экономические меры, налагаемые отдельными государствами или группами государств без резолюции Совета Безопасности ООН, представляют собой явление, которое находится на пересечении политики и права, суверенных прав государств и их международно-правовых обязательств. Анализ правовой природы таких мер требует тщательного рассмотрения их соответствия основополагающим принципам международного права и оценки их воздействия на международный правопорядок в целом.

Основная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что современные односторонние экономические санкции представляют собой качественно новый феномен, выходящий за рамки традиционных механизмов межгосударственного принуждения. В отличие от классических реторсий и контрмер, современные санкционные режимы создают системное нарушение равновесия международно-правового порядка через применение мер экономического принуждения как инструмента политического контроля.

2. Односторонние санкции в системе средств самопомощи государств

Односторонние экономические санкции не подпадают под какую-либо единую правовую категорию в международном праве, что создает значительные трудности в оценке их соответствия основополагающим принципам международного права. Центральная проблема правовой квалификации односторонних санкций заключается в правовой неопределенности их применения. Как справедливо отмечает Т. Райс, государства, применяющие экономические санкции, как правило, сознательно не раскрывают правовые

[1] Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. – *Yearbook of the International Law Commission*. 2001. Vol. II. Part Two. P. 128.

основания своих действий и не объясняют, рассматривают ли они свои меры как правомерные реторсии или как контрмеры в ответ на нарушения международного права [Ruys 2017:31-32]. К.Г. Геворкян также критически оценивает односторонние санкции, не отвечающие критериям правомерных контрмер. По его мнению, «односторонние меры, принимаемые без привязки к международно-правовой ответственности, можно оспаривать как с позиций их допустимости в качестве реторсий или репрессалий, так и с точки зрения норм, действующих в рамках автономных правовых режимов» [Геворкян 2012]. Такая правовая неопределенность затрудняет анализ государственной практики и препятствует формированию четких критериев правомерности односторонних экономических мер.

Традиционно в международном праве различают реторсии и контрмеры как основные формы самопомощи государств. Реторсии представляют собой недружественные, но законные действия, предпринимаемые государством в ответ на недружественные действия другого государства. Как отмечает Т. Гигерих, такие действия являются неправомерными лишь в политическом или моральном смысле, но не нарушают нормы международного права[2]. Концепция реторсий основывается на принципе остаточной свободы государств в международном праве: при отсутствии конкретных правовых запретов государства вправе действовать по своему усмотрению. Контрмеры имеют иную правовую природу и представляют собой временное неисполнение международно-правовых обязательств в ответ на предшествующее нарушение норм международного права другим государством. Ф. Паддеу определяет их как односторонние меры потерпевшего государства, направленные на побуждение государства-нарушителя к прекращению противоправного деяния и возмещению причиненного ущерба[3]. Как отмечается в проекте статей КМП об ответственности государств, контрмеры ограничиваются «временным неисполнением международно-правовых обязательств принимающего такие меры государства в отношении ответственного государства»[4]. Таким образом, ключевое отличие контрмер от реторсий заключается в том, что контрмеры предполагают временное нарушение собственных международно-правовых обязательств, что может быть оправдано только при строгом соблюдении условий их применения.

Однако анализ современной практики применения односторонних санкций, особенно со стороны США и других западных стран, показывает проблематичность их правовой квалификации. Значительная часть таких мер не может быть квалифицирована как классические контрмеры. Как отмечает Ю. Шмидт, некоторые американские экстерриториальные санкции выходят за пределы правомерного воздействия на внутреннюю компетенцию других государств и представляют собой недопустимое использование права [Schmidt 2022:57]. Это связано с тем, что современные односторонние санкции, как правило, не отвечают основным критериям контрмер. Американские санкции против России, Ирана, Китая, Кубы, Венесуэлы, Северной Кореи и других государств чаще всего вводятся не в ответ на нарушение конкретных двусторонних обязательств перед США, а в связи с политикой этих государств, которая противоречит американским внешнеполитическим приоритетам. Данный вывод находит свое подтверждение в работе Д. Боклан и В. Коваля. Проведя детальный анализ соответствия односторонних санкций критериям правомерных контрмер, авторы приходят к выводу, что «односторонние санкции в большинстве случаев не удовлетворяют совокупным критериям легитимной контрмеры» [Боклан, Коваль 2024:13]. Особенно показательным является их анализ целей санкций против России: заявления представителей западных государств о необходимости «затягивания винтов российской экономики» или «обвала российской экономики» никоим образом не соответствуют основной цели контрмер – побуждению к прекращению противоправного деяния и возмещению ущерба. Более того, беспрецедентный масштаб санкций против России, превративших ее в «наиболее санкционированное государство в мире», явно не соответствует критерию пропорциональности, что делает их применение заведомо неправомерным [Боклан, Коваль 2024:14].

[2] Giegerich T. Retorsion. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law.* 2020.

[3] Paddeu F. I. Countermeasures. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law.* 2019.

[4] Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. – *Yearbook of the International Law Commission.* 2001. Vol. II. Part Two. Art. 49 (2).

В связи с этим санкционирующие государства часто пытаются обосновать свои действия необходимостью защиты общих интересов международного сообщества (обязательства *erga omnes*), что приближает такие меры к концепции контрмер третьих государств. Однако правомерность таких мер также является крайне спорной. КМП в комментарии к проектам статей об ответственности государств признает неопределенность правового статуса таких мер[5]. При этом сами Проекты статей прямо исключают право непотерпевших государств на применение контрмер, оставляя этот вопрос открытым для дальнейшего развития международного права.

Проблематичность правовой квалификации односторонних санкций как контрмер третьих государств становится особенно очевидной при анализе американской практики. США часто налагают санкции в ответ на действия, которые могут нарушать права человека или угрожать международной безопасности, но при этом не нарушают непосредственно права США как государства. Это создает правовой парадокс: учитывая, что международное право не признает права непотерпевших государств на применение контрмер, подобные односторонние санкции не могут быть оправданы через существующие механизмы правомерной самопомощи и, следовательно, потенциально являются нарушением международного права.

В доктрине существуют различные подходы к этой проблеме. К. Тамс, исследуя обязательства *erga omnes,* полагает, что любое государство вправе применять контрмеры в ответ на особо серьезные нарушения международного права [Tams 2005:250]. Сходную позицию занимает Е. Проукаки, допускающая возможность таких контрмер для реагирования на грубые нарушения международного права [Proukaki 2009:208]. Однако эта позиция не получает единодушной поддержки. М. Гестри выражает более осторожную позицию, указывая на существующие в этой области неопределенности [Gestri 2016:75]. Т. Райс предупреждает о рисках такого подхода: «допущение санкций со стороны третьих государств может поощрить политику силы, поскольку лишь могущественные государства и организации способны эффективно применять санкции под предлогом защиты интересов сообщества» [Ruys 2017:47]. Представленные доктринальные позиции отражают серьезную дилемму современного международного права: противоречие между стремлением к защите универсальных ценностей и необходимостью сохранения суверенного равенства государств. Более того, даже если признать теоретическую возможность контрмер третьих государств в ответ на нарушения обязательств erga omnes, практика показывает, что государства применяют односторонние санкции селективно и далеко не только в ответ на такие серьезные нарушения (например, в Указе Президента США № 14065 относительно мер против Российской Федерации подчеркивается угроза «национальной безопасности и внешней политике» США, но никак не нарушения императивных норм международного права[6]).

Таким образом, значительная часть современных односторонних санкций не может быть оправдана через традиционные механизмы самопомощи в международном праве, что ставит под сомнение их правомерность и указывает на необходимость более критического анализа их соответствия основополагающим принципам международного права.

3. Подрыв принципа суверенного равенства через создание иерархии государств

Принцип суверенного равенства государств, закрепленный в ст. 2 (1) Устава ООН, является краеугольным камнем современного международного права[7]. Этот принцип предполагает, что все государства, независимо от различий в размере территории, численности населения, экономическом развитии или политической системе, обладают равными правами и несут равные обязанности как субъекты международного права.

Несмотря на существование в доктрине международного права сторонников правомерности односторонних санкций, таких как М. Хэпполд, который утверждает, что «такие санкции не представляют собой нарушение принципа

[5] Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. – *Yearbook of the International Law Commission.* 2001. Vol. II. Part Two. P. 139.

[6] Executive Order 14065 of February 21, 2022. – *Federal Register.* Vol. 87. P. 10293.

[7] Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). – *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.* М., 1956. Вып. XII. С. 14-47.

per se, поскольку не существует общих норм международного права, запрещающих их применение» [Happold 2016:3], и на исторические примеры поддержки Генеральной Ассамблеей ООН некоторых односторонних принудительных мер в 1960-80-х годах, что отмечает Р. Барбер как свидетельство непоследовательности международного сообщества [Barber 2021:355-356], современная практика односторонних санкций демонстрирует системное отклонение от принципов равенства государств. Попытки обосновать санкции через концепцию «экономической свободы», основанную на решении Постоянной палаты международного правосудия по делу «Лотос»[8] о праве государств действовать при отсутствии конкретных запретов, не могут оправдать принудительный характер современных санкционных режимов.

Применение односторонних экономических санкций подрывает принцип суверенного равенства через создание де-факто иерархической системы международных отношений, где экономически мощные государства получают возможность принуждать более слабые страны, что прямо противоречит принципу суверенного равенства государств и создает серьезные вызовы для всей системы международного права. Эмпирические данные показывают структурную асимметрию санкционной практики: как отмечают Г. Хафбауэр и его коллеги, подавляющее большинство односторонних санкций налагается развитыми государствами против развивающихся стран [Hufbauer, Schott, Elliott, Oegg 2007:80]. Согласно данным Института Петерсона, из 1 733 американских санкций, действовавших на 2021 г., лишь незначительная часть была направлена против развитых западных стран[9].

Российские исследователи подчеркивают, что данная асимметрия носит не случайный характер, а отражает системное неравенство возможностей по применению мер экономического принуждения. Д.Е. Александрова отмечает, что односторонние экономические санкции представляют собой нарушение фундаментальных принципов суверенного равенства и создают опасный для международного права прецедент [Александрова 2023]. Экономически мощные государства обладают способностью оказывать принуждающее воздействие на менее развитые страны через ограничение доступа к своим рынкам, финансовым системам и технологиям. Менее развитые государства, напротив, лишены таких возможностей и не могут применять эффективные экономические санкции против крупных экономических держав. Это создает систему, где формально равные субъекты международного права оказываются в принципиально неравном положении.

Механизм подрыва суверенного равенства наиболее отчетливо проявляется в экстерриториальных санкциях. Американский закон Хелмса – Бертона 1996 г.[10], направленный против Кубы, предусматривал санкции против иностранных компаний, инвестирующих в кубинскую экономику. Европейский союз справедливо охарактеризовал такие меры как «нарушающие суверенитет государств – членов ЕС и противоречащие общепризнанным принципам международного права»[11].

Нарушение принципа суверенного равенства проявляется также в систематическом игнорировании позиции международного сообщества. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2024 г., осуждающая американское эмбарго против Кубы, была поддержана 187 государствами при двух голосах против (США и Израиль) и одном воздержавшемся (Молдова), что демонстрирует практически полную изоляцию санкционирующих государств в международном сообществе[12]. Такое игнорирование воли подавляющего большинства государств свидетельствует о присвоении экономически мощными государствами особого статуса в международной системе.

Кроме того, принцип суверенного равенства также предполагает право государств на экономическое самоопределение и выбор своих экономических партнеров. Односторонние санкции, особенно вторичные, систематически ограничивают это право, принуждая государства к разрыву экономических отношений с определенными

[8] S.S. Lotus (France v. Turkey). – *PCIJ Series A.* 1927. No. 10.
[9] Dall E. Sanctions are now a Central Tool of Governments' Foreign Polic. – *The Economist.* 2021. April 24.
[10] Cuban Liberty and Democratic Solidarity (LIBERTAD) Act. – *United States Code.* 1996. Title 22. § 6021-6091.
[11] European Union: Demarches Protesting the Cuban Liberty and Democratic Solidarity (LIBERTAD) Act. – *International Legal Materials.* 1996. Vol. 35. P. 397-398.
[12] Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba: resolution A/RES/79/7 / adopted by the General Assembly. – *UN Documents.* 2024.

партнерами. Это создает ситуацию, когда экономическая политика государств определяется не их суверенным выбором, а внешним принуждением со стороны экономически более мощных стран. Механизм такого принуждения основан на использовании экономической зависимости третьих государств от рынков и финансовых систем санкционирующих стран. Азиатские и арабские банки вынуждены прекращать операции с Россией не по решению своих правительств, а под угрозой потери доступа к американской финансовой системе. Аналогично компании третьих стран отказываются от сотрудничества с государствами-объектами санкций из опасения вторичных ограничений.

Нарушение принципа суверенного равенства проявляется также в присвоении санкционирующими государствами роли односторонних «правоприменителей» международного права. В системе, основанной на равенстве государств, ни одна страна не может выступать «судьей» и единолично определять, какие действия других государств нарушают нормы международного право, а также применять на этой основе принудительные меры. Однако, односторонние санкции часто основываются на односторонней интерпретации норм международного права санкционирующим государством без участия международных судебных органов или согласия всего международного сообщества.

Длительность и всеобъемлющий характер многих санкционных режимов также указывают на их несовместимость с принципом суверенного равенства. Санкции против Кубы действуют более шести десятилетий, против Ирана – более четырех десятилетий. Такая продолжительность указывает не на временные ограничительные меры, а на систематическое принуждение к изменению фундаментальных характеристик государственной политики.

Таким образом, односторонние экономические санкции создают де-факто иерархическую систему неравенства в международных отношениях, где экономически мощные государства принуждают более слабые страны к изменению политики через использование экономической зависимости. Это противоречит фундаментальному принципу суверенного равенства и подрывает основы современного международного правопорядка, построенного на равенстве всех государств перед международным правом.

4. Нарушение принципа невмешательства во внутренние дела государств через экономическое принуждение

Принцип невмешательства во внутренние дела государств является одним из основополагающих принципов международного права, тесно связанным с принципом суверенитета государств. Этот принцип, хотя прямо не сформулированный в Уставе ООН, является необходимым следствием принципа суверенного равенства государств и получил подробное развитие в практике международных судов и резолюциях международных организаций. Р. Дженнингс и А. Уоттс определяют принцип невмешательства как часть обычного международного права, которое «основано на концепции уважения суверенитета государств». Они подчеркивают, что «для сохранения суверенитета государств обычное международное право исторически запрещало принудительное вмешательство во внутренние дела государств»[13].

Международный суд ООН в решении по делу о Никарагуа дал классическое определение принципа невмешательства. Согласно позиции суда, «данный принцип запрещает всем государствам и группам государств прямо или косвенно вмешиваться во внутренние и внешние дела других государств. Противоправным является вмешательство в те вопросы, которые каждое государство вправе решать самостоятельно в силу принципа государственного суверенитета»[14]. Суд особо подчеркнул, что к сфере исключительной компетенции государства относится «выбор политической, экономической, социальной и культурной системы, а также формулирование внешней политики. Вмешательство становится противоправным, когда оно предполагает использование принуждения в отношении решений, которые должны приниматься государством свободно».

Это определение является ключевым для анализа правомерности односторонних санк-

[13] *Oppenheim's International Law.* Vol. I. Peace. Ed. by R. Jennings, A. Watts. 9th ed. Burnt Mill: Longman, 1992. P. 129.
[14] Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v United States of America) (Merits). – *I.C.J. Reports.* 1986. P. 14. Para. 205.

ций, поскольку оно выделяет два критических элемента: вмешательство в сферу, относящуюся к внутренней компетенции государства (domaine réservé), и использование принуждения.

А. Хофер отмечает преобладающую позицию ученых о том, что экономические санкции становятся незаконным принуждением при вмешательстве во внутреннюю компетенцию государства-объекта санкций [Hofer 2017:192]. А. Цанакопулос формулирует аналогичный критерий, согласно которому экономическое принуждение равносильно противоправному вмешательству при посягательстве на сферу суверенной свободы государства [Tzanakopoulos 2015:620]. Д. Боклан и В. Коваль подчеркивают, что использование экстерриториальных односторонних санкций противоречит одному из основополагающих принципов международного права – принципу невмешательства во внутренние дела [Боклан, Коваль 2024:18]. Стоит отметить, что в современной доктрине международного права существует точка зрения, согласно которой сфера исключительной внутренней компетенции государств постепенно сужается. К. Циглер отмечает, что в условиях глобализации, растущей взаимозависимости государств и появления общих глобальных вызовов все меньше вопросов остается чисто внутренними, поскольку они все чаще регулируются международными договорами[15]. Т. Райс подчеркивает, что неясность границ между внутренней и международной сферами затрудняет точное определение случаев нарушения принципа невмешательства санкционными режимами [Ruys 2017:27]. Однако практика применения односторонних санкций демонстрирует, что они систематически нарушают даже те сферы, которые бесспорно относятся к внутренней компетенции государств и должны определяться исключительно суверенным выбором самих государств. Как отмечает Ю. Шмидт, особенно ограничительный характер многих санкционных режимов указывает на их вмешательство во внутренние дела государств [Schmidt 2022:75]. Показательным примером являются американские санкции против Кубы, направленные на принуждение к изменению политической и экономической системы страны и санкции против Ирана, которые направлены не только на изменение внешней политики этой страны, но и на трансформацию её внутренней политики в области прав человека и политической системы. Аналогично санкции против России направлены на изменение как внешнеполитических решений, так и внутриполитической системы. Подобное воздействие затрагивает основы государственного строя, что явно выходит за рамки правомерного международно-правового воздействия.

Элемент принуждения в односторонних санкциях проявляется через создание экономических условий, которые делают продолжение выбранной политики чрезвычайно затратным для государства-объекта санкций. В отличие от военного принуждения, экономическое принуждение действует через создание экономических трудностей для населения и правительства государства-объекта санкций. Р. Лиллих определяет принуждение как ситуацию, при которой экономическое давление заставляет государство действовать вопреки своей воле [Lillich 1975:366].

Нормы международного права содержат прямые запреты на использование экономического принуждения для вмешательства во внутренние дела государств. Так, Декларация о принципах международного права 1970 г. прямо запрещает применение экономических мер для принуждения другого государства к подчинению в осуществлении его суверенных прав[16]. Хотя данная декларация является резолюцией Генеральной Ассамблеи и формально не обладает обязательной силой, она широко признается как авторитетная интерпретация основных принципов Устава ООН. Аналогичные запреты содержатся в других фундаментальных международных документах. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств 1965 г.[17] и ст. 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств 1974 г.[18] подтверждают недопустимость экономического принуждения.

[15] Ziegler K.S. Domaine Réservé. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law.* 2013.

[16] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.

[17] Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета: резолюция 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г.

[18] Хартия экономических прав и обязанностей государств: резолюция 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 г. Ст. 32.

Экстерриториальный характер многих односторонних санкций многократно усиливает их вмешательство в суверенные права государств. Вторичные санкции создают двойное нарушение принципа невмешательства: они не только принуждают государство-объект санкций, но и вмешиваются в суверенные права третьих государств, принуждая их к участию в санкционной политике. Показательной является реакция Европейских сообществ на американские экстерриториальные санкции 1982 г.: ЕС справедливо охарактеризовал принуждение европейских компаний к проведению американской государственной политики как недопустимое вмешательство в свои дела[19].

Наиболее грубым нарушением принципа невмешательства являются санкции, направленные на смену политического режима. Международный суд в деле Конго против Уганды квалифицировал вмешательство в политический строй другого государства как нарушение его суверенитета и территориальной целостности[20]. Доктрина международного права единодушно рассматривает попытки принуждения к изменению политической системы другого государства как грубое нарушение принципа невмешательства, что делает санкции с целями смены режима заведомо противоправными. Однако многие американские санкции содержат явные или скрытые цели смены режима. Как отмечает Э. Прииг при анализе санкций против Мьянмы, «они отражают попытки США навязать демократические преобразования без учета конкретной исторической, политической, социальной, экономической и культурной ситуации в стране» [Preeg 1999:111-146]. Подобные цели выходят далеко за рамки правомерного международно-правового воздействия и представляют собой прямое вмешательство в основы государственного строя.

Таким образом, в большинстве своем односторонние экономические санкции представляют собой форму экономического вмешательства, систематически нарушающую принцип невмешательства через принуждение государств к изменению политики в сферах их внутренней компетенции. Такие меры выходят за пределы правомерного экономического давления и нарушают фундаментальные принципы международного права.

5. Превышение пределов правомерного суверенитета

Анализ нарушений основополагающих принципов международного права выявил системную проблему: превращение суверенитета из правового института защиты государственной независимости в инструмент принуждения других государств. Данная проблема требует более детального рассмотрения через призму конкретных правовых обязательств, нарушение которых демонстрирует системный характер проблемы. Если основополагающие принципы международного права устанавливают внешние границы суверенитета государств, то договорные обязательства и общие принципы права определяют стандарты его правомерной реализации. Нарушение этих стандартов демонстрирует, как санкционирующие государства выходят за пределы правомерного суверенитета, присваивая себе право «диктовать» условия существования другим членам международного сообщества.

Наиболее показательным примером нарушения договорных обязательств являются американские санкции против Ирана, введенные после выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2018 г. Международный суд ООН в деле о предполагаемых нарушениях Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 г.рассмотрел правомерность этих санкций. В определении о временных мерах от 3 октября 2018 г. Суд установил, что санкции США создают риск нарушения конкретных обязательств по Договору о дружбе 1955 г.[22] Суд отметил, что санкции препятствуют «свободе торговли между территориями двух Высоких Договаривающихся Сторон» (free exportation)

[19] European Communities, Comments on the US Regulations Concerning Trade with the USSR. – *International Legal Materials.* 1982. Vol. 21. P. 891. Para. 10.

[20] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v Uganda). – *I.C.J. Reports.* 2005. P. 168. Para. 165.

[21] Alleged Violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Provisional Measures, Order of 3 October 2018. – *I.C.J. Reports.* 2018. Para. 76, 102 (1).

[22] Alleged Violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objections, Judgment of 3 February 2021. – *I.C.J. Reports.* 2021. Para. 60-83, 114 (1)-(2).

и затрагивают обязательства по обеспечению свободы торговых отношений в соответствии со ст. I и IV Договора. Суд обязал США устранить препятствия для экспорта в Иран медикаментов, продовольствия и запчастей для гражданской авиации, возникшие в результате санкций. В решении от 3 февраля 2021 г. Суд подтвердил свою юрисдикцию по делу, отклонив предварительные возражения США о том, что спор касается исключительно СВПД, а не Договора о дружбе[23]. С. Разави и Ф. Зейнодини подчеркивают значимость этого решения. По их мнению, решение Международного суда представляет значимый случай в практике Суда, устанавливающий, что односторонние санкции могут нарушать конкретные договорные обязательства государств, даже если они не нарушают общие принципы международного права [Razavi, Zeynodini, 2020: 324]. Особенно важным аспектом решения Суда является признание того, что санкции могут нарушать договорные обязательства даже тогда, когда они оправдываются соображениями национальной безопасности. Отклонив возражения американской стороны о том, что санкции были необходимы для защиты существенных интересов национальной безопасности США, Суд установил более строгий стандарт толкования исключений по соображениям безопасности . Исследователи отмечают, что данное решение установило важные ограничения для применения односторонних санкций в рамках существующих договорных обязательств. [Akande, Akhavan, Bjorge 2021:501]. Исходя из этого, можно отметить, что данное решение демонстрирует важный принцип: суверенитет одного государства не может служить основанием для игнорирования договорных прав других государств. США, ссылаясь на свое суверенное право регулировать экономические отношения, фактически аннулировали договорные права Ирана, что представляет собой превышение пределов правомерного суверенитета.

Анализ практики Всемирной торговой организации (далее – ВТО), проведенный Р. Шепенко и И. Рыжковой, подтверждает нарушение односторонними санкциями договорных обязательств государств в сфере торговли. Авторы отмечают, что односторонние экономические санкции несовместимы с ВТО, которая основана на принципе многосторонности и вытекающих из него принципах консенсуса и сотрудничества [Шепенко, Рыжкова 2024:125]. Особенно показательно дело Russia – Measures Concerning Traffic in Transit, где третейская группа впервые в истории ВТО привела расширенное толкование ст. XXI ГАТТ, подтвердив, что исключения по соображениям безопасности не могут служить универсальным оправданием для произвольных торговых ограничений [Шепенко, Рыжкова 2024:128].

Важно подчеркнуть, что нарушение договорных обязательств односторонними санкциями не исчерпывается приведенными примерами. Многие санкционные режимы нарушают обязательства по соглашениям о защите инвестиций, договорам о дружбе и сотрудничестве, однако данные вопросы выходят за рамки настоящего исследования.

Если нарушение договорных обязательств показывает прямое игнорирование взятых на себя обязательств, то нарушение общих принципов права демонстрирует более глубокую проблему: превращение суверенитета в инструмент произвола. Общие принципы права устанавливают стандарты цивилизованного поведения государств, и их нарушение означает, что санкционирующее государство считает себя свободным от правил, обязательных для всех членов международного сообщества.

Эта проблема особенно ярко проявляется при анализе соответствия односторонних санкций принципу добросовестности. Важно отметить, что принцип добросовестности, являясь общим принципом права, предписывает государствам учитывать правомерные интересы других государств при осуществлении своих суверенных прав. Ж. Седова подчеркивает, что принцип добросовестности обязывает государства воздерживаться от действий, которые могут сделать бессмысленными права других государств[24]. В этом контексте односторонние санкции западных государств против Кубы, Ирана, России и других государств, изолирующие эти страны от международной финансовой системы, явно противоречат принципу добросовестности. Таким

[23] Alleged Violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Provisional Measures, Order of 3 October 2018. – *I.C.J. Reports.* 2018. Para. 104-109.

[24] Седова Ж.И. *Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений.* Дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.5, 5.1.3. РАНХиГС при Президенте РФ. М., 2024. 569 с.

образом, нарушение принципа добросовестности означает, что санкционирующие государства используют свой суверенитет не как право среди равных, а как привилегию доминирования.

Помимо нарушения принципа добросовестности, односторонние санкции также вызывают вопросы с точки зрения их соответствия принципу пропорциональности. Р. О'Киф определяет пропорциональность в международном праве как соразмерность ответных мер первоначальному нарушению [O'Keefe 2010:1157-1168]. В судебной практике этот принцип получил конкретизацию. Так, Международный суд ООН в деле Габчиково-Надьмарош установил, что принцип пропорциональности применяется не только к контрмерам, но и к любым односторонним действиям государств, которые могут затронуть права других государств. Суд отметил, что «экологические соображения не могут оправдать нарушение Венгрией своих правовых обязательств... такие соображения могут оправдать принятие мер при условии, что они соразмерны»[25]. Применение данного принципа к односторонним санкциям вызывает определенные вопросы, поскольку многие санкции вводятся в ответ на предполагаемые нарушения, которые при этом никем не установлены, ни международными судебными органами, ни коллективным органом, таким как Совет Безопасности ООН, что затрудняет оценку соразмерности. Также важно подчеркнуть, что принцип пропорциональности требует временных ограничений принудительных мер и четких условий их прекращения. Многие режимы односторонних санкций не содержат таких условий или содержат нереалистичные требования. Как отмечает М. Камто, временной фактор в применении контрмер играет решающую роль для их правомерности [Kamto 2010:1169-1176]. Бессрочные санкции без четких условий их отмены нарушают этот принцип. Нарушение принципа пропорциональности демонстрирует, что санкционирующие государства присваивают себе право на неограниченную реакцию, фактически ставя свой суверенитет выше принципа соразмерности действий. Это означает использование суверенных прав без учета равного суверенитета государств-объектов санкций.

Наряду с принципами добросовестности и пропорциональности, доктрина «чистых рук» (clean hands) также может быть применима для оценки правомерности односторонних санкций. Она основывается на том, что тот, кто взывает к справедливости, сам должен действовать справедливо. Первоначально сформировавшаяся во внутригосударственном процессуальном праве, доктрина «чистых рук» получила развитие и в международном праве [Castro 2025]. В соответствии с ней, государство, требующее соблюдения международного права от других, должно само добросовестно выполнять свои международные обязательства. Как отмечает Д. Кроуфорд, «государство не может требовать от других того, что оно само не готово выполнять» [Crawford 2019:586]. Практика применения односторонних санкций часто свидетельствует о нарушении данной доктрины. США, являющиеся крупнейшим инициатором односторонних санкций, сами неоднократно нарушали международно-правовые обязательства. Во-первых, США отозвали свое заявление о признании обязательной юрисдикции Международного суда ООН в 1986 г. после неблагоприятного решения по делу о Никарагуа, лишив тем самым другие государства возможности принуждать их к участию в судебных разбирательствах[27]. Во-вторых, в деле ЛаГранд (2001) Международный суд ООН вынес постановление о временных мерах с требованием приостановить приведение смертного приговора в силу для одного из братьев, однако США проигнорировали это решение[28]. В-третьих, вторжение США в Ирак в 2003 г. без санкции Совета Безопасности ООН было квалифицировано большинством государств и международных юристов как нарушение основополагающих принципов Устава ООН. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан прямо заявил, что это вторжение противоречит Уставу ООН [Murphy 2004]. Доктрина «чистых рук» обнажает фундаментальное противоречие в практике односторонних санкций: государства используют свой суверенитет для наказания других за нарушения, которые сами систематически совершают. Это превращает суверенитет в инструмент двойных стандартов, где одни государства

[25] Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1997. Para. 57.

[26] Nicaragua v. USA Statement by the US Department of State. Jan. 18, 1985. – Institute for International Law and Justice. URL: https://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Nicaragua-v.-USA-Statement-by-the-US-Department-of-State-Jan.-18-1985.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

[27] LaGrand Case (Germany v. United States of America), Provisional Measures, Order of 3 March 1999. – *I.C.J. Reports*. 1999. P. 9; LaGrand Case (Germany v. United States of America), Judgment of 27 June 2001. – *I.C.J. Reports*. 2001. P. 466.

присваивают себе право судить других, оставаясь при этом неподсудными.

Показательна также эволюция китайской практики. А. По подчеркивает, что несмотря на традиционную оппозицию санкциям, с 2010 г. Китай применяет односторонние санкции значительно чаще. [Poh 2021:119]. Подобный подход ставит вопрос о применимости принципа estoppel в международном праве к государствам, которые одновременно критикуют односторонние санкции и сами их применяют. Этот принцип запрещает государству отрицать последствия своих предыдущих заявлений или поведения, если другая сторона полагалась на них. А. Хофер отмечает это кажущееся противоречие, указывая на то, что наиболее активные критики односторонних санкций – Россия и Китай – сами прибегают к подобным мерам [Hofer 2017:68]. Однако Россия позиционирует свои ограничительные меры именно как контрмеры в ответ на западные санкции, которые она считает нарушающими международное право. Например, продовольственное эмбарго 2014 г. было введено в ответ на секторальные санкции ЕС и США. Стоит отметить, что официальная позиция Российской Федерации по вопросу односторонних санкций закреплена в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 22923. Концепция подчеркивает приоритетное внимание России к «исключению из международных отношений практики принятия незаконных односторонних принудительных мер в нарушение Устава ООН» (п. 23(4)). При этом Российская Федерация оставляет за собой право «принять симметричные и асимметричные меры, необходимые для пресечения» недружественных действий иностранных государств, включая применение ограничительных мер (п. 26). Такой подход отражает принципиальную разницу между контрмерами, принимаемыми в ответ на противоправные действия в соответствии с нормами международного права об ответственности государств, и произвольными односторонними санкциями, применяемыми в нарушение основополагающих принципов международного права[28]. Таким образом, российская практика формально не противоречит критике односторонних санкций, поскольку представляет собой правомерную реакцию на предшествующие неправомерные действия.

Наконец, общий принцип права *audi alteram partem* (выслушай другую сторону) требует предоставления государству возможности представить свою позицию до применения против него принудительных мер. Этот принцип процедурной справедливости, признанный во всех развитых правовых системах, предполагает, что государство должно быть уведомлено о предъявляемых ему претензиях и иметь возможность на них ответить. При этом односторонние санкции часто вводятся без предварительного диалога или переговоров. Это означает, что санкционирующие государства используют свой суверенитет для одностороннего вынесения «приговоров» другим государствам без предоставления им права на защиту, превращая суверенитет в де-факто инструмент судебной власти над международным сообществом.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что односторонние экономические санкции представляют собой системное превышение пределов правомерного суверенитета. Нарушая договорные обязательства и игнорируя общие принципы права, санкционирующие государства трансформируют суверенитет из правового института в инструмент принуждения. Это создает опасный прецедент иерархии суверенитетов, где некоторые государства присваивают себе право определять условия осуществления суверенных прав других, что противоречит основам современного международного правопорядка.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о том, что современная практика односторонних экономических санкций представляет собой качественно новое явление в международных отношениях, которое выходит за рамки традиционных правовых категорий и создает системную угрозу основополагающим принципам международного права.

Установлено, что односторонние санкции не могут быть квалифицированы как

[28] Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – *СЗ РФ*. 2023. № 14. Ст. 2446.

правомерные реторсии или контрмеры в силу несоответствия установленным международным правом критериям. Большинство санкционных режимов применяется непотерпевшими государствами, не основывается на предварительных нарушениях двусторонних обязательств, носит диспропорциональный характер и направлено на принуждение к изменению внутренней политики государств-объектов.

Выявлены три основных механизма нарушения международного права односторонними санкциями: создание иерархической системы международных отношений вопреки принципу суверенного равенства государств; систематическое вмешательство во внутреннюю компетенцию государств через экономическое принуждение; превышение пределов правомерного суверенитета через игнорирование договорных обязательств и нарушение общих принципов права.

Особую опасность представляют экстерриториальные и вторичные санкции, которые принуждают третьи государства к участию в санкционной политике без их согласия, нарушая тем самым суверенные права множественных субъектов международного права одновременно.

Анализ судебной практики международных судов подтверждает противоправность значительной части односторонних санкционных мер. Решения Международного суда ООН по делам об иранских активах и практика ВТО демонстрируют, что санкции могут нарушать конкретные договорные обязательства государств даже при наличии ссылок на соображения национальной безопасности.

Нарушение общих принципов права (добросовестности, пропорциональности) свидетельствует о превращении суверенитета из правового института защиты государственной независимости в инструмент политического принуждения и экономического доминирования.

Таким образом, односторонние экономические санкции в их современном виде создают «параллельную» систему международного права, где принципы равенства и взаимности заменяются логикой экономического превосходства. Без надлежащего международно-правового регулирования эта практика угрожает трансформировать международное право из системы взаимных обязательств в инструмент односторонней политики наиболее экономически развитых государств.

Список литературы

1. Александрова Д.Е. 2023. Односторонние санкции в контексте современного международного права. – *Международное право*. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.3.38737
2. Боклан Д.С., Коваль В.В. 2024. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6-23.
3. Геворкян К.Г. 2012. Односторонние санкции и международное право. – *Международная жизнь*. № 8.
4. Шепенко Р.А., Рыжкова И.В. 2024. Экономические санкции и право ВТО. – *Правоприменение*. Т. 8, № 4. С. 123-132. DOI:10.52468/2542-1514.2024.8(4).123-132.
5. Akande D., Akhavan P., Bjorge E. 2021. Economic Sanctions, International Law, and Crimes Against Humanity: Venezuela's ICC Referral. – *American Journal of International Law*. Vol. 115. Issue 3. P. 493-512.
6. Barber R. 2021. An exploration of the General Assembly's Troubled Relationship with Unilateral Sanctions. – *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 70. Issue 2. P. 343-370.
7. Castro E. 2025. Clarifying the clean hands doctrine under general international law. – *Journal of International Dispute Settlement*. Vol. 16. Issue 3. https://doi.org/10.1093/jnlids/idaf030.
8. Gestri M. 2016. Sanctions Imposed by the European Union: Legal and Institutional Aspects. – *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law*. Ed. by N. Ronzitti. Leiden: Brill. P. 65-85.
9. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. *Oxford: Oxford University Press*. 2019. 873 p.
10. Happold M. 2016. Introduction. – *Economic Sanctions and International Law*. Ed. by M. Happold, P. Eden. Oxford: Hart Publishing. P. 1-15.
11. Hofer A. 2017. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 16. Issue 2. P. 175-214.
12. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. 2007. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed. Washington: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
13. Kamto M. 2010. The Time Factor in the Application of Countermeasures. – *The Law of International Responsibility*. Ed. by J. Crawford et al. Oxford: Oxford University Press. P. 1169-1176.
14. Lillich R.B. 1975. Economic Coercion and the International Legal Order. – *International Affairs*. Vol. 51. Issue 3. P. 358-371.
15. Meyer J.A. 2009. Second Thoughts on Secondary Sanctions. – *University of Pennsylvania Journal of International Law*. Vol. 30. P. 905-968.
16. Murphy S.D. 2004. Assessing the Legality of Invading Iraq. – *Georgetown Law Journal*. Vol. 92. P. 173-257.
17. O'Keefe R. 2010. Proportionality. – *The Law of International Responsibility*. Ed. by J. Crawford et al. Oxford: Oxford University Press. P. 1157-1168.
18. Poh A. 2021. *Sanctions with Chinese Characteristics: Rhetoric and Restraint in China's Diplomacy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 373 p.

19. Preeg E.H. 1999. *Feeling Good or Doing Good with Sanctions: Unilateral Economic Sanctions and the U.S. National Interest*. Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies. 263 p.
20. Proukaki E.K. 2009. *The Problem of Enforcement in International Law: Countermeasures, the Non-Injured State and the Idea of International Community*. 1st ed. London: Routledge. 360 p.
21. Razavi S.M., Zeynodini F. 2020. Economic Sanctions and Protection of Fundamental Human Rights: A Review of the ICJ's Ruling on Alleged Violations of the Iran-U.S. Treaty of Amity. – *Washington International Law Journal*. Vol. 29. P. 303-330.
22. Ruys T. 2017. Sanctions, Retorsions and Countermeasures: Concepts and International Legal Framework. – *Research Handbook on UN Sanctions and International Law*. Ed. by L. van den Herik. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. P. 19-51.
23. Schmidt J. 2022. The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. Vol. 27. Issue 1. P. 53-81.
24. Tams C.J. 2005. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 264 p.
25. Tzanakopoulos A. 2015. The Right to Be Free From Economic Coercion. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. Vol. 4. Issue 3. P. 616-633.

References

1. Aleksandrova D.E. Odnostoronnie sanktsii v kontekste sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Unilateral Sanctions in the Context of Modern International Law]. – *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]*. 2023. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.3.38737. (In Russ.)
2. Akande D., Akhavan P., Bjorge E. Economic Sanctions, International Law, and Crimes Against Humanity: Venezuela's ICC Referral. – *American Journal of International Law*. 2021. Vol. 115. Issue 3. P. 493-512.
3. Barber R. An exploration of the General Assembly's Troubled Relationship with Unilateral Sanctions. – *International and Comparative Law Quarterly*. 2021. Vol. 70. Issue 2. P. 343-370.
4. Boklan D.S., Koval' V.V. Odnostoronnie sanktsii v sootvetstvii s mezhdunarodnym pravom i ehffektivnost' blokirovaniya [Unilateral Sanctions in Accordance with International Law and Blocking Effectiveness]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 1. P. 6-23. (In Russ.)
5. Gevorkyan K.G. Odnostoronnie sanktsii i mezhdunarodnoe pravo [Unilateral Sanctions and International Law]. – *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*. 2012. № 8. (In Russ.)
6. Castro E. Clarifying the clean hands doctrine under general international law. – *Journal of International Dispute Settlement*. 2025. Vol. 16. Issue 3. DOI: 10.1093/jnlids/idaf030.
7. Gestri M. Sanctions Imposed by the European Union: Legal and Institutional Aspects. – *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law*. Ed. by N. Ronzitti. Leiden: Brill. 2016. P. 65-85.
8. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 9th ed. Oxford: *Oxford University Press*. 2019. 873 p.
9. Happold M. Introduction. – *Economic Sanctions and International Law*. Ed. by M. Happold, P. Eden. Oxford: Hart Publishing. 2016. P. 1-15.
10. Hofer A. The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? – *Chinese Journal of International Law*. 2017. Vol. 16. Issue 2. P. 175-214.
11. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed. Washington: Peterson Institute for International Economics. 2007. 248 p.
12. Kamto M. The Time Factor in the Application of Countermeasures. – *The Law of International Responsibility*. Ed. by J. Crawford et al. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 1169-1176.
13. Lillich R.B. Economic Coercion and the International Legal Order. – *International Affairs*. 1975. Vol. 51. Issue 3. P. 358-371.
14. Meyer J.A. Second Thoughts on Secondary Sanctions. – *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2009. Vol. 30. P. 905-968.
15. Murphy S.D. Assessing the Legality of Invading Iraq. – *Georgetown Law Journal*. 2004. Vol. 92. P. 173-257.
16. O'Keefe R. Proportionality. – *The Law of International Responsibility*. Ed. by J. Crawford et al. Oxford: Oxford University Press. 2010. P. 1157-1168.
17. Poh A. *Sanctions with Chinese Characteristics: Rhetoric and Restraint in China's Diplomacy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2021. 373 p.
18. Preeg E.H. *Feeling Good or Doing Good with Sanctions: Unilateral Economic Sanctions and the U.S. National Interest*. Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies. 1999. 263 p.
19. Proukaki K.E. The *Problem of Enforcement in International Law: Countermeasures, the Non-Injured State and the Idea of International Community*. 1st ed. London: Routledge. 2009. 360 p.
20. Razavi S.M., Zeynodini F. Economic Sanctions and Protection of Fundamental Human Rights: A Review of the ICJ's Ruling on Alleged Violations of the Iran-U.S. Treaty of Amity. – *Washington International Law Journal*. 2020. Vol. 29. P. 303-330.
21. Ruys T. Sanctions, Retorsions and Countermeasures: Concepts and International Legal Framework. – *Research Handbook on UN Sanctions and International Law*. Ed. by L. van den Herik. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2017. P. 19-51.
22. Schmidt J. The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. 2022. Vol. 27. Issue 1. P. 53–81.
23. Shepenko R.A., Ryzhkova I.V. Ehkonomicheskie sanktsii i pravo VTO [Economic Sanctions and WTO Law]. – *Pravoprimenenie [Law Enforcement]*. 2024. Vol. 8. № 4. P. 123-132. DOI:10.52468/2542-1514.2024.8(4).123-132. (in Russ.)
24. Tams C.J. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 264 p.
25. Tzanakopoulos A. The Right to Be Free From Economic Coercion. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. 2015. Vol. 4. Issue 3. P. 616-633.

Информация об авторе

Петр Игоревич ЧУВАХИН
Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования ТЭК, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

chuvakhin.petr@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6026-1750

About the Author

Peter I. CHUVAKHIN
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Fuel and Energy Complex, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

chuvakhin.petr@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6026-1750

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-95-109

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 05.11.2025
Принята к публикации: 04.02.2026

Наталья Анатольевна ВОРОНЦОВА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
N.Vorontsova@mail.ru
ORCID 0000-0002-2848-1358

Амина Тиграновна ГАНИЕВА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
aminaganiewa@yandex.ru
ORCID 0009-0001-5488-8362

ИСЧЕРПАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРОБЛЕМА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

ВВЕДЕНИЕ. *Современные международные отношения характеризуются высокой степенью трансформации, обусловленной формированием многополярного мира, геополитическими и геоэкономическими изменениями, что создает вызовы для международного сообщества при попытке их урегулирования. В силу существенно изменившейся конфигурации международных отношений, а также смещения глобальных экономических центров, страны Запада, стремясь сохранить позицию ведущих экономических держав, предприняли попытку использования в качестве инструмента политического и экономического давления односторонние ограничительные меры в отношении государств, не разделяющих западноориентированную идею «порядка, основанного на правилах» [Novak 2023] и видение справедливой мировой торговой системы. Одним из инструментов нивелирования последствий применения односторонних ограничительных мер выступает параллельный импорт. В ст. 6 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС)[1] зафиксировано право каждого конкретного государства на установление того или иного режима исчерпания, что предопределяет решение вопроса об использовании параллельного импорта и его легитимности на национальном уровне.*

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемы легитимности параллельного импорта в плоскости института исчерпания исключительных прав, а также трансформации подходов к его оценке в условиях применения односторонних ограничительных мер на примере отдельных государств и интеграционных объединений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Для целей настоящего исследования авторами были проанализированы международные правовые акты,*

[1] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/902340087?ysclid=mebb2xtw9969953685 (дата обращения: 15.10.2025).

составляющие основу международной системы защиты прав интеллектуальной собственности, учредительные акты интеграционных объединений в части регулирования защиты прав интеллектуальной собственности, национальное законодательство и судебная практика отдельных государств, а также труды отечественных и зарубежных исследователей в области международного экономического, торгового и частного права. В ходе написания работы применялись общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, прогнозирование) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой) научного познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *По итогам проведенного анализа легитимности параллельного импорта в аспекте основных принципов (режимов) исчерпания исключительных прав с учетом современных политико-экономических реалий, авторы пришли к выводу, что их разделение носит по большей части условно-релятивный характер и присутствует тенденция на установление «смешанного» или ситуативного режима исчерпания. Односторонние ограничительные меры в отношении ряда государств, в частности, России, показали несостоятельность регионального и национального режима исчерпания исключительных прав в условиях политико-экономической нестабильности, а также их несоответствие принципам свободы и либерализации торговли.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Споры о возможности и легальности использования параллельного импорта на международно-правовом уровне лежат в плоскости определения его экономико-правовой сущности и связаны со спецификой его интерпретации в рамках различных правовых систем. Параллельный импорт выступает одним из средств обеспечения доступа государств к товарам, в частности, критически важным, способствует формированию экономических блоков, в рамках которых возможен беспрепятственный товарооборот. Применение на территории государства или интеграционного объединения международного режима исчерпания исключительных прав минимизирует возможность оказания на них экономического давления.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *параллельный импорт, исчерпание исключительных прав, право интеллектуальной собственности, односторонние ограничительные меры, санкции, международный режим исчерпания, доктрина первой продажи, региональный режим исчерпания, национальный режим исчерпания*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воронцова Н.А., Ганиева А.Т. 2026. Исчерпание исключительных прав и проблема параллельного импорта в условиях ограничительных мер. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 95–109. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-95-109

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-95-109

Research article
UDC: 341
Received 5 November 2025
Approved 4 February 2026

Natalia A. VORONTSOVA
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
N.Vorontsova@mail.ru
ORCID 0000-0002-2848-1358

Amina T. GANIEVA
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
aminaganiewa@yandex.ru
ORCID 0009-0001-5488-8362

EXHAUSTION OF EXCLUSIVE RIGHTS AND THE PROBLEM OF PARALLEL IMPORTS UNDER RESTRICTIVE MEASURES

INTRODUCTION. *Contemporary international relations are characterized by a high degree of transformation due to the formation of a multipolar world, geopolitical and geo-economic changes, which creates challenges for the international community in trying to solve them. Due to the substantially changed configuration of international relations, as well as the shifting of global economic centers, the countries of the West, seeking to maintain the position of leading economic powers, attempted to use unilateral restrictive measures against States that do not share the Western vision of a fair world trading system as an instrument of political and economic pressure. Significant consequences of such decisions are the violation of constitutive principles of international trade law, increasing protectionism in world trade, undermining free trade system, disruption of logistics chains, formation of economic alliances, as well as the fragmentation of world trade. Violation of fundamental principles of international trade law through the application of unilateral restrictive measures has created economic and legal preconditions for their circumvention in order to ensure economic security and the adaptation of States in the current conditions. Parallel imports are one of the tools for levelling the effects of unilateral restrictive measures. The international legal assessment of the legitimacy of parallel imports depends on the chosen and nationally determined regime of exhaustion of exclusive rights (Article 6 of the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS).*

The purpose of this article is to examine the legality of parallel imports from the point of view of exhaustion of exclusive rights, as well as to analyse the transformation of approaches to its assessment in the context of the application of unilateral restrictive measures.

MATERIALS AND METHODS. *For the purposes of this study, the authors analyzed international legal acts that constitute the basis of the international system of protection of intellectual property rights, constitutive acts of integration associations in terms of regulating the protection of intellectual property rights, national legislation and judicial practice of individual states, as well as the work of domestic and foreign researchers in the field of international economic, trade and private law. During the writing of the article applied general (analysis, synthesis, induction, deduction, forecasting) and special legal methods (formal-legal, comparative-legal) scientific knowledge.*

RESEARCH RESULTS. *Based on the analysis of the legitimacy of parallel imports in terms of the basic principles (regimes) of exhaustion of exclusive rights, taking into account current political and economic realities, the authors concluded that their division is conditional and there is a tendency to form a «mixed» exhaustion regime. Unilateral restrictive measures against a number of States have shown the inefficiency of the regional and national regime of exhaustion of exclusive rights in conditions of political and economic instability, as well as their lack of conformity with the principles of freedom and trade liberalization.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The debate on the possibility and legality of parallel imports at the international legal level lies in the definition of their economic and legal nature and is related to the specificity of its interpretation within different legal systems. Parallel imports are one of how States can gain access to goods, in particular critical goods, and contribute to the formation of economic blocks within which free movement of goods is possible. The application within a State or an integration association of an international regime of exhaustion of exclusive rights minimizes the possibility of exerting economic pressure on them to achieve specific objectives.*

KEYWORDS: *parallel imports, exhaustion of exclusive rights, intellectual property right, unilateral restrictive measures, sanctions, international exhaustion regime, regional exhaustion regime, national exhaustion regime*

FOR CITATION: Vorontsova N.A., Ganieva A.T. Exhaustion of Exclusive Rights and the Problem of Parallel Imports under Restrictive Measures. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 95–109. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-95-109

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В настоящее время одним из наиболее острых вопросов в условиях применения в отношении ряда стран односторонних ограничительных мер торгово-экономического характера выступает легитимность использования механизмов параллельного импорта для обеспечения экономической безопасности государства. Необходимо принимать во внимание факт того, что параллельный импорт не является априори незаконным средством ведения торговой деятельности. Правовой механизм использования параллельного импорта, позволяющий сделать вывод о его легитимности, а также эффективности или деструктивности, есть отражение его правой сущности, выраженной в выборе одного из режимов исчерпания исключительных прав.

Как известно, исключительное право на объект интеллектуальной собственности считается исчерпанным, если объект, в котором выражены данные права, введен в гражданский (торговый) оборот правообладателем или уполномоченным им лицом (дистрибьютором) [Пирогова 2008:44]. Институт исчерпания исключительных прав уникален с точки зрения интеграции частноправовых и публичных начал. В плоскости экономико-цивилистического аспекта исчерпание выступает своего рода демаркационной линией, разделяющей два абсолютных права: право собственности и интеллектуальные права [Кожемякин, Семенов, Склярова 2019:12]. Другими словами, является средством обеспечения паритета между притязаниями правообладателя и собственника на объект, в котором выражены результаты интеллектуальной деятельности. Публично-правовой аспект доктрины исчерпания сводится к необходимости обеспечения на национальном уровне, прежде всего, общественного благосостояния, свободы экономической деятельности, поддержки конкуренции и единства экономического пространства. Так, одним из главных вопросов, возникающих при определении исчерпания исключительных прав, выступает территориальный аспект, а именно то, считается ли право исчерпанным лишь в пределах одной страны, группы государств или после первой продажи без привязки к определенной территории. В настоящее время на уровне доктрины и практики сформированы три принципа (режима) исчерпания исключительных прав:

1) международный – признание исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, выраженный в материальном объекте, исчерпанным после первого введения данного объекта в гражданский товарооборот правообладателем или его официальным представителем независимо от территории, где оно произошло [Сагдеева 2017:57]. Применяется в США, Китае, Японии, Индии и Канаде [Сивинцева 2021:114];

2) региональный – признание исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, выраженный в материальном объекте, исчерпанным после первого введения данного объекта в гражданский товарооборот правообладателем или его официальным представителем на территории интеграционных объединений или зон свободной торговли [Шахназаров 2023:46]. Действует в рамках Европейского союза (далее – ЕС)[2], Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС)[3], Африканской континентальной зоны свободной торговли[4], Европейской экономической зоны[5] и т.д.;

3) национальный – признание исключительного права на результат интеллектуальной

[2] Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/2436 от 16 декабря 2015 г. о сближении права государств – членов ЕС в отношении товарных знаков. Ст. 15. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15947 (дата обращения: 15.10.2025); Договор о функционировании Европейского Союза. Рим, 25 марта 1957 г. (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). 2016/C 202/01. Ст. 34-36. URL: https://base.garant.ru/71715364/?ysclid=mf4ikoqge4923970261 (дата обращения: 15.10.2025).

[3] Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности. Астана, 29 мая 2014 г. П. 16. URL: http://www.eurasiancommission.org. (дата обращения: 15.10.2025).

[4] Протокол к Соглашению о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли в отношении прав интеллектуальной собственности от 19 февраля 2023 г. Ст. 7. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/45077-treaty-EN_AfCFTA_Protocol_on_Intellectual_Property_Rights.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

[5] Directive (EU) 2015/2436 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks (recast) (Text with EEA relevance), 16 Dec. 2015 (28). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32015L2436 (accessed date: 15.10.2025).

деятельности, выраженный в материальном объекте, исчерпанным после первого введения данного объекта в гражданский товарооборот правообладателем или его официальным дистрибьютором на территории соответствующего государства.

2. Международный режим исчерпания исключительных прав

Каждый правообладатель правомочен на защиту своих прав на результат интеллектуальной деятельности, что обеспечивается международно-правовыми и национальными механизмами. Установление ограничения исключительных прав правообладателя на объект, содержащий в себе результат интеллектуальной деятельности, после его первой легальной продажи составляет суть концепции исчерпания. Тем самым обеспечивается доступность и свободное перемещение легально введенных в торговый оборот товаров, а также защита от злоупотреблений со стороны правообладателя. Исходя из существа данной концепции становится очевидным, что наиболее приближенным к реализации данной функции выступает международный режим исчерпания исключительных прав, также известный в странах общего права как «доктрина первой продажи». Применение международного режима исчерпания исключает возможность искусственного разделения национальных рынков по различным критериям, обеспечивая свободное перемещение законно введенных в оборот товаров. Его приоритет в качестве наиболее отвечающего целям достижения свободной торговли был установлен в рамках Второго доклада (окончательного) Комитета по праву международной торговли Ассоциации международного права по вопросу об исчерпании прав интеллектуальной собственности и параллельном импорте [Abbott 2000]. В рамках рабочей группы был сформулирован вопрос относительно оправданности территориального ограничения импорта товаров после первого легального введения в оборот на территории конкретного государства или союза государств [Abbott 1998:608]. В данном вопросе четко прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость свободы торговли как одного из основных принципов международного экономического права и права интеллектуальной собственности. Отвечая на поставленный вопрос, докладчик подчеркнул, что эффективность международного режима исчерпания заключается в позитивном влиянии на конструктивное распределение производственных ресурсов в рамках мировой торговой системы, что, в свою очередь, способствует интересам развивающихся стран в создании конкурентоспособных на мировом рынке предприятий [Abbott 2000:2]. В контексте выбора режима исчерпания необходимо учитывать его «модельный» характер, т.е. то, что его применение не всегда реализуется в изначальной форме.

Наиболее ярким примером, подтверждающим гибкость исчерпания исключительных прав, выступает «доктрина первой продажи», применяемая США в отношении авторских прав и товарных знаков. Одним из знаковых прецедентных решений для обоснования применения международного режима исчерпания исключительных прав на товарный знак выступает дело Kirtsaeng v. John Wiley & Sons, Inc., рассмотренное Верховным судом США (далее – ВС США)[6]. Исходя из фабулы дела, по просьбе таиландского студента, обучающегося в одном из американских высших учебных заведений, его родственниками (друзьями) были приобретены учебные материалы в дочернем филиале издательства John Wiley & Sons – WileyAsia, расположенном на территории Таиланда и после направленными ему для учебных целей и возможной последующей перепродажи по более высокой цене. В силу разделения национальных рынков по ценовому критерию, стоимость одних и тех же учебников в США существенно превышала их цену в Таиланде. В свою очередь, в книгах, продаваемых WileyAsia, содержится указание на недопустимость ввоза указанных товаров на территорию США без получения соответствующего разрешения, что и легло в основание иска (ст. 106 (3) Закона об авторском праве США)[7]. Студент же, напротив, обосновал свое право на покупку и последующую перепродажу данных учебников, ссылаясь на «доктрину первой продажи» (109(a)

[6] Kirtsaeng v. John Wiley & Sons, Inc., 568 U.S. 519. 2013. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/568/519/ (accessed date: 16.10.2025).

[7] U.S. Code § 106 – Exclusive rights in copyrighted works. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/106 (accessed date: 16.10.2025).

Закона об авторском праве США). Суд, мотивировав свое решение в пользу студента, указал, что на экземпляры произведений, введенных в торговый оборот с согласия правообладателя за рубежом с последующей покупкой и возможной перепродажей в США распространяется доктрина первой продажи. Интерес представляет особое мнение судьи Р. Гинзбург, утверждающей, что функция судов при толковании законов заключается в их интерпретации таким образом, чтобы они соответствовали намерениям Конгресса (защита правообладателей от несанкционированного импорта недорогих иностранных копий произведений, защищенных авторским правом). «Смелый отход суда от решений Конгресса ошеломляет, поскольку ставит США в авангард движения за «международное исчерпание» авторских прав, которому Штаты решительно сопротивлялись на мировой арене»[8].

Ввиду того что экономическая политика США является протекционистской и основана на теории экономического национализма, наиболее предпочтительным режимом исчерпания для содействия достижению целей данной политики является национальный, установление которого они также требуют и от своих торговых партнеров. Принятие ВС США решения, фактически провозгласившего применение международного режима исчерпания прав, является обоснованным с точки зрения права и юридического толкования Закона об авторском праве США, но идущим вразрез с политическими интересами государства.

С 2017 г. тенденция на установление международного режима исчерпания коснулась и патентного права [Cottier 2022:194]. Соответствующий прецедент был сформирован по итогам рассмотрения дела Impression Products, Inc. v. Lexmark International, Inc[9]. Компания Lexmark International является производителем принтеров и расходных материалов к ним (картриджей), осуществляя торговую деятельность как в Америке, так и за рубежом. В соответствии с правилами организации потребителю предоставлены следующие варианты приобретения картриджей: а) покупка нового по полной стоимости; б) покупка со скидкой по программе возврата, согласно которой покупатель обязуется использовать картридж только один раз и по мере расхода краски (тонера) может заправить его только в их компании. Согласно фабуле дела, компанией Lexmark International был подан иск в суд о нарушении патентных прав со стороны компании Impression Products, покупающей пустые картриджи (изначально легально проданные Lexmark по программе возврата) в США за рубежом, заправляя их для целей последующей перепродажи на территории Штатов. Апелляционным судом федерального округа США[10] было вынесено решение об удовлетворении исковых требований компании Lexmark, которое в последующем было отменено ВС США. Судом были поставлены два основных вопроса о возможности применения доктрины первой продажи к патентам:

1) будут ли удовлетворены требования патентообладателя о соблюдении предусмотренного договором ограничения прав покупателя на повторное использование или перепродажу запатентованного товара посредством подачи судебного иска о нарушении *патентных* прав;

2) будут ли исчерпаны исключительные права патентообладателя на территории США после первой продажи запатентованного товара за рубежом?

Согласно позиции ВС США, в случае продажи патентообладателем товара, соответствующие права на него исчерпываются независимо от вводимых договором ограничений. Иными словами, соблюдение требований (отраженных в договоре) компании Lexmark (патентообладателя), ограничивающих права покупателя на дальнейшее использование или перепродажу купленного товара, могут быть обеспечены в случае подачи иска в рамках нарушения норм *договорного права,* но не посредством подачи иска о нарушении патентных прав, поскольку Закон о патентах[11] (273 (d)) обеспечивает гарантию получения патентообладателем лишь *единовременного* вознаграждения за товар, выходящий за рамки

[8] Kirtsaeng v. John Wiley & Sons, Inc., 568 U.S. 519. 2013. GINSBURG, J., dissenting. P. 1. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/568/519/ (accessed date: 16.10.2025).

[9] Impression Products, Inc. v. Lexmark International, Inc., 581 U.S. 2017. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/581/15-1189/ (accessed date: 16.10.2025).

[10] United States Court of Appeals for the Federal Circuit. URL: https://www.cafc.uscourts.gov/ (accessed date: 16.10.2025).

[11] United States Code, Title 35 – Patents. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22357 (accessed date: 16.10.2025).

его патентной монополии. Суд постановил, что в случае первой продажи товара права патентообладателя на него являются исчерпанными независимо от договорных условий и *места продажи.* Судья Р. Гинзбург в рамках особого мнения выразила противоположную точку зрения относительно того, что права американского патентообладателя не должны исчерпываться в США в случае продажи товара за рубежом, обосновывая это территориальностью патентных прав. Иными словами, в случае продажи товара за рубежом, права исчерпываются на территории государства, где была осуществлена продажа, но не на территории другого государства. Патентообладатель должен подать заявку на получение патента в тех государствах, где испрашивается защита, поскольку положения американского патентного законодательства не распространяются на продажи за рубежом[12]. Т. Коттье отмечает, что «территориальность ограничивается определением существования и объема прав и их юридических последствий в конкретной юрисдикции. Она по своей сути включает в себя возможность применения различных правил исчерпания прав и, следовательно, параллельного импорта» [Cottier 2022:195]. Суть позиции судьи Р. Гинзбург заключалась в необходимости сохранения национального режима исчерпания в отношении патентных прав, поскольку это отвечает интересам протекционистской политики США.

Сложность применения режимов исчерпания в их первоначальной форме, т.е. без установления исключений и «изъятий» заключается в разнообразии самих интеллектуальных прав, каждое из которых имеет свою специфику, что необходимо учитывать при правовом регулировании и установлении того или иного режима исчерпания. Так, сложные объекты интеллектуальной собственности содержат в себе различные виды интеллектуальных прав (патентные, авторские и т.д.). Некоторые страны применяют гибкий подход, заключающийся в установлении определенного режима исчерпания исключительных прав для отдельных видов интеллектуальных прав. Например, согласно законодательству Антигуа и Барбуда[13], в отношении патентных прав применяется международный режим[14], в то время как к товарным знакам – национальный[15]. Китайская Народная Республика (далее – КНР) устанавливает международный режим исчерпания для патентных прав[16], в то время как в законодательстве о товарных знаках[17] и авторских правах[18] нет положений об определенном режиме исчерпания.

3. Региональный режим исчерпания исключительных прав

При исследовании регионального режима исчерпания исключительных прав необходимо начать с того, что он является более широким в сравнении с национальным, но также ограничивает свободу перемещения товаров пределами определенной территории. В настоящее время он официально применяется на территориях следующих интеграционных объединений: ЕС и ЕАЭС, а также некоторых зон свободной торговли. Не вдаваясь в подробное рассмотрение практики применения ЕС регионального режима исчерпания, так как данный вопрос всесторонне раскрыт как на уровне доктрины [Пирогова 2008:59; Нургалеев 2016:106-109; Афанасьева, Данилов 2020:86-93; Calboli 2012:258-281], так

[12] Oyez: Impression Products, Inc. v. Lexmark International, Inc. URL: https://www.oyez.org/cases/2016/15-1189 (accessed date: 16.10.2025).

[13] Проект справочного документа об исключении, связанном с исчерпанием патентных прав, подготовленный Секретариатом Постоянного комитета по патентному праву (ПКПП). SCP/34/3. С. 56. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_34/scp_34_3.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

[14] Patents Act, 2018 (Act No. 22 of 2018). Ст. 39. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18733 (accessed date: 17.10.2025).

[15] Trade Marks Act 2003 (Act No. 18 of 2003). Ст. 6 (3). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5868 (accessed date: 17.10.2025).

[16] Patent Law of the People's Republic of China (Adopted at the 22th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on October 17, 2020). Ст. 75 (1). URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19559 (accessed date: 17.10.2025).

[17] Trademark Law of the People's Republic of China (amended up to April 23, 2019). URL: https://www.gbaiplawyer.com/trademark-law-of-china/ (accessed date: 17.10.2025).

[18] Copyright Law of the People's Republic of China (amended up to Novemberl 11, 2020). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21065 (accessed date: 17.10.2025).

и судебной практики[19], лишь отметим, что он не носит абсолютный характер и может предусматривать ограничения (ст. 36 Договора о функционировании Европейского Союза (далее – ДФЕС), п. 2 ст. 15 Директивы Европейского парламента и Совета (ЕС) № 2015/2436) и исключения для определенных видов интеллектуальной собственности [Ворожевич 2021]. Использование странами ЕС односторонних ограничительных мер торгово-экономического характера в отношении определенных государств, в частности, России, де-факто ограничивает установленный на территории ЕС режим исчерпания исключительных прав. Так, даже если товар был законно введен в оборот на территории Союза, его дальнейшая продажа физическому или юридическому лицу, могущему реэкспортировать товар на территорию подсанкционного государства, в отношении которого введены односторонние ограничительные меры, запрещена ЕС[20], несмотря на то, что право исчерпано. Более того, странами ЕС грубо нарушаются нормы международного права, касающиеся прав интеллектуальной собственности. Согласно Регламенту Совета (ЕС) 2024/1744 от 24 июня 2024 г.[21], введены ограничения на прием заявлений о регистрации в ЕС отдельных прав интеллектуальной собственности граждан Российской Федерации, физических лиц-резидентов Российской Федерации и российских компаний в качестве ответной меры на разрешение РФ параллельного импорта, что якобы нарушает права европейских правообладателей. При этом европейские ведомства не должны выносить официальное разрешение об отказе в регистрации заявок, поданных как напрямую, так и через Всемирную организацию интеллектуальной собственности (далее – ВОИС).[22]

Анализ применения регионального режима исчерпания исключительных прав на территории ЕАЭС показал, что он обладает смешанным характером и имеет ряд особенностей. Так, в приложении № 26 к Договору о ЕАЭС[23] содержатся нормы, регулирующие отношения в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Региональный режим исчерпания прямо установлен лишь в отношении *товарных знаков* (ст. 5). Особенностью регионального режима исчерпания на территории ЕАЭС является отсутствие единого подхода государств-членов в его установлении на уровне национального законодательства. В Республике Беларусь[24], Кыргызской Республике[25] и в Республике Казах-

[19] Judgment of the Court of 22 June 1976. Terrapin (Overseas) Ltd. v Terranova Industrie CA Kapferer & Co. Case 119-75. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-119/75 (accessed date: 17.10.2025); Judgment of the Court of 31 October 1974. Centrafarm BV and Adriaan de Peijper v Winthrop BV. Case 16-74. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&jur=C,T,F&num=C-16/74&td=ALL (accessed date: 17.10.2025); Judgment of the Court of 17 October 1990. SA CNL-SUCAL NV v HAG GF AG. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-10/89 (accessed date: 17.10.2025); Judgment of the Court of 16 July 1998. Silhouette International Schmied GmbH & Co. KG v Hartlauer Handelsgesellschaft mbH. Case C-355/96. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-355/96 (accessed date: 17.10.2025); Judgment of the Court of 14 July 1981. – Merck & Co. Inc. v Stephar BV and Petrus Stephanus Exler. – Case 187/80. URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-187/80 (accessed date: 17.10.2025).

[20] EU adopts 12th package of sanctions against Russia for its continued illegal war against Ukraine. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_23_6566/IP_23_6566_EN.pdf (accessed date: 18.10.2025).

[21] Council Decision (CFSP) 2024/1744 of 24 June 2024 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2024/1744/oj/eng (accessed date: 18.10.2025).

[22] РЦИС: Российские правообладатели не смогут регистрировать изобретения и бренды в ЕС. URL: https://xn--h1apes.xn--p1ai/about/press/rossijskie-pravoobladateli-ne-smogut-registrirovat-izobreteniya-i-brendy-v-es (дата обращения: 18.10.2025).

[23] Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности. Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Астана, 29 мая 2014 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/bd226dd95ecfd44a5e4398f10520b0ba963d05d5/ (дата обращения: 18.10.2025).

[24] Закон Республики Беларусь от 05 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания». Ст. 3 (п.4). URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/468852 (дата обращения: 18.10.2025).

[25] Закон Кыргызской Республики от 24 марта 2023 г. № 70 «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров». Ст. 8 (п.1). URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-3318/edition/1242857/ru?ysclid=mk5ecm9093567661744 (дата обращения: 18.10.2025); Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение N 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе) (Астана, 29 мая 2014 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/bd226dd95ecfd44a5e4398f10520b0ba963d05d5/ (дата обращения: 18.10.2025).

[26] Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». Ст. 43-1. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22600 (дата обращения: 18.10.2025).

стан[26] установлен региональный режим исчерпания исключительных прав на товарный знак; в Республике Армения[27] – международный режим; в Российской Федерации[28] – национальный режим исчерпания.

В 2014 г. Решением Евразийской Экономической Комиссии[29] (далее – ЕЭК) была создана Рабочая группа по выработке предложений в отношении дальнейшего применения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (далее – Рабочая группа), целью создания которой выступала разработка предложений в отношении дальнейшего применения принципа исчерпания, оптимального для всех государств-членов ЕАЭС. По результатам деятельности Рабочей группы было принято три распоряжения:

1) Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 6 «О вопросах применения принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Евразийского экономического союза»[30], согласно которому ЕЭК совместно с правительствами государств ‑ членов ЕАЭС поручено разработать проект Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, предусматривающий положения о наделении Евразийского межправительственного совета (далее – ЕМПС) полномочиями по установлению в отношении отдельных видов товаров исключений из применения принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак ЕАЭС;

2) Распоряжение Совета ЕЭК от 3 марта 2017 г. № 16 «О подготовке проекта Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. в части возможности установления исключений из принципа исчерпания прав на товарный знак и товарный знак Евразийского экономического союза»[31]. В соответствии с данным Распоряжением, Коллегии ЕЭК необходимо доработать проект Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС на основе замечаний государств – членов ЕАЭС в срок до 30 апреля 2017 г. с последующим его направлением в государства-члены для осуществления внутригосударственного согласования до 1 июля 2017 г.;

3) Распоряжение Коллегии ЕЭК от 24 апреля 2017 г. № 30 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года»[32], в соответствии с которым предлагается дополнить п. 16 Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности положением о наделении ЕМПС полномочиями по *временному* установлению в отношении отдельных видов товаров применения принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были *правомерно* введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов либо на территории *третьей страны* непосредственно правообладателем товарного знака, товарного знака Союза или другими лицами с его согласия при соблюдении определенных *условий*. К таким условиям относятся: 1) соблюдение обязательств

[27] Закон Республики Армения от 29 апреля 2010 г. № НО-59-N «О товарных знаках». Ст. 14. URL: https://www.arlis.am/ru/acts/173448 (дата обращения: 18.10.2925).

[28] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025). Ст. 1487.URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d385de69e4ce009809fb698159d15e2abc56ba1c/ (дата обращения: 18.10.2025).

[29] Решение Совета ЕЭК от 23 июня 2014 г. № 45 «О создании рабочей группы по выработке предложений в отношении дальнейшего применения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности». URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/intelsobs/rabochaya-gruppa.php?ysclid=mf5umoh3mq213345989 (дата обращения: 18.10.2025).

[30] Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 6 «О вопросах применения принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Евразийского экономического союза». URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/6cb/rasporyazhenie-_-6.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

[31] Распоряжение Совета ЕЭК от 3 марта 2017 г. № 16 «О подготовке проекта Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. в части возможности установления исключений из принципа исчерпания прав на товарный знак и товарный знак Евразийского экономического союза». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/17s00016/?ysclid=mf6u6gfd4m535082523 (дата обращения: 19.10.2025).

[32] Распоряжение Коллегии ЕЭК от 24 апреля 2017 г. № 30 «О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года». URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/9e1/Rasporyazhenie-Kollegii.pdf (дата обращения: 19.10.2025).

государств – членов ЕАЭС, вытекающих из международных договоров с третьими странами; 2) применение указанного принципа в отношении исключительно тех товаров, которые недоступны на внутреннем рынке Союза, доступны в недостаточном количестве или по завышенным ценам; 3) в иных случаях, исходя из социально-экономических интересов государств-членов.

По завершении этапа рассмотрения Протокол был согласован Российской Федерацией, Кыргызской Республикой, Республикой Армения, Республикой Казахстан [Сысоева 2018:76]. Республика Беларусь выступила против внесения изменений в виде исключения из регионального режима исчерпания, мотивировав это снижением инвестиционной привлекательности государства[33]. В силу закрепленного в Договоре о ЕАЭС принципа консенсуса (п. 2 ст. 13, ст. 17, п. 2 ст. 18), решения, принимаемые органами ЕАЭС, должны быть согласованы всеми государствами-членами. Соответственно, учитывая позицию Республики Беларусь по вопросу внесения изменений в Договор о ЕЭАС, Протокол в силу не вступил.

Применение односторонних ограничительных мер в отношении определенных государств ‑ членов ЕАЭС усугубило процесс гармонизации режима исчерпания на территории объединения, поскольку каждое из государств имеет свои политико-экономические интересы и потребности. Более того, для целей противодействия параллельному импорту на территории ЕАЭС правообладателями из недружественных стран используется договорный механизм, суть которого заключается во включении в контракт условия о недопустимости реэкспорта товара на территорию того или иного государства ‑ члена ЕАЭС под угрозой вторичных санкций. Все это создает трудности для свободного перемещения товаров на территории интеграционного объединения. Региональный режим исчерпания имеет своей целью создание единого регионального рынка, достижение которой возможно лишь при условии высокой степени экономической интеграции государств-членов объединения и обеспечения подлинной гармонизации национальных законодательств в области прав интеллектуальной собственности. Использование политических инструментов воздействия на внешнеполитическую и внешнеэкономическую политику некоторых государств ‑ членов ЕАЭС выявило неэффективность регионального режима исчерпания в условиях политической и экономической нестабильности. Последствиями их введения выступают нарушение логистических цепочек, отключение от международной системы обмена финансовыми сообщениями между банками (далее ‑ SWIFT), включение в договоры условий о запрете реэкспорта товаров на территорию государств, в отношении которых введены односторонние ограничительные меры, что в совокупности нарушает саму суть объединения – свободу перемещения товаров между государствами-участниками интеграционного объединения.

4. Национальный режим исчерпания прав интеллектуальной собственности

Национальный режим исчерпания прав интеллектуальной собственности является наименее отвечающим целям установления свободы международной торговли, поскольку свобода ограничивается территорией одного государства. Изменение политико-экономической обстановки, а, следовательно, и условий осуществления международной торговой деятельности, показало абсолютную несостоятельность данного режима и даже угрозу для экономического благосостояния государства. Национальный режим исчерпания является благоприятным для разделения и дискриминации рынков. Наиболее яркими примерами, подтверждающими данный тезис, выступают Россия, Иран и Венесуэла, легализовавшие параллельный импорт с сохранением национального режима исчерпания.

С момента начала специальной военной операции (далее – СВО) на Украине, в отношении России было применено множество ограничительных мер торгово-экономического характера. Президент РФ В.В. Путин отметил, что «это механизм системного, стратегического давления на нашу страну»[34]. Для цели обеспечения экономической безопасности государства Прави-

[33] Прайм Пресс: Переход на международный принцип исчерпания прав ухудшает инвестиционный климат. URL: https://primepress.by/news/kompanii/perekhod_na_mezhdunarodnyy_printsip_ischerpaniya_prav_ukhudshaet_investitsionnyy_klimat_ekspert-671/?ysclid=mf786spdul850969527 (дата обращения: 19.10.2025).

[34] RG.RU. Путин: Против России введено 28 595 санкций. URL: https://rg.ru/2025/03/18/putin-protiv-rossii-vvedeno-28595-sankcij.html?ysclid=m8g6hlqzli490215527 (дата обращения: 19.10.2025).

тельство РФ приняло Постановление от 29 марта 2022 г. № 506[35], согласно которому Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (далее – Минпромторг) наделяется полномочиями по формированию перечня товаров (далее – Перечень), в отношении которых не применяются нормы национального законодательства об исчерпании исключительных прав. Иначе говоря, посредством принятия данного постановления де-факто был легализован параллельный импорт в отношении товаров и (или) групп товаров, вошедших в Перечень при сохранении национального режима исчерпания.

Между тем в России в период с 1992 по 2002 г. действовал международный режим исчерпания исключительных прав[36]. В 2002 г. Высшим арбитражным судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) было инициировано[37] внесение поправки в ст. 23 Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее – Закон о товарных знаках 1992 г.), регулировавшую вопросы исчерпания прав [Семенов 2011:54, Сивинцева 2022:7]. Высший Арбитражный Суд РФ предлагалось конкретизировать положения ст. 23 указанного Закона, посредством добавления слов «на территории Российской Федерации»[38], тем самым трансформируя международный режим исчерпания в национальный.

Исламская Республика Иран (далее – Иран) с момента своего основания вплоть до настоящего времени находится под санкциями со стороны ООН и ограничительными мерами, применяемыми США и рядом иных государств. Опыт Ирана в диверсификации национальной экономики представляется уникальным с точки зрения нахождения под постоянным давлением санкций. А.В. Савинский отмечает: «Страна имеет колоссальный (и до конца не оцененный) опыт социально-экономического развития в условиях внешнего санкционного давления» [Савинский 2018:6]. Одним из способов поддержания национальной экономики в условиях ограничительных мер выступает параллельный импорт, используемый для обеспечения ассортиментной и ценовой доступности товаров. Ираном на законодательном уровне контролируется применение параллельного импорта, посредством введения ограничений на его использование в отношении определённых групп товаров (продовольственные, лекарственные препараты и т.д.), для импорта которых необходимо получение лицензии и соответствующих разрешений [Чирков, Шаповалова, Чистяков 2024:101].

Опыт использования механизмов параллельного импорта Венесуэлой отличен от опыта России и Ирана тем, что необходимость в нем вызвана не столько поддержанием экономики, сколько вынужденной мерой для поддержания благосостояния граждан в ограничительный период. В 2019 г. Центром экономических и политических исследований (CEPR) был подготовлен доклад о влиянии односторонних ограничительных мер экономического характера со стороны Штатов[39] на усугубление экономического кризиса в Венесуэле [Weisbrot, Sachs 2019:6]. Лишение доступа к жизненно важным импортным товарам, включая продукты питания и лекарственные препараты, привело к увеличению смертности населения, невозможности обеспечения общественного здравоохранения [Weisbrot, Sachs 2019:4]. В 2021 г. Президентом Венесуэлы

[35] Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 (ред. от 28.06.2023) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (дата обращения: 19.10.2025).

[36] Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 (ред. от 11.12.2002, с изм. от 24.12.2002) «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_996/1882ec173ed985200613839e1a8c61d32877b24e/ (дата обращения: 03.02.2026).

[37] См. п. 32 Таблицы поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству к принятию к законопроекту № 105454-3. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/105454-3?ysclid=ml6gcrnqds63897444#bh_histras (дата обращения: 03.02.2026).

[38] Регистрация товарного знака не дает права правообладателю запретить использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия.

[39] Executive Order 13808 – Imposing Additional Sanctions With Respect to the Situation in Venezuela August 24, 2017. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201700583/pdf/DCPD-201700583.pdf (accessed date: 20.10.2025); Executive Order 13857 of January 25, 2019 – Taking Additional Steps To Address the National Emergency With Respect to Venezuela. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5491/download?inline (accessed date: 20.10.2025).

Н. Мадуро был принят Указ № 6.636[40], направленный на освобождение от налогов на импорт и НДС на некоторые группы товаров[41]. Так, в целях обеспечения рынка продовольственными товарами, импортеры стали поставлять их посредством параллельного импорта, что привело к появлению так называемых бодегонов[42], представляющих собой торговые точки, где продажа товаров осуществляется исключительно в долларах. Однако в отношении данных товаров не осуществляется государственная регистрация, которая бы гарантировала безопасность поставляемой продукции.

Опыт вышеуказанных государств раскрывает главный недостаток национального режима исчерпания – прямую зависимость национального рынка, экономического благосостояния государства и нации от политических решений, предмет действия которых может быть направлен против данного государства. Политика применения односторонних ограничительных мер в отношении ряда стран показала, что правообладатель, обладающий необходимыми рычагами давления, предоставляемыми ему национальным режимом исчерпания, может в любой момент ограничить или запретить поставку товаров в то или иное государство, как напрямую, так и через официального дистрибьютора, используя свои исключительные права в качестве средства экономического давления.

Национальный режим исчерпания делает юридически невозможным использование параллельного импорта в качестве средства обеспечения национальной безопасности в условиях ограничительных мер. Необходимо понимать, что первопричиной появления параллельного импорта выступают экономические факторы. При невозможности легального удовлетворения спроса возникают предпосылки для формирования и развития теневых каналов поставки контрафактной продукции. Казалось бы, национальный режим исчерпания исключительных прав благоволит правообладателям, обеспечивая высокий уровень защиты их исключительных прав. Но, как показала практика, их защита становится декларативной в условиях применения односторонних ограничительных мер экономического характера, поскольку первоочередной задачей ставится обеспечение нормального функционирования национального рынка, даже при условии прямого нарушения прав правообладателей, установленного национальным режимом исчерпания. Более того, данный режим характеризуется высокой степенью гибкости. В случае необходимости он может быть временно трансформирован в международный режим (опыт России).

5. Заключение

Проводимая странами коллективного Запада политика применения односторонних ограничительных мер торгово-экономического характера в отношении определенных государств предусматривает введение запретов на импорт товаров, что, в свою очередь, имеет своим следствием возникновение дефицита с последующей стагнацией определенных секторов национальной экономики, в том числе стратегически важных. Одним из инструментов достижения поставленных целей выступает политическое манипулирование институтом интеллектуальных прав, конститутивное значение которого заключается в обеспечении достижения баланса между интересами общества и правообладателя [Суворов 2014]. Однако в современных реалиях оно заключается в опосредованном, невидимом давлении на выбор государством угодного режима исчерпания исключительных прав (национального).

Как показал проведенный анализ, национальный и региональный режимы исчерпания по своей природе вступают в определенное противоречие со стремлением государств – членов ВТО к достижению основной цели ТРИПС, закрепленной в преамбуле данного соглашения: «желая уменьшить *искажения* и препятствия на пути развития международной торговли и принимая во внимание необходимость

[40] Gaceta Oficial De la República Bolivariana de Venezuela: Caracas, viernes 6 de agosto de 2021 № 6.636 Extraordinario. URL: https://www.descifrado.com/wp-content/uploads/2021/08/GOE-6.636.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

[41] Antequera Parilli&Rodríguez. Parallel imports in Venezuela: An Alert for international trademark owners. URL: https://antequera.legal/en/2021/10/20/parallel-imports-in-venezuela-an-alert-for-international-trademark-owners/ (дата обращения: 20.10.2025).

[42] Reuters. Costco in Caracas: how Florida goods flood Venezuelan stores. URL: https://www.reuters.com/article/us-venezuela-shops/costco-in-caracas-how-florida-goods-flood-venezuelan-stores-idUSKBN1YK16X/ (дата обращения: 20.10.2025).

содействовать эффективной и *адекватной* охране прав интеллектуальной собственности и обеспечить, чтобы меры и процедуры по обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности *сами не становились барьерами* для законной торговли».

Парижская конвенция по охране промышленной собственности[43] и Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений[44] (далее – Бернская конвенция) также не содержат в себе положений об установлении того или иного режима исчерпания прав интеллектуальной собственности. Заключенный в рамках Бернской конвенции Договор ВОИС по авторскому праву[45] содержит в себе положение, определяющее, что ничто в настоящем Договоре не может влиять на свободу Договаривающихся Сторон в выборе режима исчерпания прав (ст. 6). Аналогичное положение содержится в Договоре ВОИС по исполнениям и фонограммам (ст. 8)[46].

Необходимо принимать во внимание, что даже при принятии решения об установлении международного режима исчерпания исключительных прав, государствам необходимо соблюдать взятые на себя международно-правовые обязательства по соблюдению исключительных прав правообладателей, чему коррелирует обязанность последних не злоупотреблять ими в целях извлечения выгоды посредством дискриминирования и искусственного разделения рынка по различным критериям [Воронцова, Ганиева 2025:41]. Так, «потребление является единственной целью всякого производства, и интересы производителя заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя» [Смит 2021:736]. Эффективность работы обозначенного механизма возможна лишь при условии соблюдения каждым государством принципов и норм международного экономического права, на основе которых функционирует мировая торговая система.

Список литературы

1. Афанасьева Е.Г., Данилов И.С. 2020. Исчерпание исключительных прав на товарные знаки: опыт Евросоюза. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.* Серия 4: Государство и право. № 2. С. 86-93.
2. Ворожевич А. 2021. Исчерпание исключительного права: актуальные проблемы. URL: https://legal-support.ru/information/blog/spory/ischerpanie-iskluchitelnogo-prava-aktualnye-problemy/ (дата обращения: 18.10.2025).
3. Воронцова Н.А., Ганиева А.Т. 2025. Отдельные аспекты судебной практики и доктринальные понятия «параллельного импорта» в международном торговом праве. – *Право и управление. XXI век.* № 1. С. 40-48.
4. Кожемякин Д.В., Семенов А.В., Склярова Я.В. 2019. Отчет по результатам экспертно-аналитического исследования: анализ возможностей перехода к международному принципу исчерпания прав на товарный знак в Российской Федерации: проблемы и пути решения. 258 с. URL: https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/26095 (дата обращения: 15.10.2025).
5. Нургалеев М.С. 2016. Правовое регулирование параллельного импорта в Европе на примере Европейского Союза и Швейцарии. – *Право: история, теория, практика.* Материалы IV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Свое издательство. С. 106-109.
6. Пирогова В.В. 2008. Исчерпание исключительных прав и параллельный импорт. Москв: Статут. 155 с.
7. Савинский А.В. 2018. Западные санкции и диверсификация: опыт Ирана. – *Геополитика и экогеодинамика регионов.* Т. 4 (14). № 3. С. 5-13.
8. Сагдеева Л.В. 2017. Принцип исчерпания прав как ограничение исключительных прав. – *Международное право.* № 3. С. 55-70.
9. Семенов А.В. 2011. Исчерпание великой мистификации XXI века. – *Имущественные отношения в Российской Федерации.* № 12 (123). С. 53-70.
10. Сивинцева О.В. 2021. Вариации международного режима исчерпания права на товарный знак в крупнейших экономиках мира. – *Журнал Суда по интеллектуальным правам.* № 4 (34). С. 112-125.

[43] Конвенция по охране промышленной собственности. Заключена в Париже 20 марта 1883 г. (ред. от 02.10.1979). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (дата обращения: 20.10.2025).

[44] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения: 20.10.2025).

[45] Договор ВОИС по авторскому праву и согласованные заявления в отношении договора ВОИС по авторскому праву: приняты Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/295160 (дата обращения: 20.10.2025).

[46] Договор ВОИС по исполнителям и фонограммам и согласованные заявления к Договору ВОИС по исполнителям и фонограммам: приняты Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/295480 (дата обращения: 20.10.2025).

11. Сивинцева О.В. 2022. Политическая стратегия России в выборе режима исчерпания права на товарный знак. – *Ars Administrandi (Искусство управления)*. Т. 14. № 1. С. 1-24.
12. Смит А. 2021. *Исследование о природе и причинах богатства народов.* Москва: Изд. АСТ. 1072 с.
13. Суворов А.А. 2014. Интеллектуальное право. – *«Правовой журнал» юридической компании «Суворов Лигал»*. URL: https://suvorov.legal/intelektualnye-prava/ (дата обращения: 20.10.2025).
14. Сысоева А.В. 2018. Исчерпание исключительного права на товарный знак в Российской Федерации в контексте Евразийского экономического союза и санкционных мер. – *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. № 21. С. 74-78.
15. Чирков М.А., А.В. Шаповалова, М.С. Чистяков. 2024. Зарубежный опыт практики применения параллельного импорта: Исламская Республика Иран. – *Философия хозяйства.* № 1 (151). С. 97-121.
16. Шахназаров Б.А. 2023. *Параллельный импорт и исчерпание исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Сотрудничество в сфере развития национальной промышленности и импортозамещение.* Москва: Проспект. 168 с.
17. Abbott Frederick M. 1998. First Report (Final) to the Committee on International Trade Law of the International Law Association on the Subject of Parallel Importation. – *Journal of International Economic Law.* Vol. 1. Issue. 4. P. 607-636. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=915046 (accessed date: 15.10.2025).
18. Abbott Frederick M. 2000. *Second Report (Final) to the Committee on International Trade Law of the International Law Association on the Subject of the Exhaustion of Intellectual Property Rights and Parallel Importation.* 69th Conference of the International Law Association. 47 p. URL: https://ssrn.com/abstract=1921856 (accessed date: 15.10.2025).
19. Calboli I. 2012. Reviewing the (shrinking) principle of trademark exhaustion in the European Union (ten years later). – *Marquette intellectual property law rev.* Vol. 16. № 2. P. 258-281.
20. Weisbrot M., Sachs J. 2019. Economic Sanctions as Collective Punishment: The Case of Venezuela. 25 p. URL: https://cepr.net/images/stories/reports/venezuela-sanctions-2019-04.pdf (accessed date: 20.10.2025).
21. Novak P. 2023. Wer bestimmt die Regeln der «regelbasierten Weltordnung»? – *Telepolis*. URL: https://www.telepolis.de/features/Wer-bestimmt-die-Regeln-der-regelbasierten Weltordnung-8974519.html (accessed date: 15.10.2025).
22. Cottier T. 2022. Parallel Trade and Exhaustion of Intellectual Property in WTO Law Revisited. – *Intellectual Property Ordering beyond Borders. Cambridge University Press.* P. 189-232. URL: https://www.cambridge.org/core/books/intellectual-property-ordering-beyond-borders/31464E8F7A65748B18E840DD96AF50E3#fndtn-contents (accessed date: 16.10.2025).

References

1. Abbott Frederick M. First Report (Final) to the Committee on International Trade Law of the International Law Association on the Subject of Parallel Importation. – *Journal of International Economic Law.* 1998. Vol. 1. Issue. 4. P. 607-636. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=915046 (accessed date: 15.10.2025).
2. Abbott Frederick M. *Second Report (Final) to the Committee on International Trade Law of the International Law Association on the Subject of the Exhaustion of Intellectual Property Rights and Parallel Importation.* 69th Conference of the International Law Association. 2000. 47 p. URL: https://ssrn.com/abstract=1921856 (accessed date: 15.10.2025).
3. Afanas'eva E.G., Danilov I.S. Ischerpanie iskljuchitel'nyh prav na tovarnye znaki: opyt Evrosojuza [Exhaustion of Exclusive Rights to Trademarks: The European Union's Experience]. – *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 4: Gosudarstvo i parvo [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law].* 2020. № 2. P. 86-93. (In Russ.)
4. Calboli I. Reviewing the (shrinking) principle of trademark exhaustion in the European Union (ten years later). – *Marquette intellectual property law rev.* 2012. Vol. 16. № 2. P. 258-281.
5. Chirkov M.A., Shapovalova A.V., M.S. Chistjakov. Zarubezhnyj opyt praktiki primenenija parallel'nogo importa: Islamskaja Respublika Iran [Foreign experience of parallel import practice: Islamic Republic of Iran]. – *Filosofija hozjajstva [Philosophy of Economy].* 2024. № 1 (151). P. 97-121. (In Russ.)
6. Cottier T. Parallel Trade and Exhaustion of Intellectual Property in WTO Law Revisited. – *Intellectual Property Ordering beyond Borders. Cambridge University Press.* 2022. P. 189-232. URL: https://www.cambridge.org/core/books/intellectual-property-ordering-beyond-borders/31464E8F7A65748B18E840DD96AF50E3#fndtn-contents (accessed date: 16.10.2025).
7. Kozhemjakin D.V., Semenov A.V., Skljarova Ja.V. *Otchet po rezul'tatam jekspertno-analiticheskogo issledovanija: Analiz vozmozhnostej perehoda k mezhdunarodnomu principu ischerpanija prav na tovarnyj znak v Rossijskoj Federacii: problemy i puti reshenija [Report on the results of an expert and analytical study: Analysis of the possibilities of transition to the international principle of exhaustion of trademark rights in the Russian Federation: problems and solutions].* 2019. URL: https://zakon.ru/Tools/DownloadFileRecord/26095 (accessed date: 15.10.2025). (In Russ.)
8. Novak P. *Wer bestimmt die Regeln der «regelbasierten Weltordnung»?* 2023. URL: https://www.telepolis.de/features/Wer-bestimmt-die-Regeln-der-regelbasierten Weltordnung-8974519.html (accessed date: 15.10.2025).
9. Nurgaleev M.S. Pravovoe regulirovanie parallel'nogo importa v Evrope na primere Evropejskogo Sojuza i Shvejcarii [Legal Regulation of Parallel Import in Europe: The Case of the European Union and Switzerland]. – *Pravo: istorija, teorija, praktika [Law: History, Theory, and Practice].* Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo. 2016. P. 106-109. (In Russ.)
10. Pirogova V.V. *Ischerpanie iskljuchitel'nyh prav i parallel'nyj import [Exhaustion of exclusive rights and parallel imports].* Moscow: Satut Publ. 2008. 155 p. (in Russ.)
11. Sagdeeva L.V. Princip ischerpanija prav kak ogranichenie iskljuchitel'nyh prav [The exhaustion principle as a limitation of exclusive rights]. – *Mezhdunarodnoe*

pravo [International law]. 2017. № 3. P. 55-70. (In Russ.)
12. Savinskij A.V. Zapadnye sankcii i diversifikacija: opyt Irana [Western Sanctions and Diversification: Iran's Experience]. – *Geopolitika i jekogeodinamika regionov [Geopolitics and ecogeodynamics of regions]*. 2018. Vol. 4 (14). № 3. P. 5-13. (In Russ.)
13. Semenov A.V. Ischerpanie velikoj mistifikacii XXI veka [The end of the great mystification of the 21st century]. – *Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii [Property Relations in the Russian Federation]*. 2011. No. 12 (123). P. 53-70.
14. Shahnazarov B.A. *Parallel'nyj import i ischerpanie iskljuchitel'nyh prav na ob#ekty intellektual'noj sobstvennosti. Sotrudnichestvo v sfere razvitija nacional'noj promyshlennosti i importozameshhenie [Parallel imports and the exhaustion of exclusive rights to intellectual property. Cooperation in the development of national industry and import substitution]*. Moscow: Prospekt Publ. 2023. 168 p. (In Russ.)
15. Sivinceva O.V. Variacii mezhdunarodnogo rezhima ischerpanija prava na tovarnyj znak v krupnejshih jekonomikah mira [Variations in the international regime for the exhaustion of trademark rights in the world's largest economies]. – *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]*. 2021. № 4 (34). P. 112-125. (In Russ.)
16. Sivinceva O.V. Politicheskaja strategija Rossii v vybore rezhima ischerpanija prava na tovarnyj znak [The Russian political strategy of trademark exhaustion]. – *Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija) [Ars Administrandi]*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 1-24.
17. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Russ. ed.: Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. Moscow: AST Publ. 2021. 1072 p.
18. Suvorov A.A. Intellektual'noe parvo [Intellectual Law]. – *«Pravovoj zhurnal» juridicheskoj kompanii «Suvorov Ligal» [Legal Journal by Suvorov Legal]*. 2014. URL:https://suvorov.legal/intelektualnye-prava/ (accessed date: 20.10.2025). (In Russ.)
19. Sysoeva A.V. Ischerpanie iskljuchitel'nogo prava na tovarnyj znak v Rossijskoj Federacii v kontekste Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza i sankcionnyh mer [Exhaustion of the exclusive right to a trademark in the Russian Federation in the context of the Eurasian Economic Union and sanctions measures]. – *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]*. 2018. № 21. P. 74-78. (In Russ.)
20. Voroncova N.A., Ganieva A.T. Otdel'nye aspekty sudebnoj praktiki i doktrinal'nye ponjatija «parallel'nogo importa» v mezhdunarodnom torgovom prave [Selected aspects of judicial practice and doctrinal concepts of "parallel import" in international trade law]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. 2025. № 1. P. 40-48. (In Russ.)
21. Vorozhevich A. Ischerpanie iskljuchitel'nogo prava: aktual'nye problem [Exhaustion of the exclusive right: current issues]. 2021. URL: https://legal-support.ru/information/blog/spory/ischerpanie-iskluchitelnogo-prava-aktualnye-problemy/ (accessed date: 18.10.2025). (In Russ.)
22. Weisbrot M., Sachs J. *Economic Sanctions as Collective Punishment: The Case of Venezuela*. 2019. 25 p. URL: https://cepr.net/images/stories/reports/venezuela-sanctions-2019-04.pdf (accessed date: 20.10.2025).

Информация об авторах

Наталья Анатольевна ВОРОНЦОВА
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

N.Vorontsova@mail.ru
ORCID 0000-0002-2848-1358

Амина Тиграновна ГАНИЕВА
Соискатель кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

aminaganiewa@yandex.ru
ORCID 0009-0001-5488-8362

About the Authors

Natalia A. VORONTSOVA
Doctor of Law, Professor, Professor of the International Law Chair, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

N.Vorontsova@mail.ru
ORCID 0000-0002-2848-1358

Amina T. GANIEVA
Post-Graduate Student of the International Law Chair, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

aminaganiewa@yandex.ru
ORCID 0009-0001-5488-8362

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 06.05.2025
Принята к публикации: 10.02.2026

Михаил Владимирович ГЛАЗАТОВ
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация
mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ПРИМЕНЕНИЮ СУБСИДИЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

ВВЕДЕНИЕ. *Современные международные торговые отношения характеризуются состоянием глубокой структурной трансформации, происходящей на фоне нарастающей макроэкономической нестабильности и геополитических вызовов. В этом контексте особую значимость приобретает институт субсидирования, рассматриваемый как комплексное правовое явление, очерчивающее инструмент государственного регулирования, применяемый в широких социально-экономических целях, в том числе и для решения задач достижения технологического суверенитета. Универсальность субсидии ставит вопрос о правовом формате, соединяющем, по сути, несколько отраслей права, поскольку субсидии остаются как активным инструментом торговой политики и промышленной поддержки, так и действенным способом секторального и технологического развития, и, соответственно, могут применяться комбинированно. Такой взгляд на субсидии предполагает акцент на конкретных постоянных результатах, а не на получении единовременного преимущества.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Соответственно, в анализ вовлечены материалы научной и экспертной юридической литературы, касающиеся вопросов национальной безопасности и технологического суверенитета, а также формирования комплексных правовых образований, к которым, как представляется, относятся и субсидии. Гипотезы статьи основываются на анализе различных подходов к концептуализации технологического суверенитета и роли субсидирования как инструмента государственной поддержки, позволяющего асимметрично демпфировать возрастающее давление искусственного интеллекта (далее – ИИ) в экономических взаимосвязях.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Исследование показало, что международные торговые правила, выработанные в рамках системы Всемирной торговой организации (далее – ВТО), рассматривают субсидии с позиции механизма их предоставления, получателя и распределителя поддержки. Однако целевому назначению субсидий уделяется значительно меньше внимания. Субсидии рассматриваются только с позиции получения преимущества. Именно поэтому назрела необходимость скорректировать модели субсидирования. Принципиально важным становится обеспечение рационального субсидирования, направленного на эффективное использование государственных ресурсов, создающих условия для развития современных технологичных производств и отвечающих национальным целям развития экономики.*

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ. *Цели и задачи, формируемые документами стратегического планирования, эффективно могут быть решены только при правильном использовании инструментов регулирования. Уже сейчас нужно учитывать динамичность и взаимосвязь различных правовых норм и институтов. Это позволит более пластично и эффективно отражать в вопросах регулирования динамику социальной,*

политической и экономической реальности. Для достижения целей технологического суверенитета в процессе регулирования должны появляться наиболее гибкие нормы, проводящие смежное регулирование для достижения наибольшего полезного управленческого воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *субсидии, проникающее субсидирование, технологический суверенитет, комплексные правовые образования, государственное регулирование, торговые правила, инновационная политика, промышленная политика, право ВТО*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Глазатов М.В. 2026. О новых подходах к применению субсидий для достижения технологического суверенитета. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 110–123. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

Research article
UDC: 341
Received 6 May 2025
Approved 10 February 2026

Mikhail V. GLAZATOV
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198
mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

ON NEW APPROACHES TO USING SUBSIDIES TO ACHIEVE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

INTRODUCTION. *In the context of the profound transformation of international trade relations, there is a particular emphasis on the legal assessment of subsidies in both academic discourse and legal practice. As a tool of state economic policy, subsidies can have a significant impact on competition and market access, which makes their use subject to assessment in accordance with the international trade rules. The article considers subsidies as a complex legal phenomenon. On the one hand, they are a tool of state regulation used for various purposes, including achieving technological sovereignty. On the other hand, their universality raises the question of their appropriate legal form, as they continue to be an instrument of trade policy, industrial support, and technological development. Therefore, the article discusses cases from academic and expert legal literature related to issues of national security, technological sovereignty, and complex legal structures that may include subsidies, according to the author's opinion.*

MATERIALS AND METHODS. *The hypotheses of the article are based on the author's analysis of 26 different concepts of subsidies, which are used at international, regional, and national levels. Data from international institutions' reports have also been analyzed. Some institutions have their own definitions of subsidies to, for example, count them and prepare statistics on state support measures. While preparing the article, the author used a structural-semantic approach, incorporating elements of multi-criteria evaluation. This approach combines semantic decomposition, comparative law and mathematical analysis. The research has shown that each regulatory body gives its own meaning to the definition. However, it is a challenging task to identify this meaning, but it can be done through a combined methodological approach. The hypotheses of the article are based on the analysis of various approaches to the conceptualization of technological sovereignty and the role of subsidies as an instrument*

of state support that allows for asymmetrically damping the increasing pressure of AI in economic relationships.

RESEARCH RESULTS. *The study showed that international trade rules developed within the WTO system consider subsidies from the position of the mechanism for their provision, recipient and distributor of support. However, much less attention is paid to the intended purpose of subsidies. Subsidies are considered only from the position of obtaining an advantage. That is why there is a need to adjust subsidy models. It is becoming fundamentally important to ensure rational subsidies aimed at the effective use of public resources, creating conditions for the development of modern technological production and meeting national goals for economic development.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The integrated use of subsidies, which is aimed not at achieving price advantages but at multitasking and achieving technological independence, can be seen as a new and innovative approach to using state funds. In this regard, regulation should be more flexible, and its rules should no longer be limited to specific sectors. Instead, they should be targeted at achieving the greatest beneficial management impact. Therefore, as the author suggests, the legal constructs describing the instruments of regulation can be seen as a flexible, rather than a rigid system, especially in the current technological era. It is important to consider the dynamism and interconnection of various legal norms and institutions. This will allow us to more effectively reflect the dynamics of social, political, and economic reality in regulatory matters.*

KEYWORDS: *subsidies, penetrating subsidies, technological sovereignty, complex legal formations, government regulation, trade rules, innovation policy, industrial policy, WTO law*

FOR CITATION: Glazatov M.V. On New Approaches to Using Subsidies to Achieve Technological Sovereignty. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 110–123. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-110-123

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Субсидии, несмотря на свое давнее происхождение, все так же остаются эффективным инструментом торговой политики и в век технологического развития. Какой бы ни был запрос: поддержка социально незащищенных слоев населения, развитие здравоохранения, поддержка регионального развития, сельскохозяйственного производства или промышленной продукции преимущество от использования субсидий заключается в создании в любой точке технологического развития условий для поддержания конкурентного состояния. Даже если рассматривать социальные субсидии, можно видеть, что их применение способствует созданию для социально незащищенных слоев населения таких условий, которые приближены к возможностям экономически активных масс и в том числе позволяют получить возможности самореализации на конкурентном рынке труда.

Субсидии настолько активно используется странами, что около 20% споров в рамках ВТО посвящено именно данным мерам. Их концентрация наблюдается в таких крупных экономиках, как экономики Европейского союза (далее – ЕС), США и Китая, на которые приходится до 75% всех мер поддержки. Более того, на страны «Большой двадцатки» приходятся уже около 90% мировых дотаций. Значительный скачок в использовании господдержки произошел в 2020 г., что можно связать с реакцией экономик на пандемию COVID-19, начавшуюся в этот период. Согласно данным Всемирного банка, в период пандемии COVID-19 страны больше всего предоставляли грантов (прямое субсидирование)[1]. При этом, как показал этот период, речь идет о субсидировании преимущественно наиболее «незащищенного» бизнеса – малого и среднего. Такой бизнес занят не только в производственной, но и в сфере услуг. А сфера услуг является наиболее быстроразвивающимся сектором экономики, стимулирующим и занятость населения,

[1] Tracker of Subsidies and State Aid to mitigate COVID-19 Effects. URL: https://dataviz.worldbank.org/views/AID-COVID19/Overview?%3Aembed=y&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Adisplay_count=n&%3AshowAppBanner=false&%3Aorigin=viz_share_link&%3AshowVizHome=n (accessed date: 23.03.2025).

и технологическое развитие, поскольку трансфер цифровых технологий идет именно посредством услуг. Поэтому она требует особого внимания со стороны государства.

Финансовая статистика Международного валютного фонда показывает, что за 2021–2022 гг. отдельные члены Г-20 предоставили субсидий на 1,8 трлн долл. США[2]. Но и эта оценка, несмотря на масштабы, недостаточно полна, так как информация недоступна по таким странам «двадцатки», как Аргентина, Индия, Российская Федерация и особенно КНР.

Данный факт со всей очевидностью демонстрирует широкий спектр и активное использование в современных условиях инструмента субсидий. В связи с этим нелишним будет упомянуть, что исторически применение субсидий начиналось со взаимодействия между государствами (первыми субсидиями была помощь войсками в военных действиях) и впоследствии развивалось в ретроспективе тоже на международном уровне [Глазатов 2018:337]. И только в XX веке субсидии трансформировались и начали активно применяться государством в качестве инструмента государственной социальной, экологической, региональной и других внутренних политиках. Но это не отменяет того, что на глобальном уровне субсидии продолжают укреплять свои позиции как активный торгово-политический инструмент [Глазатов 2018:428-437].

2. Основная часть

2.1. Субсидии в глобальной системе международной торговли

Либерализация международной торговли, проводимая посредством многосторонних правил регулирования в 1990-х гг. и первой декаде XXI в., привела к образованию глобального, динамичного и открытого рынка, что способствовало активному экономическому обмену. Следствием стало то, что, во-первых, практически во всех странах внешняя торговля стала существенной доходной частью государственного бюджета, а, во-вторых, выход на открытый глобальный рынок в условиях конкурентной борьбы способствовал углублению международной специализации на производстве определенных продуктов. В большей степени это характерно для стран с приоритизацией сельского хозяйства в национальной экономике, например, Новая Зеландия: наибольшую часть экспорта (13,9%) в 2023 г. составляли товары группы 0402 «Молоко и сливки, сгущенные или с добавлением сахара или других подслащивающих веществ»[3]. Все это сопровождалось и сопровождается до сих пор субсидиями, которые решают различные вопросы, например, конкурентной и одновременно социальной политик, т.е. фактически является многозадачными. Это часто встречается в сфере АПК, где, например, аграрии постоянно «прикрыты» субсидиями (ЕС), доля которых в их доходе может доходить до 50%[4]. В качестве наиболее яркого примера промышленной специализации можно привести Тайвань (Republic of China (Taiwan))[5], который обеспечивает международный рынок чипами (60% мирового производства общих полупроводников и более 90% производства самых передовых полупроводников в 2020-х гг., и это притом, что в 1974 г. тайваньский экспорт состоял в основном из дешевых одежды и пластмассовых изделий[6]).

Следует отметить, что применение субсидирования, преимущественно в развивающихся странах, имеет решающее значение для увеличения эффективности производств [Wu 2016:216-324]. Ярким примером является китайская экономика. Китай в 1978 г. занимал менее 1% в мировой торговле, при этом основные статьи экспорта состояли из товаров, которые были произведены путем простой переработки сырьевых ресурсов и с использованием несложных технологий[7]. Бурный рост экономики КНР произошел

[2] База данных МВФ. URL: https://legacydata.imf.org/. (accessed date: 23.03.2025).

[3] New Zealand. Imports and Exports. URL: https://trendeconomy.ru/data/h2/NewZealand/TOTAL (accessed date: 23.03.2025).

[4] Дерюгина И. Ч*то движет аграриями Европы, вышедшими на демонстрации против политики ЕС*? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-dvizhet-agrariyami-evropy-vyshedshimi-na-demonstratsii-protiv-politiki-es/ (дата обращения: 23.03.2025).

[5] Министерство иностранных дел Республики Китай (Тайвань). URL: https://en.mofa.gov.tw/Default.aspx (дата обращения: 23.03.2025).

[6] Алексеев А. *Силиконовый остров.* URL: https://www.kommersant.ru/doc/6552310 (дата обращения: 23.03.2025).

[7] The Development of China's Export Performance, Presentation by Javier Silva-Ruete. Alternate Executive Director. IMF. 2006. URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp030706 (accessed date: 23.03.2025).

во многом за счет эффективного и мощного государственного импульса. Например, китайцы придерживаются принципа «Чжуа Да Фан Сяо», по которому крупные предприятия контролируются государством, а более мелкие находятся в частных руках[8]. Это позволяет поддерживать большие предприятия путем применения незапрещенных правилами ВТО субсидий. Такое распределенное и достаточно адресно – эффективное использование государственных ресурсов в экономике привело к переориентированию внешнеторгового оборота на продукцию высокой степени переработки, сделав Китай высокотехнологичной страной. С 1978 г. среднегодовой прирост внешней торговли составляет примерно 15% [Дин, Ковалев, Новик 2008:446].

Широкое распространение субсидирования привело к тому, что в международных, региональных и национальных юрисдикциях сформировались собственные понятия «субсидии». В этом контексте было проанализировано 26 независимых понятий субсидий, каждое из которых «приспособлено» соответствующим регулятором под определенную задачу [Глазатов 2024]. К таким задачам относятся, например: оценка экономических эффектов субсидий, включая их влияние на торговлю; секторальная оценка мер поддержки в специфических секторах, таких, например, как энергетика или сельское хозяйство, где поддержка имеет важное значение в обеспечении стабильного функционирования сектора. Анализ определений показал, что каждый регулятор закладывает свой смысл в определение. При этом выявить этот смысл представляется непростой задачей, решение которой возможно через комбинацию методов исследований: семантической декомпозиции, сравнительного правоведения и математических методов анализа. (Более подробно изложено в статье «О подходах к анализу понятия субсидии, используемого в международном экономическом праве» [Глазатов 2018:428-437]).

Основываясь на изложенных данных об эффективном использовании субсидий в различных отраслях экономики, можно констатировать, что субсидии являются универсальным инструментом. С точки зрения экономики они позволяют государству оказывать финансовую поддержку различным категориям граждан и организаций, способствуя достижению социально-экономических целей, стимулированию определенных видов деятельности и выравниванию дисбалансов в экономике. С позиции юриспруденции охватываемые ими сферы деятельности регулируются разными отраслями права, поскольку предоставление и использование господдержки затрагивает нормы, в том числе финансового, гражданского и даже международного права. Комплексный межотраслевой подход, как представляется, может быть использован для наиболее полного изучения применения субсидирования как инструмента государственной поддержки, о чем подробнее изложено далее в статье.

Особенно ценно применение субсидий в современных производствах, где их «настройка» может решать сразу несколько задач, включая технологическое развитие и достижение технологического суверенитета.

2.2. Концептуализация технологического суверенитета на уровне национального права

В научной и экспертной среде понятие «технологический суверенитет» относят к формирующейся экономике нового типа, где рыночные свободы не носят абсолютного характера, а ограничены национальными интересами и, естественным образом, национальные интересы неразрывно связаны с обеспечением суверенизации страны. Следовательно, технологический суверенитет становится важной чертой суверенной экономики, а независимость в технологической сфере на данном этапе развития и есть необходимый и существенный ингредиент суверенитета, так как обеспечивает внешнюю самостоятельность государства, то есть способность принимать решения без какого-либо стороннего вмешательства.

Правоведы подчеркивают дискуссионный и широкий характер понятия суверенитета. Некоторые авторы (А.А. Вихров, М.В. Сальников, Г.А. Адамян, О.В. Биктасов) указывают, что это понятие охватывает экономическую, социальную и другие сферы жизни общества и в этом

[8] Так называемый принцип Чжуа Да Фан Сяо (держать в руках большие предприятия, отпустить маленькие) был применен в Китае в ходе экономических реформ. Согласно этому принципу, многие мелкие госпредприятия получили право изменить не только механизм хозяйствования, но и форму собственности. Это позволило государству сосредоточить силы на улучшении положения крупных предприятий.

смысле содержание государственного суверенитета наполняется не только юридической, но социальной, политической и экономической составляющими [Вихров, Сальников, Адамян, Биктасов, 2005]. И в этом смысле процесс концептуализации понимания технологического суверенитета еще не завершен.

Четкого юридически закрепленного определения технологического суверенитета нет и в законодательствах крупнейших экономик мира. В документах ЕС технологический суверенитет характеризуется как «предотвращение ситуаций, когда ЕС зависит от единственного или ограниченного числа поставщиков технологий из третьих стран, которые имеют решающее значение для стартапов, экономического и общественного благополучия ЕС»[9]. Иными словами, суть данного явления в ЕС заключается в обеспечении постоянного доступа к критически важным технологиям. Его реализация наблюдается в таких проектах, как Горизонт Европа (Horizon Europe) – программа ЕС по финансированию исследований и инноваций на период 2021–2027 гг., направленная на укрепление научного и технологического потенциала Союза и повышение его конкурентоспособности[10], а также Европейский закон о чипах (European Chip Act)[11], предполагающий комплекс мер для обеспечения «цифрового» суверенитета ЕС, включающего поддержание стабильности импорта, устойчивости и технологического лидерства стран еврозоны. В 2025 г. предложена новая версия Horizon Europe на период 2028–2034 г. с увеличенным вдвое бюджетом и финансированием развития таких направлений, как искусственный интеллект, спутники и др.[12]

В США технологический суверенитет часто рассматривается через призму национальной безопасности, промышленной политики и конкурентоспособности[13]. Он включает способность разрабатывать, производить и контролировать ключевые технологии (особенно в сферах ИИ, полупроводников и инфраструктуры). Стратегия национальной безопасности США (National Security Strategy) от 2022 г. подчеркивает важность поддержания цепочек поставок полупроводников для обеспечения конкурентоспособности[14]. Обновленная стратегия от 2025 г.[15] идет еще дальше и предусматривает, что именно американские технологии и стандарты, особенно в области ИИ, биотехнологий и квантовых вычислений должны способствовать прогрессу всего мира. Фактически США стараются закрепить за собой лидерство в передовых секторах науки и промышленности. Достижению этой цели способствует принятый в 2022 г. Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act)[16], направленный на возвращение производства полупроводников в Америку и создание новой технологической базы.

В китайском контексте технологический суверенитет рассматривается как стратегическая цель обеспечения независимости от западных технологий и развития собственных инноваций. Китай концентрируется на создании собственных технологических цепочек (в сферах ИИ, микросхем), а также укреплении внутренних компетенций через модель технологического трансфера[17]. В результате мы можем наблюдать описанный выше рывок в экспорте. Данный подход реализуется через такие программы, как Сделано в Китае (Made in China 2025), суть

[9] Annex to the Statement of the EIC pilot Advisory Board at the launch of the EIC. European Innovation Council. 2021. URL: https://eic.ec.europa.eu/eic-communities/eic-board/eic-pilot-advisory-board_en. (accessed date: 21.12.2025).

[10] Horizon Europe. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (accessed date: 21.12.2025)

[11] European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_729; https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/digital-sovereignty-european-chips-act-enters-force. (accessed date: 21.12.2025).

[12] Horizon Europe 2028–2034: twice bigger, simpler, faster and more impactful. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news/horizon-europe-2028-2034-twice-bigger-simpler-faster-and-more-impactful-2025-07-16_en (accessed date: 21.12.2025).

[13] Демидова С. *Технологический суверенитет: как его обеспечивает Европа, Китай и США.* 2025. URL: https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/tekhnologicheskiy-suverenitet-kak-ego-obespechivayut-evropa-kitay-i-ssha. (дата обращения: 21.12.2025).

[14] National Security Strategy of the United States of America. 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed date: 21.12.2025).

[15] National Security Strategy of the United States of America. 2025. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (accessed date: 21.12.2025).

[16] CHIPS and Science. URL: https://www.nsf.gov/chips (accessed date: 21.12.2025).

[17] Демидова С. Указ. соч.

которой заключается в выявлении и внедрении в производство ключевых технологий в сферах ИИ, 5G, аэрокосмической и электромобильной промышленностей и биотехнологий[18].

В России понятие технологического суверенитета более конкретизировано. В концепции технологического развития на период до 2030 г.[19], утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации, он определяется, как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Кроме того, там же уточняется, что технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах: 1) исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий; 2) производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях.

Таким образом, через все рассмотренные страновые подходы к технологическому суверенитету красной нитью прослеживается желание правительств получить независимую, устойчивую от внешних факторов, высокотехнологичную промышленность, которая смогла бы обеспечить мировое лидерство и, соответственно, устойчивые доходы, в том числе от экспортной деятельности.

Следует отметить, что проблематика технологического суверенитета широко исследуется, как в работах отечественных (А.А. Афанасьева, И.И. Приходько, А.А. Кокошина и др.), так и зарубежных ученых (П. Гранта, Я. Эдлера, К. Блинда, Х. Кролла, Т. Шуберта, Р. Шомберг, Ю. Чен, Л. Флориди и др.), рассматривающих данное понятие и с точки зрения построения и функционирования системы национальной безопасности, и в контексте независимости действий правительства в торговой и экономической сферах. Например, А.А. Кокошин выдвигает концепцию «реального суверенитета», которая заключается в способности государства проводить собственную внутреннюю, внешнюю и оборонную политику [Какошкин 2005]. И.И. Приходько изучает технологический суверенитет с позиции возможности самостоятельного создания или приобретения технологий, которые не могут привести к возникновению технологической зависимости [Приходько 2022; 2023].

Иностранные ученые (Я. Эдлер, К. Блинд, Х. Кролл, Т. Шуберт) связывают стремление к технологическому суверенитету с провалившейся стратегией взаимозависимости стран (или международного разделения труда), которая игнорирует «риски сотрудничества» [Edler, Blind, Kroll, Schubert 2023]. Суть данной стратегии заключается в том, что странам необязательно развивать производства, результаты деятельности которых (товары) они могут импортировать на основе двусторонних и многосторонних договоренностей, в том числе, например, соглашений ВТО. Однако современные тенденции развития торгово-политических отношений и прежде всего развивающиеся торговые войны, свидетельствуют о том, что договоренности могут не соблюдаться в том числе по политическим причинам. В ход идут не только проверенные временем тарифные ограничения (США, Канада, ЕС, Китай), но и санкции, рестрикции и другие меры воздействия.

Вместе с тем Рене фон Шомберг считает, что концепции технологического и инновационного суверенитета открывают путь к устранению существующих пробелов в управлении технологиями и инновациями [Schomberg 2025]. По его мнению, технологический суверенитет направлен на внедрение социально-политических целей в развитие технологий и инноваций, влияющих на экономическое управление и обеспечение направленности технологического потенциала. Л. Флориди, Ю. Чен, Р. Бальдони, Д. Ди Луна в своих исследованиях заходят еще глубже, анализируя отдельный, особый аспект суверенитета – цифровой суверенитет. Быстрое распространение технологий ИИ, по мнению исследователей, открыло новую эру возможностей и проблем. Они формируют новую парадигму – суверенитета ИИ, которая включает контроль над развитием ИИ, суверенитетом данных, экономическими последствиями, соображениями национальной безопасности и этическими

[18] Blaugher D., Gordon B. Made in China 2025: Evaluation China's Performance. U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2025.

[19] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года».

и культурными аспектами [Floridi 2020; Chen 2024; Baldoni, Di Luna 2025].

В этих условиях одним из наиболее результативных способов демпфирования применения ИИ-инструментов является использование асимметричного, проверенного и эффективного способа прямого воздействия на экономику посредством субсидий, которые всегда были в арсенале государства, когда возникали сложные задачи поддержки национальных производителей, незащищенных слоев населения и др.

В контексте технологического суверенитета, который, по мнению некоторых российских исследователей (А.А. Афанасьев и др.) тесно связан с обеспечением национальной безопасности [Афанасьев 2022:2377-2394], именно через субсидии ресурсно может быть поддержано формирование независимой исследовательской и прикладной баз, поскольку субсидирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) является «разрешенным» с точки зрения правил ВТО.

В настоящее время положение ст. 8 Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам, устанавливающей правила предоставления таких видов поддержки, не действует. Однако на практике существует общее недекларированное согласие считать субсидии на научные исследования «допустимыми» мерами, поскольку они не оказывают прямого искажающего воздействия на рыночную среду, и при этом сохраняют суверенное право государств по обеспечению независимости в области науки, техники и технологий, что чрезвычайно важно как раз именно с точки зрения национальной безопасности.

Фактически речь идет о формировании такой ресурсной среды, где невозможна блокировка приобретения какой-либо технологии или ограничения самостоятельности в ее разработке. Реализация этой среды представляется сложной задачей, требующей скоординированных действий на государственном уровне, куда должна войти не только разработка документов стратегического планирования, учитывающих аспект обеспечения независимой исследовательской, ресурсной и промышленной основ, а также формирование определенных, заточенных под решение обозначенных задач, инструментов поддержки. Только таким образом возможно создание «открытой экономики суверенного типа» [Афанасьев 2023:29-46].

Другим аспектом технологического суверенитета, по мнению западных исследователей (П. Грант) является способность государства свободно создавать, приобретать, применять и эксплуатировать в коммерческих целях технологию, необходимую для промышленных инноваций [Grant 1983]. Такой взгляд раскрывает многоаспектность и сложность рассматриваемого вопроса, поскольку касается уже не только профессиональной и промышленной инфраструктуры, но и поднимает проблему внутристрановой компетенции. Последнее, как считают некоторые эксперты (Я. Эдлер, К. Блинд, Х. Кролл, Т. Шуберт), касается «суверенитета правительственных действий», целью которого является «поддержание национальной конкурентоспособности», и в этом контексте субсидии как инструмент поддержки приобретают коннотацию мер, применяемых государством, для поддержания суверенитета.

2.3. О влиянии субсидии на достижение технологического суверенитета

В этом смысле промышленные субсидии, активно рассматриваемые в рамках системы многостороннего регулирования торговли, могут и должны быть исследованы с позиции влияния на обеспечение технологического суверенитета. Именно они предоставляют преимущества для национальных производителей с целью укрепления их рыночных позиций и поэтому являются предметом регулирования со стороны ВТО. В рамках работы Органа по разрешению споров ВТО по состоянию на конец 2025 г. из 631 спора вопросы промышленного субсидирования были рассмотрены в 141 случае[20]. Следует отметить, что данная международная организация также регулирует и вопросы сельскохозяйственного субсидирования, однако, это направление поддержки несет в себе значительную социальную составляющую в силу специфики сельскохозяйственной деятельности. Также не рассматриваются и такие субсидии, как поддержка предпринимательской активности (т.е. микро и малого бизнеса), субсидии федерального центра регионам и другие аналогичные виды субсидирования.

[20] Dispute settlement activity – some figures. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm (accessed date: 21.12.2025).

А промышленные субсидии способны решать различные аспекты национальных интересов в техносфере. Путем их правильного и точечного использования правительство может поддерживать исследовательский, ресурсный или иной компонент технологического суверенитета. При этом важное значение приобретает определение субсидий.

В настоящее время международные торговые правила, выработанные в рамках ВТО и имплементированные в национальные законодательства его членов, смотрят на субсидии в основном с позиции механизма их предоставления, получателя и распределителя поддержки, поскольку данные элементы наиболее детализированы. А такой элемент, как целевое назначение субсидий «остается в тени». Это также характерно и для региональных объединений (например, ЕС и Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС)). Цель предоставления субсидии определяется широко – предоставление преимущества [Глазатов 2021:120-130]. Однако именно целевое субсидирование (например, когда его результаты заранее заданы (проектное субсидирование) и должны быть продемонстрированы органу, их выдавшему) способно эффективно выполнять задачи технологического суверенитета. Именно такой подход представляется наиболее оправданным в контексте предоставления господдержки в национальных интересах.

Следует отметить, что экономический фактор в технологическом суверенитете присутствует и в определении, установленном в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[21]. Так, суверенитет Российской Федерации в технологической сфере определяется, как способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства;

В контексте этого с учетом доктрины, документов стратегического планирования, а также необходимости расширения видов субсидирования в целях поддержки промышленности для достижения технологического суверенитета, принципиально важно обеспечить smart – эффективное субсидирование, поскольку господдержка представляет собой универсальный инструмент реализации государственных функций, в том числе в сферах промышленной, социальной и торговой политик.

Новый толчок развитию цифровых технологий дал президент США Д. Трамп, который своими указами от 20 января 2025 г. не только вышел из Парижского соглашения по климату 2015 г., но и провозгласил обновленную внешнеторговую политику – «Америка прежде всего». В числе прочего распоряжения Д. Трампа предусматривают пересмотр правил, касающихся поддержки развития энергетической сферы и связанной с ней секторов промышленности. Значительно сокращается финансовая помощь возобновляемой энергетике, а основу будущего развития Соединенные Штаты видят в сопряжении двух треков: сырьевого и высокотехнологичного.

Активизация сырьевого сектора, формирующего одно из абсолютных преимуществ страны в развитии высокотехнологичной промышленности и цифровых услуг, создает эффект «энергетической поддержки» ИИ. Кроме того, объявленные Д. Трампом преобразования, как представляется, будут способствовать, что более важно, прогрессу в секторах экономики, связанных со сферой услуг. Все очевиднее, что в ближайшее время с развитием ИИ ядром торговли станут именно услуги.

Недавний доклад Всемирного экономического форума «ИИ в действии: от экспериментов к трансформации промышленности»[22] подтверждает, что ИИ призван произвести революцию во всех областях, изменив способы выполнения задач, а также переопределив создание цепочек стоимости. Искусственный интеллект закладывает основу перехода к следующей промышленной революции, поскольку речь идет о модификации способов производства и производственных отношений.

Как уже отмечалось выше, субсидии активно используются в целях финансовой поддержки населения. Очевидно, что такая поддержка является одной из прямых «обязанностей»

[21] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

[22] AI in Action: Beyond Experimentation to Transform Industry. Flagship White Paper Series. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_AI_in_Action_Beyond_Experimentation_to_Transform_Industry_2025.pdf (accessed date: 23.03.2025).

государства, поскольку имеет явный социальный эффект. «Социальное» субсидирование, как правило, носит целевой характер и направлено на улучшение качества жизни отдельных групп граждан. Поддерживается приобретение жилья, лекарств, транспортных средств, оплата услуг и т.п. Таким образом, помимо социальных проблем косвенно поддерживается покупательная способность, т.е. экономическая активность, а, следовательно, создаются условия технологическому развитию.

Сравнительно новым направлением субсидирования является содействие переходу на «зеленый» трек развития экономики, который до недавнего времени нес значительную положительную технологическую составляющую и безоговорочно поддерживался. Сейчас это уже не так однозначно. «Зеленое» субсидирование уже вызывает споры в рамках ВТО. Речь идет о споре ЕС и Японии против Канады[23] в отношении льготных тарифов, применяемых в провинции Онтарио для производителей возобновляемой энергии (feed in tariff). Третейская группа и затем Апелляционный орган признали нарушение правил ВТО, однако не дали ответа на вопрос, является ли субсидией рассматриваемый льготный тариф. В частности, Апелляционный орган не смог определить, имеет ли место предоставление преимущества производителям электроэнергии в Онтарио. Также примером спора, где рассматривалось соответствие «зеленых» субсидий нормам ВТО, может служить жалоба США по вопросу поддержки Индией производителей солнечных батарей[24]. Этот спор связан с требованиями по обязательному использованию производителями чистой энергии доли отечественного оборудования. В данном деле ответчик потерпел поражение, а Третейская группа и затем Апелляционный орган подтвердили нарушение норм ВТО.

Благородная цель декарбонизации экономики, как уже стало очевидно, достигается существенными затратами. К потенциальным новым торговым спорам может привести, например, Углеродный трансграничный компенсационный механизм ЕС (далее – CBAM), касающийся мер по контролю за выбросами углерода. Российская Федерация 12 мая 2025 г. направила запрос на проведение консультаций с ЕС и его государствами-членами в отношении мер, касающихся CBAM[25]. Российская сторона заявила, что они противоречат базовым принципам Генерального соглашения по тарифам и торговле 1995 г., а именно статьям I:1, II:1(a), II:1(b), III:1, III:2, III:4, X:3(a) и XI:1. Однако, как можно предположить, «зеленое» субсидирование продолжит развиваться, поскольку иные способы стимулирования перехода к более чистой энергетике вряд ли будут найдены в ближайшее время.

Несмотря на расширение областей применения субсидирования, использование этого инструмента основано на традиционных механизмах, сложившихся, как уже было отмечено, еще в прошлом веке. В отношении них выработаны многосторонние глобальные правила, которые явно сдерживают суверенное проведение национальной промышленной политики. В результате страны, в особенности развивающиеся, вынуждены прибегать к различным сложным цепочкам транзакций доведения помощи, в частности, используется региональный уровень предоставления субсидий. Наиболее активно региональную поддержку оказывают Китай, Индия, ЕС и США[26].

Разумеется, гонка субсидий ведет к тому, что снижаются дивиденды «мира» от состояния открытого и конкурентного рынка. Выработка регулирующих норм, которые еще больше ужесточат правила субсидирования заведомо, проигрышный путь, который в итоге приведет к разбалансировке многосторонней торговой системы, поскольку ни одно государство не откажется от поддержки национальных производителей.

Следовательно, назрел вопрос об изменении модели субсидирования, которая бы, с одной стороны, сохранила общее значение субсидии, как помощи, а с другой стороны, было бы

[23] Canada – Certain measures affecting the renewable energy generation sector (DS412) и Canada – Measures relating to the feed-in tariff program (DS426).

[24] United States – Certain Measures Relating to the Renewable Energy Sector (DS510).

[25] Russia initiates WTO dispute regarding EU's carbon border adjustment and emissions trading. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news25_e/ds639rfc_19may25_e.htm (accessed date: 19.05.2025).

[26] Subsidies, Trade, and International Cooperation. Prepared by staff of IMF, OECD, World Bank, and WTO. 2022. URL: https://www.imf.org/en/Publications/analytical-notes/Issues/2022/04/22/Subsidies-Trade-and-International-Cooperation-516660 (accessed date: 23.03.2025).

направлено на рациональное использование государственных ресурсов, создающих условия для развития современных технологичных производств, отвечающих национальным целям развития экономики. Новые методы субсидирования могут быть направлены не на получение ценового преимущества, а на многозадачность и достижение технологического суверенитета. Конечно, некоторым образом, это модернизирует суть субсидирования. В этом контексте в процессе регулирования могут появляться наиболее гибкие и эффективные нормы, которые перестают быть только отраслевыми и нацелены на смежное регулирование для достижения наибольшего полезного управленческого воздействия. Такое смежное регулирование обеспечит поддержку развития сразу нескольких секторов экономики, то есть образуется, можно сказать, сквозной мультиплицирующий эффект. Например, такой, какой можно ожидать от комбинирования субсидирования энергетического и высокотехнологического секторов, которое сейчас вводит Д. Трамп. Снижая стоимость энергии и вкладываясь в развитие ИИ, США применяют именно этот тип «нового» субсидирования.

Комбинированное субсидирование отвечает современным технологическим вызовам и даже, не просто мультиплицирует эффект, а связывает в технологические цепочки несколько отраслей (или секторов) экономики и, следовательно, может оказывать влияние на различные общественные отношения. При этом предмет правового регулирования может различаться. Целесообразно рассмотреть данное явление более подробно, поскольку, например, технологический компонент в развитии высокотехнологичного сектора (ИИ) привносит обязательную составляющую, связанную с регулированием защиты прав интеллектуальной собственности.

Данный фактор явился триггером к рассмотрению господдержки (субсидирования), как комплексного правового явления, которое несет в себе правоотношения, относящиеся к различным отраслям права: экономическому, гражданскому, финансовому.

2.4. Государственная поддержка (субсидирование) как комплексное правовое явление

Следует отметить, что в отношении комплексных правовых образований уже давно ведется правовая дискуссия относительно их природы и места. С одной стороны, по мнению российских ученых (А.Я. Вышинский, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, Н.В. Сильченко) любая из существующих норм права входит только в одну отрасль права, так как она регламентирует однородную группу общественных отношений [Сильченко 2002]. Одна и та же норма права не может одновременно регулировать два различных вида общественных отношений [Иоффе, Шаргородский 1962], поэтому, с этой точки зрения, современная конструкция российского права, в принципе, не допускает присутствие норм, регулирующих сразу несколько отраслей.

С другой стороны, есть и сторонники комплексных отраслей права (В.К. Райхер, С.С. Алексеев, В.Ф. Мешера, М.И. Пискотин, Ц.А. Ямпольская). Впервые мысль о том, что наряду с основными могут существовать и комплексные отрасли права, была изложена Райхером в 1947 г. в докторской диссертации «Общественно-исторические типы страхования». В противоположность принципу строгого деления права на отрасли, который был предложен А.Я. Вышинским [Вышинский 1938], Райхер утверждал, что система права может быть построена и на диалектическом подходе, поскольку для нее закономерны также случаи отдельных смешанных институтов или областей права [Райхер 1947]. Такая смешанная область права может состоять из элементов, относящихся к различным предметам правового регулирования и к различным отраслям права. Однако, несмотря на разнородность нормативного содержания, остается предметное единство в том смысле, что разнородные элементы правового регулирования внутренне связаны в один конгломерат. Поэтому они, с его точки зрения, могут быть признаны звеньями правовой системы, расположенными в различных классификационных плоскостях этой системы. В качестве примера такой смешанной области права Райхер приводил страховое право. Он отмечал особый круг общественных отношений, как предмет правового регулирования, связанных со страховым правом. Охрана производственных сил и материального благосостояния граждан, осуществляемая без страхования и при использовании страхования, осуществляется не только различными методами охраны, но и составляет различные предметы правового регулирования. К отраслям, составляющим предмет страхового права, Райхер относил гражданское право, поскольку оно включает имущественные отношения, возникающие между страховыми органами и страхователями, а также финансовое право, так как имеют место правоотношения,

возникающие в отношении самой страховой организации при осуществлении ею деятельности, особенно в части вопросов государственного страхования, где присутствует тесная связь с государственными финансовыми структурами.

Некоторые иностранные правоведы (Г. Тойбнер, К. Йоргес, Д. Цумбансен) также придерживались мнения, что современные правовые системы не ограничиваются классическими отраслями, а формируют комплексные, самореферентные правовые образования, которые частично автономны и пересекают традиционные границы отраслей [Teubner 2012; Zumbansen 2012; Joerges 2018; Teubner, Zumbansen 2022]. В частности, Г. Тойбнер, один из ведущих теоретиков системного права и концепции комплексных правовых образований, рассматривал право, как самореферентную систему, способную развиваться независимо от государства и классических отраслей. Он, например, относил транснациональное право к новой форме юридического плюрализма [Teubner 2020].

3. Заключение

Таким образом, акцент на отношениях, связанных с использованием государственных финансовых ресурсов, имеет важное значение. Участие государства в финансовой поддержке всегда накладывает определенные ограничения и особенности правового регулирования. Здесь очевидна аналогия с субсидиями – инструментом государственного регулирования общественных отношений, связанным с вопросами использования государственных финансовых ресурсов. И можно говорить, что такие отношения могут регулироваться различными нормами и относиться к комплексным отраслям права, особенно если речь идет о проникающих субсидиях, которые сочетают поддержку промышленных предприятий, научную сферу (НИОКР), логистику и т.п.

С этой точки зрения комплексное субсидирование можно рассматривать, как инновационный подход, в котором комбинированный предмет правового регулирования относится к различным отраслям права, в частности, вопросы поддержки промышленности – к экономическому, защиты прав интеллектуальной собственности – к гражданскому праву[27], межбюджетных отношений – к финансовому и др. При этом, если предметом правового регулирования экономического права являются общественные отношения, связанные с производственной, хозяйственной и коммерческой деятельностью субъектов экономики, то с точки зрения гражданского права – это имущественные и неимущественные отношения, включая права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), а расходование бюджетных средств – это отношения из области финансового права. Поэтому предоставление такого типа субсидирования требует комплексного правового регулирования.

Таким образом, право, скорее всего, можно рассматривать не как строго делимую систему отраслей, особенно в текущий технологический век, а учитывать динамичность и взаимосвязь различных правовых норм и институтов, что позволяет более гибко и эффективно отражать изменения в социальной, политической и экономической измерениях реальности.

Ответы на эти вопросы еще предстоит найти, однако уже сейчас понятно, что потребность в концептуализации правового регулирования новых форматов субсидирования неизбежно проявится в не такой уж и отдаленной перспективе. Особенно в отношении предоставления такого вида поддержки, например, в рамках ЕАЭС, где нормы национального права, охватывающие данный вопрос, у государств – членов могут отличаться, что, безусловно, скажется и на правовой определенности проникающих субсидий.

Список литературы

1. Афанасьев А.А. 2022. Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания. – *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 12. № 9. С. 2377-2394.
2. Афанасьев А.А. 2023. Теоретико-методологические основы промышленной политики и основные

[27] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 октября 1994 года (ред. от 8 августа 2024 г., с изм. от 31 октября 2024 г.).

направления их совершенствования в современной России. – *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 13. № 1. С. 29-46.
3. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Г.А., Биктасов О.В. 2005. Понятие и сущность суверенитета. – *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. № 3 (27).
4. Вышинский А.Я. 1938. Основные задачи науки советского социалистического права. – *Советское государство и право*. № 1. С. 29-30.
5. Глазатов М.В. 2018. Понятийный аппарат субсидии: эволюция и использование в рамках многосторонних правил торговли. – *Евразийский юридический журнал*. № 10 (125).
6. Глазатов М.В. 2021. Субсидии в законодательстве отдельных стран – членов ВТО и интеграционных объединений: сравнительно-правовой анализ. – *Государство и право*. № 4. С. 120-130.
7. Глазатов М.В. 2024. О подходах к анализу понятия субсидии, используемого в международном экономическом права. – *Международный правовой курьер*. № 2.
8. Дин Ж., Ковалев М.М., Новик В.В. 2008. Феномен экономического развития Китая. Мн.: Издательский центр БГУ. 446 с.
9. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. 1961. *Вопросы теории права*. Государственное издательство Юридическая литература, Москва. 381 с.
10. Кокошин А. А. 2005. *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*. Москва: URSS: Ленанд. 70 с.
11. Приходько И.И. 2022. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета. – *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление*. Т. 8 (74). № 4. С. 88-96.
12. Приходько И.И. 2023. Система индикаторов технологического суверенитета государства. – *Проблемы современной экономики*. № 2 (86). С. 32-35.
13. Райхер В.К. *Общественно-исторические типы страхования*. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 282 с.
14. Сильченко Н.В. 2002. Некоторые проблемы отраслевой структуры права. – *Государство и право: теория и практика*. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Калининград: Изд-во КГУ.
15. Baldoni R., Di Luna G. 2025. Sovereignty in the digital era: the quest for continuous access to dependable technological capabilities. – *IEEE Security & Privacy*. Vol. 23 (1). P. 91-96.
16. Chen Yu. 2024. AI Sovereignty: Navigating the Future of International AI Governance. – *PhilArchive (manuscript/preprint)*. PhilArchive record.
17. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. 2023. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy.
18. Floridi L. 2020. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. – *Philosophy & Technology*. Vol. 33. № 3. P. 369-378.
19. Grant P. 1983. Technological Sovereignty: Forgotten Factor In The Jhi-Tech' Razzamatazz. – *Prometheus*. Vol. 1. No 2.
20. Joerges C. 2018. European Integration and Transnational Governance: The Emerging Legal Orders in the European Union. – *European Law Journal*. Vol. 24. No. 2. P. 123-145.
21. Teubner G. 2012. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society. – *Global Law without a State: Essays on Private Law and Collective Governance*. Berlin; New York: De Gruyter. P. 3-28.
22. Teubner G. 2020. Transnational law as a new legal pluralism: Multiple faces of the rule of law. – *Transnational Legal Theory*. Vol. 11. No. 3. P. 267-288.
23. Teubner G., Zumbansen D. 2022. *The Many Lives of Transnational Law: Critical Engagements with Gunther Teubner and Transnational Legal Studies*. 2nd ed., revised. Oxford: Hart Publishing. 320 p.
24. von Schomberg R. 2025. On Technological and Innovation Sovereignty: A Response to Carl Mitcham's Call for a Political Theory of Technology. – *NanoEthics*. Vol. 19. № 2.
25. Wu M. 2016. The 'China, Inc.' Challenge to Global Trade Governance. – *Harvard International Law Journal*. Vol. 57 (2). P. 216-324.
26. Zumbansen D. 2012. Transnational Law. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford University Press. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1842 (accessed date: 06.08.2025).

References

1. Afanas'ev A.A. Tekhnologicheskij suverenitet kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [Technological sovereignty as a scientific category in the system of modern knowledge]. – *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo [Economy, entrepreneurship and law]*. 2022. T. 12. № 9. S. 2377-2394. (In Russ.)
2. Afanas'ev A.A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy promyshlennoj politiki i osnovnye napravleniya ih sovershenstvovaniya v sovremennoj Rossii [Theoretical and methodological foundations of industrial policy and the main directions of their improvement in modern Russia]. – *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo [Economy, entrepreneurship and law]*. 2023. T. 13. № 1. S. 29-46. (In Russ.)
3. Baldoni R., Di Luna G. Sovereignty in the digital era: the quest for continuous access to dependable technological capabilities. – *IEEE Security & Privacy*. 2025. Vol. 23 (1). P. 91-96.
4. Chen Yu. AI Sovereignty: Navigating the Future of International AI Governance. – PhilArchive (manuscript/preprint). PhilArchive record. 2024.
5. Din ZH., Kovalev M.M., Novik V.V. *Fenomen ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [The Phenomenon of China's Economic Development]*. Minsk: Izdatel'skij centr BGU. 2008. 446 s. (In Russ.)
6. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. Research Policy. 2023.
7. Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. – *Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33. № 3. P. 369-378.
8. Glazatov M.V. O podhodah k analizu ponyatiya subsidii, ispol'zuemogo v mezhdunarodnom ekonomicheskom prava [On approaches to the analysis of the concept of a subsidy used in international economic law]. – *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er [International Legal Courier]*. 2024. № 2. (In Russ.)

9. Glazatov M.V. Ponyatijnyj apparat subsidii: evolyuciya i ispol'zovanie v ramkah mnogostoronnih pravil torgovli [The conceptual framework of subsidies: the evolution and use within the multilateral trade rules]. – *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2018. № 10 (125). (In Russ.)
10. Glazatov M.V. Subsidii v zakonodatel'stve otdel'nyh stran – chlenov VTO i integracionnyh ob"edinenij: sravnitel'no-pravovoj analiz [Subsidies in certain WTO – Members and integration associations' legislation: comparative legal analysis]. – *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2021. № 4. S. 120-130. (In Russ.)
11. Grant P. Technological Sovereignty: Forgotten Factor In The Jhi-Tech' Razzamatazz. – *Prometheus*. 1983. Vol. 1. No 2.
12. Ioffe O.S., SHargorodskij M.D. *Voprosy teorii prava [Questions of the Theory of Law]*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo YUridicheskaya literatura, Moskva. 1961. 381 s.
13. Joerges C. European Integration and Transnational Governance: The Emerging Legal Orders in the European Union. – *European Law Journal.* 2018. Vol. 24. No. 2. P. 123-145.
14. Kokoshin A. A. *Real'nyj suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme [Real sovereignty in the modern world-political system]*. Moscow: URSS: Lenand. 2005. 70 s. (In Russ.)
15. Prihod'ko I.I. Sistema indikatorov tekhnologicheskogo suvereniteta gosudarstva [System of indicators of technological sovereignty of the state]. – *Problemy sovremennoj ekonomiki [Problems of modern economics]*. 2023. № 2 (86). S. 32-35. (In Russ.)
16. Prihod'ko I.I. Teoreticheskie aspekty koncepcii tekhnologicheskogo suvereniteta [Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty]. – *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management]*. 2022. T. 8 (74). № 4. S. 88-96. (In Russ.)
17. Rajher V.K. *Obshchestvenno-istoricheskie tipy strahovaniya [Social and historical types of insurance]*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 1947. 282 s. (In Russ.)
18. Sil'chenko N.V. Nekotorye problemy otraslevoj struktury prava [Some problems of the sectoral structure of law.]. – *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika. Mezhvuz. sb. nauch. tr. [State and law: theory and practice: Interuniversity. collection of scientific papers]*. Vyp. 1. Kaliningrad: Izd-vo KGU. 2002. (In Russ.)
19. Teubner G. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society. – *Global Law without a State: Essays on Private Law and Collective Governance*. Berlin; New York: De Gruyter. 2012. P. 3-28.
20. Teubner G. Transnational law as a new legal pluralism: Multiple faces of the rule of law. – *Transnational Legal Theory*. 2020.Vol. 11. No. 3. P. 267-288.
21. Teubner G., Zumbansen D. *The Many Lives of Transnational Law: Critical Engagements with Gunther Teubner and Transnational Legal Studies.* 2nd ed., revised. Oxford: Hart Publishing. 2022. 320 p.
22. Vihrov A.A., Sal'nikov M.V., Adamyan G.A., Biktasov O.V. Ponyatie i sushchnost' suvereniteta [The concept and essence of sovereignty]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2005. № 3 (27). (In Russ.)
23. von Schomberg R. On Technological and Innovation Sovereignty: A Response to Carl Mitcham's Call for a Political Theory of Technology. – *NanoEthics.* 2025. Vol. 19. № 2.
24. Vyshinskij A.YA. Osnovnye zadachi nauki sovetskogo socialisticheskogo prava [The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*. 1938. № 1. S. 29-30. (In Russ.)
25. Wu M. The 'China, Inc.' Challenge to Global Trade Governance. – *Harvard International Law Journal.* 2016. Vol. 57 (2). P. 216-324.
26. Zumbansen D. Transnational Law. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law.* Oxford University Press. 2012. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1842 (accessed date: 06.08.2025).

Информация об авторе

Михаил Владимирович ГЛАЗАТОВ
Аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация

mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

About the Author

Mikhail V. GLAZATOV
Postgraduate Student of the Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198

mglazatov@yandex.ru
ORCID 0009-0001-0476-2235

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 31.01.2026
Принята к публикации: 03.03.2026

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Дмитрий Викторович ТАРИКАНОВ
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Ирина Юльевна ШТОДИНА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
llc48@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0522-5324

ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. *В 1888 г. Апелляционный суд Парижа вынес решение по поводу исключительных прав на произведения великого композитора Ф. Шопена. Французский предприниматель, в пользу которого наследники уступили исключительные права на ряд произведений композитора, требовал запрета на ввоз во Францию из Германии копий данных произведений, напечатанных в Германии в нарушение этих исключительных прав. Анализ этого дела поднимает значительный круг проблем международного частного права и права интеллектуальной собственности, таких как: личный статут Ф. Шопена – подданного Российской империи, проживавшего во Франции; множественность правовых систем в Российской империи в связи с автономией Царства Польского; право, применимое к правовой охране произведений иностранного гражданина, обнародованных во Франции; автономия воли в сфере правовой охраны объектов интеллектуальной собственности; влияние смерти наследника автора на исчисление сроков охраны объектов интеллектуальной собственности. Часть из них представляет значительный исторический интерес, часть не утратила своей актуальности с позиций современного права.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Исследование основывается на работах французских,*

дореволюционных российских, советских, современных российских и американских ученых в области права интеллектуальной собственности и международного частного права XIX–XXI вв. доктрины. В извлечении приведено само анализируемое судебное решение. В исследовании использовались общенаучный и специальные методы, в частности сравнительно-правовой и исторический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Авторы присоединяются к критике комментируемого судебного решения, в котором французское право применено на основании автономии воли в отсутствии необходимости: применимость французского права должна была обосновываться законом страны, где было обнародовано произведение или предполагалось осуществить его обнародование.*

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. *В сфере трансграничной охраны объектов интеллектуальной собственности при решении вопроса о факте предоставления охраны необходимо по общему правилу опираться на закон страны, где было обнародовано произведение (в комбинации с личным законом автора).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *авторское право, международное частное право, срок охраны исключительных прав, закон страны опубликования произведения, Франция, личный статут автора, ассимиляция, проприетарность авторского права, автономия воли, наследование, множественность правовых систем*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каминская Е.И., Тариканов Д.В., Штодина И.Ю. 2026. Вопросы интеллектуальной собственности на музыкальные произведения в международном частном праве. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 124–138. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138

Research article
UDC: 341
Received 31 January 2026
Approved 3 March 2026

Elena I. KAMINSKAYA
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Dmitry V. TARIKANOV
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Irina Yu. SHTODINA
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
llc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

ISSUES OF INTELLECTUAL PROPERTY IN MUSICAL WORKS UNDER PRIVATE INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION: *Resolution by the Court of Appeal of Paris in 1888 of a dispute over the legacy and further publication of certain musical works created by Frederic Chopin arises new reflections on application of rules of private international law (conflict-of-law rules as well as material criteria used by courts to imply national law to foreign works). The analysis of the said decision, and mostly of the motivation proposed by judges to support the final resolution (widely contested by French legal researchers as non-accurate), allows nevertheless to turn once more to Intellectual Property basis (such as its ownership concept and duration of copyright rules) and to demonstrate the influence it makes on international private matters. An analysis of a peculiar surface of the court's motivation laid down for rendering the decision makes it possible to demonstrate a way of localization and the importance of occasional circumstances and subjective considerations applied to create an individually applied court rule.*

MATERIALS AND METHODS. *The study used awide range of works written by French, pre-revolutionary Russian, Soviet and modern Russian, English and American researchers of Intellectual Property Law and of International Private Law of the 19th through 21st centuries. An abbreviated text of the commented decision is included as well. It applied general scientific and special scientific methods (including historical-legal andformal-legal methods).*

RESEARCH RESULTS. *The commentators join the negative opinion on the motivation choose by the Court of Appeal to support its final statement about the French copyright law rules as due to be applied in this case. Instead of autonomy of will (lex voluntatis), being obviously a non-accurate groundation, a criterion of first revelation (publication) as the most relevant.*

DISCUSSIONS AND CONCLUSIONS. *Criterion of the place of publication of work (under the following international and national legislation - along with personal criterion relating to nationality of its author) is certain to be primarily taken into consideration in the scope of transnational copyright.*

KEYWORDS: *copyright, international private law, duration of copyright, exclusive rights, statute of place of publication of the work, personal criterion of protectability, France, assimilation, property concept of copyright, lex voluntatis, legacy, inheritance, pluralism of legal systems*

FOR CITATION: Kaminskaya E.I., Tarikanov D.V., Shtodita I.Yu. Issues of Intellectual Property in Musical Works under Private International Law. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 124–138. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138

The authors declare the absence of conflict of interest.

Апелляционный суд Парижа, 22.11.1888, Gautron ès qualités c. Breitkof et Haertel (пер. в извлечении с фр. согласно тексту в Journal de droit international (Clunet), 1890, p. 673-675).

1. В качестве французских следует рассматривать произведения, которые были обнародованы во Франции вследствие передачи прав, совершенной во Франции, в пользу французского гражданина, который выразил намерение подчинить правоотношение французскому праву. С этой точки зрения не имеет значения то обстоятельство, что автор, который к этому моменту уже умер, был иностранным гражданином.

2. Исключительное право на произведения, обнародованные после смерти автора, действует в течение 10 лет начиная с даты смерти того лица, которое дало разрешение на их обнародование.

В 1882 г. г-н Жерар, в пользу которого были уступлены исключительные права на произведения Шопена, обнародованные после смерти композитора, заявил возражение против ввоза во Францию репродукций этих произведений, выполненных немецкими издателями. 30 июля 1886 г. суд первой инстанции Парижа признал это возражение необоснованным, сочтя недоказанным наличие у истца исключительных прав на произведения.

В процессе рассмотрения дела истец Жерар умер, и управляющий наследством Жерара г-н Готрон подал на решение суда апелляционную жалобу, рассмотрев которую суд написал: «Обжалуемым решением признано необоснованным возражение, заявленное Жерар и Ко., на отправку Брейткоф и Хертель отпечатанных произведений в адрес Дюрдийи и Ко. Решение обосновано тем, что заявитель не доказал наличие у него исключительных прав на произведения Шопена, обнародованные после его смерти и направленные ответчиками. – Однако из материалов дела следует, что 17.11.1854 Фонтана, представитель матери и сестер Шопена, являвшихся наследницами последнего, передал Мессонье права на произведения Шопена, опубликованные после смерти последнего. Правопреемником Мессонье является Жерар, приобретший его предприятие. Данная сделка никем не оспаривается и не усматривается никаких оснований для ее оспаривания. Предметом спора являются лишь следующие вопросы, которые подняты ответчиками: 1. Должно ли в данном споре применяться право Российской империи, которое является личным статутом Шопена; 2. Перешли ли спорные произведения в общественное достояние. – По первому вопросу: Договор о передаче прав был совершен во Франции в пользу французского гражданина, который выразил намерение подчинить правоотношение французскому праву. Произведения были опубликованы в первый раз во Франции. За границей предшествовавших публикаций не было. В этой связи, в силу воли сторон, эти произведения представляют собой продукт французской национальности. Кроме того, возможно в отношении композитора при создании данных произведений сыграло роль французское влияние. В отношении этих специфических прав первоначальные правообладательницы отказались, если это было необходимо и молчаливо, от личного статута их сына и брата. Такое толкование находится в гармонии и в полном соответствии с теми преимуществами, которые предоставлены иностранным гражданам декретом от 28.03.1852, равно как и с заключенными Францией дипломатическими соглашениями. Из изложенного следует, что довод ответчиков о возможном применении права Российской империи не заслуживает внимания. – По второму вопросу: Права на произведения, обнародованные после смерти автора, урегулированы декретом от 1 жерминаля XIII г. и законом от 24.07.1793. Первый документ устанавливает, что правообладатели в отношении произведений, обнародованных после смерти автора, приобретшие свои права в результате наследования или по иному основанию, имеют те же права, что и сам автор. Закон 1793 г. предоставляет правопреемникам авторов исключительное право продолжительностью 10 лет, начинающих исчисляться с даты смерти автора. Из изложенного следует, что мать и сестры Шопена имели исключительное право на его произведения в течение всей их жизни, а их правопреемник имеет то же право в течение 10 лет с даты смерти последней из них. Поскольку г-жа Барчиньская, последняя из наследниц Шопена, умерла лишь 03.06.1881, то право ее правопреемника, правопреемником которого является Жерар, прекратится лишь 03.06.1891. – Учитывая изложенное, обжалуемое решение суда отменить; освободить Готрона как управляющего от установленных этим решением предписаний и взысканий; принять новое решение, которым признать Жерара обладателем исключительных прав на произведения Шопена, обнародованные после смерти последнего и права на которые были переданы Мессонье 17.11.1854, вплоть до 03.06.1891; признать возражение, отмененное вышеуказанным решением, обоснованным и действительным».

Введение

Вниманию читателей предлагается анализ решения французского суда (Апелляционного суда Парижа) конца XIX в., которое, помимо интереса для юристов, представляет собой и ценность для широкого круга читателей. Несмотря на частое цитирование в работах видных зарубежных исследователей (Э. Бартен и др.), в отечественный научный оборот данное решение вводится лишь сейчас.

В этом решении рассматривается спор об интеллектуальном наследии одного из величайших мировых композиторов Ф. Шопена.

Его наследницы (мать, а впоследствии – сестра) уступили исключительные права на произведения французскому издателю, который пытался запретить ввоз во Францию контрафактных изданий, изготовленных немецкими конкурентами. Суду необходимо было определить срок действия исключительных прав на произведения.

Обстоятельства дела следующие.

Ф. Шопен, войдя в историю как основоположник польской национальной композиторской школы, с правовой точки зрения был подданным Российской империи, так как Царство Польское, где он родился и первоначально проживал, входило в ее состав. Последние годы жизни Шопен проживал во Франции, не желая возвращаться на родину вследствие подавления царским правительством польского восстания 1830 г. После смерти Шопена 17 октября 1849 г. его единственной наследницей стала его мать, Юстина Кшижановска, скончавшаяся 1 октября 1861 г. Старшая сестра Шопена Людвика Енджеевич умерла еще до смерти матери 29 октября 1855 г. Младшая – Изабелла Барчиньская наследовала своей матери и дожила до 3 июня 1881 г.

Еще при жизни матери и сестер Шопена исключительные имущественные авторские права на ряд его произведений, на тот момент еще не обнародованных, были уступлены ими по договору некоему Фонтана. 17 ноября 1854 г. Фонтана уступает эти права в пользу Мессонье (с установлением их территориального действия во Франции и Бельгии), а от Мессонье эти права переходят к Жерару в составе приобретенного им коммерческого предприятия (издательского дела) Мессонье. Жерар выступил истцом при рассмотрении настоящего дела в первой инстанции, а после его смерти в процессе рассмотрения дела права перейдут к универсальному легатарию (наследнику по завещанию) Прадо и будут защищаться в апелляционной инстанции доверительным управляющим наследством Жерара Готроном.

Произведения были обнародованы во Франции. В 1882 г. немецкие издатели, отпечатав нотный текст произведений, вознамерились ввезти их для продажи во Францию. Ссылаясь на свои исключительные права, Жерар потребовал в суде первой инстанции Парижа запрета на этот ввоз. Решением суда ему было отказано. Апелляционную жалобу подал доверительный управляющий наследством Жерара, так как к этому моменту Жерар уже умер. Апелляционная жалоба была удовлетворена, немецким издателям был запрещен ввоз репродукций произведений на территорию Франции.

Основной вопрос, который нужно было разрешить судам, – не истек ли срок охраны исключительных прав на произведения. Ответ на этот материально-правовой вопрос (I) был искусственно поставлен судом в зависимость от решения коллизионного вопроса, право какой страны подлежало применению: Франции, где были обнародованы произведения, или Российской империи, подданным которой был автор (II).

I. Материальное право Российской империи и Франции о сроке охраны исключительных прав

Как в Российской империи (1), так и во Франции (2) в XIX в. уже существовало законодательство, устанавливающее охрану авторских прав. Более того, эта охрана была предусмотрена на международном уровне (3).

1. Право Российской империи об охране исключительных прав

Прежде чем рассмотреть материально-правовые нормы Российской империи XIX в. об охране авторских прав (b), необходимо упомянуть о множественности правовых систем в Российской империи в связи с автономией Царства Польского (a).

A. Множественность правовых систем в Российской империи в связи с автономией Царства Польского

В комментируемом решении суда возможность применения права Российской империи обсуждается в связи с тем, что оно являлось личным статутом Шопена – российского подданного.

Однако нельзя упускать из виду, что в том числе в связи с автономией Царства Польского, основой которой являлась Польская конституция 1815 г., в Российской империи появился феномен, ныне именуемый множественностью правовых систем в сфере частного права (ст. 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Еще до присоединения польских территорий к Российской империи по результатам Венского конгресса 1814–1815 гг. в большей части Герцогства Варшавского (бывших прусских и австрийских территориях) в 1808–1810 гг. был введен в действие Французский гражданский кодекс.

После присоединения этих территорий к Российской империи были инициированы законопроектные работы, завершившиеся принятием и введением в действие в Царстве Польском с 1825 г. Гражданского уложения Царства Польского, которое, однако, представляло собой переработку первой книги все того же Французского гражданского кодекса [Губе 1877:11-204]. Книги вторая и третья Французского гражданского кодекса в своем оригинальном варианте продолжили действовать и после этой кодификации.

Таким образом, в Царстве Польском существовало собственное гражданское право, отличное от права иных территорий Российской Империи (схожая ситуация с автономией частного права существовала в Великом Княжестве Финляндском).

В связи с этим достаточно быстро возник вопрос о коллизиях между правом Царства Польского и правом иных российских провинций, который в настоящее время именуется в ст. 1188 ГК РФ коллизиями в праве с множественностью правовых систем. В доктрине Российской империи этот феномен именовался междуобластным частным правом [Рейнке 1909:14, 17]. Кодифицированных правил для разрешения этих коллизий не было. Первое точечное правило разрешения такой коллизии датируется 28 марта 1835 г., когда было принято мнение Государственного совета по вопросу, как поступать взаимно в Империи и Царстве Польском в случае установления опеки по причине «сумашествия» [Рейнке 1909:14]. Важнейшие правила разрешения межпровинциальных коллизий с правом Царства Польского были закреплены во мнении Государственного совета от 5 июля 1844 г., согласно которому наследование движимого имущества подчинялось личному закону наследодателя, а недвижимого – закону места нахождения вещи [Рейнке 1909:17], и во мнении Государственного совета от 12 января 1838 г., воспроизведенном во мнении от 11 июля 1852 г., согласно которому в межпровинциальных коллизиях обязательства подчиняются закону места возникновения: на коллизии с правом Царства Польского это мнение по умолчанию не распространялось, но решением Правительствующего Сената 1894 г. оно было применено к этим коллизиям по аналогии [Рейнке 1909:116-117]. В остальном к межпровинциальным коллизиям с правом Царства Польского применялись по аналогии нормы международного частного права и, прежде всего, ст. 3 Гражданского уложения Царства Польского [Рейнке 1909:20], представляющая собой знаменитую ст. 3 Французского гражданского кодекса (распространяющую важнейшие императивные нормы – les lois de police et de sûreté – на всех лиц, проживающих на территории Франции, и предусматривающую французский вещный статут для всякой недвижимости на территории Франции и французский личный статут для французских граждан, где бы они ни находились).

Вместе с тем право разрешения межпровинциальных коллизий с правом Царства Польского изложены здесь только для полноты картины, поскольку в области охраны исключительных прав в Царстве Польском отсутствовало самостоятельное законодательство, а, следовательно, и коллизии: этот вопрос регулировался во всей Российской империи единым законодательством. Разрешение коллизий произошло в данном случае обычно применимым путем, а именно собственным правом государства с множественностью систем [Маковский 2014:405-406].

B. Материальное право Российской империи о сроке охраны исключительных прав

Первым актом, закрепляющим срок охраны исключительных прав авторов в Российской империи, являлся Третий Цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 г., § 137 которого устанавливал срок авторского права 25 лет со дня смерти автора. Положением о правах сочинителей, переводчиков и издателей, утвержденным мнением Государственного совета от 8 января 1830 г., срок охраны произведения был продлен до 35 лет с момента смерти автора [Бирюков 2022:109].

Постановлением «Об ограждении прав русских и пребывающих в России сочинителей музыкальных произведений», утвержденным мнением Государственного совета от 09.01.1845, сроки охраны исключительных прав, утвержденные Положением 1830 г. для сочинителей, переводчиков и издателей книг, были распространены на авторов музыкальных произведений и их правопреемников [Тютрюмов 2004:1185].

Наконец, мнением Государственного совета от 15 апреля 1857 г. «О продолжении срока литературной и художественной собственности» срок охраны прав на произведения был продлен до 50 лет со дня смерти автора, причем это касалось сроков, не истекших на дату введения в действие данного акта [Тютрюмов 2004:1185]. Этот пятидесятилетний срок был подтвержден

в дальнейшем изменениями, внесенными в Цензурный устав в 1875 г. [Сергеев 1996:38] и применимыми впоследствии в качестве приложения к примечанию 2 к ст. 420 Раздела II (том X части I) Свода законов Российской Империи.

Таким образом, по российскому законодательству срок охраны прав на произведения Шопена, умершего 17 октября 1849 г., истекал 16 октября 1899 г., и этот срок не истек в момент возникновения и рассмотрения требований Жерара во французском суде в 1888 г.

2. Право Франции в XIX в. об охране исключительных прав

Во Франции срок действия исключительного права устанавливался ст. 1 и 2 Закона от 19 июля 1793 г. «Об авторских правах на литературные и художественные произведения» и, как указывает суд в комментируемом решении, этот срок составлял 10 лет с даты смерти автора, т.е. в данном случае этот срок истек 11 октября 1859 г.

Однако, пользуясь правом толкования своего законодательства, апелляционный суд Парижа фактически реанимировал охрану исключительных прав на произведения Шопена. Процитировав текст статей Закона (ст. 1: «Авторы... пользуются в течение всего срока своей жизни исключительным правом...» и ст. 2: «Их наследники или правопреемники по иному основанию пользуются тем же правом на протяжении десяти лет после смерти автора»), суд истолковал их в высшей степени произвольно. Указание в ст. 2 о том, что наследники и цессионарии наделяются «тем же правом» (т.е. исключительным), суд истолковал как право той же продолжительности, что и у первичного правообладателя (автора).

Срок действия исключительного права в результате был им исчислен следующим образом. После смерти Шопена исключительное право действовало, по мнению суда, в течение всего срока жизни наследниц (причем, как мы помним, прямой наследницей Шопена была его мать, а сестра Шопена Изабелла Барчиньская выступала уже наследницей матери, а не самого Шопена), а также в течение 10 лет после смерти последней из них: Изабеллы Барчиньской (3 июня 1881 г.), т.е. до 3 июня 1891 г.

Буквальный текст закона не давал к такому толкованию ни малейших оснований. Десятилетний срок действия права post mortem auctoris в ст. 2 недвусмысленно оговаривался.

Кроме того, неясно, по какой причине суд особо выделил для целей продления сроков правообладателей, приобретших права в порядке наследования. Статья 2 Закона никакой дифференциации в этом отношении не предусматривает.

В данном случае, безусловно, следует констатировать факт неправильного применения судом французского права. Очевидно, это произошло с целью воспрепятствовать переходу произведений Шопена в общественное достояние. Как представляется, суд (также как и при решении вопроса о факте предоставления охраны) пошел по пути фактической разработки индивидуального режима для творений великого романтика.

Обращает на себя внимание то, что дальнейшая эволюция французского права, иллюстрирующая склонность к предоставлению индивидуальных льгот, показала, что суд действовал в ее русле. Можно в качестве примера сослаться на произошедшее после Второй мировой войны значительное (на 30 лет!) продление сроков по утверждаемому правительством списку «умер за Францию» [Dusollier 2019:455].

Кроме того (вопрос касается не только Франции – ст. L.123-4 Кодекса интеллектуальной собственности; это случай и отечественного регулирования – ст. 1337 и последующих Гражданского кодекса Российской Федерации), в ныне действующем праве прием санации, оживления находящихся в общественном достоянии произведений, стал основой для разработки статуса публикатора ‑ нетворческого обладателя исключительных прав [Каминская, Щербаков 2024:125].

Было еще одно обстоятельство, которое могло бы послужить для суда дополнительным аргументом для того, чтобы произвести столь произвольные расчеты, не основанные на буквальном прочтении положений закона. В соответствии с Законом от 19 июля 1793 г. срок исключительных прав на спорные произведения должен был истечь 11 октября 1859 г. А всего лишь семь лет спустя был принят Закон от 14–19 июля 1866 г., значительно увеличивший продолжительность срока действия исключительного права (с 10 до 50 лет post mortem), ‑ и это притом что долгое время во Франции преобладала концепция domaine public (общественного достояния).

Итак, по закону 1866 г. действие прав на произведения Шопена продлилось бы до 1899 г. Можно предполагать интуитивное принятие судом во внимание тенденции права к повышению

сроков охраны исключительных авторских прав, в связи с чем и было сделано исключение в пользу великого представителя, как суд сам признал, французской культуры, и Закону 1866 г. фактически была придана обратная сила. На деле, впрочем, эта льгота – лишь внешняя дань уважения умершему автору. Воспользовался подобной льготой в конечном счете даже не родственник Шопена, а не кто иной, как издатель.

3. Международные договоры об охране объектов интеллектуальной собственности

Нельзя упускать из виду наличие международно-договорного регулирования рассматриваемых отношений. С 1861 по 1887 г. в отношениях между Российской империей и Францией действовала двусторонняя Конвенция о литературной и художественной собственности, устанавливающая взаимную охрану произведений, созданных авторами из данных стран. Для получения охраны в другой Договаривающейся стороне требовалось соблюдение формальностей: в Российской империи для этой цели цензурным ведомством выдавались свидетельства, а для художественных работ – свидетельство Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге (если художественное произведение было создано в Царстве Польском, то свидетельство получалось в Школе изящных искусств в Варшаве). Во Франции доказательством авторства были свидетельства, выдаваемые отделением книжной торговли при Министерстве внутренних дел в Париже или же в Секретариате префектуры в департаментах. Срок охраны авторских прав российских подданных во Франции и французских граждан в России устанавливался в течение всей жизни автора и еще 20 лет после смерти для прямых наследников и 10 для наследников по боковой линии родства. В данном случае, если исходить из даты смерти матери Шопена как его прямой наследницы – 1 октября 1861 г., то срок охраны истек 1 октября 1881 г., т.е. на момент возникновения и рассмотрения спора произведения охраной в соответствии с этой Конвенцией не пользовались.

Имея в своем распоряжении бесспорный аргумент для обоснования отказа в требовании истца – переход спорных произведений в общественное достояние на основании нормы международного договора, суд первой инстанции этим не воспользовался, предпочтя сослаться на недоказанность наличия у истца исключительных прав. Но если в данном случае речь идет лишь об использовании более слабого аргумента, то Апелляционный суд, также проигнорировав Конвенцию и обратившись к положениям о сроках, которые установленным национальным законодательством, нарушил принцип приоритета действия международных договоров.

Упорное нежелание ссылаться на двустороннее соглашение с Российской империей может найти политическое объяснение. В результате жестокого подавления Александром I польского национально-освободительного восстания 1830 г., на территории Царства Польского был установлен военно-полицейский режим. Официальная позиция Франции в отношении русско-польского военного конфликта не вызывала сомнений: был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам, а в ходе прений во Французской палате депутатов высказывались даже призывы к вооруженному вмешательству в этот конфликт.

В контексте потенциальной базы для регулирования следует упомянуть о знаменитой Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., вступившей в силу 4 декабря 1887 г. (далее – Бернская конвенция), однако упомянуть только для полноты картины о действовавшем тогда законодательном пейзаже. К данному спору она не была применима, поскольку отношения, породившие спор, возникли ранее даты вступления ее в силу для Франции (в суд первой инстанции заявитель обратился в 1882 г.), а Российская империя в число ее первоначальных участников (Франция, Бельгия, Германия, Испания, Великобритания, Тунис и Швейцария) вообще не входила.

Итак, дилемма, стоявшая перед французским судом, была такова: либо применение неизвестного ему российского права, которое объективно предоставляло правопреемнику Шопена срок охраны, еще не истекший на дату рассмотрения спора, либо применение хорошо знакомого французского права, срок охраны по которому при буквальном толковании норм истек, однако в силу достаточно широкого усмотрения суда при толковании мог быть достигнут и противоположный вывод. Разрешить эту дилемму предстояло с помощью коллизионного права.

II. Коллизионное право для целей определения права, применимого к сроку охраны исключительных прав

Коллизионный вопрос в данном деле, по сути, не возникал. Он был поставлен судом фактически лишь на основании заявления ответчика о том, что в данном деле в качестве *lex causae* должен быть применен личный статут автора.

Проблема, собственно, разрешалась в рамках решения вопроса о применимости либо неприменимости национального режима, т.е. носила исключительно материально-правовой характер. Другой вопрос, что объем охраны, предоставляемой на основании национального режима (провозглашенного ст. 11 Французского гражданского кодекса), на деле оказывался весьма беден [Nimmer, Geller 1988]. (Заметим, что в дальнейшем сфера его еще более сузилась за счет введения в 1964 г. требования взаимности при его применении [Дюма 1993:322-323].) Мы сейчас говорим лишь о том, что «выход» суда на применение собственного права произошел в данном деле не прямым путем, а через коллизионный критерий *lex voluntatis* (который должен был применяться субсидиарно).

В условиях того обстоятельства, что во Франции при лаконичной ст. 3 Гражданского кодекса, устанавливающей лишь три коллизионных нормы, коллизионное право фактически развивалось посредством судебной практики [Ancel, Lequette 2006:V], что в особенности касается трансграничного права интеллектуальной собственности [Vivant, Bruguière 2025:107], в отсутствие прямого законодательного положения, применимого в данном деле, суду необходимо было сформулировать самому ту коллизионную норму, которая применима в данном деле.

Как в национальном авторском праве, так и в международных соглашениях (в первую очередь в Бернской конвенции) при решении вопроса о факте признания авторско-правовой охраны с давних пор и до сегодняшнего дня всплывают два критерия: территориальный (критерий опубликования) и личный (критерий гражданства автора / иногда его домицилия). Применяются они либо раздельно и независимо друг от друга, либо в какой-либо комбинации.

В частности если говорить о Бернской конвенции, то ранняя (1948) ее редакция в целях определения применимости Конвенции предусматривала критерий первого выпуска произведения в свет, а впоследствии (начиная со Стокгольмского пересмотра в 1967 г.) стала применяться гораздо более усложненная система критериев, позволяющих значительно расширить сферу действия конвенционных норм. Эти критерии применяются не в коллизионных целях, не в целях определения применимого права, а определяя сферу действия материально-правового конвенционного минимума, а также сферу применения национального режима стран-участниц [Каминская 2024:223].

Конвенция в итоге предусматривает признание имущественных прав авторов – граждан стран – членов Бернского Союза или имеющих там домицилий либо иных авторов в отношении произведений, выпущенных в свет впервые (либо одновременно) в одной из стран – членов Бернского Союза. Охрана произведений, которые не были выпущены в свет, происходит на основании не территориального, а личного критерия: гражданства или домицилия автора. Единичное исключение из совокупного действия личного и территориального критериев установлено для применения к установлению факта охраны произведения права страны его происхождения [Мазуйе 1982:45-46].

Сам по себе критерий места опубликования сходен с коллизионным критерием *lex loci actus,* так же как критерий гражданства – соответственно, с коллизионным критерием *lex personalis* в варианте *lex patriae* [Note anonyme 1890:675]. Однако в случае названных территориальных критериев французское право выказывало сходство только внешнее, терминологическое, и не давало оснований отождествлять их друг с другом. Критерий *lex loci actus* используется для решения коллизионного вопроса, т.е. вопроса о применимом праве. Так вопрос судом в рассматриваемом деле не ставился, да просто и не мог быть так поставлен в рассматриваемый исторический период. Авторское право Франции (как, впрочем, и любой другой страны) в то время находилось еще на начальном этапе своего становления и не обладало той степенью концептуальной разработанности и теми практическими качествами, которые были приобретены им позже и которые сейчас позволяют признать его образцовым.

Таким образом, суд, по сути, находился перед фундаментальным противостоянием двух потенциально применимых коллизионных норм: подчинение режима произведения личному статуту автора (1) или французскому праву как закону страны обнародования произведения (2).

1. Личный закон автора

Прежде всего, необходимо уточнить, что в XIX в. личный закон во Франции понимался в первую очередь как закон гражданства, а не как закон места жительства, что нашло отражение в решениях Кассационного суда Франции той эпохи, рассматривающего личный статус иностранного гражданина с точки зрения закона гражданства этого гражданина [Тариканов 2022:190]. Поэтому становится объяснимым, почему суд даже не поставил на обсуждение вопрос, может ли считаться личным статутом Шопена французское право, хотя местом постоянного жительства композитора на протяжении почти 20 лет до его смерти была Франция, на территории которой он пребывал и получал доход от концертной деятельности и где он обосновался в ходе совершения заграничного концертного турне незадолго до Польского восстания 1830 г. После подавления восстания императором Александром I вернуться в Варшаву композитор, горячо разделявший национально-революционный порыв своих соотечественников, уже не пожелал. С Францией были связаны и глубокие личные привязанности Шопена (в частности, к Марии Водзиньской). Он умер и был похоронен в Париже, завещав при этом перевезти и захоронить свое сердце в Варшаве.

Таким образом, личным законом Шопена, как отметил безапеляционно суд, являлось право Российской империи как право подданства композитора.

Удивительным образом применения личного закона автора требовал ответчик, которому, как мы выяснили выше, объективно применение российского права к сроку охран прав на произведения было невыгодно.

Изложенные выше обстоятельства сугубо личного и политического характера имели, как бы странно это ни показалось, прямое отношение к разрешению апелляционным судом правового вопроса об охране произведений. В описанной выше политической обстановке и при сложившемся во Франции отношении ко всему российскому, постановка вопроса о применении к данным отношениям французского права приобрела скорее негативный аспект. Вопрос скорее стоял о недопустимости применения права российского и в поиске аргументов, позволяющих привязать отношения по использованию произведений к праву Франции.

2. Французское право как право, подлежащее применению к охране произведений

Несмотря на то что вывод о факте предоставления французским правом авторско-правовой охраны был сделан апелляционным судом фактически на основании применения территориального критерия места опубликования произведения (a), такой результат – распространение на данные отношения сферы действия французского авторского права – был достигнут непрямым путем и с использованием косвенной аргументации – путем использования критерия автономии воли (b).

A. Французское право как закон опубликования произведения

Сколь странным это бы ни показалось на первый взгляд, больше всего о негативном подходе суда, о его истинном намерении избежать применения российского права говорит тот факт, что наиболее простой аргумент в пользу внешне намеченного результата (применения французского национального режима), аргумент объективный и беспроигрышный, судом как раз не приводился, хотя частое отсутствие истинных мотивов в решении – вещь, подчеркиваемая французскими авторами [Тариканов 2024:89]. Мы имеем в виду локализацию по месту опубликования произведения. Предпринимая действия в направлении распространения французского права на режим произведений Шопена, апелляционный суд обходит тем не менее молчанием один из постулатов, краеугольных камней французского международного частного права [Vivant 2020:193].

Собственно, локализация (как логический вывод о релевантности именно данной национальной правовой системы к регулированию каких-либо отношений, сделанный на основании конкретного фактического состава) [Лунц 2002:215-216] может проводиться по разным основаниям, отнюдь не исключая эмпирически, случайно сложившиеся. Примером в современном праве может служить положение п. 5 ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации, ограничивающее выбор применимого права в ситуации, когда конкретный договор через фактические обстоятельства, имеющие для него существенное значение, имеет «реальную связь» с иной правовой системой, чем избранная сторонами [Маковский 2014:535].

На момент рассмотрения спора во французской доктрине совершенно определенно сложилось убеждение о необходимости локализовать авторские отношения по месту опубликования произведения. Это убеждение опиралось на прочное правовое обоснование: доминирующую в то время проприетарную концепцию авторских прав.

В отличие от современного французского права, адепта естественно-правовых ценностей в авторском праве, безусловно отдающего приоритет так называемым моральным (личным неимущественным) авторским правомочиям в системе авторских прав, в рассматриваемый период моральные права были в праве Франции слабо признаваемы, а авторское право классифицировалось как разновидность права собственности. Э. Бартен видел в интеллектуальной собственности сходство по существу (хотя и с некоторыми отличиями) с узуфруктом [Бартен 2019:59-61]. Отсюда и аналогия с территориальным критерием *lex rei sitae* [Vareilles Sommières, Laval 2023:938], с той поправкой, что здесь учитывается и воля творческого субъекта: автор сам решает, где более перспективно для себя представить произведение публике.

Терминология, прослеживаемая в тексте комментируемого решения, говорит сама за себя: «продукт французской национальности» (un produit de la nationalité française), в смысле относимости к французскому праву (подобно «национальности» юридического лица); «считаются французскими произведениями» (sont considérées comme oeuvres françaises), т.е. на них распространяется режим охраны французским авторским правом.

Было бы ошибочным считать проприетарную конструкцию авторского права дефектной. На тот момент она широко применялась в национальном законодательстве (в том числе французском) как некий прием конструкционной экономии. Использовалась она для отражения монопольного характера имущественного авторского права и, надо признать, для своего времени свою задачу выполняла [Крупко 2021:113], [Каминская, Щербаков 2024:124].

Как показало время, авторское право и право интеллектуальной собственности в целом стали все больше отдаляться от вещно-правовой конструкции. Так, в российской доктрине исключительные права определялись А.Л. Маковским как права особые по своей природе, отличные от вещных и обязательственных тем, что характеризуются монополией (действующей против всех) ограниченного круга правообладателей на использование ограниченного круга объектов [Комментарий … 2025:139-140].

Признание за автором моральных прав знаменовало собой конец вещно-правовой модели интеллектуальной собственности (что, впрочем, не исключает отдельных случаев обращений к ней в доктрине и в правоприменительной практике) [Суханов 2017:72-73] [Каминская, Щербаков 2024:125].

В. Французское право как статут автономии воли

Апелляционный суд в данном деле не обратился ни к одному из двух продемонстрированный выше начал – краеугольных камней французского авторского права: локализации отношений с иностранным элементом по персональному статуту и локализации их по территориальному критерию – месту опубликования произведения [International Encyclopedia of Comparative Law 1976:F-83]. Преследуя этноцентристские цели, апелляционный суд опирал свои выводы исключительно на субъективные и относящиеся только к индивидуально сложившимся обстоятельствам соображения. Ключевым обоснованием вывода о распространении на произведения Шопена французского позитивного права послужил принцип автономии воли сторон при уступке исключительного права.

Основная претензия к построению апелляционным судом своей аргументации на принципе автономии воли должна носить формально-юридический характер.

С позитивной стороны (т.е. не как обоснование отрицания применимости российского права, а как обоснование распространения на опусы Шопена французского национального режима) судом был применен прием локализации авторского правоотношения по критериям, относящимся к режиму сделки. Произведения были признаны судом подпадающими под охрану французским правом («французскими произведениями») на основании того, что они: (1) были опубликованы на территории Франции (2) французским гражданином, (3) получившим права на это в силу договора об уступке авторских прав, заключенного во Франции и (4) прямо указавшим в качестве применимого к этому договору французского права. Факторами, позволяющими подчинить исключительные авторские права

французскому режиму, с которым тем самым признавалась их «реальная связь», были сочтены обстоятельства, относящиеся к статуту сделки.

Такое решение не вызвало бы возражений, если сфера законодательного регулирования в авторском праве Франции на тот момент предусматривала содержательные положения об охране авторских прав иностранцев. Этого, однако, не было: охранялись (по персональному критерию) права французов (в том числе в отношении произведений, опубликованных за пределами Франции), а иностранцам в отношении произведений на территории Франции предоставлялись лишь отдельные уголовно-правовые, но не гражданско-правовые способы защиты (ст. 1 Декрета от 28 марта 1852 г. «О контрафакции, совершаемой в отношении иностранных произведений») [Note anonyme … 1890:675]. Иными словами, объем охраны, предоставляемой на основании национального режима (провозглашенного ст. 11 Французского гражданского кодекса), на деле оказывался весьма беден [Nimmer, Geller 1988].

В ситуации значительной пробельности (по сути, фрагментарности) регулирования решение апелляционного суда заполняет этот почти полный вакуум положением об охране исключительных прав по договорным критериям и на договорном основании. Выше мы говорили о вещно-правовой концептуальной основе авторского права – основе, пусть архаичной, но имеющей некоторую правовую аналогию с исключительным правоотношением. В данном случае аналогия полностью отсутствует, и фактически суд проводит юридически неверную квалификацию.

Если принять также во внимание ту фикцию «гипотетической воли» сторон договора, с помощью которой суд обосновывал неприменимость личного статута к авторским отношениям, то и сама автономия воли как принцип в данном деле подверглась деформации. Цивилисты традиционно предостерегают от понимания права как «набора разрозненных правил, содержание которых определено только исходя из потребностей конкретной ситуации и профессионализма (или непрофессионализма) конкретного законодателя» [Маковский 2010:394-395]. В данном же случае возникает ощущение, по крайней мере, недостаточной обоснованности и произвольности решения.

Довод ответчика о необходимости разрешения спора по личному статуту Шопена был отвергнут на основании выстроенной судом фикции «молчаливого отказа» наследниц от личного статута их сына и брата в силу одного только факта заключения договора об уступке исключительных прав с условием о выборе французского права в качестве применимого к договору.

Этот вывод, не говоря даже о его неоправданной усложненности, с правовой точки зрения чрезвычайно уязвим и справедливо подвергся критике со стороны Э. Бартена. Тот отмечал, что применение французского права к данным отношениям следовало обосновывать не автономией воли сторон (добавим: воли гипотетической), а локализацией отношений по месту опубликования [Бартен 2019:56-66; Darras 2014:437].

Впрочем, суть данного решения может быть истолкована и иначе. Правовой вакуум нуждается в заполнении, и фрагментарное регулирование предпочтительней пробела. Предоставление отдельных разрозненных правомочий и любых, пусть недостаточно компенсаторных, способов защиты, применение паллиативных правовых схем, – все это можно рассматривать как отдельные шаги в направлении создания разработанной системы защиты. Вспомним, что французская судебная практика исторически выполняла нормотворческие функции в отношении неурегулированных или недостаточно урегулированных сфер отношений: деликтных, преддоговорных и т.д. [Bouche 2017:25].

А в качестве примера того, какими путями распространяет сферу национального режима на отношения с участием иностранных авторов современное российское право, приведем положения подп. 1 и 2 п. 1 ст. 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для предоставления охраны и признания исключительных прав требуется лишь одно: чтобы в отношениях присутствовал хотя бы один «российский элемент» – российское гражданство либо домицилий автора, нахождение произведения (даже необнародованного) в объективной форме на территории Российской Федерации [Каминская, Штодина, Штодина 2024:69].

Выводы

Стремление подвести конкретные отношения, хотя бы и осложненные иностранным элементом, под национальное регулирование являет собой случай хотя и не рядовой, но все же составляющий не самую большую редкость в международном частном праве.

Этноцентристская тенденция как демонстративно прагматичный подход к регулированию реализуется нагляднее всего законодательным путем. Наиболее яркими примерами тому могут служить односторонние коллизионные нормы; оговорка о публичном порядке, сверхимперативные нормы и все прочие виды escape clauses – законодательных ограничений применения *lex extranea;* проведение квалификации коллизионных норм lege fori.

Экспансия *lex fori* может проявиться и иначе. В ситуациях, не охваченных законодательным регулированием, она порой находит место в правоприменительной практике.

В первом из приведенных случаев в законе специально очерчиваются определенные, объективно выверенные сферы особого государственного интереса (в частности, распространение его действия на режим особо ценных и невозобновляемых объектов – земельных участков). Во втором же случае речь уже не просто о специальных нормах. Экспансия *lex fori* проявляется эмпирически, в виде, если можно так выразиться, всплесков суверенного самосознания правоприменителя.

Один из подобных казусов с нашим комментарием был предложен вниманию читателей. Как представляется, он может вызвать одновременно и живой интерес, и критическую реакцию специалистов в международном частном праве и в праве интеллектуальной собственности. Аргументация Апелляционного суда Парижа при вынесении данного решения в конце XIX в., увиденная с позиции современного права, при всей своей несомненной конъюнктурности (доходящей до судейского произвола), в чем-то неожиданно демонстрирует и прогрессивность. Она фактически предвосхитила (или все же уловила?) некоторые пути развития права в будущем.

В любом случае при аргументации своих выводов Апелляционный суд Парижа столь неожиданно широко использовал ссылки на факты и обстоятельства сугубо субъективного характера, что это не может не обратить на себя внимание специалистов. История данного дела демонстрирует попытку создания схемы регулирования, очень близко подходящей к индивидуализированной (что в целом позитивному праву не свойственно).

Список литературы

1. Бартен Э.-А. 2019. *Основы международного частного права согласно французскому закону и судебной практике.* Т. 3. Москва: Статут.
2. Мазуйе К. 1982. *Комментарий к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений.* Москва: Прогресс.
3. Бирюков М.Б. 2022. История авторского права в России. – *Молодой ученый*. Т. 440. № 45. С. 108-112.
4. Губе К. 1877. *Гражданские законы губерний Царства Польского.* Варшава.
5. Дюма Р. 1993. *Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции*. 2-е изд. Пер. с фр. Москва: Международные отношения.
6. Каминская Е.И. 2024. Определение обладателя первичных авторских прав по российскому международному частному праву. – М*еждународные экономические отношения: публично-правовое и частноправовое регулирование: сборник статей в честь 100-летия со дня рождения М. М. Богуславского.* Отв. ред. С.И. Крупко. Москва: Норма.
7. Каминская Е.И., Штодина И.Ю., Штодина Д.Д. 2024. Охрана авторских прав: космополитизм международного частного права РФ на фоне коллапса международного права. – *Труды по интеллектуальной собственности.* Т. 48. № 1. С. 62-73.
8. Каминская Е.И., Щербаков А.А. 2024. Еще раз о правах интеллектуальных и вещных. Так ли непреодолима разделяющая их грань? – *Труды по интеллектуальной собственности.* Т. 51. № 4. С. 123-132.
9. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный).* В 2-х т. Т. 1. 2025. Отв. ред. Е.А. Павлова. 2-е изд. Москва: Статут.
10. Крупко С.И. 2021. Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования интеллектуальной собственности. – *Государство и право*. № 8. С. 110-119.
11. Лунц Л.А. 2002. Курс международного частного права. В 3-х т. (по изданию 1-го тома 1973 г., том 3 в соавторстве с Н.И. Марышевой). Москва: Спарк.
12. Маковский А.Л. 2010. О кодификации гражданского права (1922–2006). Москва: Статут.
13. Маковский А.Л. 2014. Комментарий к статье 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации. – Марышева Н.И., Ярошенко К.Б. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный)*. 4-е изд. Москва: Юридическая фирма «Контракт».
14. Рейнке Н.М. 1909. *Очерк русско-польского междуобластного частного права.* Санкт-Петербург: Сенатская типография.
15. Сергеев А.П. 1996. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Москва: Теис.
16. Суханов Е.А. 2017. Вещное право: научно-познавательный очерк. Москва: Статут.
17. Тариканов Д.В. 2022. Иностранные судебные решения о личном статусе во французском правопорядке. – *Закон*. № 11. С. 188-197.
18. Тариканов Д.В. 2024. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве. – *Журнал российского права*. Т. 28. № 3. С. 80-92.

19. Тютрюмов И.М. 2004. *Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов.* Сост. И.М. Тютрюмов. Книга третья. Москва: Статут.
20. Ancel B., Lequette Y. 2006. *Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé.* 5ème éd. Paris: Dalloz.
21. Bouche N. 2017. *Intellectual Property Law in France.* 3d ed. The Hague: Kluwer Law International BV.
22. Darras A. 2014. *Du droit des auteurs and des artistes dans les rapports internationaux.* Primary Source Edition, BiblioLife.
23. Dusollier S. 2019. International Fragmentation of Copyright Duration: The Only Place Where the Little Prince and Anne Frank Grow Old. – *Pluralism or Universalism in International Copyright Law.* Information Law Series. Ed. by T.E. Synodinou. Vol. 43. The Hague: Kluwer Law International BV.
24. *International Encyclopedia of Comparative Law.* Vol. 1: National Reports. 1976. Tübingen: Mohr Siebeck; The Hague: Monton; Paris.
25. Nimmer M.B., Geller P.E. 1988. *International Copyright Law and Practice.* Vol. 1-2. New York: Matthew Bender.
26. Note anonyme sous Cour d'appel de Paris du 22 novembre 1888. 1890. – *Journal de droit international (Clunet).* P. 675.
27. Vareilles Sommières de P., Laval S. 2023. *Droit international privé.* 11ème éd. Paris: Dalloz.
28. Vivant M. 2020. *Les grands arrêts de la propriété intellectuelle.* 3ème éd. Paris: Dalloz.
29. Vivant M., Bruguière J.-M. 2025. *Droit d'auteur et droits voisins.* 5ème éd. Paris: Dalloz.

References

1. Barten E.-A. *Osnovy mezhdunarodnogo chastnogo prava soglasno frantsuzskomu zakonu i sudebnoj praktike [Principles of international private law according to French legislation and jurisprudence].* Vol. 3. Moscow: Statut. 2019. (In Russ.)
2. Mazuje K. *Kommentarij k Bernskoj konventsii ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij [Commentary to Berne Convention on protection of literary and artistic works].* Moscow: Progress. 1982. (In Russ.)
3. Birjukov M.B. Istorija avtorskogo prava v Rossii [History of copyright in Russia]. – *Molodoj uchenyj [Young scientist].* 2022. Vol. 440. № 45. P. 108-112. (In Russ.)
4. Gube K. *Grazhdanskije zakony gubernij Tzarstva Pol'skogo [Civil Laws of the provinces of the Kingdom of Poland].* Varsaw. 1877. (In Russ.)
5. Djuma R. *Literaturnaja i hudozhestvennaja sobstvennost'. Avtorskoje pravo Frantzii [Literary and artistic property. Copyright in France].* 2nd ed. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnyje otnoshenija. 1993. (In Russ.)
6. Kaminskaya E.I. Opredelenije obladatelja pervichnyh avtorskih prav po rossijskomu mezhdunarodnomu chastnomu pravu [Determination of the author as primary copyright holder under Russian private international law]. – *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnoshenija: publichno-pravovoe i chastno-pravovoe regulirovanie: sbornik statej v chest' 100-letija so dnia rozhdenija M.M.Boguslavskogo [International economic relations: public law and private law regulation. Liber amicorum in honor of professor, doctor in law, doctor honoris causa Mark M.Boguslavsky].* Ed. by S.I. Krupko. Moscow: Norma. 2024. (In Russ.)
7. Kaminskaya E.I., Shtodina I.Ju., Shtodina D.D. Ohrana avtorskih prav: kosmopolitizm mezhdunarodnogo chastnogo prava RF na fone kollapsa mezhdunarodnogo prava [Copyright protection: the cosmopolitanism of private international law in the Russian Federation against the background of the collapse of international law (Russian law and practice taken in international context)]. – *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti [Works on intellectual property].* 2024. Vol. 48. № 1. P. 62-73. (In Russ.)
8. Kaminskaya E.I., Shcherbakov A.A. Eshchio raz o pravah intellektual'nyh i veshchnyh. Tak li nepreodolima razdeljajushchaja ih gran'? [Once again about intellectual and property rights. Is the line separating them so insurmountable?] – *Trudy po intellektual'noj sobstven-nosti [Works on intellectual property].* 2024. Vol. 51. № 4. P. 123-132. (In Russ.)
9. *Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatzii (postatejnyj) [Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (itemized)].* Ed. by E.A. Pavlova. In 2 vol. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Statut. 2025. (In Russ.)
10. Krupko S.I. Proprietarnyj aspekt iskljuchital'nyh prav kak normoobrazujushchij faktor v sfere kollizionnogo regulirovanija intellektual'noj sobstvennosti [Proprietary aspect of exclusive rights as norm-forming factor in the field of conflict-of-laws governing of intellectual proper-ty]. – *Gosudarstvo i pravo [State and law].* 2021. № 8. P. 110-119. (In Russ.)
11. Luntz L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava [Course of international private law].* In 3 vol. (after edition of vol.1 in 1973 r., vol. 3 in co-authorship with N.I. Marysheva). Moscow: Spark. 2002. (In Russ.)
12. Makovskiy A.L. *O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006) [On the codification of Russian private law (1922–2006)].* Moscow: Statut. 2010. (In Russ.)
13. Makovskiy A.L. Kommentarij k statje 1188 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatzii (postatejnyj) [Commentary to Art.1188 of the Civil Code of the Russian Federation (itemized)]. – Marysheva N.I., Jaroshenko K.B. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti tret'ej (postatejnyj) [Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (by Article)].* 4th ed. Moscow: Juridicheskaja firma «Kontrakt». 2014. (In Russ.)
14. Rejnke N.M. *Ocherk russko-pol'skogo mezhduoblastnogo chastnogo prava [Study of Russian and Polish interregional private law].* Saint Petersbourg: Senatskaya tipografija. 1909. (In Russ.)
15. Sergeev A.P. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federatzii [Intellectual property right in Russian Federation].* Moscow: Teis. 1996. (In Russ.)
16. Suchanov E.A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyj ocherk [Right of property: a scientific and cognitive study].* Moscow: Statut. 2017.
17. Tarikanov D.V. Inostrannye sudebnye reshenija o lichnom statuse vo frantzuzskom pravoporjadke [Foreign legal decisions on personal statute under French jurisdiction]. – *Zakon [Legislation].* 2022. № 11. P. 188-197. (In Russ.)
18. Tarikanov D.V. Vzaimosvjaz' kvalifikatzii i publichnogo porjadka v mezhdunarodnom chastnom prave [Interrelations between characterization and public order

in international private law]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]*. 2024. Vol. 28. № 3. P. 80-92. (In Russ.)
19. Tjutrjumov I.M. *Zakony grazhdanskie s paz'jasnenijami Pravitel'stvujushchego Senata i kommentarijami russkih juristov. Sostavil I.M. Tjutrjumov [Civil statutes as clarified by the Gouverning Senate and commented by Russian lawyers. Compiled by I.M. Tjutrjumov]*. Book three. Moscow: Statut. 2004. (In Russ.)
20. Ancel B., Lequette Y. *Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé*. 5ème éd. Paris: Dalloz. 2006.
21. Bouche N. *Intellectual Property Law in France*. 3d ed. The Hague: Kluwer Law International BV. 2017.
22. Darras A. *Du droit des auteurs and des artistes dans les rapports internationaux*. Primary Source Edition, BiblioLife. 2014.
23. Dusollier S. International Fragmentation of Copyright Duration: The Only Place Where the Little Prince and Anne Frank Grow Old. – *Pluralism or Universalism in International Copyright Law*. Rd. by T.E. Synodinou. Information Law Series. Vol. 43. The Hague: Kluwer Law International BV. 2019.
24. *International Encyclopedia of Comparative Law*. Vol. 1: National Reports. Tübingen: Mohr Siebeck; The Hague: Monton; Paris. 1976.
25. Nimmer M.B., Geller P.E. *International Copyright Law and Practice*. Vol. 1-2. New York: Matthew Bender. 1988.
26. Note anonyme sous Cour d'appel de Paris du 22 novembre 1888. – *Journal de droit international (Clunet)*. 1890. P. 675.
27. Vareilles Sommières de P., Laval S. *Droit international privé*. 11ème éd. Paris: Dalloz. 2023.
28. Vivant M. *Les grands arrêts de la propriété intellectuelle*. 3ème éd. Paris: Dalloz. 2020.
29. Vivant M., Bruguière J.-M. D*roit d'auteur et droits voisins*. 5ème éd. Paris: Dalloz. 2025.

Информация об авторах

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Дмитрий Викторович ТАРИКАНОВ
Доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Ирина Юльевна ШТОДИНА
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Ilc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

About the Authors

Elena I. KAMINSKAYA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Sergey Lebedev Department of Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Dmitry V. TARIKANOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor of Sergey Lebedev Department of Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Irina Yu. SHTODINA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Ilc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-139-150

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 07.12.2025
Принята к публикации: 20.02.2026

Елена Юрьевна МАТВЕЕВА
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский пр-т, 49/2, Москва, 125167, Российская Федерация
eyumatveeva@fa.ru
ORCID 0000-0003-4166-8659

О ПЕРСПЕКТИВАХ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СТРАНАХ – БЫВШИХ РЕСПУБЛИКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ

ВВЕДЕНИЕ. *В статье анализируются перспективы кодификации гражданского права в государствах, возникших на территории бывшей Югославии, в контексте романо германской правовой семьи и современных тенденций к системной кодификации частного права. Исследование охватывает Боснию и Герцеговину, Северную Македонию, Сербию, Словению, Хорватию и Черногорию и выявляет, как историческое развитие, югославское правовое наследие и постсоциалистические трансформации повлияли на современные кодификационные повестки. Показано, что, несмотря на многолетние дискуссии и разработанные проекты, эти страны по прежнему не имеют единого гражданского кодекса, а регулирование частноправовых отношений остается фрагментированным.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Методологическую основу составляют сравнительно правовой, историко правовой и институциональный анализ. Эмпирическая база включает национальное законодательство шести постъюгославских государств, прежде всего акты, регулирующие вещные, обязательственные и семейные отношения, а также официальные документы и материалы кодификационных комиссий. Исследование опирается на научную литературу на нескольких языках, включая работы по кодификации гражданского права в Центральной и Восточной Европе; при этом в историко правовом анализе специально учитывается влияние Австро Венгерского гражданского уложения.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Анализ показывает, что шесть постъюгославских государств демонстрируют различные модели развития гражданского права. В Северной Македонии, Сербии и Черногории действуют масштабные кодификационные проекты, однако движение к принятию гражданских кодексов остается неравномерным и политически уязвимым. Словения и Хорватия продолжают опираться на югославский Закон об обязательственных отношениях, модернизируя его поэтапными реформами вместо принятия единого кодекса. В Боснии и Герцеговине общегосударственную кодификацию серьезно затрудняет сложное конституционное устройство. Во всем регионе сохраняется влияние югославской модели регулирования частного права через набор профильных законов; к этому добавляется историческое воздействие Австро Венгрии и опора на Австрийское гражданское уложение при формировании институтов вещного и обязательственного права.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Анализ показал, что постъюгославские государства находятся*

на разных стадиях кодификации гражданского права: от продвинутых проектов гражданских кодексов в Северной Македонии, Сербии и Черногории до более осторожной стратегии поэтапных реформ в Словении и Хорватии и серьезно затрудненной общегосударственной кодификации в Боснии и Герцеговине. Ключевым условием продвижения выступает политическая воля, без которой даже детально проработанные проекты остаются на уровне экспертных инициатив. При этом научные сообщества всех рассматриваемых стран в целом единодушны в оценке кодификации гражданского права как необходимой и желательной цели, обеспечивающей системность и предсказуемость правового регулирования. Процесс кодификации находится под влиянием устойчивых исторических паттернов: австро-венгерского правового наследия и особого социалистического пути федеративной Югославии, опиравшейся на Закон об обязательственных отношениях вместо классического гражданского кодекса. Эти слои традиции задают различающиеся стартовые позиции и модели возможной кодификации, но не отменяют базовой направленности развития: движение к кодификации гражданского права во всех проанализированных странах, пусть и в неодновременных и институционально разных формах, во многом предопределено принадлежностью к романо-германской правовой семье и задачами европейской интеграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *кодификация, гражданское право, постъюгославские страны, правовая система, гражданский кодекс, правовая унификация*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матвеева Е.Ю. 2026. О перспективах кодификации гражданского права в странах – бывших республиках Социалистической Федеративной Республики Югославия. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 139–150. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-139-150

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-139-150

Research article
UDC: 341
Received 7 December 2025
Approved 20 February 2026

Elena Yu. MATVEEVA
Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2, Leningradsky Ave., Moscow, Russian Federation, 125167
eyumatveeva@fa.ru
ORCID 0000-0003-4166-8659

ON THE PROSPECTS OF CIVIL LAW CODIFICATION IN THE FORMER YUGOSLAV REPUBLICS

INTRODUCTION. *The article analyses the prospects for the codification of civil law in the states that emerged on the territory of the former Yugoslavia within the framework of the Romano-Germanic legal family and contemporary trends towards systematic codification of private law. The study covers Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Slovenia, Croatia and Montenegro, and identifies how historical development, the Yugoslav legal legacy and post-socialist transformations have shaped their current codification agendas. It is shown that, despite decades of discussion and the preparation of draft codes, these states still lack a unified civil code, and the regulation of private-law relations remains fragmented.*

MATERIALS AND METHODS. *The methodological basis of the study consists of comparative-law,*

historical-legal and institutional analysis. The empirical basis includes the national legislation of the six post-Yugoslav states, primarily statutes governing property, obligations and family relations, as well as official documents and materials of codification commissions. The research further relies on academic literature in several languages, including works on civil-law codification in Central and Eastern Europe; in the historical-legal part particular attention is paid to the impact of the Austrian Civil Code and the broader Austro-Hungarian legal legacy.

RESEARCH RESULTS. *The analysis shows that the six post-Yugoslav states display different models of civil-law development. In North Macedonia, Serbia and Montenegro large-scale codification projects are underway, yet progress towards the adoption of civil codes remains uneven and politically vulnerable. Slovenia and Croatia continue to rely on the Yugoslav Law on Obligations, modernising it through incremental reforms instead of enacting a single civil code. In Bosnia and Herzegovina, state-wide codification is seriously hampered by its complex constitutional structure. Throughout the region, the Yugoslav model of regulating private law through a set of specialised statutes retains its influence; this is complemented, in several jurisdictions, by the historical impact of Austria-Hungary and reliance on the Austrian Civil Code in the development of property- and obligations-law institutions.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The analysis demonstrates that the post-Yugoslav states are at different stages of civil-law codification: from advanced civil-code projects in North Macedonia, Serbia and Montenegro to a more cautious strategy of step-by-step reforms in Slovenia and Croatia and significantly constrained state-wide codification in Bosnia and Herzegovina. A key condition for progress is political will, without which even thoroughly elaborated drafts remain at the level of expert initiatives. At the same time, the academic communities in all the countries considered are broadly unanimous in viewing civil-law codification as a necessary and desirable goal that enhances the coherence and predictability of legal regulation.*

The codification process is shaped by persistent historical patterns: the Austro-Hungarian legal heritage and the specific socialist trajectory of the Yugoslav federation, which relied on the Law on Obligations instead of a classical civil code. These layers of tradition determine differing starting points and models of possible codification, but do not negate the basic direction of development: movement towards civil-law codification in all the countries analysed, albeit in asynchronous and institutionally diverse forms, is largely predetermined by their belonging to the Romano-Germanic legal family and by the requirements of European integration.

KEYWORDS: *codification, civil law, post-Yugoslav countries, legal system, civil code, legal unification*

FOR CITATION: Matveeva E.Yu. On the Prospects of Civil Law Codification in the Former Yugoslav Republics. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 139–150. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-139-150

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Вопросы кодификации гражданского права традиционно находятся в центре научного и законодательного внимания в странах континентальной Европы, поскольку именно системность и полнота кодификации обеспечивают юридическую определенность и предсказуемость. На постъюгославском пространстве (Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Северная Македония, Хорватия, Словения) до сих пор сохраняется сегментарная структура гражданского законодательства, унаследованная от времен Социалистической Федеративной Республики Югославии (далее - СФРЮ), федеративного государства, существовавшего в 1945–1992 гг., что порождает фрагментарную регламентацию, несогласованность, терминологические расхождения между отдельными законами и затрудняет развитие современных правовых институтов. Повышенная актуальность проблемы ускоряется процессами евроинтеграции, необходимостью гармонизации национального законодательства с правом Европейского союза (далее – ЕС), а также потребностями внутренней модернизации права для защиты прав и законных интересов участников гражданско-правового оборота.

Проблематика кодификации гражданского права в странах бывшей Югославии активно

исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Однако сравнительные и комплексные исследования, охватывающие весь спектр правовых, историко-культурных и политических препятствий на пути к кодификации, пока ограничены, что обусловливает необходимость дальнейшего научного анализа как теоретических, так и практических аспектов этой темы.

Анализ перспектив кодификации гражданского права в странах Балканского региона важен для научного осмысления процессов правовой модернизации в постсоциалистических обществах. Обобщение сравнительного опыта способствует более точному пониманию нынешних тенденций гармонизации гражданско-правового регулирования в Европе и моделей реформирования гражданского законодательства в странах бывшей Югославии.

Такие страны Южной Европы, как Албания, Босния и Герцеговина, Греция, Испания, Италия, Португалия, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория являются типичными представителями континентального права.

Общепризнанно, что романо германская правовая семья характеризуется следующими признаками: кодификация, иерархичность системы источников, отраслевое деление, разграничение частного и публичного права, формирование на основе рецепции римского права, ограниченная роль судебного прецедента [Общая теория … 1998:183; Жидков 1971:50-57]. А.С. Пиголкин подчеркивает, что именно кодификация характеризует формирование романо германской правовой семьи как целостного явления [Общая теория … 1998:183]. Аналогичное мнение высказывает О.Д. Жидков [Жидков 1971:50-57]. Р. Давид и К. Жоффре-Спинози указывают, что техника кодификации ознаменовала «новый период в истории романо-германской правовой семьи» [Давид, Жоффре-Спинози 1999:48] и одновременно стала базой для экспансии романо-германской правовой семьи [Давид, Жоффре-Спинози 1999:29] в Латинской Америке, Африке, странах Ближнего Востока, Японии, Индонезии. Как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, для германской и романской правовых семей характерно стремление к созданию абстрактных правовых норм и «к охвату всей сферы права хорошо структурированной системой» [Цвайгерт, Кетц 2000:110], что на институциональном уровне в сфере частного права реализуется прежде всего через кодификацию. В современной российской доктрине кодификации частного права подчеркивается, что отраслевые и специальные кодификации, широко реализованные в государствах романо-германской правовой семьи в XVIII–XIX вв., опираются на убеждение в самодостаточности нормативного содержания кодекса, понимаемого как базовый сводный акт, обеспечивающий единообразное регулирование и претензии на исчерпывающий характер регулирования соответствующей сферы общественных отношений. Как отмечает представитель научной школы МГИМО А.М. Михайлов, идея «законченности» и «полноты» нормативного содержания кодекса признается ключевой не только в романо-германской традиции, но и в целом для современных представлений о кодификации[1] [Михайлов 2026:400].

Вместе с тем в ряде стран Южной Европы не утвердилась модель единой кодификации гражданского права *(табл. 1)*.

Таблица 1

Кодификация гражданского права в странах Южной Европы

Страна	*Единый гражданский кодекс*	*Основной акт, особенности*
Албания	да	Гражданский кодекс (1994)
Босния и Герцеговина	нет	комплекс законов
Греция	да	Гражданский кодекс (1946)
Испания	да	Гражданский кодекс (1889)
Италия	да	Гражданский кодекс (1942)
Португалия	да	Гражданский кодекс (1966)
Северная Македония	нет	комплекс законов
Сербия	нет	комплекс законов
Словения	нет	комплекс законов
Хорватия	нет	комплекс законов
Черногория	нет	комплекс законов

[1] Михайлов А.М. *Юридическая доктрина и правовая идеология.* Учебник для вузов. М.: Юрайт. 2026. 711 с. URL: httpsurait.rubcode588507p.39 (дата обращения: 17.02.2026).

Таким образом, только в шести из одиннадцати стран Южной Европы, представляющих романо-германскую правовую семью (Словения, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Хорватия и Черногория) гражданское право не кодифицировано, что, безусловно, говорит о правовом своеобразии данного макрогеографического региона, создаваемом бывшими республиками Югославии.

Профессор Е.А. Суханов пишет, что «своеобразная законодательная ситуация сложилась в правопорядках балканских государств, гражданское законодательство которых традиционно остается некодифицированным» [Суханов 2012:199-229], и справедливо указывает, что такая ситуация «в настоящее время никак не может считаться „современным европейским стандартом" для каких-либо национальных правопорядков» [Суханов 2012:199-229]. Действительно, ситуация с некодифицированным гражданским правом, с регулированием гражданско правовых отношений через комплекс различных законов – о договорах, обязательствах, собственности и т.д. – вряд ли может считаться целесообразной. Еще в начале XX века выдающийся русский цивилист Г.Ф. Шершеневич писал, что только кодификация способна выявить пробелы, скрываемые в массе разрозненных законов, а ее достоинства определяются полнотой материала, единством начал, наглядностью системы и ясностью языка [Шершеневич 1995:48-49].

Следует более подробно осветить вопрос, почему бывшие республики СФРЮ в настоящее время, в отличие от большинства европейских стран, имеют некодифицированное гражданское право. Как известно, в состав европейских стран социалистического лагеря входили Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Болгария, ГДР, Албания и собственно Югославия. Российское гражданское право (РСФСР) кодифицировано с 1922 г.; после образования СССР все союзные республики также имели гражданские кодексы. По окончании Второй мировой войны все новые социалистические государства, за исключением Югославии, кодифицировали гражданское право. И в СССР, и в странах соцлагеря кодификация гражданского права рассматривалась как способ создания единого стандарта социалистических имущественных отношений, контроля над экономикой и правовой унификации. Гражданские кодексы позволяли закрепить системные основы социалистической концепции собственности и гражданско правового договора в условиях ограниченной сферы частноправовых отношений.

Причиной «уникальности» Югославии и отсутствия кодифицированного гражданского права в этом государстве является особая модель государственного устройства: федерация из шести республик и двух автономных краев с высокой степенью политической, экономической и культурной автономии. Каждая югославская республика получила широкие полномочия по принятию собственных законов, формированию правительств и управлению экономикой, что усиливало местный юридический суверенитет. Кроме того, в отличие от советской модели, Югославия с 1950 х гг. развивала принцип социалистического рабочего самоуправления (samoupravni socijalizam), при котором управление предприятиями, учреждениями и даже муниципалитетами переходило к трудовым коллективам и самоуправляющимся организациям. Югославский путь социализма не имел аналогов среди других стран соцлагеря и рассматривался как «третий путь» между советским социализмом и западным капитализмом. Уникальная федеративная структура и политика самоуправления способствовали фрагментарному, децентрализованному регулированию гражданского права без единого кодифицированного акта: вместо гражданского кодекса были приняты отдельные законы – Закон об основных имущественных отношениях 1980 г., Закон о наследовании 1965 г. и Закон об обязательствах 1978 г. [Ampovska, Ilioski 2020:71-88].

Следует указать также, что «фрагментарный подход», принятый в Югославии, имел и исторические корни. Как пишет профессор Е.А. Суханов, свою роль в таком подходе сыграло длительное действие на Балканах австрийского Общего гражданского уложения (далее – ABGB) [Суханов 2012:199-229]. Австрийское гражданское уложение 1811 г., которому долго подчинялись значительные части будущей Югославии, не имело обособленной общей части в пандектном смысле и исторически развивалось по институционной системе. Исследователи отмечают, что и в настоящее время развитие национального законодательства Австрии во многом идет путем принятия многочисленных специальных законов помимо ABGB [Kathrein 2006:61-86]. Традиция «секторальной» кодификации (принятие ключевых законов по отдельным институтам вместо единого кодекса) для Балкан и Восточной Европы уходит корнями во влияние ABGB.

После распада СФРЮ ключевые законы (об обязательствах, о наследовании и об имущественных отношениях) долгое время служили основой гражданско правового регулирования во всех республиках бывшей Югославии *(табл. 2)*. Профессора Marija Ampovska и Risto Ilioski справедливо отмечают, что именно эти три закона стали базой, на которой бывшие югославские республики начали строить собственные частичные кодификации гражданского права [Ampovska, Ilioski 2020:71-88]. В Сербии и Черногории указанные законы до сих пор действуют в обновленных редакциях; в Словении, Северной Македонии и Хорватии в начале 2000 х гг. были приняты новые законы, однако их структура и содержание во многом восходят к югославским актам. В Боснии и Герцеговине сложилась смешанная модель, в которой в одних частях страны сохраняются старые законы, а в других действует местное законодательство [Ampovska, Ilioski 2020:71-88].

Таблица 2

Действие основных Югославских законов в современных государствах

Закон Югославии	*Словения*	*Хорватия*	*Сербия*	*Черногория*	*Босния и Герцеговина*	*Северная Македония*
Закон об обязательствах 1978 г.	Новый с 2001 г. Офиц. изд.: Uradni list RS	Новый с 2005 г. Офиц. изд.: Narodne novine	Действует с изменениями. Офиц. изд.: Službeni glasnik RS	Действует с изменениями. Офиц. изд.: Službeni list CG	Действует в регионах (1978/ национальные после 1995 г.). Офиц. изд. субъектов	Новый с 2001 г. Офиц. изд.: Službеn vesnik na RSM
Закон о наследовании 1965 г.	Новый с 1995 г. Офиц. изд.: Uradni list RS	Новый с 2003 г. Офиц. изд.: Narodne novine	Действует с изменениями. Офиц. изд.: Službeni glasnik RS	Действует с изменениями. Офиц. изд.: Službeni list CG	Основа национальных актов (1997/2006 гг.). Офиц. изд. субъектов	Новый с 1996 г. Офиц. изд.: Službеn vesnik na RSM
Закон об основных имущественных отношениях 1980 г.	Новый с 2002 г. Офиц. изд.: Uradni list RS	Новый с 1996 г. Офиц. изд.: Narodne novine	Действует с изменениями. Офиц. изд.: Službeni glasnik RS	Действует с изменениями. Офиц. изд.: Službeni list CG	Влияние на местные законы (после 1996 г.). Офиц. изд. субъектов и кантонов	Новый с 2001 г. Офиц. изд.: Službеn vesnik na RSM

Таким образом, все постъюгославские государства унаследовали с социалистических времен югославскую модель сегментарного регулирования гражданского права.

Е.А. Суханов в работе «Восточноевропейские кодификации гражданского и торгового права» [Суханов 2012] уделил пристальное внимание состоянию кодификации гражданского права в балканских государствах. Настоящее исследование ставит задачей проанализировать, как изменилась ситуация и как в настоящий момент, в начале 2026 г., государства – правопреемники СФРЮ (Словения, Хорватия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Северная Македония) относятся к возможности, целесообразности и перспективам единой кодификации гражданского права в своих странах.

2. Босния и Герцеговина

Действующая система гражданского права в стране сложилась из совокупности югославского и локального законодательства. При этом среди бывших югославских республик Босния и Герцеговина является субъектом с наиболее фрагментированным гражданским правом. Страна в настоящее время имеет сложную систему регулирования гражданского и коммерческого (торгового) права, обусловленную федеративным государственно-территориальным устройством и наличием двух основных субъектов – Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской, а также отдельного правового режима для Брчко.

Согласно Дейтонскому соглашению 1995 г.[2], закрепившему конституционную структуру

[2] General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Peace Agreement), initialed in Dayton on 21 November 1995 and signed in Paris on 14 December 1995. URL: https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/ (accessed date: 18.02.2026).

Боснии и Герцеговины с двумя энтитетами (Федерацией Боснии и Герцеговины и Республикой Сербской), в сфере гражданского права отсутствует полное правовое единообразие: значительная часть частноправового регулирования относится к компетенции энтитетов и нижестоящих административных единиц. В результате в различных частях страны действуют свои законы об обязательствах, законы о наследовании, законы о вещных правах, семейные законы и иные специализированные акты. Коммерческая деятельность регулируется Коммерческим кодексом и специализированными законами. Это приводит к фрагментации, коллизиям и неоднородности регулирования, что признают и юристы, и ученые [Ampovska, Ilioski 2020:15-28; Povlakić 2024:291-317].

Идея кодификации гражданского права Боснии и Герцеговины обсуждается в академических и экспертных кругах как желательная мера для унификации и модернизации регулирования на всем государственном уровне [Ampovska, Ilioski 2020:15-28]. Конституционные и этнополитические особенности Боснии и Герцеговины часто рассматриваются как препятствие для унификации и кодификации гражданского права – из за раздробленности государственных органов, различий национальных культур и неоднородности законодательства в различных субъектах страны. Профессора Marija Ampovska и Risto Ilioski подчеркивают, что в Боснии и Герцеговине «нет единства или общей тенденции к гармонизации в государстве, то есть между субъектами» [Ampovska, Ilioski 2020:15-28]. Согласно Докладу Парламентской ассамблеи Совета Европы о Боснии и Герцеговине 2024 г., перед государством встает прежде всего задача конституционной реформы [Németh, Nikoloski 2024].

Таким образом, на сегодняшний день правительственных инициатив по кодификации гражданского права на общегосударственном уровне не реализуется хотя бы потому, что у государства Босния и Герцеговина нет соответствующих конституционных полномочий: регулирование гражданского права (договорного, деликтного, вещного, семейного, наследственного и т.д.) относится к компетенции Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и округа Брчко [Povlakić 2024:291-317]. Вместе с тем профессор Meliha Povlakić указывает, что определенные конституционные механизмы позволяют принять единый Гражданский кодекс на федеральном уровне, в частности, посредством передачи части юрисдикции от субъектов государству Босния и Герцеговина в порядке ст. III.5 Конституции; ключевым условием остается политическая воля [Povlakić 2024:291-317].

3. Северная Македония

В общественной жизни, научной литературе и среди практикующих юристов сформировалась устойчивая позиция о необходимости кодификации гражданского права в Северной Македонии [Zhivkovska, Przheska 2014:253-254]. Этот вопрос активно обсуждается уже более пятнадцати лет. Подчеркивая важность кодификации, Nikola Dacev отмечает, что Гражданский кодекс должен предоставить гражданам и юридическим лицам в рамках одного всеобъемлющего и согласованного акта систематизированный свод гражданских прав, что упростит их применение и усилит превентивную функцию гражданско правовых институтов [Dacev, Miska 2024:15-27]. В целом кодификация гражданского права воспринимается как элемент евростратегии страны, направленный на внутреннее реформирование системы права, ее совместимость с правом ЕС и повышение прозрачности для иностранных инвесторов.

По данным профессора юридического факультета Iustinianus Primus университета «Св. Кирилл и Мефодий» Т. Пржешка, проект кодификации, инициированный Министерством юстиции в 2009 г. и формально продолженный решением правительства 2011 г. о создании Комиссии, к 2020-м годам столкнулся с институциональными и политическими препятствиями: отсутствие стабильности массивов специальных законов и слабая поддержка со стороны органов власти тормозят работу над проектом [Przheska 2025]. В 2022 г. обсуждался вопрос о продолжении «полной» кодификации либо переходе к поэтапной модели через принятие отдельных кодексов (Property Code, Obligations Code, Family Code, Succession Code), причем именно такая «мини-кодификация» оценивается Т. Пршешка как более реалистичный путь к будущему единому Гражданскому кодексу [Przheska 2025].

С 2011 г. в Северной Македонии действует специальная комиссия Министерства юстиции по подготовке проекта Гражданского кодекса [Dacev 2021]. Новый кодекс должен кодифицировать и актуализировать нормы, разрознено изложенные в действующих законах, и заменить Закон об обязательствах 2001 г., Закон о собственности

и других вещных правах 2001 г., Закон о наследовании 1996 г. и Семейный закон 1992 г. [Dacev, Miska 2024:15-27] При этом вопросы статуса компаний, специальных норм для предпринимателей и корпоративных сделок планируется сохранить в отдельных актах (прежде всего в Законе о компаниях), тогда как в Гражданский кодекс войдут общие положения о юридических лицах и коммерческих договорах [Pepeljugoski 2025]. Несмотря на временную приостановку работы над проектом в 2016 г. в связи со сменой правительства, кодификация гражданского права остается политическим и научным приоритетом, а принятие кодекса ожидается в обозримой перспективе [Pepeljugoski 2025].

4. Сербия

Marija Ampovska и Risto Ilioski указывают, что дискуссии о новом едином Гражданском кодексе Сербии ведутся с 2002 г. и продолжаются до настоящего времени, что само по себе свидетельствует о признании необходимости кодификации как академическим сообществом, так и практиками [Ampovska, Ilioski 2020:71-88]. К разработке проекта привлечены ведущие сербские ученые цивилисты и компаративисты (Sima Avramović, Vesna Rakić Vodinelić, Miodrag Orlić, Oliver Antić, Zoran Stojanović и др.) [Rakić Vodinelić, Beljanski, Radivojevic 2012]. С 2010 г. под эгидой правительства Сербии работает комитет по кодификации; текст проекта доступен на профессиональных платформах, однако по состоянию на январь 2025 г. окончательная редакция не принята, а сроки внесения в парламент публично не обозначены [Long wait … 2025]. Boban Karović справедливо отмечает, что в 2026 г. Сербия будет отмечать 80 летие отмены старого Гражданского кодекса и 20 летие начала работы над новым, который до сих пор не принят, вследствие чего страна остается одной из немногих в Европе без действующего кодекса [Long wait … 2025].

Новый Гражданский кодекс Сербии должен заменить Закон о договорах и обязательствах 1978 г., Закон о вещных правах 1980 г., Закон о наследовании 1995 г. и ряд других специальных актов частного права [Ampovska, Ilioski 2020:15-28]. Планируется построение кодекса по немецкой модели: общая часть (книга 1), семейное право (книга 2), наследственное право (книга 3), обязательственное право (книга 4) и вещное право (книга 5) [Ampovska, Ilioski 2020:15-28]. При этом сербский законодатель сохраняет дуализм гражданского и торгового права: коммерческое право, статус компаний и торговые сделки остаются предметом специальных законов, прежде всего Закона о компаниях [Szalma 2019:90-97]. J. Szalma подчеркивает, что кодификационный процесс в Сербии предполагает принятие двух согласованных актов – Гражданского кодекса и отдельного закона о коммерческих организациях, основанных на общих принципах свободы договора и свободы предпринимательства [Szalma 2019:90-97].

Таким образом, Сербия официально ведет работу над кодификацией и воспринимает ее как стратегическую задачу реформы частного права. Ожидается, что новый кодекс устранит пробелы и противоречия и усилит защиту участников гражданского оборота, но при этом сохранит дуалистическую модель разделения гражданского и торгового права [Ampovska, Ilioski 2020:71-88].

5. Словения

В Словении отсутствует единый Гражданский кодекс; гражданское право регулируется системой отдельных базовых законов (Кодекс обязательств 2001 г., Закон о собственности и иных вещных правах 2002 г., Закон о наследовании 1976 г., Закон о браке и семейных отношениях 1976 г.), что отражает модель разделенной кодификации, типичную для ряда постъюгославских государств [Veress 2022:167-205]. По состоянию на середину 2025 г. масштабная государственная инициатива по принятию кодекса отсутствует. Miha Juhart отмечает, что Министерство юстиции Словении очень консервативно в вопросе изменения базовых актов гражданского права [Juhart 2023]. E. Veress также подчеркивает, что Словения сознательно сохраняет сегментированное регулирование гражданского права [Veress 2022:167-205].

Ряд исследователей (Klemen Lutman, Damjan Možina, Ivan Tot) указывают, что словенский Кодекс обязательств 2001 г. фактически представляет собой переработанный югославский Закон об обязательствах 1978 г. с новой нумерацией статей и лишь ограниченными содержательными изменениями, что делает реформу скорее формальной, чем глубокой модернизацией обязательственного права [Lutman 2025; Možina 2008; Tot 2024]. M. Juhart подчеркивает, что отсутствие общей части гражданского права может тормозить развитие системы и создавать риск разнонаправленного развития отдельных

отраслей, тогда как единство понятий и принципов требует общей кодифицированной основы [Juhart 2024:339-366]. Одновременно он признает, что отдельные акты позволяют более гибко адаптировать регламентацию к особенностям конкретных сфер, включая положения, выходящие за рамки классической гражданской кодификации [Juhart 2024:339-366].

6. Хорватия

По состоянию на середину 2025 г. отсутствует публично заявленная инициатива Правительства Хорватии по принятию единого Гражданского кодекса. Tatjana Josipović указывала еще в 2014 г., что, несмотря на существование теоретиков, выступающих за принятие хорватского Гражданского кодекса, эта идея не получила политической поддержки и не была трансформирована в законодательный проект; ключевые институты регулируются отдельными актами: Законом об обязательствах 2006 г., Законом о наследстве 2003 г., Семейным кодексом 2003 г., Законом о собственности 1996 г. и др. [Josipović 2014:31-50]. В более поздних работах она вновь подчеркивает отсутствие политической воли при одновременной объективной потребности в рекодификации гражданского права [Josipović 2024:259-290].

Таким образом, Хорватия не следует общему тренду на кодификацию гражданского права. Nadja Hlača отмечает, что на фоне возвращения большинства постсоциалистических стран к традиции гражданских кодексов ситуация Хорватии выглядит нетипично, поскольку инициативы по принятию Гражданского кодекса не выдвигаются [Hlača 2017:789–810]. Attila Dudás подчеркивает, что как Хорватия, так и Словения придерживаются модели множества отдельных актов вместо единого гражданского кодекса [Dudás 2022:234-235], а Emed Veress объясняет это тем, что разработка фрагментированных норм в отдельных законах оказалась быстрее и политически реалистичнее, чем длительный процесс создания единого кодекса [Veress 2022:167-205]. Дополнительным фактором выступает высокая оценка югославского Закона об обязательствах 1978 г., который рассматривается как один из наиболее качественных актов частного права региона; A. Dudás характеризует его как «один из самых выдающихся продуктов либерального социалистического законодательства» [Dudás 2015:79-85]. Именно этот закон длительное время продолжал действовать в Словении и Хорватии после распада Югославии и послужил основой для национальных законов об обязательствах в Словении 2001 г. и ряде других стран региона [Tot 2024].

7. Черногория

Власти Черногории официально признают необходимость устранения фрагментарности гражданского законодательства и разработки нового Гражданского кодекса. Правительство подчеркивает, что его создание является одной из самых сложных законодательных задач с момента восстановления независимости и должно одновременно укрепить защиту прав граждан, улучшить условия для бизнеса и способствовать европейской интеграции. 7 марта 2018 г. в Подгорице прошла конференция «Кодификация гражданского права в Черногории – концепция и региональный опыт»[3], на которой представители академического сообщества и органов власти высказались в поддержку кодификации.

По инициативе Правительства Черногории в 2017 г. была создана комиссия по подготовке Гражданского кодекса Черногории. Из-за частой смены членов правительства, особенно министров юстиции, которые возглавляли Комиссию, работа над проектом Гражданского кодекса затянулась. Однако на сегодняшний момент эта работа близка к завершению. По состоянию на декабрь 2025 г. профессор юридического университета Черногории З. Рашкович в своей статье по истории кодификации гражданского права Черногории констатирует, что «Комиссией подготовлены пять частей Гражданского кодекса: общая часть, вещное право, обязательственное право, наследственное право и семейное право. Часть, касающаяся личных неимущественных прав, еще подлежит завершению, поскольку предполагается более детальное их регулирование, чем в ряде сопоставимых законодательств» [Rašović 2025]. Принятие Гражданского кодекса Черногории ожидается в уже 2026 г. после

[3] Government of Montenegro. Civil Code of Montenegro to provide greater protection of citizens' rights and improve economic environment. Podgorica, 7 March 2018. – Official website of the Government of Montenegro. URL: https://www.gov.me/en/article/182581--civil-code-of-montenegro-to-provide-greater-protection-of-citizens-rights-and-improve-economic-environment (accessed date: 17.09.2025).

нескольких чтений и экспертно-общественных обсуждений.

Таким образом, будущий Гражданский кодекс Черногории готовится как систематизированный акт, который объединит и заменит ряд ключевых действующих законов: Закон о вещных правах и отношениях 2009 г. ((Zakon o svojinskopravnim odnosima), Закон об обязательствах 2008 г. (Zakon o obligacionim odnosima), Закон о наследстве 2008 г. (Zakon o nasljeđivanju), частично в кодексе будет интегрирован Семейный закон 2007 г. (Porodični zakon).

Коммерческое право в Черногории традиционно регулируется рядом специальных законов: Законом о компаниях (Zakon o privrednim društvima), Законом о внутренней торговле (Zakon o unutrašnjoj trgovini) и др. Вопрос дуализма гражданского и торгового права в Черногории, по нашему мнению, не стоит, поскольку предполагается, что Гражданский кодекс будет содержать общие нормы как о корпоративных юридических лицах, так и о предпринимательских договорах.

8. Результаты исследования

Ниже приведены сводные результаты проведенного анализа по странам *(табл. 3).*

Таблица 3

Сводные результаты анализа

Страна	*Наличие конкретных Правительственных инициатив по кодификации*	*Доктринальная поддержка идей кодификации*
Босния и Герцеговина	нет	да
Северная Македония	да	да
Сербия	да	да
Словения	нет	да
Хорватия	нет	да
Черногория	да	да

В настоящий момент в шести странах Южной Европы (Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Сербии, Словении, Хорватии и Черногории) гражданское право не кодифицировано, его регулирование носит сегментарный характер. Все эти страны ранее входили в качестве республик в СФРЮ и унаследовали от югославского права фрагментарный характер правового регулирования.

В Северной Македонии, Сербии и Черногории задача кодификации гражданского права рассматривается как государственный приоритет. Национальные правительства курируют процесс кодификации посредством специализированных структур: в Северной Македонии действует специальная Комиссия Министерства юстиции, в Сербии под эгидой Правительства Сербии работает комитет по кодификации, в Черногории под эгидой Министерства юстиции Черногории действует Национальная комиссия Черногории по кодификации гражданского права.

Босния и Герцеговина не рассматривает в настоящее время задачу принятия единого гражданского кодекса прежде всего из за геополитической и институциональной специфики: Дейтонское соглашение 1995 г., обеспечившее баланс и защиту различных этнических групп, одновременно стало серьезным юридическим барьером для формирования единого и кодифицированного гражданского права [Ruge 2020].

В Словении и Хорватии на данный момент также отсутствуют масштабные государственные инициативы по принятию единого Гражданского кодекса. Это объясняется тем, что в начале 2000 х годов была реализована эволюционная, сегментарная модернизация: приняты новые и обновлены старые законы в сферах вещного, семейного и обязательственного права, что снизило политический запрос на «большую» кодификацию. Профессиональные сообщества обеих стран активно обсуждают целесообразность и актуальность кодификации, указывая на необходимость устранения дублирования и противоречий между законами, выработки общих принципов и дефиниций, повышения юридической предсказуемости и введения современных институтов, совместимых с правом ЕС. Вместе с тем

выбор Словении и Хорватии в пользу регулирования гражданского права системой отдельных законов можно считать осознанным и обусловленным успешностью применения югославских норм, стремлением сохранить гибкость законодательства в быстро меняющемся обществе и исторической преемственностью, восходящей к эпохе Австро Венгерской монархии.

Список литературы

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. 1999. *Основные правовые системы современности.* Пер. с фр. В.А. Туманова. Москва: Международные отношения. 400 с.
2. Жидков О.Л. 1971. *История буржуазного права.* Москва.
3. *Общая теория права.* 1998. Под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., пер. и доп. Москва: МГТУ им. Н.Э. Баумана.
4. Суханов Е.А. 2012. Восточноевропейские кодификации гражданского и торгового права. – *Codification of Civil Law: Assessment, Reforms, Options.* Под ред. E. Veress. Москва: ООО «Издат. дом В. Ема».
5. Цвайгерт К., Кетц Х. 2000. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права.* В 2 т. Т. 1. Основы. Москва: Международные отношения. 480 с.
6. Шершеневич Г.Ф. 1995. *Общая теория права.* В 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4 (по изд. 1912 г.). Москва: Юридический колледж МГУ.
7. Ampovska M., Ilioski R. 2020. *The Process of Codification of Civil Law in the Western Balkan States. Yearbook of the Faculty of Law.* Goce Delčev University. Štip. No. 11.
8. Dacev N., Miska E. 2024. Civil Law Codification Process in the Republic of North Macedonia and the Republic of Albania. – *Law and World.* No. 29.
9. Dudás A. 2015. A kötelmi jog reformja Szerbiában a készülő polgári törvénykönyv fényében. – *Magyar Jog.* Vol. 62. No. 2.
10. Dudás A. 2022. Croatia. – *Contract Law in East Central Europe.* Ed. E. Veress. Miskolc – Budapest: Central European Academic Publishing.
11. Hlača N. 2017. The Europeanization of Croatian Private Law – a Comparison with the Civil Law Codifications of Post-socialist Countries. – *Zbornik Pravnog fakulteta u Rijeci.* Vol. 38. No. 2.
12. Josipović T. 2024. Codification of Civil Law in Croatia: Challenges of Multiple Crises for the Reform of Croatian Civil Law. – *Codification of Civil Law: Assessment, Reforms, Options.* Ed. E. Veress. Budapest – Miskolc: Central European Academic Publishing.
13. Josipović T. 2014. Croatian Property Law After EU Accession. – *Annales*. Vol. XLVI. No. 63.
14. Juhart M. 2023. *Codification of Civil Law in Slovenia.* Conference paper. Ferenc Mádl Institute.
15. Kathrein G. 2006. Reformen im ABGB. – *Vom ABGB zum Europaischen Privatrecht: Festschrift fur Heinz Barta zum 65. Geburtstag.* Eds. H. Koziol, H.D. Bunz, M. Schwimann, Ch. Wendehorst. Wien: Verlag Osterreich.
16. *Long wait for the Civil Code: Eight decades without an important legal document.* 2025. NIN.
17. Lutman K. 2025. *Limitation of Actions in the Slovenian Law of Obligations*. BACL Blog.
18. Možina D. 2008. Status of Private Law Reform in Slovenia. – *Juridica International.* No. 1.
19. Németh Zs., Nikoloski A. 2024. *Honouring of Obligations and Commitments by Bosnia and Herzegovina: Report.* Strasbourg: Council of Europe.
20. Pepeljugoski T. 2025. *Expected legal reforms and new laws in the Republic of North Macedonia.* Pepeljugoski Law Office.
21. Povlakić M. 2024. Codification of Civil Law in Bosnia and Herzegovina. – *Codification of Civil Law: Assessment, Reforms, Options.* Ed. E. Veress. Budapest – Miskolc: Central European Academic Publishing.
22. Przheska T. 2025. Towards a Unified Civil Law in North Macedonia: The Path of Codification. – *Central European Journal of Comparative Law.* Vol. 6 (2). P. 307-332.
23. Rakic-Vodinelic V., Beljanski A., Radivojevic M. 2012. *Judicial Reform in Serbia 2008–2012.* Belgrade: Institute of Comparative Law.
24. Rašović Z.P. 2025. The History of the Codification of Civil Law in Montenegro. – *Central European Journal of Comparative Law.* Vol. 6 (2). P. 333-365.
25. Ruge M. 2020. *Hostage State: How to Free Bosnia from Dayton's Paralysing Grip.* London: European Council on Foreign Relations.
26. Szalma J. 2019. Die Kodifikationsentwicklung des Zivilrechts in Serbien – insbesondere über den Vorentwurf des Bürgerlichen Gesetzbuches und über das neue Handelsgesetzbuch der Republik Serbien. – *Journal on European History of Law.* No. 1.
27. Tot I. 2024. *The Yugoslav Law on Obligations of 1978 and the Legacy of Professor Mihailo Konstantinović.* BACL Blog.
28. Veress E. 2022. Private Law Codifications in East Central Europe. – *Lectures on East Central European Legal History.* Ed. P. Sary. Miskolc: Central European Academic Publishing.
29. Zhivkovska R., Przheska T. 2014. Codification of the Civil Law in the Republic of Macedonia. – *Collection of Papers of the Law Faculty in Nis.* No. 68. P. 253-274.

References

1. Ampovska M., Ilioski R. *The Process of Codification of Civil Law in the Western Balkan States. Yearbook of the Faculty of Law.* Goce Delčev University. Štip. 2020. No. 11.
2. Dacev N., Miska E. Civil Law Codification Process in the Republic of North Macedonia and the Republic of Albania. – *Law and World.* 2024. No. 29.
3. David R., Joffre-Spinosi C. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Major Legal Systems in the World Today].* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 1999. 400 p. (In Russ.)
4. Dudás A. A kötelmi jog reformja Szerbiában a készülő polgári törvénykönyv fényében. – *Magyar Jog.* 2015. Vol. 62. No. 2.
5. Dudás A. Croatia. – *Contract Law in East Central Europe.* Ed. E. Veress. Miskolc – Budapest: Central European Academic Publishing. 2022.
6. Hlača N. The Europeanization of Croatian Private Law – a Comparison with the Civil Law Codifications of Post-socialist Countries. – *Zbornik Pravnog fakulteta u Rijeci.* 2017. Vol. 38. No. 2.

7. Josipović T. Croatian Property Law After EU Accession. – *Annales*. 2014. Vol. XLVI. No. 63.
8. Josipović T. Codification of Civil Law in Croatia: Challenges of Multiple Crises for the Reform of Croatian Civil Law. – *Codification of Civil Law: Assessment, Reforms, Options.* Ed. E. Veress. Budapest – Miskolc: Central European Academic Publishing. 2024.
9. Juhart M. *Codification of Civil Law in Slovenia*. Conference paper. Ferenc Mádl Institute. 2023.
10. Kathrein G. Reformen im ABGB. – *Vom ABGB zum Europaischen Privatrecht: Festschrift fur Heinz Barta zum 65. Geburtstag*. Eds. H. Koziol, H.D. Bunz, M. Schwimann, Ch. Wendehorst. Wien: Verlag Osterreich. 2006.
11. *Long wait for the Civil Code: Eight decades without an important legal document*. NIN. 2025.
12. Lutman K. *Limitation of Actions in the Slovenian Law of Obligations*. BACL Blog. 2025.
13. Možina D. Status of Private Law Reform in Slovenia. – *Juridica International*. 2008. No. 1.
14. Németh Zs., Nikoloski A. *Honouring of Obligations and Commitments by Bosnia and Herzegovina: Report*. Strasbourg: Council of Europe. 2024.
15. *Obshchaia teoriia prava [General Theory of Law]*. Ed. A.S. Pigolkin. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: MGTU im. N.E. Baumana. 1998. (In Russ.)
16. Pepeljugoski T. *Expected legal reforms and new laws in the Republic of North Macedonia*. Pepeljugoski Law Office. 2025.
17. Povlakić M. Codification of Civil Law in Bosnia and Herzegovina. – *Codification of Civil Law: Assessment, Reforms, Options.* Ed. E. Veress. Budapest – Miskolc: Central European Academic Publishing. 2024.
18. Przheska T. Towards a Unified Civil Law in North Macedonia: The Path of Codification. – *Central European Journal of Comparative Law*. 2025. Vol. 6 (2). P. 307-332.
19. Rakic-Vodinelic V., Beljanski A., Radivojevic M. *Judicial Reform in Serbia 2008–2012*. Belgrade: Institute of Comparative Law. 2012.
20. Rašović Z.P. The History of the Codification of Civil Law in Montenegro. – *Central European Journal of Comparative Law*. 2025. Vol. 6 (2). P. 333-365.
21. Ruge M. *Hostage State: How to Free Bosnia from Dayton's Paralysing Grip*. London: European Council on Foreign Relations. 2020.
22. Shershenevich G.F. *Obshchaia teoriia prava [General Theory of Law]*. In 2 vols. Vol. 2. Issues 2, 3, 4 (according to the 1912 ed.). Moscow: Iuridicheskii kolledzh MGU. 1995. (In Russ.)
23. Sukhanov E.A. Vostochnoevropeiskie kodifikatsii grazhdanskogo i torgovogo prava [Eastern European codifications of civil and commercial law]. – *Codification of Civil Law: Assessment, Reforms, Options.* Ed. E. Veress. Moscow: OOO «Izdat. dom V. Ema». 2012. (In Russ.)
24. Szalma J. Die Kodifikationsentwicklung des Zivilrechts in Serbien – insbesondere über den Vorentwurf des Bürgerlichen Gesetzbuches und über das neue Handelsgesetzbuch der Republik Serbien. – *Journal on European History of Law*. 2019. No. 1.
25. Tot I. *The Yugoslav Law on Obligations of 1978 and the Legacy of Professor Mihailo Konstantinović*. BACL Blog. 2024.
26. Veress E. Private Law Codifications in East Central Europe. – *Lectures on East Central European Legal History*. Ed. P. Sary. Miskolc: Central European Academic Publishing. 2022.
27. Zhidkov O.L. *Istoriya burzhuaznogo prava [History of Bourgeois Law]*. Moscow. 1971. (In Russ.)
28. Zhivkovska R., Przheska T. Codification of the Civil Law in the Republic of Macedonia. – *Collection of Papers of the Law Faculty in Nis*. 2014. No. 68. P. 253-274.
29. Zweigert K., Koetz H. *Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava. T. 1 Osnovy [Introduction to Comparative Law in the Field of Private Law. Vol. 1. Fundamentals]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 2000. 480 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена Юрьевна МАТВЕЕВА
Доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ленинградский пр-т, 49/2, Москва, 125167, Российская Федерация

eyumatveeva@fa.ru
ORCID 0000-0003-4166-8659

About the Author

Elena Yu. MATVEEVA
Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2, Leningradsky Ave., Moscow, Russian Federation, 125167

eyumatveeva@fa.ru
ORCID 0000-0003-4166-8659

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-151-164

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 06.11.2025
Принята к публикации: 20.02.2026

Станислав Александрович ВАСИЛЬЕВ
Тюменский государственный университет
Володарского ул., 6, Тюмень, 625003, Российская Федерация
mnogoslov@mail.ru
ORCID 0000-0003-2752-240X

Инна Олеговна ВАСИЛЬЕВА
Севастопольский государственный университет
Университетская ул., 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация
inna_ilina@mail.ru
ORCID 0009-0004-2536-8888

ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 2015 г. И РОССИЙСКОЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В БОРЬБЕ С ВЫБРОСАМИ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ[1]

ВВЕДЕНИЕ. *Целью настоящей статьи является анализ международного права в совокупности с российским нормативным правовым регулированием ограничения вредных выбросов парниковых газов для формулирования предложений их развития. Указанной целью обусловлены задачи исследования, среди которых рассмотрение конституционных положений, закладывающих основу обеспечения экологического благополучия в России, исследование Парижского соглашения и иных международных актов, имеющих аналогичный предмет регулирования только в масштабах всего мира, формирование отдельных аргументов в пользу карбонового права как крупного юридического института, нацеленного на ограничение вредного антропогенного воздействия на атмосферный воздух, а также формулирование предложений по модернизации международного права и отечественного законодательства в широком смысле этого слова.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Как показано выше, основным методом исследования выступил анализ нормативного правового регулирования. Кроме того, проводилось моделирование новых общеобязательных правил поведения. Дедуктивным методом происходило рассмотрение международного права в анализируемой сфере и его реализация в российских реалиях как с точки зрения законотворческой деятельности, так и с позиции правоприменения. Правовое регулирование ограничения выбросов парниковых газов представляет собой сложную структуру, в связи с чем был также использован метод системного анализа. Метод сравнения был использован при рассмотрении практики исполнения международных стандартов на территории*

[1] Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

отдельных государств. В частности, акцент сделан на сопоставлении развитых, развивающихся и слабо развитых стран.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Касательно последнего сделан вывод об уязвимости суверенитета и перспектив влияния «коллективного Запада» на весь остальной мир, в том числе посредствам реализации публично значимых мер, направленных на ограничение вредных выбросов. Помимо этого, предложено стимулировать активизацию абсорбции, сместив тем самым акцент с сокращения непосредственно выбросов парниковых газов в атмосферу. Также формулируется необходимость юридического закрепления вовлечения в процесс ограничения эмиссии парниковых газов самых разных субъектов. Эта проблема не должна быть актуальной только для публично-правовых образований, в данный процесс следует вовлекать максимальное число субъектов права, что может решать не только организационные, но и просветительские задачи на пути очищения атмосферного воздуха, столь важного для каждого без исключения человека.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *карбоновое право, парниковые газы, экологическое законодательство, стимулирование абсорбции, улавливание выбросов, Парижское соглашение, конвенция о выбросах, Киотский протокол, градация государств*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А., Васильева И.О. 2026. Парижское соглашение 2015 г. и российское публично-правовое регулирование в борьбе с выбросами парниковых газов. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 151–164. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-151-164

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-151-164

Research article
UDC: 341
Received 6 November 2025
Approved 20 February 2026

Stanislav A. VASILEV
Tyumen State University
6, Volodarskogo St., Tyumen, Russian Federation, 62500
mnogoslov@mail.ru
ORCID 0000-0003-2752-240X

Inna O. VASILYEVA
Sevastopol State University
33, Universitetskaya St., Sevastopol, Russian Federation, 299053
inna_ilina@mail.ru
ORCID 0009-0004-2536-8888

THE 2015 PARIS AGREEMENT AND RUSSIAN PUBLIC LAW REGULATION IN THE FIGHT AGAINST GREENHOUSE GAS EMISSIONS

INTRODUCTION. *The purpose of this article is to analyze international law in conjunction with the Russian regulatory framework for limiting harmful greenhouse gas emissions in order to formulate proposals for its development. This goal determines the objectives of the study, including the consideration of constitutional provisions laying the foundation for ensuring environmental well-being in Russia, the study of the Paris Agreement and other international acts with a similar subject of regulation only worldwide, the formation of individual arguments in favor of carbon law as a major legal institution aimed at limiting harmful anthropogenic impact on the atmospheric environment. The air, as well as the formulation of proposals for the modernization of international law and domestic legislation in the broadest sense of the word.*

MATERIALS AND METHODS. *The main research method was the analysis of regulatory legal regulation. In addition, new mandatory rules of conduct were modeled. The deductive method was used to examine international law in the field under consideration and its implementation in Russian realities, both from the point of view of legislative activity and from the perspective of law enforcement. The legal regulation of greenhouse gas emissions control is a complex structure, in connection with which the method of system analysis was also used. The comparison method was used when considering the practice of implementing international standards in the territory of individual States. In particular, the focus is on comparing developed, developing and underdeveloped countries.*

RESEARCH RESULTS. *Regarding the latter, the conclusion is drawn about the vulnerability of sovereignty and the prospects for the influence of the "collective West" on the rest of the world, including through the implementation of publicly significant measures aimed at limiting harmful emissions. In addition, it is proposed to stimulate the activation of absorption, thereby shifting the focus to reducing greenhouse gas emissions directly into the atmosphere. Another conclusion is the formulation of the need to legally consolidate the involvement of a wide variety of subjects in the process of limiting greenhouse gas emissions. This problem should not be relevant only for public law entities, the maximum number of legal entities should be involved in this process, which can solve not only organizational, but also educational tasks on the way to purifying atmospheric air, which is so important for everyone, without exception.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The international legal approach related to the distribution of States by level of development in the process of countering greenhouse gas emissions has not only a positive effect. This gradation makes the sovereignty of developing and poorly developed countries vulnerable, since developed countries not only provide support, but also integrate models of such public legal activities into the relevant legal order. This is another way of political influence of the "collective West" through legal instruments, including on domestic socially significant processes. In current law and practice, the exchange of carbon units is developing, which are more emissions oriented. At the same time, it seems promising to stimulate absorption with the subsequent formation of certain analogues. Thus, of course, it will not be possible to radically change the environmental situation, but it can be an additional contribution to the overall improvement of atmospheric air. A promising direction for the development of carbon law is the involvement of the maximum number of subjects in the process of countering greenhouse gas emissions. This area of activity should not be exclusive state competence. Commercial organizations, public associations, and other civil society institutions can contribute to improving the environmental situation to the best of their ability with the prospects of stimulating these activities.*

KEYWORDS: *carbon law, greenhouse gases, environmental legislation, stimulation of absorption, capture of emissions, Paris Agreement, convention on emissions, Kyoto Protocol, gradation of states*

FOR CITATION: Vasilev S.A., Vasilyeva I.O. The 2015 Paris Agreement and Russian Public Law Regulation in the Fight Against Greenhouse Gas Emissions. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 151–164. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-151-164

The authors declare the absence of conflict of interest.

Терминология. Вместо введения

Настоящая статья подготовлена на основании научного исследования, проведенного в рамках большого проекта, предполагающего введение «карбонового права» в качестве нового большого комплексного правового института. Ниже будет показана лишь часть юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения. На практике их гораздо больше. Предметом правового регулирования выступают общественные отношения, связанные с сокращением вредных выбросов парниковых газов и усиления абсорбции – поглощения указанных вредных веществ, предполагающего увеличение объемов растительности на Земле[2]. Специфичность метода правового регулирования выражается в том, что, несмотря на публично-правовой характер «карбонового права», используются в основном диспозитивные методы. Например, стимулирование снижения вредных выбросов, добровольная передача денежных средств от развитых стран в адрес развивающихся, формирование и оборот углеродных единиц, позволяющих осуществлять вредные выбросы одним предприятием за счет того, что их сократило другое, получив от первого за это денежные средства и т.д. Таким образом, «карбоновое право» в силу своей комплексности использует нормы конституционного, экологического и финансового права, а также формирующегося в настоящее время в международно-правовой доктрине международного климатического права.

Международное и внутригосударственное право

В настоящее время все больше и больше проявляют себя проблемы глобального потепления и те последствия, которые оно за собой влечет. Для того чтобы положительным образом повлиять на оздоровление природы и приостановить данный глобальный катастрофический процесс необходимо развивать комплекс мер по сохранению экологии, чего удается достигать в том числе юридическими средствами.

Одним из наиболее значимых международно-правовых документов, регулирующих вопросы ограничения выброса парниковых газов, является Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г.[3] (далее – Соглашение). Сразу следует оговориться, что часть норм по своему смыслу дублирует положения Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций (далее - ООН) об изменении климата от 9 мая 1992 г.[4] (далее – Конвенция) (например, о том, что страны-участницы должны стремиться в своей внутренней политике предпринимать меры, направленные на снижение вредных выбросов или о соотношении вклада в экологизацию развитых и развивающихся стран), что логично, так как один документ является развитием и дополнением другого, принятого несколькими годами ранее.

В Преамбуле Соглашения отмечается, что его сторонами могут быть только участники Конвенции. Таким образом, чтобы распространить на своей территории правила Соглашения, государство сначала должно подписать и ратифицировать Конвенцию. При этом страны, не являющиеся участниками Соглашения, но реализующие на своей территории Конвенцию, могут выступать в качестве наблюдателей по выполнению требований Соглашения по его ч. 2 ст. 16. Вместе с тем ч. 8 ст. 13 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата от 11 декабря 1997 г.[5] предусматривает возможность не допустить таких наблюдателей к реализации положений Конвенции в случае, если более 1/3 сторон-участниц выразит возражение против такого расширения субъектного состава.

Видится вполне логичным, что рамочный акт конкретизируется детализирующими его

[2] Порядок подготовки кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, утвержденный приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 298. – *Официальный интернет-портал правовой информации.* URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 20 февраля 2026 г.).

[3] Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г. – *Официальный сайт ООН.* URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf. (дата обращения: 13 августа 2025 г.).

[4] Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. – *Официальный сайт ООН.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml. (дата обращения: 7 августа 2025 г.).

[5] Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата от 11 декабря 1997 г. (ред. от 8 декабря 2012 г.). – *СЗ РФ.* 2005. 7 марта. № 10. Ст. 764.

юридическими документами. Такая практика считается традиционной в действующем международном праве[6]. Также в Преамбуле Соглашения подчеркивается, что имеет место «необходимость в эффективном и прогрессивном реагировании на срочную угрозу изменения климата на основе наилучших имеющихся научных знаний». К тому же развиваются доктринальные изыскания и технологии для усиления указанных мер [Hussain 2025; Kejora 2025], включая интеграцию искусственного интеллекта в соответствующие процессы [Gong 2025].

Обращает на себя внимание другое положение Преамбулы Соглашения, связанное с выражением некоего международно-правового понимания того, что в различных государствах наличествует разная обстановка. Так, некоторые страны страдают не столько от снижения качества окружающей природной среды, сколько от тех мер, которые направлены на то, чтобы ограничить данный пагубный процесс. Как правило, эти же государства признаны наименее развитыми, на территории которых сохраняются проблемы голода и, соответственно, обеспечения продовольственной безопасности. Последняя в значительной степени страдает от изменения климата, поскольку меняются условия производства продуктов питания [Худяков 2017]. Поэтому противодействие выбросам парниковых газов – вынужденная мера, предпринимаемая для сохранения экологической обстановки, но требующая параллельного материального обеспечения населения. Также в процессе любой своей деятельности государства обязаны учитывать верховенство прав и свобод своих граждан[7] [Права человека … 2013].

В Преамбуле Соглашения также подчеркивается важность сохранения природной среды не локально – на отдельных участках местности, а комплексно, так как даже Мировой океан является частью глобальной экосистемы. На конкретных же территориях должно происходить сохранение и увеличение объема поглотителей парниковых газов, о чем также идет речь в Конвенции.

В рассматриваемом разделе Соглашения также особым образом подчеркивается масштаб принимаемых мер по предотвращению выбросов парниковых газов. Так, государства должны создавать условия для максимального экологического просвещения и расширения осваиваемых образовательных программ по экологии. Кроме того, вопросами сохранения окружающей природной среды должны заниматься органы публичного управления на всех уровнях. Например, в федеративном государстве – субъекты федерации, в унитарном – административно-территориальные единицы, в любом из них – автономии и органы местного самоуправления при их наличии [Таболин 2019]. Пункт “b” ч. 4 ст. 6 рассматриваемого нормативного правового акта и вовсе допускает участие в процессах охраны окружающей природной среды на территории государства-участника частного лица, но уполномоченного на ведение определенной деятельности компетентным органом государственной власти. Например, на основании ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[8] общественные объединения помимо просветительских функций и функций по консолидации воли населения могут участвовать в принятии решений хозяйствующими субъектами, нацеленных на сокращение выброса парниковых газов. Кроме того, представители данных формирований могут участвовать в государственной экологической экспертизе, а также проводить общественную в порядке гл. IV Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»[9]. На практике проводится работа по совместной разработке проектов стратегических документов, направленных на обеспечение экологического благополучия, органами публичного управления и представителями некоммерческих организаций [Коваль 2024:52].

Проанализировав научную литературу, приходится констатировать, что проблемы глобального потепления заботят представителей публичной власти в большей степени на уровне государств и международных объединений.

---

[6] *Международное морское право: публичное и частное*. Учебник. Под ред. Д.К. Лабина и В.Н. Коваля. М.: Кнорус, 2023. 412 с.

[7] *Права человека*. Учебник. Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2013. 560 с.

[8] Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.). – *СЗ РФ*. 2002. 14 янв. № 2. Ст. 133.

[9] Об экологической экспертизе: Федер. закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.). – *СЗ РФ*. 1995. 27 нояб. № 48. Ст. 4556.

Так, в Китае на протяжении двух последних десятилетий проводилась политика, направленная на передачу промышленных земель на уровень местных властей. Последние, в большей степени заинтересованные в росте экономических показателей, пренебрегали вопросами вредных выбросов в окружающую среду. В результате такой подход привел к снижению качества атмосферного воздуха в тех местах, где местные власти проводили наиболее активную промышленную индустриализацию [Bai 2024].

Как и в Конвенции, Преамбула Соглашения отдает приоритет в решении проблем выброса парниковых газов развитым странам, расположенным преимущественно в Северной Америке и Западной Европе. При этом те обыкновения, которые сложились в их практике, должны выступать в качестве примера для всех остальных государств. Такой подход также видится достаточно уязвимым с точки зрения сохранения суверенитета развивающихся (к коим Конвенцией до настоящего времени причислена Россия) и слабо развитых стран [Годованик, Росенко 2025] по причинам, которые уже упоминались выше. В связи с этим представляется целесообразным закрепить за развитыми странами возможности поддержки всех остальных, нуждающихся в этом. При этом такая поддержка не обязательно должна носить характер финансовой или иной материальной помощи. Можно проводить консультации, передавать технологии, оказывать методическое и иное содействие, направлять квалифицированных специалистов для решения тех или иных задач. Однако видится потенциальным для злоупотребления правом10 «западными» странами определение ведущей роли при установлении образа жизни, определении моделей производства и потребления в тех местностях, где люди и органы публичного управления к этому не готовы. Так, О.В. Кривельская отмечает, что отдельные «сильные» государства не просто влияют на другие, более слабые непосредственно, но порой подменяют собой международные институты [Кривельская 2025:78]. Фактически же такое негативное воздействие оказывается в настоящее время, что россияне могут ощущать на себе от юридически значимых действий со стороны стран-участниц Европейского союза [Герейро 2025:7].

В настоящее время довольно активно меняется международная обстановка, что обусловлено снижением экономического потенциала развитых государств и его повышением в развивающихся [Чен 2023:446]. Данное обстоятельство неминуемо влечет за собой трансформацию соотношения субъектов международного права [Годованик, Росенко 2025]. Также в качестве общей тенденции наблюдается резкий отход от идей глобализации к региональным объединениям [Андреев, Берестов, Бернацких 2024], направленным на конфронтацию с другими межгосударственными объединениями [Орлов 2016; Иванов 2024]. Тем не менее такой подход видится неправильным, для чего целесообразно предпринимать организационно-правовые меры, направленные на улучшение жизни каждого человека на Земле. Данный тезис заложен в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.[11]

В.М. Хомич констатирует деградацию права и практики его применения из-за того, что в них отражаются интересы транснациональных корпораций, а также тех лиц, кто ими владеет и управляет, которые естественным образом вступают в противоречие с национальными интересами отдельных государств. Последние, безусловно, должны иметь место, защищаться для сохранения суверенитета, но для того, чтобы обеспечить всеобщее благо, конструктивное сотрудничество и иным образом стимулировать позитивное совместное развитие, необходимо больше использовать инструменты интегративного права и исключительно в мирном контексте[12].

В экономической теории выработана концепция двойной циркуляции, суть которой заключается во взаимодействии развитых и активно

[10] Крусс В.И. *Злоупотребление правом.* Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: НОРМА. 2010. 175 с.

[11] Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. – *Официальный сайт ООН.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (дата обращения: 20 февраля 2026 г.).

[12] Хомич В.М. Выступление в рамках II Международной научно-практической конференции «Стратегии противодействия преступности в условиях изменяющейся реальности» (Strategies for countering crime in a changing reality), прошедшей на базе Юридического института Севастопольского государственного университета 22 мая 2025 г. – *Официальный сайт Севастопольского государственного университета.* URL: https://www.sevsu.ru/novosti/item/sevgu_stal_ploshchadkoy_dlya_mezhdunarodnoy_diskussii_o_protivodeystvii_prestupnosti/?special_version=Y. (дата обращения: 20 февраля 2026 г.).

развивающихся стран (первая циркуляция) и сотрудничества иного характера между развивающимися странами (вторая циркуляция). В итоге именно активно развивающиеся страны будут выступать в качестве связующего звена единой цепи обеспечения благосостояния всех заинтересованных субъектов международного права. Первая циркуляция заключается в прямых инвестициях со стороны развитых стран в развивающиеся. Вторая заключается также в инвестициях и переносе производств [Чен 2023: 445]. Таким образом, предлагается система, когда богатые вкладывают в бедных, получая дивиденды, но также позволяя развиваться последним. Аналогичным образом должны выстраиваться «карбоновые» правоотношения в логике рассматриваемых нормативных правовых актов. В данном случае видится важным при разработке юридических конструкций, которые впоследствии найдут свое отражение в едином или множестве международных соглашений, соблюсти баланс между эффективной реализацией описанной выше экономико-организационной системой и принципами уважения внутреннего суверенитета государств, а также их равенства в реализации международно-правовых отношений, на которых строится большинство норм Устава ООН[13].

Пункт «а» ч. 1 ст. 2 Соглашения устанавливает конкретный целевой показатель, к которому должны стремиться все страны – это прирост глобальной средней температуры ниже 1,5°С. К настоящему времени лишь некоторым государством удалось достигнуть данного показателя, остальные по большей степени только работают над этим, включая Россию, на территории которой действуют указы Президента Российской Федерации «О сокращении выбросов парниковых газов»[14], ориентированные на поэтапное сокращение рассматриваемого вредного воздействия на природу в разные периоды времени. При этом своеобразной точкой отсчета, с которой сопоставляется текущий и планируемый сокращенный выброс вредных веществ в атмосферу, является 1990 г., что представляется следствием реализации п. 4 ст. 3 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата от 11 декабря 1997 г.[15]

Применительно к странам – участницам БРИКС, включая Россию, отмечается недостаточность принимаемых мер для сокращения эмиссии парниковых газов. Рост производства в государствах, входящих в состав данной международной организации, приводит к ужесточению экологического законодательства. При введении в действие соответствующих юридических норм проводятся контрольные мероприятия, обеспечивающие экологическую устойчивость, под которой п. 3.13 ГОСТ Р ИСО 14090-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Адаптация к изменениям климата. Принципы, требования и руководящие указания, утвержденный Приказом Росстандарта от 12 сентября 2019 г. № 674-ст понимает «состояние глобальной системы, включая ее экологические, социальные и экономические аспекты, которое способно удовлетворять потребности общества в настоящем времени, не ставя под угрозу способность удовлетворять потребности будущих поколений»[16].

Основными субъектами такой надзорной деятельности выступают компетентные государственные органы и взаимодействующие с ними общественные объединения. Строгие экологические требования в ходе их реализации на практике приводят к сложным экономическим последствиям. Обусловлено это тем, что политика по защите атмосферного воздуха предполагает экологически чистые промышленные инновации, выступающие в качестве дополнительной нагрузки на предпринимателей. В большей степени страдают те из них, кто работает в отраслях, зависящих от ископаемого топлива. Китайские организации успешно внедряют стандарты использования возобновляемых источников энергии и сокращения выбросов, но в России экологические нормы менее строгие из-за того,

[13] Устав ООН. – *Официальный сайт ООН.* URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text. (дата обращения: 20 февраля 2026 г.).

[14] О сокращении выбросов парниковых газов: Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 752. – *СЗ РФ*. 2013. 7 окт. № 40 (часть III). Ст. 5053; О сокращении выбросов парниковых газов: Указ Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666. – СЗ РФ. 2020. 9 нояб. № 45. Ст. 7095; О сокращении выбросов парниковых газов: Указ Президента Российской Федерации. – *Российская газета*. 2025. 7 авг. № 175.

[15] Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата от 11 декабря 1997 г.

[16] ГОСТ Р ИСО 14090-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Адаптация к изменениям климата. Принципы, требования и руководящие указания, утвержденный Приказом Росстандарта от 12 сентября 2019 г. № 674-ст. М.: Стандартинформ. 2019.

что она делает упор на контролируемые государством энергетические отрасли. Бразилия, Индия и ЮАР демонстрирует различные уровни правоприменения, выражающиеся в углеродных тарифах, «зеленых» финансовых инвестициях. Объясняется это тем, что указанные страны стремятся к конкурентоспособности на мировом рынке за счет создания на своей территории условий, сопоставимых с экономически развитыми государствами.

Тем не менее в странах – участницах БРИКС при росте показателей выбросов парниковых газов фиксируется ослабление контроля со стороны компетентных субъектов, а не ужесточение экологического законодательства. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в странах с растущими выбросами углекислого газа промышленные приоритеты ставятся выше экологических. Это, в свою очередь, препятствует принятию эффективных организационно-правовых мер, поскольку правительства в основном сосредоточены на экономическом развитии, энергетической безопасности и конкуренции в бизнесе, а не на строгом контроле [Tian 2025].

Статья 4 Соглашения содержит механизм принятия мер государствами-участниками, направленных на сокращение выбросов парниковых газов. Первоначально каждая сторона объявляет о тех показателях, которые она сама для себя определяет, и которых планируется достичь. При этом такие показатели должны быть весьма амбициозными и не ограничивать их положительное перевыполнение. Еще одним требованием к таким заявлениям является их понятность для любого субъекта карбонового права, соответствовать принятым на международном уровне экологическим стандартам. Такого рода планы сообщаются конференции сторон – участников Конвенции один раз в пять лет, которые фиксируются в специальном реестре. Его ведет секретариат указанного коллективного актора. Развитые страны должны стремиться к полному прекращению вредного экологического воздействия, развивающиеся – на значительное сокращение с возможностью получения финансирования на это. Наименее развитые страны могут оформлять свои особенности, которые не позволяют достигать минимально возможных показателей, в стратегических документах [Суханова 2024]. Последние должны содержать план мероприятий, направленных на преодоление всех препятствий для достижения экологического благополучия на их территории. Любые действия, выгодные для государств-участников, сопутствующие комплексу мероприятий по сокращению вредного воздействия на окружающую природную среду, допустимы и могут свободно реализовываться. Например, можно модернизировать производственные процессы, направленные на интенсификацию экономического развития. Каждое государство должно вести учет своих действий, направленных на улучшение общего экологического благополучия. Таким положительным вкладом может являться увеличение объемов лесного хозяйства, приводящее к активизации природных процессов, связанных с абсорбцией.

Усиления положительного эффекта от предпринимаемых мер снижения выбросов парниковых газов на основании ст. 6 Соглашения можно достигать при помощи организации конструктивного сотрудничества с другими сторонами данного международного правового акта. То есть, допустимо организовать взаимное использование ресурсов каждой из сторон, чем повысить собственный потенциал для достижения положительного экологического эффекта.

Часть 8 ст. 6 рассматриваемого международно-правового акта устанавливает организационно-финансовую составляющую консолидации усилий всех государств-участников, направленных на снижение вредного воздействия от выброса парниковых газов. Делается это для интенсификации сотрудничества стран с тем, чтобы каждая из них устанавливала для себя все более высокую планку, достижение которой усилит рекреационный эффект на окружающую природную среду, вовлечет развивающиеся страны в активную деятельность по достижению целей обеспечения экологического благополучия, а также усилит количество субъектов, участвующих в таких правоотношениях вне зависимости от их организационно-правовой формы.

Согласно ст. 9 развитые государства в обязательном порядке финансируют мероприятия, предусмотренные Соглашением, остальные страны принимают в этом участие по мере собственных возможностей. При этом финансовое планирование должно осуществляться в перспективе не менее двух предстоящих лет. Также учитывается адресная поддержка со стороны конкретных развитых стран в отношении иных государств, например, на основе двустороннего договора о сотрудничестве. В соответствии с ч. 5 ст. 10 Соглашения развивающиеся страны, продемонстрировавшие наиболее эффективные

механизмы использования финансовых ресурсов с целью оздоровления экологии, могут рассчитывать на дополнительную экономическую поддержку для развития достигнутого успеха в части ограничения выброса парниковых газов.

Часть 3 ст. 13 Соглашения определяет, что обеспечение финансового участия государств в противодействии выбросам парниковых газов должно осуществляться при помощи мер стимулирующего характера, не предполагающего какого-либо императивного воздействия со стороны международных организаций, государств или иных субъектов права. В ст. 14 и 15 Соглашения раскрываются такие меры, суть которых заключается в сборе и обобщении информации о проделанной работе, обмене лучшими практиками между государствами, выражением соответствующих рекомендаций. Также на международном уровне формируется пул экспертов, которые выражают свое мнение, изучают имеющиеся экологические проблемы, анализируют те материалы, которые предоставляют страны-участницы.

Конвенция предусматривает необходимость создания государствами-участниками условий для адаптации к происходящему глобальному потеплению. Соглашение в ряде положений детализирует данное декларативное положение. На основании п. 4 ст. 8 в рамках сотрудничества между странами производится интеграция систем раннего предупреждения стихийных бедствий, а также максимальная готовность к их наступлению; осуществление мониторинга возможных рисков, а также управление ими; расширение перечня условий страхования; противодействие неэкономическим потерям; согласование с населением разных категорий, включая коренные и малочисленные народы, условий обеспечения сокращения выбросов парниковых газов с параллельным сохранением и преумножением благосостояния каждого человека.

Своеобразным итогом применения Соглашения и других документов международного климатического права выступают решения Конференции ООН по изменению климата. Одной из последних является 26-я Конференции ООН по изменению климата (КС-26), проходившая в Глазго с 31 октября по 12 ноября 2021 г., на которой было подтверждено стремление сохранить прирост температуры воздуха не выше 1,5°C, снизить использование угля на предприятиях, удвоить финансирование экологических программ со стороны развитых стран, как минимум вдвое, остановить вырубку лесов и т.д.[17]

Современные исследования на основании анализа тенденций изменения климата также формулируют определенные угрозы, к которым необходимо готовиться с правотворческой точки зрения. К таковым относятся небывало сильные извержения вулканов, разломы земной коры, сильные вспышки на Солнце и т.д. [Коваль, Лозо, Зенин 2023]

Ю.Н. Харари справедливо замечает, что в вопросе глобального потепления у государств фактически отсутствует суверенитет не только потому, что необходимо строго соблюдать международное право в этой сфере или недостаточности ресурсов у некоторых стран. Дело состоит в том, что такие сильные политико-правовые режимы, как Китай и Япония подвержены большим рискам возникновения стихийных бедствий для Шанхая и Токио соответственно даже если сами достигнут углеродного баланса. Чтобы сохранить свои прибрежные пространства, им необходимо убеждать США и Россию ускорять темпы «декарбонизации» [Харари 2024:155].

Российское правовое регулирование

Сохранение окружающей природной среды – безусловная ценность, актуальная практически для каждого правопорядка на планете. Однако воплощение в реальности данной ценности достигается разными способами на основе тех ценностей, которые сформированы в соответствующем обществе. Например, США вышли из ряда международных соглашений по сокращению вредных выбросов. На этом фоне должна иметь место гармонизация тех целей правового регулирования, которые закреплены на международном уровне, и внутринационального правового регулирования при обязательном условии сохранения суверенитета [Гуманитарный потенциал … 2024:202] каждого государства, отвечающего всем признакам данной публично-правовой категории [Общая теория … 2016:120-129; Груздев 2019].

[17] Glasgow Climate Pact. – *Официальный сайт ООН*. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/cop26 (дата обращения: 19 февраля 2026 г.).

Именно поэтому ст. 15 Конституции Российской Федерации содержит в себе такую иерархию юридической силы различных нормативных актов, которая ориентируется на баланс абсолютно всех публично-правовых притязаний, но с обеспечением независимости и безопасности национальных интересов. Чтобы данный нарратив правильно воспринимался, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно толковал соответствующие положения[18], вносились изменения в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[19], но и этого было мало [Хабриева 2025]. В результате поправки 2020 г.[20] поставили точку в дискуссиях о верховенстве российского акта высшей юридической силы, что нашло свое отражение в его ст. 79.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. закладывает отдельные основы для ограничения выброса парниковых газов. На основании ч. 2 ст. 41 поощряется деятельность, направленная на обеспечение экологического благополучия граждан. Иными словами, любые заинтересованные субъекты «карбонового права» могут рассчитывать на ту или иную государственную поддержку в случае своей инициативной деятельности, направленной на оздоровление окружающей природной среды. Вместе с тем приходится констатировать, что объемы эмиссии парниковых газов на территории Российской Федерации продолжают расти[21]. Представители природозащитных организаций и другие активисты обращаются в судебные инстанции, пытаясь преодолеть описанную тенденцию[22]. На ухудшение экологической обстановки указывают и ученые [Абдуллин, Валиуллина 2025:47], причиной чего чаще всего становится приоритет экономической выгоды [Валиуллина 2024:41], на что уже неоднократно обращено внимание выше.

В.Н. Харьков [Харьков 2024] ставит справедливый вопрос о необходимости официального толкования термина «экологическое благополучие», которое выводит, в том числе через Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который в п. 5 устанавливает критерии достижения обозначенной конституционной категории. Среди них п. «б» и «д» относятся, соответственно, к сокращению выброса вредных газов и абсорбции путем расширения масштабов лесного хозяйства и развития туризма в дикой природе[23]. В.Н. Коваль, толкуя ст. 42 Конституции Российской Федерации ставит во главу угла приоритет интересов личности, которые достигаются, в том числе путем снижения вредного воздействия на окружающую природную среду, что находит свое отражение на законодательном уровне [Коваль 2024:54]. Данная норма реализуется на практике, обеспечивая экологическое благополучие граждан. Например, в Постановлении Арбитражного

[18] По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 г. № 17-П. – *СЗ РФ*. 2012. 16 июля. № 29. Ст. 4169; По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П. – *СЗ РФ*. 2016. 25 апр. № 17. Ст. 2480 и др.

[19] О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федер. конст. закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ. – *СЗ РФ*. 2015. 21 дек. № 51 (часть I). Ст. 7229.

[20] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. – *СЗ РФ*. 2020. 16 марта. № 11. Ст. 1416.

[21] Окружающая среда. – *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/kl-2_2023.xlsx. (дата обращения: 20 февраля 2026 г.).

[22] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ануфриевой Дарьи Александровны, Бережкова Дмитрия Владимировича и других, а также Калининградской региональной общественной организации «Экозащита!-Женсовет» на нарушение их конституционных прав рядом положений: Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2024 г. № 1158-О. – *СПС «КонсультантПлюс»*.

[23] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. – **СЗ РФ.** 2024. 13 мая. № 20. Ст. 2584.

суда Северо-Кавказского округа от 13 июня 2024 г. № Ф08-3885/2024 по делу № А61-840/2023 рассматривался вопрос об ограничении вредного воздействия на атмосферный воздух предприятия, производящего мебель .

Согласно п. «е» ст. 71 национального акта высшей юридической силы установление основ федеральной политики и принятие соответствующих программ в области экологического развития Российской Федерации относится к ведению федерального центра. В частности, сюда можно отнести Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г.[25] и Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., утвержденную Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р[26].

В соответствии с п. «д» ст. 72 Конституции Российской Федерации обеспечение экологической безопасности является предметом совместного ведения с регионами России. Такой подход можно обосновать необходимостью максимальной вовлеченности в процесс защиты окружающей природной среды максимального числа субъектов публичного управления, в том числе для того, чтобы оперативно решать внезапно возникающие проблемы. При этом экологические основы государственной политики также неизбежно будут вовлекать в процесс своей реализации все уровни государственной власти и местного самоуправления. С практической точки зрения это может выражаться в установлении обязательств на федеральном уровне в отношении предприятий, осуществляющих выбросы вредных веществ в атмосферу, устанавливать системы постоянного мониторинга объемов парниковых газов [Заславская 2023]. Контроль за реализацией обозначенного требования могут осуществлять региональные органы государственной власти.

Совокупность проанализированных положений российского акта высшей юридической силы является основанием для формулирования учеными концепции экологического конституционализма [Бондарь 2023; Киреев 2023], что видится перспективным с точки зрения приоретезации обеспечения экологической безопасности не только в стране, но и в мире.

На основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы.

1. Международно-правовой подход, связанный с распределением государств по уровню развития в процессе противодействия эмиссии парниковых газов, имеет не только положительный эффект. Такая градация делает уязвимым суверенитет развивающихся и слабо развитых стран, поскольку развитые не только оказывают поддержку, но и интегрируют модели такой публично-правовой деятельности в соответствующие правопорядки. Это еще один способ политического влияния «коллективного Запада» через юридические инструменты, в том числе на внутрироссийские общественно значимые процессы.

2. В действующем праве и практике развивается обмен углеродными единицами, которые в большей степени ориентированы на выбросы. Вместе с тем видится перспективным стимулирование абсорбции с последующим формированием неких аналогов. Таким образом, безусловно, не удастся коренным образом изменить экологическую обстановку, но это может быть дополнительным вкладом в общее дело оздоровления атмосферного воздуха.

3. Перспективным направлением развития «карбонового права» является вовлечение в процесс противодействия эмиссии парниковых газов максимального числа субъектов. Данное направление деятельности не должно выступать исключительной государственной компетенцией. Коммерческие организации, общественные объединения, иные институты гражданского общества в состоянии сделать свой вклад в улучшение экологической обстановки по мере сил и возможностей при перспективах стимулирования обозначенной деятельности.

[24] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 июня 2024 г. № Ф08-3885/2024 по делу № А61-840/2023. – *СПС «КонсультантПлюс»*.

[25] Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г. – *СПС «КонсультантПлюс»*.

[26] Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р. – *СЗ РФ*. 2021. 8 нояб. № 45. Ст. 7556.

Список литературы

1. Абдуллин А.И., Валиуллина К.Б. 2025. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: происхождение, развитие, современное состояние. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 44-58. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-3-44-58.
2. Андреев А.Ф., Берестов В.Б., Бернацких И.В. и др. 2024. *Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке*. Коллективная монография. Москва: РГГУ. 648 с.
3. Бондарь Н.С. 2023. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике. – *Российская юстиция*. № 6. С. 11-20. DOI: 10.52433/01316761_2023_06_11.
4. Валиуллина К.Б. 2024. Актуальные вопросы международного сотрудничества в сфере обеспечения экологической безопасности. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 36-48. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-3-36-48.
5. Геррейро А. 2025. Соответствуют ли «санкции» Европейского союза против России международному праву? – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6-23. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-3-6-23.
6. Годованик Е.В., Росенко М.И. 2025. Принцип суверенного равенства государств как фундаментальная основа международного правопорядка. – *Международное и отечественное право*. Сборник научных статей по итогам VII Севастопольского юридического форума. Тюмень: ТюмГУ-Press. С. 163-165.
7. Груздев В.В. 2019. Государства без «признаков государства» на территории Аравийского полуострова и северной Африки. – *Вестник Костромского государственного университета*. Т. 25. № 1. С. 200-202.
8. *Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации*. Монография. Под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. 240 с.
9. Заславская Н.М. 2023. Общая характеристика экологического законодательства в контексте цифровизации государственного экологического управления. – *Экологическое право*. № 6. С. 10-16. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-6-10-16.
10. Иванов С.М. 2024. Ирано-израильский конфликт – одна из главных угроз международной безопасности. – *Дипломатическая служба*. № 4. С. 327-339. DOI: 10.33920/vne-01-2404-04.
11. Киреев В.В. 2023. Концепция российского экологического конституционализма: вопросы результативности и управления рисками. – *Российская юстиция*. № 6. С. 21-27. DOI: 10.52433/01316761_2023_06_21.
12. Коваль В.Н. 2024. Проблемы учета частноправовых интересов в процессе разработки правовой концепции экологии города Севастополя. – *Власть Закона*. № 1 (57). С. 46-57.
13. Коваль В.Н., Лозо В.И., Зенин С.С. 2023. Смена парадигмы экологического права в условиях новой реальности. – *Lex russica*. Т. 76. № 3. С. 110-123. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123.
14. Кривельская О.В. 2025. Международное административное право в свете последних мировых изменений. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 74-83. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-4-74-83.
15. *Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 1: Государство*. 2016. Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М. 576 с.
16. Орлов А.А. 2016. Новые вызовы и угрозы безопасности для государств ОДКБ и формы реагирования на них. – *Международная аналитика*. № 2 (16). С. 7-12.
17. Суханова А.А. 2024. *Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации*. Монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 159 с.
18. Таболин В.В. 2019. *Правовая теория современного российского города*. Монография. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Юрайт. 358 с.
19. Хабриева Т.Я. 2025. «Традиция заимствований» и развитие национального права. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 3. С. 5-13. DOI: 10.61205/jzsp.2025.3.1.
20. Харари Ю.Н. 2024. *21 урок для XXI века*. Пер. с англ. Ю. Гольдберга. Москва: Синдбад. 416 с.
21. Харьков В.Н. 2024. Актуальные проблемы охраны земельных ресурсов Российской Федерации. – *Экологическое право*. № 6. С. 26-29. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-6-26-29.
22. Худяков А.В. 2017. Проблемы правового регулирования продовольственной безопасности (российский и зарубежный опыт). – *Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения*. Сборник статей по материалам II международной научно-практической конференции. Москва: Интернаука, С. 59-65.
23. Чен Э. 2023. *Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху*. Монография. Москва: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог. 464 с.
24. Bai C., Xie D., Zhang Y. 2024. Industrial land transfer and enterprise pollution emissions: Evidence from China. – *Economic Analysis and Policy*. T. 81. P. 181-194. DOI: 10.1016/j.eap.2023.11.029.
25. Gong Y. et al. 2025. The evolution of research at the intersection of industrial ecology and artificial intelligence. – *Journal of Industrial Ecology*. T. 29. №. 2. P. 440-457. DOI: 10.1111/jiec.13612.
26. Hussain S. et al. 2025. Science, technology, and novelty for sustainable development goals: Perspectives and challenges from environment, ecology, and human society in a changing world. – *Role of Science and Technology for Sustainable Future: Volume 2-Applied Sciences and Technologies*. P. 3-21. DOI: 10.1007/978-981-97-5177-8_1.
27. Kejora M.T. B. et al. 2025. Ekopesantren: An Ecology-Based Education Model with Local Wisdom Supports the Sustainable Development Goal's. – *AL-ISHLAH: Jurnal Pendidikan*. T. 17. №. 1. P. 291-306.
28. Tian G., Khan I. 2025. Impact of energy end-uses and efficiency indicators on the environmental policy stringency index. – *Energy*. P. 136232. DOI: 10.1016/j.energy.2025.136232.

References

1. Abdullin A.I., Valiullina K.B. E`kologicheskaya bezopasnost` v sisteme nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: proisxozhdenie, razvitie, sovremennoe sostoyanie [Environmental safety in the national security

system of the Russian Federation: origin, development, current state]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2025. № 3. S. 44-58. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-3-44-58. (In Russ.)
2. Andreev A.F., Berestov V.B., Bernackih I.V. i dr. *Sovremennye tendencii mezhdunarodnyh otnoshenij i ih vliyanie na nacional'nuyu bezopasnost' Rossijskoj Federacii v XXI veke [Current trends in international relations and their impact on the national security of the Russian Federation in the 21st century].* Kollektivnaya monografiya. Moscow: RGGU, 2024. 648 s. (In Russ.)
3. Bai C., Xie D., Zhang Y. Industrial land transfer and enterprise pollution emissions: Evidence from China. – *Economic Analysis and Policy.* 2024. T. 81. P. 181-194. DOI: 10.1016/j.eap.2023.11.029.
4. Bondar' N.S. Ekologicheskij konstitucionalizm v sovremennoj yurisprudencii: ot doktriny k praktike [Environmental constitutionalism in modern jurisprudence: from doctrine to practice]. – *Rossijskaya yusticiya [Russian justice].* 2023. № 6. S. 11-20. DOI: 10.52433/01316761_2023_06_11. (In Russ.)
5. Gerrejro A. Sootvetstvuyut li «sankcii» Evropejskogo soyuza protiv Rossii mezhdunarodnomu pravu? [Does the "sanctions" of the European Union against Russia comply with international law?] – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2025. № 3. S. 6-23. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-3-6-23.
6. CHen E. *Mirovaya obstanovka i kitajskaya ekonomika v novuyu epohu [World situation and Chinese economy in a new era].* Monografiya. Moscow: INIR im. S.YU. Vitte: Centrkatalog. 2023. 464 s. (In Russ.)
7. Godovanik E.V., Rosenko M.I. Princip suverennogo ravenstva gosudarstv kak fundamental'naya osnova mezhdunarodnogo pravoporyadka [The principle of sovereign equality of States as the fundamental basis of the international legal order]. – *Mezhdunarodnoe i otechestvennoe pravo [International and domestic law].* Sbornik nauchnyh statej po itogam VII Sevastopol'skogo yuridicheskogo foruma. Tyumen': TyumGU-Press, 2025. S. 163-165. (In Russ.)
8. Gong Y. et al. The evolution of research at the intersection of industrial ecology and artificial intelligence. – *Journal of Industrial Ecology.* 2025. T. 29. №. 2. C. 440-457. DOI: 10.1111/jiec.13612. (In Russ.)
9. Gruzdev V.V. Gosudarstva bez «priznakov gosudarstva» na territorii Aravijskogo poluostrova i severnoj Afriki [States without "signs of a state" in the Arabian Peninsula and northern Africa]. – *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University].* 2019. T. 25. № 1. S. 200-202. (In Russ.)
10. *Gumanitarnyj potencial Konstitucii Rossijskoj Federacii [Humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation].* Monografiya. Pod red. G.N. CHebotareva. Tyumen': TyumGU-Press, 2024. 240 s. (In Russ.)
11. Habrieva T.YA. «Tradiciya zaimstvovanij» i razvitie nacional'nogo prava [«Tradition of borrowing» and development of national law]. – *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Law and Comparative Law].* 2025. № 3. S. 5-13. DOI: 10.61205/jzsp.2025.3.1. (In Russ.)
12. Harari YU.N. *21 urok dlya XXI veka [21 lessons for the 21st century].* Per. s angl. YU. Gol'dberga. Moscow: Sindbad, 2024. 416 s. (In Russ.)
13. Har'kov V.N. Aktual'nye problemy ohrany zemel'nyh resursov Rossijskoj Federacii [Actual problems of land resources protection in the Russian Federation]. – *Ekologicheskoe pravo [Environmental law].* 2024. № 6. S. 26-29. DOI: 10.18572/1812-3775-2024-6-26-29. (In Russ.)
14. Hudyakov A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya prodovol'stvennoj bezopasnosti (rossijskij i zarubezhnyj opyt) [Problems of legal regulation of food security (Russian and foreign experience)]. – *Teoreticheskie aspekty yurisprudencii i voprosy pravoprimeneniya [Theoretical aspects of jurisprudence and law enforcement issues].* Sbornik statej po materialam II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moscow: Internauka, 2017. S. 59-65. (In Russ.)
15. Hussain S. et al. Science, technology, and novelty for sustainable development goals: Perspectives and challenges from environment, ecology, and human society in a changing world. – *Role of Science and Technology for Sustainable Future: Volume 2-Applied Sciences and Technologies.* 2025. P. 3-21. DOI: 10.1007/978-981-97-5177-8_1.
16. Ivanov S.M. Irano-izrail'skij konflikt – odna iz glavnyh ugroz mezhdunarodnoj bezopasnosti [The Iran-Israel conflict is one of the main threats to international security]. – *Diplomaticheskaya sluzhba [Diplomatic Service].* 2024. № 4. S. 327-339. DOI: 10.33920/vne-01-2404-04. (In Russ.)
17. Kejora M.T.B. et al. Ekopesantren: An Ecology-Based Education Model with Local Wisdom Supports the Sustainable Development Goal's. – *AL-ISHLAH: Jurnal Pendidikan.* 2025. T. 17. №. 1. P. 291-306.
18. Kireev V.V. Koncepciya rossijskogo ekologicheskogo konstitucionalizma: voprosy rezul'tativnosti i upravleniya riskami [The concept of Russian environmental constitutionalism: issues of performance and risk management]. – *Rossijskaya yusticiya [Russian justice].* 2023. № 6. S. 21-27. DOI: 10.52433/01316761_2023_06_21. (In Russ.)
19. Koval' V.N. Problemy ucheta chastnopravovyh interesov v processe razrabotki pravovoj koncepcii ekologii goroda Sevastopolya [Problems of taking into account private legal interests in the process of developing the legal concept of ecology of the city of Sevastopol]. – *Vlast' Zakona [The Rule of Law].* 2024. № 1 (57). S. 46-57. (In Russ.)
20. Koval' V. N., Lozo V. I., Zenin S. S. Smena paradigmy ekologicheskogo prava v usloviyah novoj real'nosti [A paradigm shift in environmental law in a new reality]. – *Lex russica.* 2023. T. 76. № 3. S. 110–123. S. 118. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.110-123. (In Russ.)
21. Krivel`skaya O.V. Mezhdunarodnoe administrativnoe pravo v svete poslednix mirovy`x izmenenij [International administrative law in light of recent world changes]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2025. № 4. S. 74-83. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-4-74-83.
22. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v trekh tomah. Tom 1: Gosudarstvo [General theory of state and law. Academic course in three volumes. T. 1: State].* Otv. red. M.N. Marchenko. 4-e izd., pererab. i dop. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. 576 s. (In Russ.)
23. Orlov A.A. Novye vyzovy i ugrozy bezopasnosti dlya gosudarstv ODKB i formy reagirovaniya na nih [New challenges and security threats for the CSTO states and forms of response to them]. – *Mezhdunarodnaya*

analitika [International Analytics]. 2016. № 2 (16). S. 7-12. (In Russ.)
24. Suhanova A.A. *Konstitucionnye cennosti kak osnova soderzhaniya i realizacii gosudarstvennyh programm Rossijskoj Federacii [Constitutional values as the basis for the content and implementation of state programs of the Russian Federation]*. Monografiya. CHelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU, 2024. 159 s. (In Russ.)
25. Tabolin V.V. *Pravovaya teoriya sovremennogo rossijskogo goroda [Legal theory of the modern Russian city]*. Monografiya. 2-e izd., per. i dop. Moscow: YUrajt, 2019. 358 s. (In Russ.)
26. Tian G., Khan I. Impact of energy end-uses and efficiency indicators on the environmental policy stringency index. – *Energy*. 2025. C. 136232. DOI: 10.1016/j.energy.2025.136232.
27. Valiullina K.B. Aktual`ny`e voprosy` mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere obespecheniya e`kologicheskoj bezopasnosti [Topical issues of international cooperation in the field of environmental safety]. – *Moscow Journal of International Law [Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava]*. 2024. № 3. S. 36-48. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-3-36-48.
28. Zaslavskaya N.M. Obshchaya harakteristika ekologicheskogo zakonodatel'stva v kontekste cifrovizacii gosudarstvennogo ekologicheskogo upravleniya [General characteristics of environmental legislation in the context of digitalization of state environmental management]. – *Ekologicheskoe pravo [Environmental law]*. 2023. № 6. S. 10-16. DOI: 10.18572/1812-3775-2023-6-10-16. (In Russ.)

Информация об авторах

Станислав Александрович ВАСИЛЬЕВ
Кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории «Функциональные основы моделирования социального поведения», Тюменский государственный университет

Володарского ул., 6, Тюмень, 625003, Российская Федерация

mnogoslov@mail.ru
ORCID 0000-0003-2752-240X

Инна Олеговна ВАСИЛЬЕВА
Магистрант Юридического института, Севастопольский государственный университет

Университетская ул., 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

inna_ilina@mail.ru
ORCID 0009-0004-2536-8888

About the Authors

Stanislav A. VASILEV
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Functional Foundations of Social Behavior Modeling, Tyumen State University

6, Volodarskogo St., Tyumen, Russian Federation, 62500

mnogoslov@mail.ru
ORCID 0000-0003-2752-240X

Inna O. VASILYEVA
Master's Student, Law Institute, Sevastopol State University

33, Universitetskaya St., Sevastopol, Russian Federation, 299053

inna_ilina@mail.ru
ORCID 0009-0004-2536-8888

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 17.01.2026
Принята к публикации: 12.03.2026

Анна Геннадиевна ШИПИКОВА
Московский городской суд
Богородский вал, 8, Москва, 107076, Российская Федерация
Shipikova-@mail.ru
ORCID 0009-0007-4065-5158

НАСЛЕДОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. *Настоящая статья посвящена анализу актуальной проблемы защиты прав человека при наследовании цифровых объектов, не имеющих экономической ценности или с неопределенной экономической ценностью, и связанных с частной жизнью наследодателя. К подобным объектам относятся учетные записи на интернет-платформах, электронная переписка, личные фотографии и иные формы цифрового самовыражения, составляющие неотъемлемую часть частной жизни современного человека (далее – цифровые объекты личного характера)[1]. После смерти лица возникает комплекс вопросов в сфере наследственного права, защиты персональных данных и охраны личных неимущественных прав. Целью исследования является выявление правовых пробелов и противоречий в области наследования цифровых объектов, сравнительный анализ формирующихся подходов к их преодолению в праве Европейского союза (далее – ЕС) и в национальном праве зарубежных государств, а также оценка перспектив развития законодательства Российской Федерации (далее – РФ) в этой области с учетом особенностей отечественной правовой системы.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Теоретическую основу исследования составляют научные работы отечественных и зарубежных юристов, включая специалистов по праву ЕС и национальному праву зарубежных государств и России. Методология исследования включает методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также сравнительно-правовой и формально-*

[1] В настоящей статье выражение «цифровые объекты личного характера» используется в рабочем значении и обозначает совокупность цифровых данных, информации и содержания учетных записей, относящихся к сфере частной жизни наследодателя и как правило не предназначенных для извлечения имущественной выгоды.

юридический методы. Эмпирическую базу исследования составляют правовые акты ЕС, нормы национального права зарубежных государств и РФ, пользовательские соглашения интернет-платформ, судебная практика.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Анализ показал, что в настоящее время отсутствует унифицированный подход к регулированию наследования цифровых объектов личного характера. Право ЕС обеспечивает защиту цифровых данных живых лиц, однако в отношении данных умерших наднациональный режим защиты данных не установлен, и регулирование возможно на национальном уровне [De Miguel Beriain, Duarte Sánchez, Castillo Parrilla 2021:788]. Государства – члены ЕС демонстрируют разнообразие подходов к исследуемой теме: от включения имущественных прав и обязанностей из пользовательских соглашений[2] с интернет-платформами в состав наследства до закрепления прижизненных распоряжений о судьбе цифровых данных и предоставления наследникам (или иным уполномоченным лицам) полномочий по осуществлению отдельных прав в отношении персональных данных умершего на основании национального законодательства. Правовое регулирование в Соединенных Штатах Америки (далее – США) предусматривает процедурную иерархию, ставящую во главу угла волю наследодателя. В законодательстве РФ отсутствует прямое регулирование и неразвита правоприменительная практика в данной области. Положение усугубляется тем, что императивные предписания наследственного права, определяющие состав наследства, не дают однозначного ответа на вопрос о включении в него отдельных видов цифровых объектов, вследствие чего интернет-платформы нередко ограничивают доступ наследников, ссылаясь на условия пользовательских соглашений. Вместе с тем национальное законодательство закрепляет некоторые правовые механизмы защиты, которые можно распространить и на цифровые объекты.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Цифровизация требует адаптации наследственного права. Для эффективного правового регулирования наследования цифровых объектов личного характера, в России необходимо последовательно развивать имеющиеся правовые механизмы. В качестве приоритетных направлений совершенствования законодательства предлагается, во-первых, законодательное закрепление возможности совершения гражданином прижизненного цифрового распоряжения, определяющего судьбу его учетных записей и персональных данных, что можно реализовать через изменения в Федеральном законе РФ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Во-вторых, требуется расширение полномочий исполнителя завещания (душеприказчика) и предоставление ему законного права на взаимодействие с интернет-платформами для исполнения воли умершего или охраны его цифрового наследия[3]. В-третьих, необходима разработка такого правового механизма, который будет учитывать законные интересы всех заинтересованных лиц. Только комплексный подход, учитывающий как автономию воли наследодателя, так и необходимость процедурных гарантий для всех участников цифровых отношений, позволит преодолеть правовую неопределенность и обеспечить эффективную защиту прав человека в условиях цифровизации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровое наследие, цифровой объект, цифровой актив, цифровой объект наследования, наследственное право, посмертная конфиденциальность, персональные данные, учетная запись, аккаунт*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шипикова А.Г. 2026. Наследование отдельных цифровых объектов в национальном законодательстве России и праве Европейского союза: теоретические и практические вопросы. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 165–177. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[2] Под «пользовательским соглашением» в настоящей статье понимается гражданско-правовой договор между лицом интернет-платформой, определяющий условия предоставления доступа к функционалу сервиса, порядок обработки персональных данных, режим использования размещенной информации, а также права и обязанности сторон.

[3] Под «цифровым наследием» в настоящей статье понимается та часть наследственной массы, которая находиться в цифровой среде.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177

Research article
UDC: 341
Received: 11 January 2026
Approved: 12 March 2026

Anna G. SHIPIKOVA
Moscow City Court
8, Bogorodsky Val, Moscow, Russian Federation, 107076
Shipikova-@mail.ru
ORCID 0009-0007-4065-5158

INHERITANCE OF INDIVIDUAL DIGITAL OBJECTS IN RUSSIAN NATIONAL LEGISLATION AND EUROPEAN UNION LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

INTRODUCTION. *This article examines a pressing issue of human-rights protection arising in the inheritance of digital objects that have no economic value or have an indeterminate economic value and are closely linked with the decedent's private life (hereinafter "digital objects of a personal nature"). Such objects include accounts on online platforms, electronic correspondence, personal photographs, and other forms of digital self-expression that constitute an integral part of a modern individual's private life. Upon a person's death, a complex set of questions arises in the field of succession law, personal data protection, and the safeguarding of non-pecuniary personal rights. The purpose of the study is to identify legal gaps and inconsistencies in this area, to conduct a comparative analysis of emerging approaches to addressing them within EU law and in the national law of foreign states, and to assess the prospects for developing relevant regulation in the Russian Federation, taking into account the specific features of the domestic legal system.*

MATERIALS AND METHODS. *The theoretical foundation of the study is based on scholarly works by domestic and foreign legal scholars, including experts in EU law, the national law of foreign states, and Russian law. The research methodology includes the methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as the comparative legal method and the formal legal method. The empirical basis of the study comprises EU legal acts, the norms of the national law of foreign states and the Russian Federation, user agreements, and case law.*

RESULTS. *The analysis shows that there is currently no unified approach to regulating the inheritance of digital objects of a personal nature. EU law protects the digital data of living persons; however, with respect to the data of deceased persons, no supranational data-protection regime has been established, and regulation is possible at the national level. EU Member States demonstrate a variety of approaches, ranging from including proprietary rights and obligations arising from user agreements with online platforms in the estate to recognizing lifetime dispositions concerning the fate of digital data and granting heirs (or other authorized persons) powers to exercise certain rights with respect to the deceased person's personal data under national legislation. Legal regulation in the United States of America provides a procedural hierarchy that places the decedent's intent at the forefront. In Russia, there is no direct regulation and judicial practice in this area remains underdeveloped. The situation is further aggravated by the fact that mandatory rules of succession law defining the composition of the estate do not provide an unambiguous answer as to whether certain types of digital objects form part of the estate; as a result, online platforms often restrict heirs' access, referring to the terms of their user agreements. At the same time, domestic legisla-*

tion provides certain legal protection mechanisms that can be applied to digital objects as well.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Digitalization requires the adaptation of traditional succession-law constructs. To effectively regulate the inheritance of digital objects of a personal nature, Russia needs to develop existing legal mechanisms in a consistent manner. The priority directions for legislative improvement proposed are: first, to legally recognize the possibility for an individual to make a lifetime digital directive determining the fate of their accounts and personal data, which could be implemented through amendments to the Federal Law "On Personal Data" (July 27, 2006 No. 152-FZ); second, to expand the powers of the executor of the will, granting them a statutory right to interact with online platforms in order to carry out the decedent's intent or protect their digital legacy; and third, to develop a mechanism that takes into account the legitimate interests of all stakeholders. Only a comprehensive approach that considers both the autonomy of the decedent's will and the need for procedural safeguards for all participants in digital relations can overcome legal uncertainty and ensure effective human rights protection in the digital age.*

KEYWORDS: *digital legacy, digital object, digital asset, digital object of inheritance, succession law, post-mortem privacy, personal data, account*

FOR CITATION: Shipikova A.G. Inheritance of Individual Digital Objects in Russian National Legislation and European Union Law: Theoretical and Practical Issues. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 1. P. 165–177. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-165-177

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Особенности используемой терминологии

Настоящее исследование целесообразно начать с уточнения используемой терминологии. В современной юридической доктрине отсутствует единообразный подход к определению ключевых понятий, а именно, «цифровой объект» и «цифровой актив». Такая концептуальная разрозненность формирует терминологическую неопределенность и способствует взаимозаменяемому употреблению категорий, что затрудняет корректный анализ наследственно-правовых последствий оборота цифровых объектов. Сложность терминологической проблемы проистекает из двойственной природы многих цифровых объектов, которые одновременно могут воплощать в себе как имущественные ценности, так и нематериальные проявления личности.

В рамках этой статьи автор придерживается подхода, согласно которому цифровой объект понимается как родовое, собирательное понятие. Это понятие шире, чем категория «цифровой актив», и включает в себя не только элементы, обладающие экономической полезностью (имущественные права), но и блага, ценность которых носит сугубо личный характер (неимущественные права). К последним относятся цифровые объекты, составляющие основу цифровой идентичности и частной жизни личности: личная переписка, фотографии, учетные записи в социальных сетях и т.д.

Цифровые активы рассматриваются как цифровые объекты, предназначенные для участия в обороте с целью извлечения прибыли или удовлетворения иных имущественных интересов. Классическими примерами являются криптовалюты, токенизированные финансовые инструменты, электронные денежные средства, а также учетные записи на платных интернет-платформах и т.д.

Важно отметить, что цифровая среда порождает также множество гибридных форм, которые с трудом поддаются однозначной классификации. Так, учетная запись популярного видеоблогера одновременно является носителем личного творческого самовыражения и источником стабильного дохода от рекламы и подписок [Ахмадуллина 2022:133-136]. Подобные пограничные ситуации требуют особого внимания при формировании правового режима, поскольку предполагают необходимость балансирования между имущественными интересами наследников и обеспечением посмертной охраны нематериальных благ наследодателя, включая защиту его

репутации и неприкосновенности частной жизни (далее – посмертная конфиденциальность)[4].

Вопросы наследования цифровых объектов личного характера в значительной мере не урегулированы. По этой причине определение правовой природы таких цифровых объектов, их правового режима, подходов к наследованию становятся темой научных дискуссий, различных правовых инициатив, судебных разбирательств и т.д. [Harbinja, McVey, Edwards 2024:20-25; Haneman 2025:1612; Суворов 2022:114-117].

2. Доктринальные подходы к наследованию цифровых объектов и посмертной конфиденциальности

В условиях стремительного распространения цифровых объектов личного характера, а также интенсивного обмена персональной информацией на интернет-платформах, все отчетливее осознается необходимость в формировании правовых механизмов защиты конфиденциальности лица, в том числе после его смерти [Harbinja 2017:26-27]. Правовая судьба цифровых объектов личного характера стала предметом активной научной дискуссии, в рамках которой сформировались различные доктринальные подходы к поиску баланса между правом наследников на доступ к информации и материалам, связанным с личностью наследодателя и необходимостью посмертной охраны его частной жизни.

На этом фоне дискуссия о посмертной конфиденциальности цифровых следов концептуально сближается с развивающейся доктриной «нейроправ» или права на психическую целостность личности как ответ на возможность извлечения из данных сведений о частной жизни и внутреннем состоянии индивида. Эти подходы позволяют точнее обосновать повышенный режим охраны отдельных категорий цифровых объектов личного характера [Торкунова 2025:43-44; Алиев 2025:96-97].

Некоторые специалисты в своих исследованиях делают попытку обосновать необходимость охраны неприкосновенности частной жизни после смерти. Концепция опирается на уважение достоинства и автономии личности и может реализовываться через договорные отношения между пользователями и интернет-платформами, нормы о правах человека, а также через расширительное толкование законодательства о персональных данных [Edwards, Harbinja 2013:113-118]. Данные специалисты также отмечают различие между англо-саксонской правовой системой, которой исторически характерен скептицизм в отношении признания прав за умершим, поскольку со смертью физического лица прекращается и субъект права, и романо-германской системой, склонной их защищать из уважения к достоинству усопшего [Edwards, Harbinja 2013:120-123].

Другие ученные отмечают, что основное препятствие для признания посмертной конфиденциальности заключается в исчезновении субъекта права после смерти человека и, как следствие, прекращении его личных интересов, включая право на частную жизнь. Вместе с тем они обращают внимание на то, что цифровой образ личности, существующий как при жизни, так и после смерти, формируется из потоков информации. Этот факт может стать основанием для признания за посмертными цифровыми образами особого правового режима охраны, вытекающего из человеческого достоинства, в том числе для обеспечения неприкосновенности частной жизни лица после его смерти. По их мнению, развитие новых технологий позволяет рассматривать посмертную цифровую учетную запись в качестве неактивного квазисубъекта, что обосновывает сохранение охраны неприкосновенности частной жизни, основанной на достоинстве личности [Buitelaar 2017:139-141].

Сходный подход развивают и эксперты, предлагающие рассматривать персональные данные умершего в качестве особого квазиимущества. По их мнению, при отсутствии явного прижизненного распоряжения наследники могут приобретать полномочия по управлению и распоряжению этими данными (по аналогии с правомочиями собственника), что позволило бы им косвенно обеспечивать охрану посмертной конфиденциальности, выступая в роли своеобразных хранителей интересов покойного [Malgieri 2018:5-6, 20].

[4] «Посмертная конфиденциальность» используется как условное обозначение совокупности правовых механизмов, направленных на охрану нематериальных благ умершего лица (репутации, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки) и регулирование доступа третьих лиц к соответствующим сведениям после открытия наследства. Термин не имеет нормативного закрепления и применяется в аналитических целях

Н.М. Банта придерживается позиции, согласно которой в отсутствие явных распоряжений лица относительно своих цифровых объектов закон должен предоставлять право решать их судьбу близким родственникам или назначенным исполнителям завещания (душеприказчикам). Исследователь исходит из того, что подобная презумпция является справедливой, поскольку именно близкие, знавшие умершего при жизни, его характер и систему ценностей, находятся в наилучшем положении, чтобы понять его подлинные, хотя и невыраженные, намерения. Они способны принять взвешенное решение о том, что соответствовало бы воле умершего, будь то сохранение цифрового архива для памяти потомков, передача активов или, напротив, удаление личной информации в целях обеспечения неприкосновенности частной жизни. Этот подход, по мнению автора, ставит во главу угла уважение к предполагаемой воле умершего и интересы его семьи, а не корпоративные правила интернет-платформ, которые по умолчанию зачастую ведут к безвозвратной утрате цифрового наследия [Banta 2014:848-849, 853].

И. Маспес предлагает разграничивать учетную запись и ее содержание. Учетная запись в исследовании рассматривается как технический «ключ доступа», в то время как цифровые объекты внутри нее (файлы, переписка, публикации и т.д.) обладают самостоятельной правовой природой, варьирующейся от сугубо личных нематериальных благ до полноценных активов с экономической ценностью. Из этого разграничения следует, что требование наследников о «передаче учетной записи» неверно по существу, так как подменяет предмет наследования. В действительности предметом их интереса служит не этот технический ключ, а возможность получения личных данных умершего (доступ к цифровому наследию) либо осуществление прав в отношении определенного «цифрового контента» [Maspes 2022:412-413].

Иной подход к механизму доступа наследников предлагает Р. Каммингс. Она занимает строгую позицию, выступая против автоматического перехода прав доступа. По ее мнению, наследники могут получить доступ к цифровым объектам личного характера исключительно на основе прямо и недвусмысленно выраженного при жизни согласия наследодателя. В отсутствие такого согласия интернет-платформы должны обеспечить удаление соответствующих данных, не допуская их перехода к третьим лицам [Cummings 2014:442-444].

При анализе правовой природы цифровых объектов личного характера необходимо учитывать комплекс норм, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных и охрану интеллектуальной собственности. В совокупности эти нормы формируют специфический правовой статус данных объектов.

Дискуссия о механизмах охраны посмертной конфиденциальности закономерно перерастает в вопрос о пределах применимости и необходимости адаптации классических правовых механизмов защиты к цифровой среде. В более широком контексте правовое регулирование наследования сталкивается с фундаментальными вызовами. Появлением новых цифровых объектов, которые требуют правовой квалификации, и необходимостью определения условий их вовлечения в гражданский оборот, что влечет за собой переосмысление традиционных наследственно-правовых институтов [Василевская, Подузова, Тасалов 2021:10-11].

Таким образом, современная доктрина предлагает широкий спектр решений: от жесткого отрицания каких-либо прав наследников на цифровые объекты личного характера до попыток найти компромисс через использование правовых фикций (квазисубъекта, квазиимущества). Эти теоретические конструкции призваны обеспечить охрану цифрового наследия личности в условиях отсутствия самого субъекта права и формируют необходимый фундамент для последующего анализа конкретных нормативно-правовых решений, выработанных на уровне интеграционных объединений и национального законодательства различных государств.

3. Сравнительно-правовой анализ регулирования наследования цифровых объектов личного характера: опыт ЕС и зарубежных государств

В контексте международного и наднационального регулирования особый интерес представляет правовое регулирование в ЕС, обладающем развитой правовой системой. В ЕС отсутствует единый режим наследования цифровых объектов личного характера, правовое регулирование данной сферы фрагментарно и зависит от национальных правопорядков и условий пользовательских соглашений интернет-платформ. Это осложняет правоприменение, особенно в трансграничных делах, и снижает предсказуемость

защиты интересов наследников и посмертной конфиденциальности.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни и активного формирования обширного массива цифрового контента, создаваемого и используемого физическими лицами, важное значение приобретает аспект прижизненного планирования распоряжения этим контентом на случай смерти. В отсутствие правового регулирования интернет-платформы самостоятельно формируют частно-автономные механизмы прижизненного волеизъявления пользователя. Данные механизмы варьируются от опции полного запрета посмертного доступа до назначения доверенного лица или «цифрового наследника», чьи полномочия активируются после верификации смерти пользователя. Наличие таких инструментов свидетельствует о признании практической значимости проблемы и одновременно подчеркивает, что ее решение пока в значительной степени смещено в сферу договорного регулирования и корпоративных политик.

Между тем в ЕС сложились системные предпосылки для разработки общего подхода именно на наднациональном уровне. Во-первых, технологическая реальность такова, что граждане различных государств – членов ЕС используют одни и те же глобальные интернет-платформы, а значит, и правовые проблемы, с которыми сталкиваются их наследники (доступ к данным, удаление учетной записи, перевод в архивный режим и т.д.), по своей природе носят общий характер. В связи с этим представляется проблематичным, что правовой режим таких ситуаций может произвольно меняться в зависимости от национальной принадлежности наследодателя и применимого права. Во-вторых, на уровне ЕС уже сформирована правовая база в сфере защиты персональных данных, центральным элементом которой выступает Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/EC[5] (далее – Общий регламент о защите данных или GDPR). Однако действующее право ЕС ориентировано на защиту данных физических лиц при жизни и не распространяется на вопросы посмертной конфиденциальности и управления цифровым наследием, оставляя регулирование этих отношений на усмотрение государств – членов ЕС. Совокупность этих факторов указывает на институциональную и практическую целесообразность гармонизации подходов к наследованию цифровых объектов личного характера на уровне ЕС [Conti 2024:9-12].

В связи с этим последовательная гармонизация права ЕС в сфере наследования цифровых объектов личного характера представляется доктринально обоснованной и институционально логичной. Теоретической предпосылкой такого подхода может служить признание того факта, что определенная часть персональных данных и цифровых учетных записей, фактически обладающая свойствами оборотоспособности и представляющая охраняемую нематериальную ценность, способна становиться объектом наследственного правопреемства в функциональном смысле. Речь идет не о придании личной информации свойства обычного товара, свободно обращающегося на рынке, а о закреплении законного интереса правопреемников в осуществлении правомерного управления таким наследством, включающего право на доступ, архивацию и принятие решений, на основе предполагаемой воли умершего. Создание единообразного правового режима в данной области позволило бы дать системный ответ на технологические вызовы и обеспечить преемственность охраны частной жизни и автономии воли личности в цифровой среде и после ее смерти.

Особый интерес представляет анализ национального законодательства отдельных государств, демонстрирующих различные подходы к решению проблем цифрового наследования. Они представляют собой попытку найти баланс между принципом универсальности наследственного правопреемства, автономией воли наследодателя и охраной частных интересов в рамках собственных правовых традиций.

Важным для дискуссии стало решение Федерального суда Германии по делу о наследовании учетной записи в социальной сети. Суд, отойдя

[5] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). – *OJ L.* 119, 4.5.2016. P. 1-88. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (accessed date: 22.09.2025).

от первоначальной позиции нижестоящих инстанций, квалифицировал договор пользователя с интернет-платформой не как личное обязательство, а как имущественное право, подлежащее наследованию в рамках универсального правопреемства[6] [Гринь 2022:132]. Данное решение, опирающееся на применение общих положений наследственного права, фактически закрепило возможность перехода прав, связанных с цифровыми учетными записями, к наследникам в порядке универсального правопреемства, одновременно стимулировав аналогичные дискуссии в других государствах [Fuchs 2021:3-5; Fras 2021:70-75: Terletska 2023:47-49].

Более прогрессивный законодательный подход демонстрирует Франция, где принят Закон о цифровой республике (2016)[7]. Этот Закон, имплементирующий положения GDPR, прямо предоставляет физическим лицам право определять судьбу своих персональных данных после смерти. Гражданин может заранее дать общие или конкретные указания относительно хранения, удаления или передачи своих данных доверенному лицу или наследникам. Данные распоряжения регистрируются у третьих лиц или у самих поставщиков услуг, которые обязаны их исполнить. Французская модель, таким образом, вводит в правовое поле институт прижизненных цифровых распоряжений, ставя в центр правового регулирования принцип автономии воли пользователя [Terletska 2023:50-51][8].

Итальянское законодательство пошло по иному пути. Посредством Законодательного декрета № 101/2018[9], Италия использовала предоставленную GDPR возможность для государств ‑ членов ЕС устанавливать собственные правила в отношении данных умерших. Итальянский законодатель пошел дальше простого признания права на посмертные указания, распространив действие ключевых прав субъекта данных (доступ, исправление, удаление) на наследников и иных заинтересованных лиц, действующих для защиты интересов умершего. Фактически это означает опосредованное распространение права на неприкосновенность частной жизни на посмертный период, поскольку уполномоченные лица получают законные инструменты для управления цифровым наследием и защиты репутации покойного [Maspes 2022:409-411; Vigorito 2021:86-88].

В качестве примера также можно рассмотреть подход, реализованный в США через принятие Пересмотренного единообразного закона о доверительном доступе к цифровым активам 2015 г. (Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, RUFADAA)[10]. Данный закон не делает радикальных доктринальных выводов о природе цифровых объектов, а фокусируется на создании практических процедурных механизмов. Он устанавливает четкую иерархию источников правового регулирования, где прямое волеизъявление пользователя интернет-платформой, выраженное с помощью специальных онлайн-инструментов, обладает наивысшим приоритетом. При его отсутствии применяются условия пользовательского соглашения с интернет-платформой, и лишь в субсидиарном порядке вступают в действие диспозитивные нормы закона, предоставляющие доступ душеприказчику или личному представителю [Conway, Sheena 2017:4-8]. Этот прагматичный подход направлен на минимизацию конфликтов между наследниками и технологическими компаниями путем детального регулирования процесса взаимодействия [Edwards, Harbinja 2013:107-113].

---

[6] Bundesgerichtshof. Urteil vom 12. Juli 2018 – III ZR 183/17. Neue Juristische Wochenschrift (NJW). 2018. Heft 46. S. 2517. URL: https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Art=pm&Datum=2018-7&Gericht=bgh&anz=19&nr=85390&pos=14 (accessed date: 25.09.2025).

[7] Loi n 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. – *Journal officiel de la République française.* 8 octobre 2016. Texte n 1. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746 (accessed date: 25.09.2025)

[8] Commission nationale de l'informatique et des libertés (CNIL). *Données post-mortem: y a-t-il une vie numérique après la mort?* LINC. 3 février 2025. URL: https://linc.cnil.fr/Donnees_post-mortem_y_a-t-il_une_vie_numerique_apres_la_mort (accessed date: 25.09.2025).

[9] *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana.* 4 settembre 2018. Serie Generale. № 205. Decreto legislativo 10 agosto 2018, n. 101. Disposizioni per l'adeguamento della normativa nazionale alle disposizioni del Regolamento (UE) 2016/679… Codice redazionale: 18G00129. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2018/09/04/18G00129/sg (accessed date: 25.09.2025)

[10] Uniform Law Commission (ULC; National Conference of Commissioners on Uniform State Laws). Fiduciary Access to Digital Assets Act. Revised (2015). URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=f7237fc4-74c2-4728-81c6-b39a91ecdf22 (accessed date: 26.12.2025).

4. Законодательство РФ: пробелы и перспективы развития

Правовое регулирование процедуры наследования цифровых объектов личного характера в РФ характеризуется системными пробелами, порождающими правовую неопределенность и сложности в правоприменительной практике [Бордюговская 2023:109-110]. Центральная проблема заключается в попытке подвести новые цифровые реалии под устоявшиеся, но не рассчитанные на них категории гражданского права.

Статья 1112 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), определяющая наследство как совокупность вещей, иного имущества, имущественных прав и обязанностей, не дает однозначного ответа на вопрос о включении в наследственную массу личных учетных записей, переписки и т.д. Отдельные специалисты предлагают рассматривать учетные записи на интернет-платформах как мультимедийные продукты (ст. 1240 ГК РФ), если они соответствуют признакам данных сложных объектов, либо как интернет-сайты (составные произведения, ст. 1260 ГК РФ) [Гринь 2022:130]. Отсутствие установленных законом определений и официальных разъяснений Верховного Суда РФ порождает доктринальные дискуссии и, что важнее, препятствует выработке единообразных подходов в нотариальной и судебной практике. Более того, Федеральный закон РФ «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ[11] не содержит положений, касающихся посмертной судьбы данных, что формирует нормативный вакуум в сфере, имеющей принципиальное значение для регулирования цифрового наследия. По мнению Ю.С. Харитоновой, особенности правового режима различных групп цифровых объектов «…могут налагать на наследственный переход определенные требования, а в некоторых случаях вообще делать невозможным применение норм нотариального законодательства по переходу наследства к наследникам» [Харитонова 2024:77].

Правовой вакуум на практике заполняется пользовательскими соглашениями интернет-платформ, которые, как правило, содержат прямой запрет на передачу прав доступа третьим лицам, включая наследников. В результате возникает фундаментальный правовой конфликт: императивный принцип универсального наследственного правопреемства, закрепленный в ст. 1110 ГК РФ, фактически блокируется диспозитивными условиями пользовательских соглашений интернет-платформ. Наследники оказываются в полной зависимости от внутренней политики интернет-платформ, которые могут по своему усмотрению удалить учетную запись после получения свидетельства о смерти.

При разработке предложений по совершенствованию российского законодательства в сфере наследования цифровых объектов личного характера целесообразно учитывать практики, складывающиеся на внутреннем рынке цифровых услуг. Отдельные российские интернет-платформы уже вырабатывают внутренние регламенты обращения с учетными записями умерших пользователей. Например, социальная сеть «ВКонтакте» предусматривает возможность для родственников после предоставления подтверждающих документов удалить страницу или перевести ее в архивный режим[12]. Подобные решения представляют собой важный эмпирический факт, поскольку демонстрируют наличие социального запроса и попытку частного сектора компенсировать отсутствие правового регулирования.

Во-первых, подобные механизмы, устанавливаемые интернет-платформами, носят корпоративный характер и могут быть изменены платформой в любой момент. Во-вторых, они, как правило, не покрывают весь спектр ситуаций, значимых с точки зрения автономии воли, включая возможность назначения конкретного уполномоченного лица и дифференцированного доступа к различным категориям данных. В-третьих, процедуры подтверждения полномочий, зачастую сводящиеся к направлению копий документов в службу поддержки, не обеспечивают уровня гарантий, сопоставимого с нотариальными.

Сложившаяся практика подтверждает актуальность проблемы и одновременно выявляет пределы частно-автономных решений,

[11] Об обработке персональных данных : федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июля 2006 г. (ред. от 28 февраля 2025 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154. (дата обращения: 28.09.2025).

[12] «ВКонтакте» начала помечать страницы умерших пользователей. – *ТАСС*. 2020. 26 нояб. URL: https://tass.ru/obschestvo/10103257 (дата обращения: 28.09.2025).

демонстрируя необходимость правового регулирования, основанного на четких гарантиях и предсказуемых механизмах.

5. Перспективы действующих норм российского законодательства: охрана нематериальных благ и институт исполнителя завещания

Таким образом, формирование эффективного правового регулирования процедуры наследования цифровых объектов личного характера в РФ целесообразно строить не на отказе от действующих норм, а на развитии уже существующих институтов гражданского права. Наиболее перспективными в этом отношении являются два взаимодополняющих правовых института. С одной стороны, это нормы о защите нематериальных благ, обеспечивающие охрану частной жизни и иных личных неимущественных интересов. С другой стороны, это институт исполнителя завещания (душеприказчика), который потенциально способен обеспечить правомерное и нейтральное управление цифровым наследием. В совокупности эти элементы позволяют выстроить модель, учитывающую автономию воли наследодателя и снижающую конфликт интересов между наследниками. Одновременно такая модель создает правовые основания для взаимодействия с интернет-платформами в условиях, когда их пользовательские соглашения фактически подменяют собой публично-правовое регулирование.

Правовую основу для охраны цифровых объектов личного характера после смерти их создателя составляют положения главы 8 ГК РФ о нематериальных благах. Содержательное наполнение учетных записей, личная переписка, фотографии и иные цифровые формы самовыражения выступают современными проявлениями неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны и иных охраняемых законом благ (ст. 150 ГК РФ). Существенно, что действующее российское законодательство допускает посмертную охрану отдельных личных неимущественных благ. Так, ст. 152.1 ГК РФ предусматривает, что охрана изображения гражданина может осуществляться и после его смерти по требованию заинтересованных лиц. Эта норма демонстрирует, что охрана достоинства и отдельных личных интересов не исчерпывается моментом смерти и может распространяться на проявления личности в цифровой среде. Следовательно, заинтересованные лица обладают основанием требовать пресечения действий, нарушающих посмертную частную жизнь наследодателя, включая незаконное распространение его личных материалов, на основе общих способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) и положений о нематериальных благах (ст. 150 ГК РФ). Вместе с тем действующие нормы преимущественно носят охранительный характер и ориентированы на совершенные либо длящиеся нарушения. Специальный правовой механизм управления цифровым наследием, обеспечивающий реализацию прижизненной воли лица о сохранении, удалении или передаче конкретных цифровых объектов, при этом не закреплен.

Для реализации воли наследодателя требуется самостоятельный процедурный механизм, позволяющий инициировать удаление данных, передать архив конкретным адресатам или обеспечить архивирование учетной записи. Здесь ключевым может стать исполнитель завещания (душеприказчик), закрепленный в ст. 1134 ГК РФ. Душеприказчик является нейтральным и беспристрастным участником, чья единственная обязанность заключается в точном исполнении последней воли наследодателя, что снимает потенциальный конфликт интересов между наследниками. Именно институт исполнителя завещания способен выступить законным посредником, обеспечивающим взаимодействие между нормами наследственного права и политикой интернет-платформ. Для реализации этого потенциала необходимо законодательное наделение душеприказчика специальными полномочиями в цифровой сфере: правом на установление факта наличия учетных записей наследодателя, на обращение к интернет-платформам для исполнения конкретных прижизненных распоряжений умершего и на осуществление необходимых действий по управлению цифровым наследием при отсутствии таких распоряжений (по аналогии с охраной обычного наследства), направленных на сохранение памяти и защиту репутации покойного. Подобные изменения, внесенные в ГК РФ и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 г., создадут формальный правовой механизм вместо существующей практики неформальных запросов и зависимости от пользовательских соглашений интернет-платформ.

Таким образом, действующее законодательство РФ содержит в себе необходимые зачатки решения проблемы. Задача законодателя и правоприменителя заключается в том, чтобы

раскрыть этот потенциал в рамках главы 8 ГК РФ и, посредством целенаправленного расширения функций исполнителя завещания, превратить его в активного субъекта управления цифровым наследием.

6. Заключение

Проведенный анализ доктринальных подходов к наследованию цифровых объектов личного характера демонстрирует, что ни одна из существующих концепций не предлагает универсального и практически применимого решения. Модели, абсолютизирующие посмертную автономию воли, на практике могут вести к утрате цифрового наследия. Теоретические конструкции квазисубъекта или квазиимущества, будучи методологически сложными, ограничено пригодны для прямого перенесения в позитивное право, в частности, в российскую правовую систему. Процедурные механизмы, основанные на иерархии источников воли, эффективны для цифровых объектов, но не содержат критериев для соблюдения баланса интересов применительно к конфиденциальным данным.

В связи с этим формирование сбалансированного режима в России должно основываться не на радикальных доктринальных новациях, а на адаптации и развитии существующих институтов. Центральное место в предлагаемой модели может занять исполнитель завещания (душеприказчик), законодательно наделенный специальными полномочиями по управлению цифровым наследием. Его роль заключается не в автоматическом получении доступа, а в правомерной реализации воли наследодателя, которая может быть установлена как через прямое распоряжение, так и посредством процедурно обеспеченного выявления его наиболее вероятных намерений [Игбаева, Гревцева 2023:29]. Для определенных категорий цифровых объектов личного характера при отсутствии выраженной воли наследодателя целесообразно разработать специальный механизм. Его задачей должно стать достижение баланса между охраной посмертной частной жизни, наиболее вероятной волей умершего, законными интересами наследников и правами третьих лиц, чьи интересы могут оказаться затронутыми (например, право на тайну переписки корреспондентов умершего). Такой подход позволит преодолеть правовую неопределенность, обеспечив уважение к автономии личности, охрану ее посмертных нематериальных интересов и предоставив наследникам предсказуемые правовые инструменты.

Список литературы

1. Алиев Д.М. 2025. Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 91-102. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/2891 (дата обращения: 17.01.2026).
2. Ахмадуллина А.Ф. 2022. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях. – *Lex russica*. Т. 75. № 12. С. 130-144. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2782/1313 (дата обращения: 04.10.2025).
3. Бордюговская А.А. 2023. Проблемы наследования цифрового имущества. – *Журнал правовых и экономических исследований*. № 3. С. 107-113. URL: https://giefjournal.ru/node/2095 (дата обращения: 04.10.2025)
4. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. 2021. *Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование)*. Монография. В 5 т. Отв. ред. Л.Ю. Василевская. Т. 1. Москва: Проспект. 367 с.
5. Гринь Е.С. 2022. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт. – *Актуальные проблемы российского права*. Т. 17. № 2. С. 128-134. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/3120 (дата обращения: 04.10.2025).
6. Игбаева Г.Р., Гревцева В.А. 2023. Вопросы цифрового наследования: особенности наследования аккаунта в социальных сетях. – *Правда и закон*. № 1 (23). С. 25-32. URL: https://skspba.ru/wp-content/uploads/2023/04/1.2023-1.pdf (дата обращения: 04.10.2025).
7. Суворов Е.Д. 2022. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом. – *Lex russica*. Т. 75. № 1. С. 109-121. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2259 (дата обращения: 04.10.2025).
8. Торкунова Е.А. 2025. Право на целостность личности в европейской системе защиты прав человека. – *Международное публичное и частное право*. № 4. С. 39-44. URL: https://lawinfo.ru/articles/12337/pravo-na-celostnost-licnosti-evropeiskoi-sisteme-zashhity-prav-celoveka (дата обращения: 17.01.2026).
9. Харитонова Ю.С. 2024. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства. – *Право. Журнал ВШЭ*. Т. 17. № 2. С. 74-95. URL: https://law-journal.hse.ru/article/view/21735 (дата обращения: 25.09.2025).
10. Banta N.M. 2014. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing or Deleting Digital Assets at Death. – *Fordham Law Review*. Vol. 83. No. 2. P. 799-854. URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol83/iss2/16/ (accessed date: 25.09.2025).
11. Buitelaar J.C. 2017. Post-mortem privacy and informational self-determination. – *Ethics and Information Technology*. Vol. 19. P. 129-142. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-017-9421-9 (accessed date: 25.09.2025).

12. Conti Y. 2024. Electronic Communications of Deceased Users: How European Law Can Help Strike a Balance Between Post-Mortem Access and Privacy. – *SSRN*. URL: https://ssrn.com/abstract=4934731 (accessed date: 02.10.2025).
13. Conway H., Grattan S. 2017. The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. – Modern Studies in Property Law. Eds. by H. Conway, R. Hickey Vol. 9. P. 99-115. *Queen's University Belfast Law Research Paper*. No. 2021-126. URL: https://ssrn.com/abstract=3289171 (accessed date: 02.10.2025).
14. Cummings R.G. 2014. The Case Against Access to Decedents' E-mail: Password Protection as an Exercise of the Right to Destroy. – *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. Vol. 15. No. 2. P. 897-947. URL: https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol15/iss2/5/ (accessed date: 07.10.2025).
15. De Miguel Beriain I., Duarte Sánchez A., Castillo Parrilla J. 2021. What Can We Do with the Data of Deceased People? A Normative Proposal. – *European Review of Private Law*. Vol. 29. No. 5. P. 785–806. URL: https://d-nb.info/1257421255/34 (accessed date: 28.09.2025).
16. Edwards L., Harbinja E. 2013. Protecting Post-mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World. – *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal*. Vol. 32. No. 1. P. 101-147. URL: https://uhra.herts.ac.uk/id/eprint/4831/1/Edwards.Galleyed_GOOD.pdf (accessed date: 02.10.2025).
17. Fras M. 2021. Succession of Digital Goods. A Comparative Legal Study. – *Review of European and Comparative Law*. Vol. 47. No. 4. P. 67-81. URL: https://czasopisma.kul.pl/index.php/recl/article/view/12859 (accessed date: 02.10.2025).
18. Fuchs A. 2021. What happens to your social media account when you die? The first German judgments on digital legacy. – *ERA Forum*. Vol. 22. P. 1-7. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12027-021-00652-y (accessed date: 02.10.2025).
19. Haneman V.J. 2025. The law of digital resurrection. – *Boston College Law Review*. Vol. 66. No. 5. P. 1569-1626. URL: https://bclawreview.bc.edu/articles/3205/files/68389b44a7eae.pdf (accessed date: 17.01.2026).
20. Harbinja E. 2017. Post-mortem privacy 2.0: theory, law, and technology. – *International Review of Law, Computers & Technology*. Vol. 31. No. 1. P. 26-42. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600869.2017.1275116 (accessed date: 07.10.2025).
21. Harbinja E., McVey M., Edwards L. 2024. Post-mortem privacy and digital legacy – a qualitative enquiry. – *SCRIPTed: A Journal of Law, Technology and Society*. Vol. 21. No. 1. P. 4-39. URL: https://pureadmin.qub.ac.uk/ws/portalfiles/portal/623167448/2_Post_-_mortem_privacy_and_digital_legacy_-_a_qualitative_enquiry.pdf (accessed date: 25.09.2025).
22. Malgieri G. 2018. R.I.P.: Rest in Privacy or Rest in (Quasi-) Property? Personal Data Protection of Deceased Data Subjects between Theoretical Scenarios and National Solutions. – *Data Protection and Privacy: The Internet of Bodies*. Brussels: Hart Publishing. Eds. by R. Leenes, R. van Brakel, S. Gutwirth, P. de Hert. URL: https://ssrn.com/abstract=3185249 (accessed date: 07.10.2025).
23. Maspes I. 2022. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts. – *The Italian Law Journal*. Vol. 8. No. 1. P. 407-423. URL: https://theitalianlawjournal.it/data/uploads/8-italj-1-2022/407-mapes.pdf (accessed date: 07.10.2025).
24. Terletska M. 2023. Post-mortem privacy and the latest GDPR legislative shifts. – *L'Europe Unie / United Europe*. Vol. 20. P. 44-53. URL: https://zenodo.org/records/15194540 (accessed date: 04.10.2025).
25. Vigorito A. 2021. Postmortem Exercise of Data Protection Rights: the Apple Case. – *Roma Tre Law Review*. No. 2. P. 83-92. URL: https://romatrepress.uniroma3.it/wp-content/uploads/2022/03/RTLR-2-2021.pdf (accessed date: 04.10.2025).

References

1. Akhmadullina A.F. Grazhdansko-pravovoe znachenie akkauntov v sotsial'nykh setyakh [The civil law meaning of social media accounts]. – *Lex russica*. 2022. T. 75. No. 12. S. 130-144. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2782/1313 (data obrashcheniya: 04.10.2025).
2. Aliev D.M. Kontseptsiya tselostnosti lichnosti i neiroprava: obzor diskussionnykh voprosov [The Concept of The Integrity of the Person and Neurorights: A Review of Controversial Issues.]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2025. No. 3. S. 91-102. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/2891 (data obrashcheniya: 17.01.2026).
3. Banta N.M. Inherit the Cloud: The Role of Private Contracts in Distributing or Deleting Digital Assets at Death. – *Fordham Law Review*. 2014. Vol. 83. No. 2. P. 799-854. URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol83/iss2/16/ (accessed date: 25.09.2025).
4. Bordyugovskaya A.A. Problemy nasledovaniya tsifrovogo imushchestva [Problems of inheritance of digital property]. – *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovanii [Journal of Legal and Economic Research]*. 2023. No. 3. S. 107-113. URL: https://giefjournal.ru/node/2095 (data obrashcheniya: 04.10.2025).
5. Buitelaar J.C. Post-mortem privacy and informational self-determination. – *Ethics and Information Technology*. 2017. Vol. 19. P. 129-142. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10676-017-9421-9 (accessed date: 25.09.2025).
6. Conti Y. Electronic Communications of Deceased Users: How European Law Can Help Strike a Balance Between Post-Mortem Access and Privacy. – *SSRN*. 2024. URL: https://ssrn.com/abstract=4934731 (accessed date: 02.10.2025).
7. Conway H., Grattan S. The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. – Modern Studies in Property Law. Eds. by H. Conway, R. Hickey Vol. 9. P. 99-115. – *Queen's University Belfast Law Research Paper*. 2017. No. 2021-126. URL: https://ssrn.com/abstract=3289171 (accessed date: 02.10.2025).
8. Cummings R.G. The Case Against Access to Decedents' E-mail: Password Protection as an Exercise of the Right to Destroy. – *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 897-947. URL: https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol15/iss2/5/ (accessed date: 07.10.2025).
9. De Miguel Beriain I., Duarte Sánchez A., Castillo Parrilla J. What Can We Do with the Data of Deceased People? A Normative Proposal. – *European Review of Private*

Law. 2021. Vol. 29. No. 5. P. 785-806. URL: https://d-nb.info/1257421255/34 (accessed date: 28.09.2025).
10. Edwards L., Harbinja E. Protecting Post-mortem Privacy: Reconsidering the Privacy Interests of the Deceased in a Digital World. – *Cardozo Arts & Entertainment Law Journal.* 2013. Vol. 32. No. 1. P. 101-147. URL: https://uhra.herts.ac.uk/id/eprint/4831/1/Edwards.Galleyed_GOOD.pdf (accessed date: 02.10.2025).
11. Fras M. Succession of Digital Goods. A Comparative Legal Study. – *Review of European and Comparative Law.* 2021. Vol. 47. No. 4. P. 67-81. URL: https://czasopisma.kul.pl/index.php/recl/article/view/12859 (accessed date: 02.10.2025).
12. Fuchs A. What happens to your social media account when you die? The first German judgments on digital legacy. – *ERA Forum.* 2021. Vol. 22. P. 1-7. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12027-021-00652-y (accessed date: 02.10.2025).
13. Grin' E.S. Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setyakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Inheritance of social media accounts: Russian and foreign experience]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law].* 2022. Vol. T. 17. No. 2. S. 128-134. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/3120 (data obrashcheniya: 04.10.2025).
14. Haneman V.J. The law of digital resurrection. – *Boston College Law Review.* 2025. Vol. 66. No. 5. P. 1569-1626. URL: https://bclawreview.bc.edu/articles/3205/files/68389b44a7eae.pdf (accessed date: 17.01.2026).
15. Harbinja E. Post-mortem privacy 2.0: theory, law, and technology. – *International Review of Law, Computers & Technology.* 2017. Vol. 31. No. 1. P. 26-42. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600869.2017.1275116 (accessed date: 07.10.2025).
16. Harbinja E., McVey M., Edwards L. Post-mortem privacy and digital legacy – a qualitative enquiry. – *SCRIPTed: A Journal of Law, Technology and Society.* 2024. Vol. 21. No. 1. P. 4-39. URL: https://pureadmin.qub.ac.uk/ws/portalfiles/portal/623167448/2_Post_-_mortem_privacy_and_digital_legacy_-_a_qualitative_enquiry.pdf (accessed date: 25.09.2025).
17. Igbaeva G.R., Grevtseva V.A. Voprosy tsifrovogo nasledovaniya: osobennosti nasledovaniya akkaunta v sotsial'nykh setyakh [Issues of digital inheritance: features of account inheritance in social networks]. – *Pravda i zakon [Truth and law].* 2023. No. 1 (23). S. 25-32. URL: https://skspba.ru/wp-content/uploads/2023/04/1.2023-1.pdf (data obrashcheniya: 04.10.2025).
18. Kharitonova Yu.S. Nasledovanie legalizovannykh tsifrovykh aktivov: kollizii i vozmozhnye napravleniya sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva [Inheritance of legalized digital assets: conflicts and possible ways to improve Russian legislation]. – *Pravo. Zhurnal VShE [Right. HSE Journal].* 2024. T. 17. No. 2. S. 74-95. URL: https://law-journal.hse.ru/article/view/21735 (data obrashcheniya: 25.09.2025).
19. Malgieri G. R.I.P.: Rest in Privacy or Rest in (Quasi-) Property? Personal Data Protection of Deceased Data Subjects between Theoretical Scenarios and National Solutions. – *Data Protection and Privacy: The Internet of Bodies. Brussels: Hart Publishing.* Eds. by R. Leenes, R. van Brakel, S. Gutwirth, P. de Hert. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3185249 (accessed date: 07.10.2025).
20. Maspes I. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts. – *The Italian Law Journal.* 2022. Vol. 8. No. 1. P. 407-423. URL: https://theitalianlawjournal.it/data/uploads/8-italj-1-2022/407-mapes.pdf (accessed date: 07.10.2025).
21. Suvorov E.D. Primenenie printsipov dogovornogo prava k dogovornym otnosheniyam, oslozhnennym tsifrovym elementom [The application of the principles of contract law to contractual relations complicated by the digital element]. – *Lex russica.* 2022. T. 75. No. 1. S. 109-121. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/2259 (data obrashcheniya: 04.10.2025).
22. Terletska M. Post-mortem privacy and the latest GDPR legislative shifts. – *L'Europe Unie / United Europe.* 2023. Vol. 20. P. 44-53. URL: https://zenodo.org/records/15194540 (accessed date: 04.10.2025).
23. Torkunova E.A. Pravo na tselostnost' lichnosti v evropeiskoi sisteme zashchity prav cheloveka [The right to Integrity of the Person in the European human rights protection system]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo [International Public and Private Law].* 2025. No. 4. S. 39-44. URL: https://lawinfo.ru/articles/12337/pravo-na-celostnost-licnosti-evropeiskoi-sisteme-zashhity-prav-celoveka (data obrashcheniya: 17.01.2026).
24. Vasilevskaya L.Yu., Poduzova E.B., Tasalov F.A. *Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie) [Digitalization of civil turnover: problems and development trends (a civilistic study)].* Monografiya. V 5 t. Otv. red. L.Yu. Vasilevskaya. T. 1. Moscow: Prospekt. 2021. 367 s.
25. Vigorito A. Postmortem Exercise of Data Protection Rights: the Apple Case. – *Roma Tre Law Review.* 2021. No. 2. P. 83-92. URL: https://romatrepress.uniroma3.it/wp-content/uploads/2022/03/RTLR-2-2021.pdf (accessed date: 04.10.2025).

Информация об авторе

Анна Геннадиевна ШИПИКОВА
Судья, Московский городской суд

Богородский вал, 8, Москва, 107076, Российская Федерация

Shipikova-@mail.ru
ORCID 0009-0007-4065-5158

About the Author

Anna G. SHIPIKOVA
Judge, Moscow City Court

8, Bogorodsky Val, Moscow, Russian Federation, 107076

Shipikova-@mail.ru
ORCID 0009-0007-4065-5158

Издательский дом МГИМО, переплетая Запад и Восток, продолжает традиции Типографии Лазаревского института восточных языков, основанной в 1829 году

МГИМО
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

1829

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

- международные отношения
- страны и регионы мира
- мировая экономика
- международное право
- иностранные языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru